ISSN 2078-7898

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Серия ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2013

Выпуск 4 (16)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education «Perm State National Research University»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия (ПИ № ФС77-53180 от 14 марта 2013 г.)

Территория распространения — Российская Федерация

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» на 2013 год — 41011

© ФГБОУ ВПО «ПГНИУ», 2013

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)
Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук)

ФИЛОСОФИЯ
Владимир Николаевич Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *Владимир Вячеславович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ
Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Асия Гарафовна Исмагилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *Александр Октябринович Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула)

СОЦИОЛОГИЯ
Анатолий Григорьевич Антипьев (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Галина Ивановна Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва)

Международный редакционный совет
Джорджио Де Маркис (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен МакДауэлл* (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Рьюз* (профессор философского факультета, Университет штата Флорида, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Александр Строканов* (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, Вермонт, США), *Дмитрий Широканов* (профессор, докт, филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия), *Жига Кнап* (профессор, докт. философии, Люблянский университет, Словения), *Исаак Эберштейн (*профессор социологии, заведующий кафедрой социологии, университет штата Флорида, США)

Адрес редакционной коллегии
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru, fsf-vestnik@yandex.ru.
Web-site: http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Исторический процесс и глобализация ***Л.А. Мусаелян***	5	Historical process and globalization methodological ***Lyeva A. Musayelyan***
Стабильность социокультурной динамики в условиях современного информационного общества: философский анализ ***А.Т. Каюмов***	13	The stability of socio-cultural dynamics in conditions of modern informational society: philosophical analysis ***Aidar T. Kayumov***
Теории цивилизационных трансформаций и ориентиры нового социального мышления ***Е.В. Чащин***	18	Theory of civilizational transformations and guidelines of the new social thinking ***Elisey V. Chashchin***
Концепции исторического нарратива в современной философии истории ***Е.В. Мишалова***	26	Conception of historic narrative in the modern philosophy of history ***Elena V. Mishalova***
Личность как интегратор культуры ***О.П. Скидан, М.В. Ненашева***	31	Personality as integrator of culture ***Olga P. Skidan, Marina V. Nenasheva***
Онтологические основания творчества в различных философских системах ***Т.Ф. Сулейманов, У.А. Кашапов***	40	Ontological basis of creativity in different philosophical systems ***Timur F. Suleimanov, Ural A. Kashapov***
Деятельность, субъект, объект (категориально-логический портрет) ***Л.Е. Балашов***	46	Activity, subject, object (categorical logic portrait) ***Leo E. Balashov***
О проблеме идентификации «души» человека в структуре духовной реальности ***Г.П. Меньчиков***	57	About problem of identificaion of person's «soul» in the structure of the spiritual reality ***Gennady P. Menchikov***
Настоящее и будущее философии жизни ***Т.Б. Любимова***	65	Philosophy of life: today and tomorrow ***Tatiana B. Lubimova***
Психологические основания идеализма Платона ***Б.В. Сапрыгин***	74	The psychological basis of Plato's idealism ***Boris V. Saprygin***
Понимание справедливости Джоном Локком ***Д.И. Кирюхин***	83	John Locke's understanding of justice ***Denys I. Kiryukhin***

Проблема соотношения языка и реальности в структурной антропологии К. Леви-Строса. Анализ структурного метода в исследовании систем родства первобытных племен
Е.А. Кокарева
89
Problem of language and reality correlation in structural antropology of K. Levi-Straus. Analysis of structural method in research of primitive tribes systems of relationship
Elena A. Kokareva

О специфике паранауки в современной культуре в аспекте естественно-научного знания
А.А. Андреев
98
About specificity parascience in modern culture in aspect natural-science knowledge
Artyom A. Andreev

К вопросу о принципиальной возможности аксиоматической перестройки произвольной научной теории
А.М. Воин
101
On principal possibility of axiomatic reconstruction of scientific theories
Alexander M. Voin

Методологический анализ и основания принципа унификации
Е.А. Безлепкин, А.Ю. Сторожук
110
Methodological analysis and unify principles foundations
Eugeniy A. Bezlepkin, Anna Y. Storozhuk

Становление философии техники в контексте неклассической методологии науки
О.Ф. Терешкун
120
Formation of philosophy of technology in the context of nonclassical scientific methodology
Oksana F. Tereshkun

ПСИХОЛОГИЯ

Роль обучения иностранным языкам в контексте развивающих тенденций профессионального и личностного становления студентов нелингвистических вузов
Л.П. Гадзаова
127
Role of foreign languages instruction in context of evolutive tendencies of professional and personal becoming of non-linguistic universities students
Lyudmila P. Gadzaova

Восприятие профессии преподавателя английского языка студентами языковой специальности вуза
Т.М. Пермякова, М.С. Шевелева
137
Perception of english language teaching profession by university students
Tatyana M. Permyakova, Marina S. Sheveleva

Категория корпоративной культуры в психологии управления
И.В. Долгополова
144
Category of corporate culture in management psychology
Irina V. Dolgopolova

Репликация исследования С. Московичи: методологические трудности, результаты
И.В. Смирнова
149
Replication of S. Moskovichi's research: methodologal challenges, results
Irina V. Smirnova

Депрессия зрителей после восприятия художественных кинофильмов с насилием в связи с чертами личности
М.В. Зубакин
158
Depression spectators after the perception of feature films with violence in connection with features of a personality
Maxim V. Zubakin

СОЦИОЛОГИЯ

Эссенциальные и нарративные идентичности в интерпретативной социологии ***Ю.В. Ставропольский***	170	Essential vs. narrative identities in interpretative sociology ***Julius V. Stavropolsky***
Труд и его социальные аспекты в контексте научного знания ***Ф.Р. Хагур***	177	Labor and its social aspects in the context of scientific knowledge ***Fatima R. Hagur***
Теоретико-методологические аспекты изучения лояльности персонала организаций ***Т.В. Позднякова***	183	Theoretical and methodological aspects an loyalty of the staff of organizations analysis ***Tatyana V. Pozdnyakova***
Культурно-информационное пространство детства: риски и ресурсы социальной защиты ***А.Г. Филипова***	188	Cultural-informativ space of childhood: risks and resourses of social pronektion ***Alexandra G. Filipova***
Информация для авторов	198	Instructions for English speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1.316

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Л.А. Мусаелян

Глобализация является одним из наиболее употребляемых и в то же время неопределенных понятий. Количество публикаций, посвященных этой теме, не поддается счету, но в большинстве из них не показывается связь глобализации с историческим процессом. В данной работе предпринимается попытка выявить связь глобализации с историческим процессом, показать фундаментальные антропологические основания этого феномена. В статье рассматривается связь «цветных революций», демократизации общественной жизни с историческим процессом и его закономерностями. Анализируются разные подходы к пониманию природы глобализации, дается определение этого явления, подчеркивается его обусловленность общественным производством.

Ключевые слова: исторический процесс; рост основательности истории; цветные революции; демократия; институционализация; глобализация.

Тема настоящей статьи навеяна бурными событиями в Северной Африке и на Ближнем Востоке, начавшимися в 2010 г. и продолжающимися по настоящее время. Проблема «цветных революций», конкретным проявлением которых была «арабская весна», широко освещалась в СМИ, стала предметом дискурса многих политиков, политологов и историков и в меньшей степени философов. Возможно, именно поэтому в большинстве публикаций на эту тему превалирует феноменологический подход, позволяющий в лучшем случае раскрыть «технологию» цветных революций или конкретные социально-экономические и политические условия «транзита демократии». Значимость и даже важность подобных исследований не вызывают сомнений. Однако они не отменяют необходимость философского анализа проблемы, раскрывающего сущность происходящих событий и их связь с глубинными тенденциями исторического процесса. Глобализация, несомненно, относится к числу заметных явлений современной эпохи, которая дает о себе знать практически во всех сферах общественной жизни. Даже «цветные революции» обрели глобальный характер. Возникает вопрос, каковы сущность и онтологическая основа глобализации, есть ли связь между глобализацией и историческим процессом, глобализацией и цветными революциями.

Современная Россия интегрирована в глобальное экономическое, финансовое, политическое, культурное пространство и поэтому процессы, происходящие в мире и вблизи её границ, так или иначе дают о себе знать в стране, затрагивают стратегические интересы нашего государства. В этой связи знание и учёт сущностных тенденций развития человечества, способность прогнозировать возникающие проблемы является необходимым условием эффективной внутренней и внешней политики государства.

«Арабская весна» и многотысячные демонстрации в декабре–феврале 2011–2012 гг. у нас в стране дают основание вспомнить почти забытое современным обществознанием открытие Маркса — закон роста основательности истории. Теоретически обоснованный вывод о росте основательности истории вытекает из материалистического понимания исторического процесса. Эта концепция показывает, что каждая ступень исто-

* Статья подготовлена при поддержке гранта ЕЗН Минобрнауки «Научная философия и проблема модернизации России» № 8.5595.2011.

Мусаелян Лева Асканазович — доктор философских наук, профессор кафедры философии; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; lmusaelyan@yandex.ru.

рии застает в наличии определённую сумму производительных сил, капиталов, социальных форм общения, которые, с одной стороны, предписывают существующему поколению его условия жизни и направление последующего движения, а с другой, видоизменяются новым поколением [18, с. 37]. В силу того что каждое новое поколение не просто перенимает от предшествующих «эту реальную основу истории», но и видоизменяет, обогащает её, исторический процесс приобретает аккумулятивный характер. В этой связи рост основательности истории и её ускорение являются сущностными тенденциями развития человечества. Люди сами делают свою историю, поэтому «вместе с основательностью исторического действия, — писал Маркс, — будет… расти и объём массы, делом которой оно является» [19, с. 90]. Теоретически осмыслив развитие человечества, В.И. Ленин в свою очередь подтверждает вывод К. Маркса и Ф. Энгельса: «По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем» [13, с. 539–540].

Закон роста основательности истории имеет и политический контекст, который изначально оказался вне внимания исследователей. «…Основа, на которой каждый новый класс устанавливает своё господство, шире той основы, на который опирался класс господствовавший до него…» [18, с. 48]. Отсюда следует, что демократизация общественной жизни является определяющей тенденцией развития человечества. Поэтому в современную эпоху демократия становится наиболее распространённой формой (режимом) правления [12, с. 16]. В свете сказанного напрашивается вывод, что политика «транзита демократии», демонстративно проводимая США и их союзниками, вовсе не является случайностью.

В оценке природы «цветных революций» и их закономерности среди политиков и исследователей нет единого мнения. С точки зрения одних, «цветные революции» не имеют основания в объективных тенденциях развития человечества. Это всецело рукотворный процесс «ненасильственного» свержения власти, осуществляемый по хорошо отработанной технологии внутренней оппозицией, организованной, финансируемой и управляемой извне [см.: 8, 24, 26]. С точки зрения других, это феномен глобального политического пробуждения народов, которые поднимаются на борьбу с авторитарными режимами своих стран при моральной и политической поддержке свободного мира [см.: 4, 27]. Очевидно, что при такой интерпретации «цветные революции» приобретают иной контекст. Они соответствуют общему вектору развития человечества и поэтому являются закономерными и ожидаемыми. Это позволяет вуалировать внешнее вмешательство во внутренние дела суверенных государств, которое нередко оказывается определяющим в исходе событий. Какая из приведённых точек зрения является правильной? Строго говоря, ни одна, хотя в каждой из них есть свой резон. Поясним свою позицию.

Признаки демократического общества общеизвестны. Это верховенство Конституции и законов, равенство всех перед законом, исключительность закона, народовластие, основанное на свободном волеизъявлении граждан во время выборов, невозможность властных или иных структур влиять на результаты выборов, справедливость как базовый принцип организации общественной жизни и т.д. Демократизация общественной жизни, обусловленная ростом основательности исторического процесса, означает расширение социальных и юридических механизмов, обеспечивающих реальные права и свободы граждан. Поскольку права и свободы есть условие и способ самореализации и саморазвития индивидов, можно сказать, что демократизация общественной жизни ведёт к её гуманизации, превращению человека в высшую ценность. Гуманизация политической системы и общества в целом есть индикатор развития демократии. В то же время гуманизация политической сферы общественной жизни есть верное средство повышения эффективности деятельности власти, ибо она находит понимание и поддержку со стороны граждан. Поэтому гуманизация есть способ расширения социальной базы власти и, следовательно, её основательности и устойчивости.

Среди факторов, влияющих на активность граждан, на наш взгляд, определяющее значение имеют следующие: насколько политика властей отвечает интересам народа, прозрачная и понятная для населения деятельность властей, наличие в обществе политико-правовых инструментов контроля и влияния на власть. Эти признаки отличают реальную («работающую») демократию от формальной (имитационной). При реальной демократии власть имеет широкую поддержку среди народа, она основательна и прочна и никакие революции ей не страшны. И. Гердер сравнивал государство с пирамидой, которая стоит на широком основании. Понятно, что, чем шире основание, т.е. социальная база, тем прочнее власть

государства. По мысли философа, в природе человека не заложена необходимость существования для него господина, деспота. «Человек, нуждающийся в господине, животное», — утверждал учёный [6, с. 249]. Государство, по мнению немецкого просветителя, есть машина, которая подавляет свободу, угнетает человека, «превращая его в “винтик” такой машины» [6, с. 226]. «Самый лучший правитель, — пишет в этой связи Гердер, — тот, кто в меру своих возможностей способствует наступлению такого состояния, при котором человечеству, наконец (когда же это будет?), не нужны будут никакие правители… Народу нужен господин до тех пор, пока у него нет своего разума: чем больше у народа появляется разума и способностей к самоуправлению, тем слабее должно становиться правительство, а под конец и вовсе исчезнуть» [цит. по: 9, с. 637].

В воззрениях Гердера представляется важной позитивная оценка тех действий правителя, которые приводят к демократизации государства, гуманизации общества, что, по мнению философа, соответствует природе человека. Возвращаясь к двум разным точкам зрения относительно природы «цветных революций», можно сказать, что они становятся возможными потому, что нарушаются объективные тенденции исторического процесса и в этом плане «цветные революции» объективно обусловлены. Они происходят лишь там, где властвующая политическая элита становится всё более закрытой, автономной и самодостаточной, а существующие демократические институты носят преимущественно имитационный характер, что позволяет создавать скрытые механизмы укрепления, наследования власти и минимизировать политическую конкуренцию, где существует отчуждение народа от власти и власти от народа, где историческая миссия последнего сводится лишь к формальному участию в выборах раз в четыре или пять лет. В описанном случае государство напоминает гердеровскую пирамиду, стоящую не на широком основании (как должно быть), а на вершине её острия [21]. Именно поэтому её легко раскачать и опрокинуть. Это становится возможным потому, что политический режим формальной демократии, с одной стороны, вызывает недовольство народа, а с другой, создаёт институциональные условия непубличного внешнего влияния глобальных управленческих структур на внутренние дела суверенных государств. Морально-правовым основанием такого вмешательства являются требования соблюдения прав человека (права человека входят и в юрисдикцию международного права), формирование «работающих» демократических институтов, обеспечивающих проведение честных выборов и возможность смены властных элит. Эти и другие подобные призывы, отражающие общий тренд развития человечества, оказываются созвучными настроениям масс, что и позволяет вывести под знамёна революционеров десятки и сотни тысяч людей, испытывающих эйфорию от осознания возможности взять свою судьбу в собственные руки и оказать влияние на ход истории. В свете изложенного можно сказать, что формально «цветные революции» происходят в русле общей тенденции развития человечества — роста основательности исторического процесса. Однако, как показывают события, целью творцов «цветных революций» является не защита прав и свобод народных масс в той или иной стране, не вовлечение их в активную общественную и политическую жизнь с тем, чтобы сам народ решал свою собственную судьбу и реализовал своё законное право на выбор путей развития. По существу «цветные революции» — это изощрённый и циничный способ целенаправленного использования пробуждающейся энергии народных масс для защиты экономических и геополитических интересов главных акторов современного исторического процесса. Однако не всякая пробуждающаяся энергия масс может вылиться в «цветную революцию». Во-первых, энергия должна достичь определённого критического уровня. Поэтому цветным революциям предшествует основательная подготовительная работа глобальных теневых структур по созданию ситуации «управляемого хаоса» [см. об этом: 8, 26]. Ошибки властей (а то и их антинародная политика) и формально существующие демократические институты являются условием такой работы. В этой связи точка зрения исследователей, считающих, что «цветные революции» носят рукотворный характер, имеет определённые основания. Об этом свидетельствует и тот факт, что революции происходят не обязательно в тех странах, где существует жёсткий деспотический режим, и даже не там, где есть стихийно возникшее мощное протестное движение. Нередко подобные движения жёстко подавляются властями с привлечением вооружённых сил иностранных государств. При этом западные радетели демократии молчат, не проявляя никакого беспокойства по поводу нарушений прав человека, демократических свобод, угрозы гуманитарной катастрофы. Словом, политика «транзита демократии» носит избирательный характер. На

современном историческом этапе существуют государства, население которых стало предметом пристальной заботы творцов «цветных революций», и есть страны, народы которых оказываются вне их поля зрения. Эта избирательность определяется теми изменениями, которые привносит исторический процесс в современную экономическую и геополитическую архитектонику мира. Чтобы понять мотивы избирательного транзита демократии, необходимо вкратце остановиться на проблеме глобализации. Попытаемся выяснить, как связана глобализация с историческим процессом, а затем и с цветными революциями.

Кто изучал эту проблему, тот не может не согласиться с немецким исследователем У. Беком, который пишет: «Глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым и наименее прояснённым, вероятно, самым непонятным, затуманенным, политически эффектным словом (лозунгом, оружием, в споре) последних лет и останется таковым в ближайшее время» [2, с. 40]. В литературе существует много разных точек зрения относительно сущности глобализации, её начала, основных этапов, форм проявления. Анализ этих вопросов не входит в задачу данной статьи. Нас интересует прежде всего природа этого феномена. В понимании названной проблемы условно можно выделить три подхода. Одни считают, что глобализация — это объективный стихийный процесс, где субъективный фактор не является «ни исходным, ни ключевым в определении динамики и тенденций глобальных процессов» [28, с. 36]. Глобализация требует управления, ибо «мир глобальных отношений без эффективного управления обречён» [28, с. 37]. Другие, напротив, отказываются признавать объективность, спонтанность, бессубъектность этого явления. Но глобализация, с их точки зрения, управляемый процесс, результат сознательно реализуемой политики, создающий угрозу суверенитету государств и самому их существованию. Есть идеологи и творцы глобализации, выражающие определённые геополитические интересы [см.: 7, 8, 25]. В этих двух, кажется, полярных точках зрения есть единство, заключающееся в признании глобализации как важнейшего феномена современного мира, несущего опасность этому миру, потому что он носит стихийный, неуправляемый характер и потому что это управляемый, целенаправленный процесс. Как представляется, обе точки зрения являются результатом упрощенного одностороннего подхода к глобализации, рассматриваемой как самодостаточное явление вне её связи с историческим процессом. Не учитывается к тому же особенность законов общественной жизни и истории, являющихся результатом сложной диалектики субъективного и объективного (закономерного), сознательного и стихийного, свободы и необходимости. Глобализация есть одновременно объективный (закономерный) и субъективный, стихийный и сознательный процесс. В этой связи нам представляется более привлекательной точка зрения К.Х. Делокарова и других исследователей, которые видят в глобализации противоречивое единство двух процессов: естественной глобализации и искусственной, управляемой глобализации. Естественная глобализация — это глобализация «по горизонтали», а искусственная, управляемая глобализация — это глобализация «по вертикали» [10, с. 446]. Естественная глобализация, как отмечает И.М. Подзигун, — это добровольное восприятие различными социокультурными традициями достижений других социокультурных традиций. Искусственная глобализация — навязывание силой, обманом, подкупом или другими методами тех или иных представлений. Поскольку искусственная глобализация связана с насильственным внедрением ценностных установок и воззрений, то это, по мнению автора, революционный процесс [23].

В понимании природы глобализации последняя точка зрения, несомненно, имеет б*о*льший резон, нежели две другие, поскольку её сторонники признают сложный противоречивый характер этого процесса. Кроме того, следует признать правильным увязывание глобализации с «цветными революциями». Но выделение в глобализации искусственной компоненты нам представляется некорректным. Глобализация связана с историческим процессом, о чём пойдёт речь ниже. Поэтому признание искусственной компоненты в глобализации означает фактически отрицание объективности современного исторического процесса. Точно так же оказываются исключительно искусственными, рукотворными современные «цветные революции», не имеющие никакой связи с объективными тенденциями мирового исторического процесса. Такой подход, как нам кажется, опирается на ошибочное волюнтаристское понимание истории.

Для понимания природы глобализации необходимо проанализировать некоторые особенности исторического процесса, обусловленные его вкоренённостью в общественное производство [20]. Исторический процесс является поступательным движением общества, обусловленного его жизнедеятельностью. Понятно, что сама жизнедеятель-

ность общества представляется очень часто как неосознанный (стихийный) результат сознательной деятельности индивидов, из которых и состоит общество. «…Люди в своей сознательной деятельности, — пишет Рой Бхаскар, — по большей части бессознательно воспроизводят (и попутно преобразуют) структуры, направляющие их самостоятельные “производства”. Так люди вступают в брак не для того, чтобы поддержать нуклеарную семью, и работают не для того, чтобы поддержать жизнь капиталистического хозяйства. И тем не менее семья и хозяйство оказываются ненамеренным последствием (и неизбежным результатом), равно как и необходимым условием их деятельности» [5, с. 228]. Иначе говоря, по мнению английского философа, объективные тенденции, закономерности общественной жизни складываются стихийно, хотя каждый акт деятельности индивидов имеет сознательный характер. Но могут ли складывающиеся тенденции общественной жизни быть не стихийными процессами, а результатом сознательных целенаправленных действий людей. Безусловно, да, если люди познают объективные законы функционирования и развития общества и действуют в соответствии с ними. Совпадение направления деятельности людей с объективными законами развития общества является условием ускорения темпов исторического процесса и более рельефного проявления его глубинных трендов. Если целенаправленное коллективное воздействие людей на общественную жизнь противоречит глубинным тенденциям исторического процесса, это оборачивается масштабной растратой человеческих жизненных сил (Энгельс) и кризисными явлениями общественной жизни. Общество отбрасывается на десятки лет назад или, в лучшем случае, входит в состояние длительной стагнации. Очевидно, что в этих условиях ни о каких выраженных глубинных тенденциях развития не может быть и речи в силу отсутствия самого развития. Вышеизложенное выражает нашу позицию относительно дискуссии о природе глобализации — является ли этот феномен объективным (естественным) или рукотворным (искусственным) процессом. Глобализация не есть самодостаточное явление и потому понять её природу, сущность, содержание, форму(-ы) невозможно вне исторического процесса.

Согласно современным научным воззрениям на историю человек есть субъект, объект и результат исторического процесса. Как универсальное деятельное существо, человек вступает в универсальные отношения с миром. Эта универсальность проявляется в двух аспектах: интенсивном — по вертикали и экстенсивном — по горизонтали («вширь»). Выражением интенсивной универсальности человека является его «углубление» (познание и преобразование) во всё более фундаментальные уровни материи. Осваивая законы природы, люди применяют их в создаваемой ими технике и технологии. Человек, отмечал Маркс, пользуется «механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применять их как орудия воздействия на другие вещи». «Так данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом вопреки библии естественные размеры последнего» [14, с. 190]. Осваивая и используя в создаваемых средствах труда разнообразные силы природы, человек многократно увеличивает свои способности и возможности по дальнейшему познанию и преобразованию природы, поскольку освоенные силы природы превращаются в сущностные силы человека. В результате такого опредмечивания человеческой сущности происходит качественное изменение социальной субстанции, которая в вещественной своей компоненте оказывается интеграцией всё более возрастающего многообразия природных сил. Осваивая и вовлекая в общественное производство всё более разнообразные глубинные природные силы, человек не только превращает природу в свое неорганическое тело, но и утверждает себя как универсальную силу природы, как родовое универсальное существо [15, с. 92–93]. Освоение новых более глубинных уровней материи посредством создания и использования в общественном производстве всё более сложных машин и эффективных технологий означает не только опредмечивание человеческой сущности, но и очеловечивание природы, вовлечение её в исторический процесс. Здесь уместно отметить, что вывод основоположников марксизма о росте основательности исторического процесса имеет ещё один более глубокий философский смысл. Рост основательности исторического процесса есть следствие углубляющегося воздействия общества на основание пирамиды, вершиной которой оно (общество) является, т.е. на биологическую, химическую, физическую и другие формы материи. Осваивая нижележащие формы материи и включая природные силы в структуру производительных сил и производственного процесса, человек придаёт всё большую основательность, фундаментальность историческому процессу. Это способствует постепенному превращению историче-

ского процесса из преимущественно локального социального феномена во всемирно-исторический глобальный процесс в предельно широком философском смысле слова. Чем выше уровень развития общества, чем дальше оно уходит от своего природного начала, тем более глубинные, фундаментальные законы нижележащих форм материи осваиваются человеком и вовлекаются в производственный процесс. Эта вещественно-субстанциальная фундаментализация исторического процесса, проявляющаяся в росте многообразия природных сил, интегрированных в средствах труда и технологиях, способствует изменению содержания и характера труда и роли самого человека в процессе производства [14, с. 392; 15, с. 92–93; 16, с. 213]. Фундаментализация исторического процесса ведёт к повышению эффективности, результативности живого труда — основного стимула применения и развития производственной техники. Рост производительного труда в истории человечества способствует тому, что каждый исторический шаг общества становится основательнее предыдущего. Отсюда ещё одна закономерность, подмеченная Марксом и Энгельсом, — ускорение темпов социального прогресса [17, с. 429]. Последнее в свою очередь обусловливает сжатие, уплотнение социального времени и пространства, что сужает возможности долгосрочного прогнозирования и планирования. В условиях постоянного ускорения ритмов общественной жизни, «сжатия» социального времени и пространства значимость и ответственность деятельности отдельных индивидов, управляющих многообразными силами природы, возрастает. Другими словами, возрастает роль субъективного фактора истории. Происходит, если можно так выразиться, индивидуализация субъекта исторического процесса, что, конечно, не уменьшает значения общества как основополагающего субъекта истории. Таким образом, в развитии человечества прослеживаются две противоположные, но взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, рост основательности исторического процесса, т.е. увеличение субстанциальной, объективной основы истории обусловливает возрастание детерминированности, векторизованности, инерциальности движения общества. С другой стороны, фундаментализация исторического процесса способствует возрастанию роли субъективного фактора в истории.

Вовлечение в общественное производство всё более увеличивающегося многообразия природных сил резко возрастает в условиях капитализма, что приводит к заметным качественным изменениям как овеществлённого, так и живого труда. Изучив указанные тенденции, Маркс предсказал формирование на высших ступенях развития капитализма всеобщего (научного) труда. «…Этот труд, — писал Маркс, — имеет научный характер, …он вместе с тем представляет всеобщий труд, является напряжением человека не как определённым образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной естественно сложившейся форме, а в виде деятельности управляющей всеми силами природы» [16, с. 110]. Индивид, управляющий всеми силами природы, сам выступает как универсальная сила природы. Появление нового типа труда и социального индивида приводит к вытеснению из производства частичного человека (einen Teilmenschen. — *Маркс*), ограниченного человека, являющегося рабом машины, технологии и т.д. Формирование нового типа труда как способа существования новых социальных индивидов, согласно ученому, приведёт к самоотрицанию капитализма. «Капитал, — отмечает Маркс, — таким образом работает над разрушением самого себя, как формы господствующей над производством» [16, с. 221]. Многие прогнозы Маркса относительно тенденций развития капитализма оказались диалогичны выводам современных учёных, исследующих сущностные изменения постиндустриального общества [см.: 3, 11, 22]. Постиндустриальное (информационное) общество представляет для нас интерес не только потому, что на этом этапе исторического процесса возникают признаки межформационных сдвигов (формирование научного труда, вырождение стоимостных отношений и т.д.), но и в связи с тем, что в эту эпоху глобализация приобретает более выраженный характер, что даёт основание некоторым исследователям рассматривать глобализацию как феномен исключительно конца XX в.

Развитие в ходе истории базовой сущности силы — труда — способствовало развитию всех других сущностных сил, в том числе и отношений. Поэтому в процессе развития человеческой сущности происходило расширение социального пространства человечества, культурного горизонта отдельных народов, возрастала интенсивность коммуникаций между ними. Происходящие в ходе истории фундаментализация исторического процесса (глобализация по вертикали) и универсализация человеческой сущности обусловливали глобализацию человеческой активности по горизонтали. Глобализация вызвана имманентными

сущностными тенденциями исторического процесса и в качестве такого исторического феномена она обрела свои зримые очертания в условиях зрелого капитализма. Логика развития капитала, диктующая поиск новых рынков сбыта, источников сырья, дешёвой рабочей силы, приводит к вовлечению в сферу влияния ведущих держав всё новых стран и регионов. «Чем шире становится в ходе этого развития отдельные воздействующие друг на друга круги, — отмечал Маркс, — чем дальше идет уничтожение первоначальной замкнутости отдельных национальностей благодаря усовершенствованному способу производства, развившемуся общению… тем во все большей степени история становится всемирной историей» [18, с. 45]. Определяющим фактором становления всемирно-исторического процесса является интернационализация общественного производства. «Буржуазия, — писал Маркс, — путём эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление космополитическими… Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днём. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, — отрасли, перерабатывающие уже не местное сырьё, а сырьё, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света» [17, с. 427–428]. Вчитываясь в эти строки, невольно возникает ощущение, что их автор — наш современник, настолько точно описаны экономические реалии сегодняшнего дня, которые тогда, 160 лет назад, конечно, не были столь же рельефно выражены. Интернационализация общественного производства ведёт к росту взаимосвязанности, взаимозависимости государств, народов и к формированию единого целостного мира. «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счёт собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга… Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными» [17, с. 428]. Буржуазия, как замечает Маркс, под страхом гибели заставляет все нации вводить у себя так называемую цивилизацию, т.е. принять буржуазный способ производства. «Словом, она создаёт себе мир по своему образу и подобию» [17, с. 428]. Развитие капитала, как свидетельствует Маркс, вызывает также централизацию собственности и населения, а вместе с этим и ускорение темпов социального прогресса. Из вышеизложенного следует, что превращение исторического процесса во всемирно-исторический сопровождается глобализацией общественной жизни человечества. И чем больше история народов приобретает характер всемирной истории, тем более выраженной становится процесс усиления экономической, финансовой, технологической, политической, культурной взаимосвязанности государств, народов, регионов. Принято считать, что понятие «глобализация» было введено в науку в начале 80-х гг. прошлого века (Т. Левит, Р. Робертсон и др.). Между тем задолго до современных учёных Маркс не только описал феномен глобализации, но и ввёл это понятие, выражающее новые тенденции в истории человечества [1, с. 192]. Как уже отмечалось, в литературе существует множество различных определений глобализации. По количеству дефиниций это понятие, вероятно, может уже соперничать с определением культуры. На наш взгляд, *глобализация есть процесс усиления экономической, финансовой, технологической, политической, культурной взаимосвязанности, взаимозависимости государств (народов), регионов, обуславливающий рост целостности мира и ускорения темпов его развития.* Это определение представляет теоретический конструкт, который схватывает лишь наиболее важные, с точки зрения целей данного исследования, тенденции развития человечества. Исторический процесс, конечно, способствует возрастанию взаимосвязанности, взаимозависимости, целостности современного мира и ускорению темпов его развития, обусловленного аккумулятивным характером этого процесса и синергетическим эффектом интернационализации общественного производства. Однако реальный процесс глобализации является более сложным и противоречивым феноменом, о чём пойдёт речь в следующем номере журнала.

Список литературы

1. *Аттоли Ж.* Карл Маркс. Мировой дух. М.: Молодая гвардия, 2008. 406 с.
2. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс–Традиция, 2001. 304 с.
3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Академия, 1999. 949 с.

4. *Бжезинский З.* Америка потеряла чувство меры во внешней политике. URL: http://www.kp.ru/daily/25829/2805033/ (дата обращения: 16.05.2013).
5. *Бхаскар Р.* Общества // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. Вып. 1. С. 219–241.
6. *Гердер И.* Идеи к философии истории человечества / пер. и прим. А.В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 705 с.
7. *Гобозов И.А.* Глобализация и приватизация общества // Философия и общество. 2009. № 2. С. 5–19.
8. *Гобозов И.А.* Революция или управляемый хаос? // Философия и общество. 2012. № 1. С. 5–25.
9. *Гулыга А.В.* Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» // Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 612–648.
10. *Делокаров К.Х.* Философия в эпоху глобализации: проблемы и противоречия // Философия: курс лекций. М.: Изд-во РАГС, 2001. 564 с.
11. *Иноземцев В.Л.* За десять лет. К концепции постэкономического общества. М.: Академия, 1998. 576 с.
12. *Колин К.* Постдемократия. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 2010. 192 с.
13. *Ленин В.И.* От какого наследства мы отказываемся // Полн.собр.соч. Т. 2. М.: Политиздат, 1958. С. 505–550.
14. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Политиздат, 1960. 907 с.
15. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. 537 с.
16. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 2. М.: Политиздат, 1968. 620 с
17. *Маркс К.*, Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. М.: Политиздат, 1955. С. 419–459.
18. *Маркс К.*, Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 7–544.
19. *Маркс К.*, Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. М.: Политиздат, 1955. С. 3–230.
20. *Мусаелян Л.А.* Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь, 2011. 440 с.
21. *Мусаелян Л.А.* О законах истории, цветных революциях и возможности белой революции в России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. Вып. 3. С. 5–16.
22. *Орлов В.В.* Проблемы будущего человеческой цивилизации (товарное производство, капитализм, социализм) // Новые идеи в философии. Пермь, 1999. Вып. 8. С. 4–23.
23. *Подзигун И.М.* Глобализация как реальность и проблема // Философские науки. 2003. № 1. С. 5–17.
24. *Пономарёва Е.Г.* Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. 2012. № 1/2, С. 87–98; № 3/4. С. 43–59.
25. *Сорокин В.В.* Юридическая глобалистика: учебник. Барнаул: Типография ветеранов милиции, 2009. 672 с.
26. *Сундиев И.Ю.* «Управляемый хаос». Социальные технологии в массовых беспорядках // Свободная мысль. 2012. № 7/8. С. 93–104.
27. *Фукуяма Ф.* Америка на распутье: демократия, власть и неоконсервативное наследие / пер. с англ. А. Георгиева. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 282 с.
28. *Чумаков А.Н.* Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем в современном мире // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 35–42.

HISTORICAL PROCESS AND GLOBALIZATION METHODOLOGICAL

Lyeva A. Musayelyan

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Globalization is one of the most popular concept, but it still is indistinct. There are a lot of related publications, but most of them eliminate the problem of correlation between historical process and globalization. In this paper we make an attempt to bring to light such a correlation and point out its anthropological aspects. In the first paper we gave consideration to the correlation between «color revolutions», democratization of society and historical process and its objective laws. Moreover we analyzed different approaches to the fundamental understanding of globalization, set forward the definition of this process and its dependence on the public production.

Key words: historical process; growth of historical substantiation; color revolutions; democracy; institutionalization; globalization.

УДК 140.8

СТАБИЛЬНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

А.Т. Каюмов

Анализируется проблематика стабильного, бесконфликтного существования современного социума. Отмечается, что в наши дни формируется новый пласт информационной культуры, в котором многие реальные процессы становятся виртуальными, а реальные вещи — мнимыми. В осмыслении феномена культуры современного информационного общества важным, базовым и необходимым его свойством становится стабильность, которую, однако, следует рассматривать как результат диалектического взаимодействия социального «хаоса» и «порядка».

Ключевые слова: информационный социум; стабильность; нестабильность; социальная информация; социальность; социальная память; энтропия.

На наш взгляд, изучение разнообразных форм социальных взаимодействий будет не полным, если оно не предполагает рассмотрение через призму социальных ценностей, потребностей, интересов и социокультурных принципов взаимодействия субъектов. Если общественное бытие — это система взаимодействия социальных агентов, то мы должны обладать достаточно четким представлением о критериях, с помощью которых оно (взаимодействие) оценено и представлено в виде в большей или меньшей степени стройной эпистемологической конструкции. По нашему мнению, среди уже существующих методов описания общественного бытия можно выделить еще один важный аспект — социокультурный, который во многом обуславливает тенденции и механизмы социальной интеракции на современном этапе развития информационного общества.

Сознание человека облекает актуальную информацию в опосредованную символическую форму, которую на наш взгляд, можно определить как «социальность», придающую информации глубину, направленность, что и позволяет субъекту прочувствовать перспективу ее использования в процессе взаимодействия с другими акторами.

Социальность оформляется не только в виде объективно существующих общественных отношений, но и как сложное социокультурное информационное пространство, где субъекты, осуществляя свою жизнедеятельность, с необходимостью должны ориентироваться. Причем аттрактивность данного пространства смещается от опредмеченного ко все более опосредованному многочисленными формами проявления социальной информации уточнению символов, смыслов и признаков современного бытия. Тем самым уже теперь не столько предметы, сколько их социокультурные символы конкретизируют смысл взаимодействия социальных агентов.

В отличие от различных философских трактовок культуры (И. Кант, Г. Риккерт, Э. Кассирер, экзистенциалисты и др.) мы используем другие подходы к оценке роли и места культуры в системе современного бытия. Культура, конечно, реальность, но, на наш взгляд, это реальность, существующая не в вещественном выражении, а в духовно-практическом творении людьми своего мира и себя самих, а также отражение в специфических формах материального мира. Поэтому культуру мы рассматриваем как процесс деятельности человека, стремящегося к стабильности с последующим ее разрушением посредством рисковой деятельности. При таком подходе культура рассматривается как частью духовного бытия, постоянно воспроизводящая себя. В силу этого появляются новые точки роста и простора для нового нелинейного развития, и эти перспективы не обязательно должны быть связаны только с научно-техническим прогрессом. Например, увлечение виртуальным творчеством вовсе не прогресс с точки зрения науки, но колоссальный прогресс с точки зрения культуры, т.к. представляет собой

Каюмов Айдар Талгатович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и социально-гуманитарных дисциплин; Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов; 423806, Республика Татарстан, Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 28; atkayum@gmail.com.

новые возможности для приложения духовных сил и творчества человека.

Это дает возможность представить культуру как результат творческого начала, ограниченного современной социальной действительностью. Взаимодействие человека и социума как должного и сущего в истории вызывает ее саморазвитие. Мы начинаем рассматривать в субъективном, личностном аспектах историю как результат сложной взаимосвязи этапов устойчивости и нестабильности общественно-исторических процессов. Поэтому в качестве центральной проблемы философской рефлексии современных социокультурных процессов выступает проблема субъективности [1, с. 5].

Фундаментальными понятиями для осмысления феномена культуры современного информационного общества являются: устойчивость и неопределенность, стабильность и нестабильность, меры цикла, риск и рисковая деятельность — базовые положения, которые нетрудно обнаружить в любом реальном социокультурном феномене.

Проблема стабильности и устойчивости интересовала людей издревле. Интуитивные представления о том, что они есть стороны социокультурного процесса, сложились еще в античном мире. Считалось, что порядок — это стабильность, т.е. то, что можно предвидеть, просчитать, что всегда есть: «Что есть, то есть, чего нет, того нет», — писал Эмпедокл [2, с. 73]. То, что не поддается прогнозу, — это хаос, нестабильность, беспорядок и т.д. На признании реальности диалектики устойчивости и нестабильности базировались философские методы школ киников, стоиков, в какой-то части и софистов.

Линейность связана с устойчивостью, а нелинейность — с нестабильностью в своей онтологической сущности. Этот принцип, лежащий в основе синергетики, и является лишь модификацией философского тезиса о диалектике устойчивости и нестабильности как объективной основе социокультурных процессов. Причем стабильность олицетворяет эволюционный, а нестабильность — революционный путь развития социокультурного мира [1, с. 39].

На наш взгляд, основная тенденция природы — это тенденция к стабильности, вытекающая из закона энтропии, и только творческое начало (энергия, информация, человек) выводит ее в нестабильное состояние, на базе которого возможен социокультурный прогресс.

Понятно, что целенаправленное движение в определенном направлении требует структурной организации объекта, соответствующей заданной цели. В противном случае возникают острые внутренние противоречия между структурной и функциональной составляющими объекта, разрешение которых может вызвать его деструкцию. Таким образом, внешняя среда оказывает доминирующее воздействие не только на характер движения объекта, но и на его внутреннюю организацию. Поэтому бесконфликтный характер развития любой системы возможен только при определенной взаимозависимости факторов внешней среды и собственного состояния системы. Более того, диапазон значения этой корреляции является той мерой, в пределах которой данный объект сохраняет свою устойчивость.

Следовательно, для того, чтобы объект развивался в рамках интервала указанной меры, он должен постоянно находиться в состоянии реконструкции, адекватной динамике изменения факторов внешней среды. Под реконструкцией в данном случае понимается процесс постоянного разрешения противоречий, возникающих между факторами внешнего влияния и состоянием развивающегося объекта. Этим, в частности, и обусловлен феномен саморазвития системного объекта.

Следовательно, для понимания сущности современного человека, его духовного мира и культуры надо исходить не только из неразрывной диалектической взаимосвязи между человеком и условиями его общественного бытия, но и из реального процесса развития общественных отношений, представляющих собой, с одной стороны, основу сущностных сил человека, а с другой — конкретную реализацию этих сущностных сил, расширяющих его способность действовать в условиях риска и неопределенных ситуаций современного мира.

Само понятие устойчивости охватывается мерой предмета, явления, процесса. Процесс, развивающийся в рамках интервала меры, функционирует неопределенно долго, пока внешние силы не выведут его из стабильного состояния.

Однако внутреннее нарушение меры предмета сразу превращает его в другой предмет. Поэтому философское понятие меры конкретизируется в различных областях действительности различными понятиями, по существу, имеющими общий смысл: сохранение относительной стабильности в условиях всеобщей нестабильности. Такими понятиями в культуре являются: «золотая середина», «золотое сечение», «лезвие бритвы», «край пропасти» и т.д. Еще Аристотель обратил внимание на то, что оптимальность противостоит экс-

тремальности, и чтобы найти эту середину, надо знать крайности, например, культ будущего (утопизм) или настоящего (прагматизм), розовый оптимизм или черный пессимизм. Во всем должна присутствовать мера [1, с. 39].

Можно сделать следующие промежуточные выводы: (1) Если действия людей есть действительное бытие исторической необходимости, то история в целом должна обладать законообразным характером вследствии того, что человек всегда действует при определенных обстоятельствах, как наследуемых, так и заново создаваемых. Эти обстоятельства (характер опредмеченной деятельности) детерминируют действия личности. Таким образом, деятельность человека есть исторический процесс изменения объективных обстоятельств, для него характерны самодвижение и самодетерминация.

(2) Сознание, позволяющее людям отстаивать свои интересы и поставленные цели, не является препятствием на пути реализации объективной необходимости. В обществе наличие материальных связей предполагает наличие их духовных моделей, что обусловливает вероятностный характер социальных изменений.

(3) Случайность, как правило, есть следствие объективных предпосылок исторического процесса, т.к., во-первых, в объективных предпосылках заключено гораздо более того, что реализуется в действительности. В социальной среде всегда присутствуют альтернативные варианты развития — «избыточные» возможности. Во-вторых, в силу того, что общественное сознание относительно самостоятельно, на его уровне всегда присутствует избыточное знание, выходящее за пределы наличной реальности. Эта взаимная избыточность и обусловливает «социальные мутации».

Таким образом, мы подчеркнули сущность процесса саморазвития общества (первый тезис), выделили структуру механизма саморазвития (второй тезис) и сделали акцент на сложности современных социальных систем, их открытости и нелинейном характере развития как необходимых условий для зарождения процессов самоорганизации и возникновения структур, поддерживающих движение системы в направлении целевой функции (третий тезис).

Теперь появляется возможность выделения основных свойств саморазвивающихся на основе информационного ресурса социальных объектов, которые, на наш взгляд, в целом могут рассматриваться как некая квинтэссенция представленного выше онтологического анализа.

* Развиваются лишь открытые системы, т.е. системы, взаимодействующие с внешним миром, обменивающиеся с ним веществом, энергией, информацией. «Зарегулированная» система, т.е. система с жесткими, неизменными связями и взаимодействиями (комплексами взаимодействий), развиваться не может. Другими словами, если система не способна к постоянному изменению связей без разрушения основ взаимодействий, то она не может быть развивающейся.

* Открытая саморазвивающаяся система обладает свойством экспансии, т.е. захвата, поглощения все большего количества вещества, энергии, информации, а также распространения в пространстве и во времени. Это свойство проявляет себя в том случае, когда потенциал саморазвития отчасти исчерпан. Экспансия есть расширение ресурсного пространства — стремление системы сохранить свое качественное состояние путем наименьших собственных затрат.

* Социальный объект, развивающийся на информационном субстрате, обладает высокой сложностью параметрической и функциональной структуры, что обусловливает возможность его развития в широком вероятностном диапазоне эволюционных комбинаций. Поэтому множество идентичных организационных форм социумов могут иметь взаимно исключающее содержание.

* Устойчивость и направление развития современной социальной системы во многом зависит от характера отражения в сфере общественного сознания единой системы ценностей, положенной в основу культуры и идеологии социума [3, с. 91].

* Границы развития любого природного объекта определяются условиями внешней среды и его собственным потенциалом. Диапазон развития социальной системы определяется, на наш взгляд, доминирующим типом менталитета, а затем уже условиями внешней среды, т.е. социокультурные особенности населения определяют предельные возможности социума к реформации и трансформации.

Перечисленные особенности современных социальных систем обусловливают специфику их развития — отсутствие тождественности и регулярности в ходе процессов самоорганизации, изменяющих их элементную и функциональную структуру.

Можно утверждать, что представление о нестабильности как об источнике гибели и деструкции заменяется в современной науке диалектическим пониманием ее как основания становления упорядоченности, «причинно-спонтанного структуроге-

неза», а диалектика устойчивости-нестабильности становится универсальной характеристикой, охватывающей современную социально организованную материю. Кроме того, в свете последних теоретических разработок нестабильность предстает не просто как неуравновешенное состояние, но как сверхсложно организованная последовательность, логика которой представляет наибольший интерес и приводит к пониманию роли и места устойчивости в развитии социокультурных процессов. И наконец, следует заключить, что устойчивость и нестабильность являются диалектической парой категорий, но для информационного общества они неравнозначны, так как нестабильность служит лишь переходным этапом, средством для достижения желанной стабильности, тогда как нестабильность всегда рассматривается как неизбежное зло.

Подводя итог данному фрагменту анализа динамики развития современного «информационного» социума, подчеркнем, что феномен самоорганизации и саморазвития есть атрибутивное свойство сложной социальной системы, активно взаимодействующей с внешней средой средствами информационного обмена с ней и реакций на ее изменения.

Данный феномен проявляет себя на всех этапах функционирования данного объекта, включая стадию детерминистского развития как периода рельефного качественного самоутверждения системы в рамках вероятностного внешнего пространства. Явления флуктуации, бифуркации с последующим восстановлением устойчивости системы, формирования ее иерархической структуры и движения к гомеостазу с последующим срывом к неравновесности — все это есть периоды цикла самоорганизации и саморазвития современного социума.

Механизм самоорганизации является главным средством реализации целевой функции социальной системы, т.е. достижения бесконфликтных взаимодействий как на внутреннем, так и на внешнем уровне. Причем наличие деструктивных изменений с последующим разрушением определенных элементов и связей объекта есть этап диалектического отрицания, включенный в цикл саморазвития. Следовательно, благодаря наличию этого механизма социальная система всегда ориентирована в сторону обретения относительной устойчивости.

Но, как мы уже подчеркивали выше, активно развивающаяся социальная система должна находиться в состоянии постоянной реорганизации (реконструкции) своих структурной и параметрической составляющих, что свидетельствует о ее переходном, промежуточном состоянии — между «хаосом» и «порядком».

Под «хаосом» в данном случае следует понимать равный удельный вес, степень значимости существенных элементов системы, которые конкурируют между собой за право доминирования в социуме.

Как правило, хаос традиционно рассматривается как деструктивное начало, находящееся в полном антагонизме с какой бы то ни было упорядоченностью. Но, во-первых, применительно к социальным системам понятие хаоса всегда имеет относительный характер, а во-вторых, случайностные, порой даже незначительные изменения, порождаемые хаосом, дают начало процессам усложнения и упорядочения структуры социума. Таким образом, без хаоса, без внутренне присущей материи (в том числе и социальной) спонтанной активности было бы невозможно образование сколько-нибудь сложных структур.

Роль хаоса в процессах самоорганизации и саморазвития можно сравнить с ролью случайных мутаций в биологической эволюции (именно поэтому мы и ввели выше понятие «социальной мутации»). Но помимо этого хаос выполняет также и функции, в чем-то схожие с функциями естественного отбора в образовании и совершенствовании социальных форм жизни.

С другой стороны, «порядок» с позиций господствовавшей долгое время идеологии считался атрибутом устойчивости и благополучия общества. Отсюда и вытекало стремление к достижению нормативного порядка средствами жесткого социального управления. Действия же людей, так или иначе подрывающие основы созданного социального порядка, признавались антиобщественными и пресекались. Теперь очевидно, что такая парадигма основана на представлениях об обществе как о закрытой системе, где «порядок» достигается средствами предельного упрощения структуры социума и сведения ее до нескольких элементов, взаимодействующих по принципу жесткой иерархии. В данном случае процессы направленной регуляции, увеличивая степень дифференциации элементов системы, делают ее с неизбежностью неустойчивой и ведут к деструкции.

Необходимо учитывать, что порядок как относительное понятие и одновременно признак объекта есть отражение в различных срезах бытия состояния гармонии. Но поскольку гармонии могут быть только относительными, то и формы порядка (строгое упорядочение системы) не могут

быть универсальными, абсолютными. Они всегда «привязаны» к самой системе и носят локальный характер. Тем не менее, порядок действительно есть основа стабильности, но это одновременно и зарегулированность системы, ее организационная самодостаточность и тем самым инвариантность, отсутствие потенции к развитию. Хаос — отсутствие гармонии, но потенциально и стремление к ней. Хаос внутренне противоречив, а потому он является основой трансформации, изменения, развития [4, с. 93].

Следовательно, нужно искать компромисс между порядком и стохастичностью, искать и создавать гармонию в организации современного социального бытия, постоянно изменяя состояния порядка.

В итоге культура информационного мира выступает как результат динамики стабильности и нестабильности, включающей в себя культурную среду (наличность), культурное наследство и культурное творчество человека, т.е. феномен культуры описывается механизмом стабилизации через риск и венчурную деятельность.

Подводя итог анализу динамики развития современного «информационного» социума, подчеркнем, что феномен самоорганизации и саморазвития есть атрибутивное свойство сложной социальной системы, активно взаимодействующей с внешней средой средствами информационного обмена с ней и реакций на ее изменения.

Так, именно в социальной системе происходит изменение вектора адаптации при ее взаимодействии с окружающим миром от «системы к среде» и «среды к системе». Такое поведение становится возможным в результате достижения ими, с одной стороны, определенной меры сложности, с другой — определенного уровня информационного насыщения, способности использовать информацию в целях управления. Кроме того, сложность современного социума определяется не столько количеством информации, сколько ее «мобильностью», способностью к активному функционированию и дальнейшему приращению, к постоянному увеличению внутреннего разнообразия. Речь идет о самой возможности интеллектуального управления и дальнейшего самосовершенствования системы.

Эволюция социальных систем свидетельствует о том, что наиболее жизнеспособными являются системы с большими темпами накопления и обработки информации. Таким образом, основными показателями устойчивости социальной системы выступают уровень ее интеллектуального потенциала и скорость его возрастания.

Наконец, как уже подчеркивалось, в отличие от иных объектов, в социальных системах адаптационные механизмы связаны с сознательной деятельностью человека. В силу этого в современном социуме наиболее ярко проявляется взаимосвязь информационных и психологических явлений. Эта взаимосвязь наглядно проявляется в информационных потоках, отражающих структуру социальной памяти и интеллекта и несущих сведения о закономерностях объективной действительности.

Список литературы

1. *Андреева О.А.* Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития. Таганрог: Изд-во Таганрогского института управления и экономики, 2000. 204 с.
2. *Антология* античной философии. М.: Мысль, 1978. 246 с.
3. *Курлов А.Б.* Методология социального моделирования. Уфа: Автор–Проект, 2000. 286 с.
4. *Селиванов А.И.* Бытие и постижение развивающихся миров. Уфа: Изд-во Башкирского государственного университета, 1998. 360 с.

THE STABILITY OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS IN CONDITIONS OF MODERN INFORMATIONAL SOCIETY: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Aidar T. Kayumov

Naberezhnye Chelny Institute of Social Pedagogical Technologies and Resources;
28, Nizametdinov str., Naberezhnye Chelny, 423806, Republic of Tatarstan, Russia

The stability problems, conflict-free existence of modern society are analyzed in this article. It is noted that a new layer of information culture in which real processes become virtual, but the real things seem imaginary is in its stage of formation. It is stability that becomes an important, basic and essential feature in conceptualization the cultural phenomenon of the modern information society.

Key words: information society; stability; instability; social information; sociality; social memory; entropy.

УДК 316.2

ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ОРИЕНТИРЫ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Е.В. Чащин

В статье поднимается проблема зависимости социоментальных сторон идеального от особенностей цивилизационного развития общества, характерных для различных технологических эпох. Сравнивая между собой основные исторические этапы, мы можем найти в них не только различия, но и сходства в аспекте ментальных оснований, а также лучше понять значение для социума нового глобального мышления, определить его роль в оценке рисков современного общества.
Ключевые слова: цивилизационные волны; постиндустриализм; технология; мышление; глобальное; информация; социум; экономика.

Исследование различных стилей мышления, характерных для социума, стремящегося к постиндустриализму, позволяет сделать предположение о трансформации всего ментального комплекса в русле идеального. Диалектический метод, раскрывающийся в рамках классического понимания особенностей изменения мышления как социального феномена, позволяет установить закономерность развития последнего при нахождении ментальных оснований. Прежде чем перейти к вопросу о трансформации разных стилей мышления в зависимости от смены структуры идеального, необходимо объяснить сущность изменений последнего. Она может быть выражена в том, что идеальное находится в особой взаимозависимости с материальным. К. Маркс так охарактеризовал эту взаимосвязь: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [3, с. 7]. Это означает, что «…сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни» [3, с. 7]. Поэтому перед осуществлением анализа изменений того или иного стиля мышления требуется рассмотреть влияние на него соответствующего условия с учётом того, что на сегодняшний день одним из основных критериев для градации этапов общественного развития будет социально-экономический фактор. Это обстоятельство описывается в работах таких учёных, как Д. Белл или О. Тоффлер.

Д. Белл называл в качестве основного источника социального развития замещение старых производственных технологий новыми. Он солидарен с К. Марксом в том, что именно коренные преобразования характера труда меняют и социальную сферу общественного бытия. Труд постиндустриального общества определяется им как научный: «Я стою на том, что информация и теоретическое знание суть стратегические ресурсы постиндустриального общества. Кроме того, в своей новой роли они представляют собой поворотные пункты современной истории. Первый поворотный пункт — изменение самого характера науки» [1, с. 342]. Теоретическое знание превращается в основной источник генерации социальных благ, целью же производства, действующего в единой связке с наукой, становится их тиражирование.

Коренные изменения, детерминируемые технологическим развитием, объективируются не только в идеальных абстрактных понятиях, но и в конкретных проявлениях особенного, являющихся одновременно и символами-артефактами, и элементами производства, необходимыми для дальнейшего технологического роста. Плуг, паровая машина, двигатель внутреннего сгорания и, наконец, ЭВМ определяют собой те или иные эпохи в общественно-историческом развитии, отражая сущность автономного технологического преобразования. Последнее провоцирует изменения в структуре, отношениях и связях социума. Для систематизации подобных изменений мыслитель вводит в свою концепцию так называемый «осевой принцип», с помощью которого проводит

Чащин Елисей Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права; Пермский национальный исследовательский политехнический университет; 614990, Пермь, Комсомольский пр., 29; chashin86@mail.ru.

теоретико-методологическое обоснование смен типов общества. В соответствии с этим подходом развитие различных типов обществ может быть представлено через их группировку или по формационному признаку, или по доминанте, роли человеческого знания в ходе исторического процесса, или по какому-либо иному критерию. Определяется данный критерий при условии, что в качестве магистральной генеративной линии выступит «стержневая ось», детерминирующая характер подхода к осмыслению общественных преобразований в экономическом, политическом, социально-психологическом плане. В качестве культурного основания «осевой принцип» может проявляться как в смене форм собственности в соответствующих формациях с выделением рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического строя, так и в «наукоёмкости» ведущих отраслей и необходимом уровне образования участников производственных отношений с вычленением доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ. Последнее наиболее импонирует Д. Беллу, считающему подобную классификацию наиболее актуальной, поскольку для общества рубежа третьего тысячелетия в качестве источника блага выступают не столько механизированные, сколько информационные и другие высокоинтеллектуальные технологии. Креатоёмкие отрасли в структуре производства замещают собой классические для него промышленные и сельскохозяйственные элементы, становясь платформой для новых кластеров. Информационные технологии превращаются в главный инструмент управления не только для отдельных сфер производства, но и для общества в целом, становясь механизмом реализации политической власти и увеличения личного благосостояния. Исчезает необходимость в меновой или товарной стоимости — абстрактная стоимость становится эквивалентом абстрактного труда. Особая роль в процессе перехода к постиндустриализму, по мнению Д. Белла, должна отводиться телекоммуникационной системе. Её развитие и совершенствование в текущем столетии будет основной задачей общественных элит. Так же, как и другие технологии, модернизация сбора, организации, обработки и ретрансляторной передачи знаний в виде информации происходит скачкообразно. Жизнь общества в условиях так называемой «телекоммуникационной революции» может быть описана следующим образом. Во-первых, в отличие от ведущего в индустриализме промышленного компонента, в постиндустриальном обществе главной сферой становится сфера производства услуг, потребительский товар в этом смысле приобретает черты или становится своего рода услугой. Таким образом, суть экономического базиса данного общества и, как следствие, изменения его социокультурной среды сводится к сервисному характеру общественных отношений. В качестве второго основания для телекоммуникационного скачка Д. Белл отводит первоочередное место методам кодификации научного и иного рода теоретического знания с целью превращения его в информацию, поскольку роль такого рода знания в процессе дальнейшего получения и внедрения в производство разного рода технологических инноваций трудно переоценить. В-третьих, появление нового инструмента, способно компенсировать недостатки современной теории управления путём усовершенствования методики системного анализа, в качестве которого должна выступить инновационная прогностическая технология. Одним из проявлений этой технологии может стать создание искусственного интеллекта.

Именно благодаря учёту всех трёх компонентов и признанию их ключевой роли в общей структуре функционирования постиндустриального общества, правомерно утверждение о ведущем положении научного теоретического знания в системе этой формации, придании ему значения «осевого принципа». «Показатели перехода от постиндустриального к сервисному сектору достаточно очевидны. В США в 1970 г. 65 % рабочей силы было занято в сфере услуг, около 30 — в промышленности и строительстве и неполных 5 % — в сельском хозяйстве. Однако осевым принципом постиндустриального общества является громадное социальное значение теоретического знания и его новая роль в качестве направляющей силы социального изменения» [1, с.330–331]. В качестве недостатка данной социальной системы мыслитель выделяет увеличение доли труднопрогнозируемых «случайных» процессов, присущих любой открытой системе. Поскольку мир без границ, подразумевающий активные межкультурные коммуникации с постоянно растущей численностью населения и определённым технологическим дисбалансом между различными частями международного сообщества, представляет именно такую систему; значение данно-

го обстоятельства для жизнедеятельности социума должно учитываться при выделении направляющих факторов в его развитии.

По мнению О. Тоффлера, очевидная диспропорция между уровнем развития производительных сил и производственных отношений, постоянно усиливающаяся в глобальном мире, не является априори негативным фактором. Дело в том, что именно преодоление консолидирующимся социумом разного рода трудностей, вызванных несовершенством хода общественного прогресса, обеспечивает необходимый толчок для осуществления каждого последующего этапа цивилизационной эволюции. Каждый новый шаг представлял собой особую технологическую «волну», распространяющуюся на все сферы жизни общества.

Результатом первой волны, вызванной накоплением и качественным преобразованием аграрных технологий, стала цивилизация, базирующаяся на сельском хозяйстве. Она характеризовалась ведущей ролью аграрного сектора экономики, определяющей соответствующую структуру культуры в целом, а также, политической, религиозной, семейно-бытовой и других сторон организации общества. Её признаками были: авторитарность системы управления и наличие строго регламентированного устройства общества, состоящего из феодальной знати, духовенства, военного сословия, а также, эксплуатируемого слоя крестьян или рабов. Существование подобных социальных слоёв демонстрировало относительную простоту структуры производительных сил в виду отсутствия сложных форм специализации или разделения труда. Социальный статус членов общества характеризовался принадлежностью к тому или иному сословию. Наиболее эффективной формой функционирования для частей такого социума было натуральное хозяйство, не предполагающее наличия какого-то ни было единого центра сосредоточения ресурсов и производительных сил. Отсутствовали развёрнутые торговые и иные отношения между частями общества даже в рамках единой национальной или религиозной идентичности.

В качестве итога второй технологической волны выступила индустриальная цивилизация, достигшая апогея своего развития в виде крупного промышленного производства и конвейерного разделения труда. Последнее обстоятельство является причиной создания производственного симбиоза машины и человека, а также распространения массовой деиндивидуализированной и деперсонифицированной культуры. Ценностными ориентирами данной культуры становятся: взаимообуславливаемая унификация вкусов и предлагаемых продуктов потребления — структуры спроса и предложения; потребность в количественном увеличении продукта, требуемом для удовлетворения экспонентально растущих притязаний; реализация масштабных проектов, демонстрирующих возвышение человека над природой, и над предшествующими поколениями. Всё это, по мнению О. Тоффлера, приводит к социальному единству, лишённому многообразия. Единство выражалось в унифицированном труде, однотипном для всех образе жизни и ценностях, в конечном счёте влекущих потребительское отношение к окружающему миру.

Стандартизированное образование, получаемое «индустриальным человеком» как его назвал исследователь воспитание в нуклеарной семье, культивирование в мировоззрении элементов денежного фетишизма — всё это способствовало развитию «дискретной» личности и повышению роли массового типа в её мышлении. Помимо взаимодействия с машинами, многократно увеличивающими производственные возможности, но ограничивающими творческие стороны мышления, «индустриальный человек» постоянно, в течение всей жизни, был связан с «массовыми» организациями. Последние также оказывали на него специфическое влияние, в определённой степени угнетая независимость личности. Это способствовало формированию у неё самосознания, в котором она представала как часть единого механизма, что отличало «индустриального человека» от людей предшествующих цивилизационных волн. «Представление о мире, в основном, складывалось у него благодаря средствам массовой информации. Он работал в крупном акционерном обществе или состоял на государственной службе, был членом профсоюза, относился к определенному церковному приходу, входил в другие организации — в каждом из этих мест он оставлял часть своего делимого “Я”» [4, с. 83]. Главной особенностью индустриально-заводского типа производства, свойственного Второй волне, являлось то, что оно было ориентировано не на индивидуального адресного потребителя продукции, а на массовое распределение, обмен. Оно бесконечно в том смысле, что по средствам конвейера производило механизированные комплексы, ко-

торые, в свою очередь, использовались для создания новых машинных систем, далее всё повторялось. Ориентированность на рынок, на анонимного потребителя совместно с конвейерной бесконечностью повлияли на социо-культурную составляющую общественного бытия. Произошла адаптация общества к условиям, диктуемым фабричным производством. Возникшие в нём институты нуклеарной семьи, профсоюзов, защищающих интересы трудящихся в корпорациях, политических партий, массового образования, предполагающего разделение на школы, техникумы, вузы — всё это было создано в виде сложной иерархической структуры, схожей по своему строению на крупную фабрику или корпорацию. Массовым, стандартизированным, поставленным на поток стало искусство, выразившее в своём содержании и формах особенности мировосприятия творческой части социума в рамках массовой культуры. Вторая волна посредством порождённого ей индустриализма разделила социум по принципу производства и потребления, создавая для него сложную историческую ситуацию, характеризующуюся частыми экономическими кризисами и связанными с ними социальными противоречиями как бытового, так и международного уровня, порождающими социально-психологическое напряжение. Главными источниками данных противоречий, охватывающих широкие массы населения, являются: стандартизация, концентрация, специализация, максимизация, синхронизация и централизация — свойства или принципы индустриального производства, находящиеся в генетической взаимосвязи. На сегодняшний день цивилизация, базирующаяся на данных принципах существования, находится на грани исчерпания своего потенциала. В качестве основных причин выступают: сложность экологической ситуации, при которой природа более не способна сохранять биосферный баланс, постоянно нарушаемый индустриальными воздействиями со стороны социума, а также острый дефицит источников энергии, наличие которых составляет главное условие индустриального развития.

В рамках сложившейся кризисной ситуации во второй половине XX в. произошло зарождение Третьей волны техно-социальных трансформаций, постепенно подменяющей собой Вторую. Она была спровоцирована постоянным ростом и широким распространением персональных ЭВМ, информатики, теле- и видеокоммуникаций, лазерной и биотехнологии, генной инженерии, которые стали отраслевой основой постиндустриального производства. Были приняты меры для решения энергетической проблемы, во многом за счёт замены невозобновимых энергоносителей на обновляющиеся. Осуществляющийся с наступлением Третьей волны переход от производства, связанного с «конвейерной рациональностью», к применению высокоинтеллектуального, наукоёмкого, творческого, стремящегося к эксклюзивности труда определил изменение жизненного уклада людей. Использование новых методов производства, снимающих необходимость в массовой эксплуатации фабричных конвейеров, распространение не-нуклеарных семей, кардинальное реформирование школ и других социальных институтов и объединений стало причиной укрепления в мышлении личности Третьей волны индивидуализированных сторон. «Возникающая цивилизация… ведет нас за пределы стандартизации, синхронизации и централизации, за пределы стремлений к накоплению энергии, денег или власти. Эта новая цивилизация… будет опрокидывать бюрократию, уменьшать роль национального государства, способствовать росту полуавтономных экономик… Она требует новых, более простых, эффективных и демократичных правительств. Это — цивилизация… со своими собственными способами использования времени, пространства, логики и причинности» [4, с. 34–35].

В ведущих отраслях постиндустриального производства основную роль начинают играть информация, интеллектуальные технологии, творчество в целом. В соответствии с этим требованием, решением основных производственных задач на предприятиях Третьей волны занимается интеллектуальный работник, «когнитарий» — специалист, имеющий высокий уровень интеллектуального и духовного развития, который позволяет ему наиболее эффективно выполнять постоянно усложняющиеся технологические операции, взаимодействуя с новой и разнообразной информацией. Изменения в производственной сфере постиндустриальной цивилизации этим не ограничиваются — появляется особый тип участника производственных отношений: «цивилизация Третьей волны начинает стирать исторически сложившийся разрыв между производителем и потребителем, порождая особую экономику завтрашнего дня, сочетающую в себе оба действующих фактора, — “prosumer”

economics (“prosumer” от “producer” — производитель и “consumer” — потребитель)» [4, с. 35].

Таким образом осуществляется объединение производителя и потребителя, которое могло бы быть более свойственным аграрным цивилизациям Первой волны, чем Второй. Возникший «произтребитель» оказывается активно вовлечённым в производство или в управление потребителем, постоянно меняющим как свою роль в производственном процессе, так и сам характер связанной с ним как экономической, так и социальной деятельности. О. Тоффлер называет данное обстоятельство одной из причин возможного превращения современной цивилизации в первую в истории человечества подлинно гуманистическую, социальноориентированную.

Постоянно уменьшающаяся граница между потребителем и производителем, распространение «производства для себя», вместе с неясностью социальных представлений о тех крупномасштабных трансформациях, которым подвергся рынок и другие, смежные с ним, проявления общественной жизни в рамках мировой системы, порождают феномен, требующий тщательного осмысления. Множество людей, оказывающих себе конкретные услуги вместо квалифицированных специалистов, по мнению О. Тоффлера, просто переносят часть сферы услуг в сферу производства, создавая особого рода «теневую экономику», отличающуюся от основной своей неопределимостью и неопределённостью. В макроэкономическом смысле это может означать, что «цивилизация Третьей волны несет с собой восстановление огромного сектора экономики, основанного на производстве для потребления, а не для обмена» [4, с. 223], что является объективным условием изменения структуры социальных отношений в пределах больших общественных групп, побуждающим их к смене своей жизненной стратегии.

Последняя должна будет отразить в себе неопределённость, конструктивно включить её в общественное сознание, превратив из потенциально негативного фактора в позитивный. В этом случае новая экономика способна получить импульс в виде творчески, эксклюзивно преобразованного индивидуализированного производства. «Сейчас мы не получаем готовую ментальную модель реальности, мы вынуждены постоянно формировать ее и переформировывать. Это ложится на нас тяжелым грузом, но это же ведет к большей индивидуальности, демассификации как личности, так и культуры. Некоторые из нас ломаются под таким давлением, отступают, испытывая апатию или гнев. Другие постоянно растут, формируют себя и становятся компетентными, грамотными людьми, способными работать на высшем уровне» [4, с. 109]. В практическому смысле это может выражаться в том, что при диверсификации экономики, являющейся неотъемлемым условием реализации целей Третьей волны, происходит вытеснение или коренное преобразование старых производственных структур. Следовательно, осуществляется изменение условий и содержания труда, которое сопровождается неизбежным ростом различных видов безработицы. Временная и технологическая безработица, наиболее характерные для постиндустриальной эпохи, начинают приобретать характер общемировой проблемы. Решением последней может быть только всеобщая программа поддержки наиболее подверженных кризисным явлениям производительных сил путём их переобучения, социо-культурной реабилитации, адаптирующих их к новым жизненным условиям. Приоритетной задачей в этом смысле является не технологическая, но социальная модернизация общественных отношений, изменение мышления как социального феномена таким образом, чтобы оно могло соответствовать условиям, предъявляемым уровнем технологического развития Третьей волны. Препятствием для осуществления этой задачи становится трудноконтролируемый информационный рост: «Чем более разнообразна цивилизация, чем дифференцированней её технология, её энергетические формы, тем больше информации должно проходить между составляющими ее частями, чтобы иметь возможность соединить их воедино, особенно перед лицом глобальных перемен» [4, с. 109]. Одной из основных черт, характеризующей «информационное общество», является экспонентальный рост объёма информации, обмен которой осуществляется на различных уровнях межличностной коммуникации. Обеспечивающие последнюю новые средства информации выступают не только отражением, но и катализатором процессов, «демассифицирующих» данный тип цивилизации.

Развитие техники и технологий постиндустриальной эпохи, сопряжённое с коренным преобразованием в информационной сфере, провоцирует культурное многообразие и постепенный отход от стереотипов массовой культуры. Постоянное внедрение инноваций в различных областях челове-

ческого бытия побуждает общество находить иные, чем в прежние периоды, приёмы для их осмысленного восприятия и понимания сущности происходящих процессов. Социум вынужден планомерно трансформировать свои познавательные способности, что требует от него постоянного получения нового образования, развития глобального мышления. «Структура глобального мышления включает новое, глобальное, видение проблем, а также предполагает новые аналитические навыки и способность пользоваться новыми стратегическими концепциями. Глобальное мышление предполагает наличие определенных основных навыков работы на мировом рынке, формирование которых зависит от способности переходить от одних видов работы к другим» [2]. Его распространение становится причиной перехода к особому ментальному синтезу в понимании скрытой связи между явлениями разного уровня сложности, исходящей из целостного представления о взаимосвязанном мире. Эти связи в ключе их осознания определяют как мировоззренческие установки в целом, так и отдельные стратегии поведения социальных субъектов в частности.

Как отдельные личности, так и общественные организации должны гибко подходить к прогнозированию возможных изменений в поведении друг друга. Знание того, какая реакция на те или иные совершённые шаги последует со стороны других членов сообщества, является необходимым условием коллективного взаимодействия для цивилизации Третьей волны. Это объясняется тем, что с ростом социального многообразия становится сложнее предвидеть поведение другого, поскольку приходится иметь о нём больше информации, чем это было необходимо в унифицированном обществе. Часто эта информация, выраженная в виде специфических сигналов и ключей, свидетельствующих о намерениях одного субъекта по отношению к другому, предоставляет возможность предотвратить ущемление чьих-либо интересов, что необходимо для сохранения плодотворных взаимосвязей и взаимодействий в индивидуализированном обществе. «В конечном счете, индивиды и организации постоянно стремятся получить больше информации, и во всей системе пульсируют растущие потоки данных. Форсируя увеличение объема информации, необходимой для существования социальной системы, и увеличив скорость обмена ею, Третья волна раскачала структуру изношенной, перегруженной инфосферы Второй волны и создает новую структуру, способную ее заменить» [4, с. 109]. В соответствии с этим положением можно утверждать, что снятие Второй технокультурной цивилизационной волной Третьей не осуществляется без коренных противоречий, преодоление которых направленно в первую очередь на решение общесоциальных проблем. Так, в результате столкновения Первой сельскохозяйственной и Второй индустриальной волн были созданы условия, определяющие различного рода революционную активность, носящую массовый характер, и обуславливающие собой многочисленные войны и иные социальные конфликты, продолжающиеся более 200 лет — с середины XVIII до конца XX в. Смена Второй волны Третьей сопряжено с проявлениями глобального экономического кризиса. Его причинами являются: несбалансированное потребительское отношение к природе, имеющее негативные последствия для жизнедеятельности зависимого от среды обитания социума; неправильные или несвоевременные попытки решения экологической проблемы, имеющие во многом более асоциальную сущность, чем то, против чего они направлены. Уникальная ситуация резкого повышения роли информационного ресурса в общественных отношениях, свойственная постиндустриальной цивилизации Третьей волны, породила проблему так называемого «электронного смога» — информационного загрязнения социосферы, провоцирующего новую разновидность психических отклонений, в том числе массовых психозов.

Особое место в будущей структуре социальных конфликтов займут «инфовойны» — формы противостояния различных социальных групп, причиной которых выступает стремление обладать преимуществом во владении актуальной, имеющей ценность информацией или контролем над иными интеллектуальными ресурсами. На фоне социокультурной дифференциации это может стать новой причиной межгрупповых столкновений. Платформа для них начала закладываться, поскольку на сегодняшний день персонализация интересов, в рамках общей тенденции демассификации социальных отношений, становится деструктивным фактором для институтов производства, сформировавшихся на пике Второй волны. Особенностью процесса индивидуализации труда Третьей волны является уменьшение взаимозаменяемости последнего, которая проявляется, в частности, в специфическом характере производственных отношений, отражающих суб-

культурные (этнические, религиозные, профессиональные) и индивидуальные различия. «Группы, которые на протяжении всей эпохи Второй волны боролись за интеграцию и ассимиляцию в массовое общество, сейчас отказываются сглаживать свои различия. Наоборот, они специально подчеркивают свои уникальные особенности. А корпорации Второй волны, организованные для работы в массовом обществе, до сих пор не знают, как справляться с этой растущей волной различий среди потребителей их продукции» [4, с. 148]. Единственным выходом для многих крупных международных компаний является разделение производства по принципу адресного распределения, означающего стремление удовлетворить спрос потребителей с учётом особенностей их требований и интересов. Во многих случаях это сопровождается переходом от трестового, сложившегося в апогее мирового распространения индустриального типа производства, к синдикатному и картельному способу организации бизнеса. Это, в свою очередь, открывает дорогу к дальнейшей дифференциации — к кустарному, ремесленному типу предприятия. Последнее обстоятельство демонстрирует наиболее явное сходство аграрной и постиндустриальной цивилизаций в плане общности социальных отношений, элементов практико-преобразовательной, производственно-распределительной деятельности.

Оно способно убедить в правильности выбора диалектического метода к исследованию различных феноменов, раскрывающихся в поле идеального: «По многим признакам цивилизация Третьей волны несет в себе черты сходства с Первой волной, в частности, можно назвать децентрализацию и уменьшение масштабов производства, возобновляемые источники энергии, деурбанизацию, надомную работу и т.п. Иначе, мы наблюдаем нечто типа диалектического возврата к прошлому» [4, с. 213].

Оптимизм О. Тоффлера по поводу дальнейшего раскрытия потенциала Третьей волны выражается в том, что социум, по мере последующего активного внедрения и более эффективного использования предоставленных возможностей, будет способен впервые за многовековой период обозримой исторической ситуации создать действительно гуманный, социально-ориентированный тип цивилизации. Увеличение формирования внерыночных ценностей будет знаменовать появление более совершенных способов преодоления свойственных переходному периоду социальных кризисов. Появление новых форм как индивидуальной, так и групповой идентичности способствует качественной и разносторонней ассимиляции социума, подвергающегося трансформациям в различных сферах общественного бытия. В противном случае современная опасная общественно-мировоззренческая ситуация, усугубляющая социальное восприятие рисков, не будет в полной мере преодолена. Её актуальность подтверждается повышением уровня социальной тревожности, причиной которого может являться неуверенность в наличии благоприятного будущего для человечества в целом и, соответственно, для конкретных социальных субъектов в частности: «Таким образом, большие массы людей, находящиеся на постоянной диете из плохих новостей, фильмов о несчастьях, апокалипсических библейских историй, кошмарных сценариев, выпускаемых престижными “мозговыми центрами”, очевидно, пришли к выводу, что нынешнее общество не может быть спроецировано в будущее, поскольку будущего вообще нет. Для них Армагеддон появится всего лишь через несколько минут. Земля стремительно приближается к своему последнему разрушительному содроганию» [4, с. 36–37].

Что может предложить каждой социальной группе современный этап постиндустриального развития общества в данном культурно-психологическом контексте? Возможность минимизировать негативные последствия предполагаемых катаклизмов различного происхождения и уровня воздействия. С этим сопряжено распространение различных видов страховок, не только личностного, бытового, но и профессионального содержания (например, страхования голоса певцами, и ног футболистами); ускоренное развитие такого ИТ-направления, как компьютерная безопасность, обеспечивающего сохранение от внешних посягательств ключевого ресурса Третьей волны. Эти меры оказываются эффективными только при осознании каждой личностью собственного значения для социальной группы и каждой социальной группы — для общества. Члены стремящегося к развитому постиндустриализму общества способны консолидировать свои социоментальные усилия по разрешению общих для них противоречий, основываясь на сходности своих ценностей и жизненных ориентиров. «Как Вторая волна породила слой людей, чьи интересы превосходили локальный уровень и становились основой национальной

идеологии, так Третья волна порождает группы людей, интересы которых шире, чем национальные» [4, с. 224]. Глобальное мышление, формирующееся в рамках цивилизации Третьей волны, имеет для себя ориентир в виде снятия основных противоречий «общества рисков». Современное общество создало в форме глобального мышления инструмент преодоления собственных барьеров развития, порождаемых источниками рисков, связанных с изменением способа производства. Эффективное использование данного инструмента позволяет рассматривать неопределённость не как потенциально негативный для социума фактор, а как позитивный.

Список литературы

1. *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. 450 с.
2. *Глобальное* видение и новое аналитическое мышление // Полка книг. URL: http://polka-knig.com.ua/article.php?book=56&article=5474 (дата обращения: 25.12.2009).
3. *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Политиздат, 1984. 631 с.
4. *Тоффлер О.* Третья волна. М.: АСТ, 1999. 261 с.

THEORY OF CIVILIZATIONAL TRANSFORMATIONS AND GUIDELINES OF THE NEW SOCIAL THINKING

Elisey V. Chashchin

Perm National Research Polytechnic University; 29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia

In this article raises the problem of the dependence of social thinking of the parties to the ideal of features of development of the company, specific to the various technological eras. Comparing the basic historical stages, we can find in them not only the differences, but also similarities in the aspect of mental causes, as well as understand the value to society of a new global thinking. To determine its role in the assessment of the risks of modern society.

Key words: civilizational wave; post-industrial era; technology; thinking; global; information; society; economy.

УДК 165.731

КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Е.В. Мишалова

Рассматриваются теории исторического нарратива (повествования) в аналитической философии истории. Выделяются их характерные черты: формализованный метод исследования, нацеленность на анализ структуры и логики высказываний исторического повествования, понимание исторического нарратива как определенной организующей схемы (конструкции), которая создается историком. Подчеркивается, что основным заданием исторического нарратива является придание смысла событиям прошлого с помощью объяснения и интерпретации.
Ключевые слова: философия истории; нарратив; понимание.

Сегодня все еще продолжаются дискуссии о природе и сущности исторического знания, объекте, предмете и методе исторического познания. Особую актуальность эти вопросы приобретают в связи с так называемым «лингвистическим поворотом» в гуманитарных науках последней трети XX в. С позиций лингвистического поворота историческая действительность рассматривается в качестве совокупности текстов, текстов в узком (повествование, документ) и широком (любая знаково-символическая система) понимании. В такой ситуации важное значение имеет методология изучения исторических текстов, в частности исторического нарратива (повествования) в аналитической философии истории.

В современной мировой философской мысли выделяются две основные конкурирующие между собой философские традиции: континентальная и аналитическая. Последней очень сложно дать общую характеристику с точки зрения конкретных содержательных положений, которые бы поддерживались всеми ее представителями. Аналитическая философия, как отмечает Я.В. Шрамко, представляет собой скорее определенный стиль философствования. В качестве обязательных элементов аналитического стиля философствования можно выделить: во-первых, стремление рассматривать и решать философские проблемы с помощью философского анализа языка (лингвистический поворот); во-вторых, активное использование методов и средств (в том числе и технических) современной логики; в-третьих, высокие требования к ясности и четкости аргументации, которая используется для обоснования тех или иных философских положений [19, с. 185–186].

Во второй половине XX в. предметом активных исследований аналитической философии стало предметное поле исторической науки. Аналитическая философия истории подходит к изучению истории с помощью: (1) концептуального анализа истории с целью обеспечения надежных основ исторического знания; (2) анализа предметного поля исторической теории и принципов ее построения; (3) анализа методологии истории, которая переплетается с новыми проблемными областями феноменологии и герменевтики; (4) исторического анализа конкретно-исторических обычаев словоупотребления. В целом аналитическая философия истории сосредотачивает основное внимание на поиске удовлетворительной концепции исторического объяснения, логическом исследовании структуры нарратива вообще и нарративных предложений в частности, а также на анализе проблем исторического познания [8, с. 52–53].

Следует отметить, что существенное влияние на формирование аналитической философии истории оказала концепция объективной эпистемологии К. Поппера, по мнению которого эпистемология должна сосредотачиваться на исследовании научных проблем, проблемных ситуаций, научных предположений (под которыми понимаются научные гипотезы или теории), научных дискуссий и критических размышлений, а также на изучении научных журналов, книг и экспериментов. Выделяя «объективный» и «субъективный» (психологический, социологический) подходы к научному

Мишалова Елена Виталиевна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры всемирной истории; Криворожский педагогический институт Криворожского национального университета; Украина, 50086, Кривой Рог, пр. Гагарина, 54; elen-mishalova@rambler.ru.

знанию (познанию), К. Поппер подчеркивает, что исследование продуктов мыслительной деятельности является даже более важным, чем исследование производства этих продуктов [14, с. 109].

Весомым вкладом в разработку проблематики аналитической философии истории стала работа К. Гемпеля «Функция общих законов в истории» [4]. Именно с этой работы, считает М.А. Кукарцева, и начинается история аналитической философии истории [9, с. 45]. Основное содержание модели всеохватывающего закона заключается в утверждении, что всеохватывающие (универсальные) законы («общие гипотезы» или «теории») играют в гуманитарных науках, в частности в истории, аналогичную роль, что и в естественно-научных дисциплинах [4, с. 94]. Данная работа К. Гемпеля вызвала ряд важных дискуссий касательно природы и структуры объяснения, соотношения структур объяснения и предположения, объяснения и понимания, а также относительно специфики исторического объяснения. По мнению В.Н. Сырова, полемика с программой К. Гемпеля стала исходной точкой борьбы исторического нарратива за приобретение статуса научности [16], т.е. формирования нарративной философии истории (в частности и в границах аналитической традиции).

Одна из первых теорий исторического нарратива в аналитической философии истории была предложена А. Данто, по мнению которого повествование по своему характеру уже является некоторой формой объяснения, поскольку содержит в себе объяснение наряду с сообщением о том, что же действительно произошло [5, с. 194, 138].

В концепции исторического повествования А. Данто нарратив сравнивается с определенного рода «каркасом» и выделяются две основных его разновидности: атомарный и молекулярный. Первый образует аналогию дедуктивному выводу и соответствует модели всеохватывающего закона Гемпеля-Поппера. Более сложным является молекулярный нарратив, который описывает изменения (события), для объяснения которых не существует одной причины. Строится такой нарратив из нарративных предложений (такие, которые содержат ссылку, по крайней мере, на два разделенных во времени события, но при этом описывают более раннее из них; чтобы считаться истинными, они должны логически предполагать, что оба события действительно имели место быть); обозначающих конструкций (выражения, которые позволяют уникальным образом выделить конкретные события, лица и места, благодаря использованию местоимений и местоименных наречий — «место, где…», «человек, который…»); и временных структур, которые создает историк, объединяя отдельные события соответственно своему критерию значимости (например, «Великая французская революция») [5, с. 153, 155, 161, 238].

Считая основным заданием исторической науки придание смысла фактам, уже сообщенным, или распознавание в них этого смысла [5, с. 114], А. Данто подчеркивает, что историк владеет существенным преимуществом относительно участников исторических событий или их современников, поскольку имеет уникальную возможность видеть эти события во временной перспективе. Благодаря этому историк может указать на такие особенности исторической ситуации (события), о которых ничего не могли бы сказать их очевидцы или участники [5, с. 177, 20].

Следует отметить, что на формирование теорий исторического нарратива в границах аналитической философии истории значительно повлияла концепция философии истории Р.Дж. Коллингвуда, представителя аналитической герменевтики. Согласно его взглядам, «воспринимаемое здесь-и-теперь никогда не может быть воспринято и тем более объяснено во всей его целостности, а бесконечное прошлое никогда не может быть схвачено целиком» [7, с. 236]. В истории, как и во всех остальных науках, никакой результат не является окончательным. Свидетельства прошлого, находящиеся в нашем распоряжении при решении любой конкретной проблемы, меняются с изменением исторического метода и при изменении компетентности историков. Из-за этих постоянных и неизбежных изменений, какими бы медленными они не казались наблюдателю в коротковременной перспективе, «каждое новое поколение должно переписывать историю по-своему, каждый же новый историк не удовлетворяется тем, что дает новые ответы на старые вопросы: он должен пересматривать и сами вопросы» [7, с. 236].

Р.Дж. Коллингвуд обращает внимание также на близость истории и литературы, поскольку работы историка и романиста, являясь продуктами воображения, не отличаются в этом смысле друг от друга. Разница заключается в том, что исторический нарратив претендует на истинность. Историк должен уметь решить две задачи одновременно: как и романист, он должен построить осмысленную картину, которая, однако, должна соответствовать действительности [7, с. 234].

Автором концепции исторического нарратива, которая, по мнению исследователей, произвела «поворот» в англосаксонской историографии, выступает Х. Уайт [18, с. 45]. Его также называют приверженцем «риторического анализа» исторических работ [15, с. 32]. С точки зрения самого Х. Уайта, его теория — это попытка концептуализации больше «поэтики» историографии, чем «философии» истории [17, с. 10–11].

Историческое повествование (нарратив), согласно Х. Уайту, является словесной структурой в форме повествовательного прозаического дискурса. Исторический нарратив представляет собой определенную комбинацию сюжетной линии (по аналогии с литературой: роман, комедия, трагедия, сатира), типа объяснения (формалистическое, механистическое, органицистское, контекстуальное) и идеологического обоснования (с позиций анархизма, радикализма, консерватизма, либерализма). Х. Уайт обосновывает избирательное сродство между различными типами построения сюжета, доказательства и идеологического подтекста в конкретной исторической работе, которое основывается на структурных гомологиях и может быть использовано для получения объяснительного эффекта на разных уровнях композиции [17, с. 18, 49]. Исходя из этого, следует отметить, что Х. Уайт постулирует глубинный уровень исторического сознания, на котором историк выбирает концептуальные стратегии (эпистемологический, естетический и моральные измерения), с помощью которых объясняет и представляет исторические данные, производя по сути поэтический — префигурирующий акт [17, с. 50]. Последний тезис вызвал ряд возражений. Например, с точки зрения Г. Иггерса, скорее выбор самого тропа (интерпретативной стратегии) обуславливается указанными критериями построения исторического повествования [6, с. 146].

Острые дискуссии вызвала также идея фикциональности исторического нарратива, согласно которой его содержание в такой же мере является «выдуманным», как и «открытым» [6, с. 144]. Однако, как позже отмечал сам Х. Уайт, понятие вымысла использовалось им в его современном понимании — гипотетического конструкта, лингвистического или дискурсивного вымысла (в этимологическом смысле слова «fictio» — что-то сделанное или созданное) [17, с. 13]. Для того чтобы вообще быть написанной, история вынуждена обращаться к способности разума создавать вымыслы (фикции), т.е. придавать форму историческому времени, локализировать исторические события, выдумывать сюжеты для последовательного движения исторической реальности [10, с. 124]. Таким образом, Х. Уайт предлагает более развернутую модель исторического повествования, выделяет несколько параметров его построения и, хотя он делает свой вывод на основе анализа исторических работ XIX в., предложенная им схема может быть использована для исследования любого исторического нарратива.

В качестве продолжения методологической концепции Х. Уайта можно рассматривать теорию нарративной логики Ф.Р. Анкерсмита, с именем которого ассоциируют нарративный этап развития англосаксонской философии истории или «новой философии истории». Ф.Р. Анкерсмит исходит из утверждения о принципиальной разнице и, следовательно, необходимости четкого разграничения между историческим исследованием (результаты которого, как правило, отображаются в терминах индивидуальных предложений относительно прошлого) и историческим письмом (которое интегрирует результаты исторического исследования в границах исторического текста как целого) [1, с. 70–71].

Согласно Ф.Р. Анкерсмиту, нарративы задают определенное видение прошлого — «видение как…», функционируя в качестве правила или системы правил, которые устанавливают, как именно необходимо представлять себе прошлое [2, с. 291, 294]. Исторический нарратив представляет собой некоторую когерентную систему предложений в форме повествовательного текста, в котором можно выделить два уровня: описательный (высказывания буквальной истины) и метафорический (нарративный). При этом «по отдельности индивидуальные высказывания в нарративе могут указывать во всех мыслимых направлениях, и только нарративная “точка зрения” задает им “нарративное направление”, однако сама “точка зрения” возникает лишь благодаря этим беспомощным описательным высказываниям» [2, с. 11, 307].

Подытоживая, следует подчеркнуть, что нарративная логика Ф.Р. Анкерсмита — это логика репрезентации и интерпретации (чем и являются исторические повествования), т.е. исключительно номиналистическая. Нарративы не отображают, а определяют «лицо» прошлого [2, с. 293]. Нарративизм является конструированием не того, чем прошлое могло бы быть, а нарративных интерпретаций прошлого. Последние, в свою очередь, представляют собой организацию знания, а не знание само по себе. Нарративная интерпретация (нарра-

тив) выступает в роли инструмента понимания в исторической науке. В наше время переизбытка информации, мы сталкиваемся скорее с проблемой организации знания и информации, чем их получения, поэтому сегодня особенно актуальны нарративные исследования [3, с. 122–124].

Функциональной можно назвать «категориальную схему» анализа исторических работ А. Мегилла. Он определяет четыре основные задачи историографии: описание, объяснение, аргументация и интерпретация. В зависимости от того, которое из них превалирует в той или иной работе историка, она может соответствовать форме нарратива или существенно отклоняться от неё, хотя все из вышеназванных функций обязательно присутствуют в каждом историческом исследовании. Нарративом, согласно А. Мегиллу, является работа, в которой «исторические действия, события, герои и окружение будут играть (но в разных пропорциях) определяющую роль в тексте» [12, с. 241]. Это работа, в которой именно описание некоторого аспекта исторической действительности — рассказ о том, что имело место быть — доминирует, выступает главной задачей. Работы, в которых историк больше концентрируется на объяснении, аргументации или интерпретации, могут отклоняться от формы нарратива [12, с. 241–242]. Следовательно, А. Мегилл, выделяя четыре возможные модели исторического исследования, значительно сужает понятие нарратива, сводит его только к одной их них (описание, рассказ). По мнению А. Мегилла, границы предложенной им категориальной схемы необходимо учитывать, поскольку отмеченные категории составляют карту важных измерений историографических работ, являясь полностью достаточными для их всестороннего анализа [12, с. 243].

Интересной идеей в концепции А. Мегилла является выделение уровней концептуализации исторического нарратива: (1) историческое повествование как таковое (нарратив); (2) «мастер-нарратив», т.е. сообщение, которое претендует на авторитетное изложение отдельного сегмента истории (например, история нации); (3) «большой нарратив» или сообщение, которое считается наиболее авторитетной версией истории вообще (универсальная история) [13, с. 177]; (4) «метанарратив» (чаще всего под ним понимается вера в Бога или рациональность, присущая миру, и которая является оправданием или основанием для «большого нарратива») [11, с. 269].

Таким образом, можем сделать вывод, что, несмотря на значительное разнообразие подходов к пониманию природы исторического знания («научное» или «литературное») и, соответственно, концепций исторического нарратива, представителей аналитической философии истории объединяет между собой ряд общих черт: во-первых, формальный метод исследования; во-вторых, стремление установить сущность исторического знания с помощью анализа структуры и логики высказываний исторического нарратива; в-третьих, понимание исторического повествования как определенной организующей схемы, конструкции, которая создается историком; в-четвертых, в качестве основного задания исторического нарратива рассматривается придание смысла событиям прошлого посредством объяснения и интерпретации (нарратив как инструмент объяснения и интерпретации).

Список литературы

1. *Анкерсмит Ф.Р.* Введение. Трансцендентализм: взлет и падение метафоры // Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры: пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс–Традиция, 2003. С. 65–114.
2. *Анкерсмит Ф.Р.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков: пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
3. *Анкерсмит Ф.Р.* Шесть тезисов нарративной философии истории // Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры: пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс–Традиция, 2003. С. 115–130.
4. *Гемпель К.* Функция общих законов в истории: пер. с англ. С.С. Введенского // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 88–97.
5. *Данто А.* Аналитическая философия истории: пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной / под науч. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
6. *Иггерс Г.Г.* История между наукой и литературой: размышления по поводу историографического похода Х. Уайта: пер. с англ. И.В. Дубровского и М.Ю. Парамоновой // Одиссей: Человек в истории 2001 / РАН. Ин-т всеобщ. истории. Русская культура как исследовательская проблема / гл. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 2001. С. 140–154.
7. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография: пер. с англ. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 486 с.
8. *Коломоец Е.Н.*, Кукарцева М.А. Опыт метафилософии истории // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2000. № 6.

С. 48–59.
9. *Кукарцева М.А.* Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 44–55.
10. *Кукарцева М.А.* Эпистемологические проблемы лингвистического поворота в историографии // Эпистемология и философия науки. 2006. № 1. С. 110–130.
11. *Мегилл А.* «Большой нарратив» и дисциплина история: пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаевой, В. Тимонина // Мегилл А. Историческая эпистемология: монография. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2007. С. 266–313.
12. *Мегилл А.* Нарратив и четыре задачи историописания: пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаевой, В. Тимонина // Там же. С. 199–254.
13. *Мегилл А.* Обладает ли нарратив собственной познавательной ценностью? / пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаевой, В. Тимонина // Там же. С. 170–198.
14. *Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход: пер. с англ. Д.Г. Лахути / отв. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
15. *Селунская Н.Б.* Методологическое знание и профессионализм историка // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 24–41.
16. *Сыров В.Н.* Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу. URL: http://siterium.trecom.tomsk.su/syrov/Syrov_8.htm (дата обращения: 16.08.2013).
17. *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века: пер. с англ. под. ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 528 с.
18. *Феллер В.* Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии история. М.: КноРус. 2005. 672 с.
19. *Шрамко Я.В.* Возникновение, становление и развитие аналитической философии // Актуальні проблеми духовності. Зб. Наукових праць / Відп. ред. Я.В. Шрамко. Кривий Ріг: КДПУ, 2005. Вип. 6. С. 185–194.

CONCEPTION OF HISTORIC NARRATIVE IN THE MODERN PHILOSOPHY OF HISTORY

Elena V. Mishalova

Pedagogical Institute of Krivoy Rog National University;
54, Gagarin av., Krivoy Rog, 50086, Ukraine

The paper considers the theories of historical narrative in the analytic philosophy of history. Their typical features are distinguished as the following: using the formal method of research, striving for an analysis of the structure and logic of the historical narrative statements, understanding of the historical narrative as a certain organizing scheme (construction) which is created by a historian. It is underlined that the main task of the historical narrative is attaching importance to the events of the past through the use of understanding and interpretation.
Key words: philosophy of history; narrative; understanding.

УДК 130.2

ЛИЧНОСТЬ КАК ИНТЕГРАТОР КУЛЬТУРЫ

О.П. Скидан, М.В. Ненашева

Рассмотрена одна из ведущих тенденций современной культуры — распространение операционально-функционального подхода к восприятию и пониманию реальности. Исследуются результаты применения этого подхода в образовании: личность интерпретируется как совокупность социальных функций, межличностные отношения — как коммуникативно-компетентное поведение, осмысление подменяется владением информацией. Как следствие, нивелируется личностный ценностный смысл, который становится подчиненным практическому действию и его результату. Из образования тем самым исключается задача воссоздания культурного потенциала, и оно становится лишь механизмом, обслуживающим экономические потребности общества. Рассматривается антропологический подход, в соответствии с которым духовное единство личности, сама она понимается в первую очередь как интегратор духовности и культурных ценностей, ставится задача выбора позитивного основания такой интеграции. Этот подход предлагается в качестве ключевой линии развития образования как адекватный его культурному характеру.

Ключевые слова: образование; личность; современная культура; социальный характер; ценностный смысл; практическое действие; личностный рост; духовное развитие.

Нам часто кажется, что век современных технологий начался совсем недавно, когда улицы наших городов заполонили автомобили, повсеместно появились мобильные телефоны и компьютеры, выросли (кажется даже, что *вдруг* появились) дети, не мыслящие уже не только телевизора без «лентяйки», но и себя без «мышек» и наушников. Для России век современных технологий — это XXI век. Но историки поправили бы нас, добавив, что начало этому было положено далекими промышленными революциями XVIII в. А если быть более точными, то методология современного технологического мира утверждается в XVII в., в научной деятельности Галилея и в исследованиях Ньютона уже крепко стоит на ногах: шокирующей для средневековых мыслителей, но продуктивной для новоевропейской науки оказалась идея не ставить вопрос о причинах явлений, а описывать их «как они есть» математическими средствами. Например, камень падает на землю, и важно, что его движение *описывается* законом всемирного тяготения. Механизм же действия сил притяжения между Землей и камнем не подлежит обсуждению — природа тяготения как взаимодействие на расстоянии надолго остается проблематичной и находится за пределами самой теории, рассматривающей механические явления [4]. Экспликация количественных отношений и приоритет количественного *описания* над качественным *объяснением* — это и есть новый исследовательский подход, новая концептуальная модель, которая базируется на абстрагировании и идеализации реальности, конструировании предметных областей и их проблематизации, обеспечивающих возможность применения *метода*, и на которой строится все здание европейской науки Нового времени. Это главная характеристика научного исследования эпохи и *предпосылка технологии*. Но, заметим, лишь характеристика и предпосылка! Суть познания, в том числе и научного, всегда была в другом — в поиске истины.

Сам подход, который полноправно может быть назван *функционально-операциональным* (исследуются функции предмета, его операциональные возможности, а не его сущность), как известно, изначально складывался в сфере естественно-научных исследований внешних явлений природы и знал, так сказать, свои границы, поскольку в применении к социальным явлениям почти сразу проявил свою несостоятельность, оказался ограни-

Скидан Ольга Петровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии; Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Институт социально-гуманитарных и политических наук; 163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 2; tosha.internet@yandex.ru.
Ненашева Марина Викторовна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии; Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Институт социально-гуманитарных и политических наук; 163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 2; m.nenasheva@yandex.ru.

ченным. Новая модель эффективно работала там, где была применима математика. Ученым, работавшим в социально-гуманитарных областях науки, приходилось исходить из непосредственного анализа конкретных уникальных явлений (культурных текстов, исторических событий, личностей, отношений социальных групп и пр.), поэтому мыслить в обобщенных категориях и говорить о методе было достаточно сложно, да и математика сама еще не была способна анализировать нетривиальные объекты и связи. Только во второй половине XX в. не без труда складывается понятие методологии гуманитарных наук, и именно в это время операционально-функциональный подход проникает в эту область исследований.

Для нашей темы важны фундаментальные изменения, которые описываемый подход вносит в понятие личности. С самого начала смысл личного бытия был связан с неповторимостью, уникальностью, присущей каждому человеку (при том, что понятие «человек» выявляло общее родовое качество). Применение «метода» требует операционального обобщения, и личность начинает трактоваться через характер ее действия в обществе, как совокупность социальных функций, набор которых для каждого человека различен. Проблематичным оказывается вопрос о природе личности — почему-то различна интенсивность присутствия каждого человека в его социальной роли — и он остается за кадром. Личность исследуется с точки зрения операциональных возможностей (актуальных и потенциальных), фактически сводится к ним и одновременно исчезает ее *внутреннее единство*, духовный центр, который определяет даже при выполнении одних и тех же социальных ролей особый, исключительный характер и незаменимость того или иного человека. На протяжении последних веков в каких только проекциях на социум не рассматривалась личность — от человека разумного, политического, экономического и юридического до… больного духом, так что вспомнить о целостности уже в силу привычки становится трудно [12]. Но все же вдумаемся: можно добросовестно выполнять работу учителя начальных классов, но не стать для конкретного ребенка тем первым учителем, память о котором сохранится на всю жизнь. Можно учить и хотеть или не хотеть научить при этом. Можно быть хорошим учителем, а можно — талантливым или даже «прирожденным» педагогом. Можно «быть», а можно «казаться». Все эти смысловые различия в рамках операционального подхода к понятию личности утрачиваются, как вместе с единством исчезает и она сама.

То же касается и понимания межличностных взаимоотношений. Функционально-операциональная модель трактует социально адаптированную личность как владеющую некоторым набором правил коммуникативного поведения, усвоившей синтаксис и грамматику общественной жизни, т.е. обладающей коммуникативной компетенцией. В основе такого подхода лежит действие, причем не только речевое, но и поведенческое — понятно, что коммуникация здесь понимается в широком смысле. Это ориентирует на освоение социальных ролей, которые могут быть внутренне *приняты или не приняты* человеком. Казалось бы, какая разница? Внешне, т.е. по способу и даже качеству выполняемых действий, принятие или не принятие не имеет значения в ситуациях, не выходящих за пределы определенных норм. Но правила всегда обладают аксиологическим измерением, конституирующим культурно-смысловое поле личностных взаимоотношений. Если они не вошли в систему личностных ценностей человека, то даже при стандартном выполнении правил они для человека не конструктивны — деформируют или даже ломают личность, что обязательно проявится в некоторых исключительных случаях (вспомним внезапные вспышки асоциального поведения учителей или школьников, например). Совсем не случайно теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса тесно связана с теорией аргументации, с убеждением на основе *рационально*-мотивированного согласия [13, с. 361]. Да, можно улыбаться, но испытывать неприязнь к собеседнику. Можно владеть языком и не иметь что сказать. Можно делать одно, а думать и чувствовать прямо противоположное. Коммуникативная компетенция ориентирована на рационально-поведенческую сферу деятельности человека, но он сам и его жизнь этим далеко не исчерпываются и, что еще важнее, *не определяются*.

Границы применения функционального подхода, о котором мы ведем речь, быстро нарушаются и дальше, выходя за пределы не только гуманитарных научных исследований, но и науки вообще. Сегодня можно говорить о его распространении практически на все сферы культуры. Именно в той мере, в какой в них проникает рациональность, в них проникает и функциональность. А проникает она везде, о чем свидетельствует, в первую очередь, наш язык — везде мы видим *проблему*, а значит, и то, что можно ре-

шать — анализировать, изучать, обсуждать. Наше сознание транслирует свою концептуальную схему на все, что оказывается в поле нашего зрения: становясь в полной мере Homo sapiens, мы воспринимаем все предметы как набор функций, в их операциональном качестве. Все исследуется, измеряется, поскольку все трактуется в функциональном отношении. *И это становится характеристикой нашей современной культуры*. Она требует количественных градаций, будучи массовой культурой, и функциональный подход здесь как нельзя кстати. Развитие технологий, в том числе и даже особенно — информационных, обеспечивает значительный скачок в применении количественных методов, их глубину и разнообразие (современная инженерия знаний, основанная на экспертных оценках, включает в себя и качественный уровень, что расширяет возможности количественного подхода в целом, но и вуалирует его суть), делая в то же время более устойчивой саму ментальную схему — она становится базовой структурой сознания современного человека.

Здесь можно давать разные оценки и делать разные выводы. Можно, наверное, и посетовать на то, что в России развитие человека в информационном обществе происходит недостаточно быстро — красивые логистические модели дают неутешительные прогнозы: даже к 2041 г. мы не догоним ведущие мировые державы [1]. И, возможно, кому-то захочется разработать новые концепции развития образования, чтобы если не догнать, то и не очень сильно отстать. Но по-детски просто и наивно хочется спросить: «А разве в этом заключается развитие человека?» Неужели мы до сих пор не в состоянии извлечь исторические уроки увлеченности идеей технического процесса? Нас не научил осторожности XX век? Настолько ли впечатляющи достижения математического естествознания, первым реализовавшего идеи функционально-операционального подхода, если человечности они в мир не принесли, даже значительно убавили? На память приходит замечание одной воспитательницы детского сада после проведения очередного занятия: «За последние 10 лет дети стали намного более развитыми интеллектуально и почти на столько же более злыми». И думается, дело не в том, что надо увеличить порцию нравственного воспитания в образовательных учреждениях, а в том, чтобы найти или создать в самой сердцевине образовательного процесса столь же мощные механизмы, которые компенсировали бы негативное воздействие на человека этой во многом положительной тенденции культуры — ее технологизации.

Проникая во все сферы культуры, концептуальная модель функционально-операционального подхода касается в первую очередь самовосприятия человека. Из нашего лексикона постепенно уходят слова, фиксирующие устоявшиеся качества личности, и вопрос «Что это за человек?» мы все чаще подменяем другим — «Что он может (знает, умеет)?». Значимо количественно определяемое внешним успехом. Культура прошлого дает нам примеры того, как одно высказывание «это порядочный (благородный, великодушный, мужественный, ответственный и т.д.) человек» было достаточной порукой и могло определить судьбу. В наше время в этом не много чести, необходимо *толстое* портфолио. Может быть, здесь кроется главный ответ на вопрос «Почему наши дети не любят читать?» — чужеродной оказывается сама ментальная схема, ведь литература — это всегда о человеке в его единстве и качестве. А современный человек не живет единственной и неповторимой жизнью, практически не задумывается о своем призвании, все чаще деятельность расценивает не как способ становления своей личности и ее самореализации в служении ближним и отечеству, а лишь как способ материального обеспечения.

Каждый сегодня старается охватить как можно больше, успеть всюду, и *кажется*, что широкий спектр деятельности — это полнота личности. СМИ и Интернет — идеальная репрезентация функциональной динамики нашей культуры: задачу быть везде и всюду мы решаем виртуально — каждый может *представить себя* сочувствующим участникам торжественных или трагических событий, союзником героев дня, экспертом, аналитиком, комментатором и просто сотоварищем тех, у кого сегодня хорошая погода. «Я» современного человека лишено при этом цельности, есть только множество его проекций в мир — он есть во всем, только не у себя. А ведь именно личность и концентрирует в себе те культурные факторы, которые могут усиливаться только в ней *лично* и противостоять негативным тенденциям культуры — вспомним, на этом была построена почти вся критика Гегеля: в личности интегрируется то, что не позволяет мощному Абсолютному духу (воспроизводящему себя в каждом через культуру!) превратить человека в винтик, в созданный по шаблону стандартный элемент социума. История насыщена иллюстрациями этого факта. Разве можно представить себе, например, эпоху Возрождения только без двух личностей —

Данте и Петрарки? Или немецкую культуру без Канта и Гете? И сколько бы ни было критики в адрес русской интеллигенции или диссидентства, но русская культура немыслима без Пушкина, Бердяева, Серафима Саровского, Чайковского, Солженицына и десятков других деятелей разных сфер культуры (православия, искусства, науки, политики, производства), в ком представлен не просто профессионализм, но звучал *голос личности, выражалась глубина и сила духа*. Без тех, чьи имена объединены словом «классик» и кого мы знаем поименно, траектории истории были бы иными и спорить с этим никто не возьмется. Но вот в чем парадокс: мы относим к прошлому такие очевидные факты и дистанцируемся от них сейчас; уровень нашего исторического сознания никак не достигает нужной отметки в осмыслении настоящего как мгновения исторического, поэтому *там* цельность личности была нужна, а *здесь* — заботиться об этом в водовороте современного мира человеку некогда. И задача формирования личности почти целиком и полностью ложится на систему воспитания и образования.

Трудности на этом пути связаны в первую очередь с тем, что, будучи ведущим социокультурным фактором, концептуальная модель функционально-операционального подхода касается всех сфер жизнедеятельности, всех сфер культуры и является уже не только ментальной схемой, но представлена предметно в виде разного рода технологий, что многократно усиливает ее мощность (именно поэтому в развитом технологическом обществе она становится ведущей культурной тенденцией).

Несколько примеров.

Ключевое в рамках рассматриваемого подхода понятие проблемы само стало предельно функциональным. Функции в отличие от истины меняются в зависимости не только от ракурса, в котором мы рассматриваем предмет (теоретическая и практическая стороны проблемы), но и от социально-экономических обстоятельств (актуальность, востребованность, техническое обеспечение, практическая значимость, финансовая поддержка и т.п.), поэтому содержание и количество исследований по самым разным направлениям не поддается никаким оценкам здравого смысла, а ученый в современном мире не тот, кто ищет истину, а тот, кто получает гранты.

Научные подходы тоже операциональны и продуктивны в смысле технологий, всегда лишь приближаясь к сути дела. Социолог изучает общество, выделяя его функции: «интегрирующая, дифференцирующая, жизнеобеспечивающая, властнорегулирующая, антропокоммуникативная» [8, с. 29]. И далее: «Попытаемся структурировать изучаемые базовые ценности в виде соответствующих функционально-ориентирующих кластеров» [там же]. При таком понимании успешно применяются математические методы, используются компьютерные модели, только вот анализ каждый раз учитывает одни аспекты и забывает про другие, а потому приходится ждать более полного учета всех факторов, как мы ждем единой теории взаимодействий в физике — природа при этом живет отдельной от физических концепций жизнью, а общество то и дело своим независимым от социальных наук ходом попадает в их маленькие в процентах, но весьма ощутимые в жизни погрешности. Аналогичным образом психолог исследует интеллект с помощью тестов и делает выводы. Вопрос о том, насколько тесты применимы (глубже — адекватны пониманию того, что такое интеллект и интеллектуальная норма), сначала остается на совести специалистов, а затем и совсем снимается (кому интересно — можно обсудить такую тему на форуме в Интернете, но это ни к чему не обязывает, лишь дает возможность поговорить). Получается вот такая вывернутая модель — интеллект должен соответствовать тесту, а не наоборот. Гении, таланты, просто нестандартные люди остаются за скобками или (что становится модным) — их можно штамповать [10]. Экономически это выгодно: если речь идет об усвоении некоторого функционального набора, то глубокого образования для всех не надо — специалисты создадут технологии, решат как и что использовать, а мы научимся применять. На специалиста-психолога надо учиться как минимум 4 года, а курсы психологов можно «пройти» за несколько месяцев. Ситуация принципиально отлична от той, которая применялась и применяется пока еще в большинстве вузов для подготовки учителей. Никто не учил только методикам, учили быть педагогом. И тем самым учили отвечать за то, что делаешь, и за своего ученика. До сих пор, отдавая ребенка в первый класс, заботливые родители интересуются не столько программой, сколько учителем. Это принципиально иная постановка вопроса, *иная ценностно, культурно*. Это вопрос о сути дела и о человеке, который это дело выполняет. Здесь и ребенок — личность, и учитель — личность. В чистой технологии личность исчезает, остаются, как мы уже говорили, только его операциональные возможности.

Сферу образования, как мы видим, функционально-операциональный подход пересекает сразу по многим измерениям.

Нет вопроса об истине. Классик об истине свидетельствует [9], тут нужно *быть* личностью, нужно потрудиться изучить предмет. Чтобы понять классика, тоже надо стремиться стать личностью, дотянуться, чтобы услышать его свидетельство. Классик с тобой делится и ты ему благодарен за это — вот они межличностные отношения. Человек растет, культура его питает, а он ее любит и делится этой любовью с другими. Тогда на пользу обществу и в радость человеку учить детей, заниматься математикой, исполнять музыку, писать картины, разрабатывать программы. Но если проблемы истины нет, а только информация о предмете (полная, разнообразная — какая хотите, но безличная), тогда неважно, кто ее высказал, — он, быть может, тоже знает. Информацией владеют, хорошо ее *иметь* и правильно (выгодно) использовать. Но тогда школьник — потребитель, и, предоставляя ему информацию, мы взращиваем в нем потребительство, а отношение «ученик–учитель» не личностное, а товарное, так же, как и отношение с государством (как часто с трибун звучит идея обеспечить учреждения образования тем-то и тем-то — это государство пока должно; потом звучит мысль об отдаче — отработай то, что на тебя затратили). В отношениях с педагогом и с государством на одной только экономической основе личность не воспитаешь и любовь к предмету не привьешь, равно как и государство, — хорошо то, что повыгодней, а про отечество — это отдельно: классный час и мероприятия к 9 Мая. Личности изначально нет — ей не на чем было расти, хотя формально и люди те же, и государство, и содержание образования то же, но *в ином культурном пространстве*.

Тогда нет и ценностей. Для информации различия между гносеологией и аксиологией не предусмотрено — относительно все: то, что хорошо с одной точки зрения, с другой может быть неправильно. Но это путь к аксиологической катастрофе, по поводу которой в философском сообществе в последние годы развернулась серьезная дискуссия [5, с. 21]. Логику категорических суждений вместе с однозначной истиной отправили в отставку. Пока остается логика сравнительных оценок, и можно поискать основания, в силу которых одно все же лучше другого. В основаниях, однако, тоже допускаются сомнения, чем снова выбивается почва из-под ног ценностей. Заметьте, как легко современные школьники формулируют свое мнение о чем угодно, а мы их об этом усердно спрашиваем. Это зрелость? Скорее безграмотность и безответственность. Безграмотность потому, что о серьезных предметах, чтобы хоть что-то сказать, надо не только получить информацию накануне урока или семинара, но и подумать, а это подразумевает и интеллектуальный навык, и опыт, и довольно долгий труд. Безответственность, потому что, высказывая впопыхах свое мнение, я дерзок, я свожу на нет многолетний труд ученых, которые не два-три дня посвящали изучению предмета (не получению информации о нем!), но годами бились и над формулировкой проблем, и над подходами и решениями. Конечно, Гейзенберга сразу отвергать не станут — физические процессы сложны, остановит сама терминология, а вот на гуманитарные темы можно сразу поспорить — поставить себя наравне с Лермонтовым или Ницше не стыдно. Почему? Потому, что отметки на ценностной шкале стерлись или меняют свои координаты, находясь в зависимости от очередного (мнимого?) аргумента.

В 90-е гг. в России многие служащие вынуждены были уходить в кооперативный бизнес, но их дети учились — они сохранили престиж образования и культуры [7, с. 255]. Сейчас речь идет не о ценности, а о выгоде образования — более высокая зарплата и наименьший уровень безработицы у тех, кто имеет диплом о высшем образовании [6, с. 419]. Прогноз — в ближайшие десятилетия будет целесообразным несколько высших образований (со второго оно платное, значит, и системе образования выгодно и можно говорить об ее самоокупаемости!). Тем самым *из культурной сферы образование уходит в экономическую*. Экономика же совсем не призвана формировать личность и тесно соприкасаться с культурой; ее задача — товарно-денежные отношения. Не будем подробно напоминать здесь предупреждения маститых философов еще на заре зарождения капитализма, в эпоху Просвещения — они как пророки, как глубокие диагносты культуры сразу почувствовали угрозу личности со стороны развитых рыночных отношений и уже тогда писали, что человека эти отношения превратят из цели в средство, человек будет оцениваться не по критериям личностных качеств и уровню культуры, а по способности продать себя как рабочую силу, как товар. Теперь мы видим это воочию, этим живем.

Но давайте попробуем поставить вопрос об образовании в другой плоскости — в культурном измерении. В чем традиционно видится смысл культуры? В том, что она подсказывает человеку

границы, в рамках которых его существование будет осмысленным. В том, что она создает и предоставляет нам инструменты, пользуясь которыми, мы развиваем в себе важные человеческие качества, без которых в предложенных границах удержаться трудно. В том, что она помогает человеку стать человеком. Какими бы условными не были культурные нормы сами по себе (становление человека в Александрии II в. происходило в другом культурном оазисе, чем в России петровской эпохи, например), их смысл во все времена и у всех народов остается единым. Культура может реализовывать свой смысл по-разному, и формирование человека может происходить благодаря или вопреки господствующим в ней тенденциям — это тоже зависит от времени и места, но также не меняет ее сути*: культура направляет человека на усилие по ее освоению и тем самым позволяет формироваться личности*. Младенцу трудно научиться пользоваться ложкой, первокласснику трудно научиться решать уравнения и освоить правописание ча-, ща-, аспиранту — написать первую статью, матери — отпустить ребенка от себя, президенту — принимать государственные решения. Но именно напрягая свою волю, преодолевая себя в этих трудностях, человек делает из себя личность, растет духовно и развивается. Любое действие, любой поступок (будь он практический, познавательный, этический или эстетический) обретают тем самым *личностный смысл*, в котором и предметное содержание, и абстрактная ценность оказываются вторичными — на первом плане *созидательный по отношению к личности аспект*! В отношении к обществу и культуре этот смысл также конструктивен — через него осуществляется преемственность и развивается историческая память.

Мама помогает младенцу, учитель помогает ученику. Сразу «сам» — не получится: надо научиться из всего, что есть вокруг, выбирать то, что важнее, что эффективнее, что именно тебе будет нужнее в соответствии с твоим призванием и твоими способностями и чем ты сможешь быть полезен другим. На первых порах нужна помощь и поддержка, только потом сам, но уже не от себя, а с умом, на опыте других. *Система воспитания и образования должны работать как сферы культуры, ее подспорье — в этом их цель*.

В современном обществе ценности сместились, и сам смысл культуры постепенно теряется. А. Гелен уже в первой половине XX в. отмечал насущную необходимость восстановления роли социальных культурных институтов (в том числе «социального института в единственном числе», каковым является личность): относительность настолько глубоко вошла в наше современное технологическое сознание, что на ее фоне мы вновь становимся варварами и не замечаем этого. Он выдвинул лозунг «Назад, к культуре», обосновав его многостраничным исследованием природы человека, культурных механизмов, но остался неуслышанным за пределами узкого круга специалистов. В настоящее время все негативные факторы, о которых он писал многократно, усилились, добавились новые (что отмечено выше), лозунг стал актуальнее. Более того, общественное сознание под культурой теперь понимает все, что угодно. К ней уже не привязана ценностная шкала: бескультурье становится нормой, стремиться ни к чему не надо — все хорошо, что есть. Тем самым усилий от человека никаких не требуется. Личностного роста тоже. Смысл культуры искажен до противоположного. От «стань человеком, вписываясь в культуру, вырасти из себя личность (культура поможет)» до «мое любое Я — это культура, и пусть все со мной считаются». Конечно, в этих условиях теряется и смысл образования, можно нагрузить его и экономическими или любыми другими задачами. Предметность выходит на первый план (мы бесконечно говорим о внешней практической пользе, а категории внутреннего опыта как будто ничего не значат). Ценности при этом отрываются от самого конкретного человека, становятся абстрактно-теоретическим багажом, довеском к предметно выраженному содержанию. И поэтому они всегда под вопросом, всегда относительны. Но тогда мы безвозвратно теряем не только культуру и личность, но с ними и осмысленность существования человека. Как мы знаем, проблему роста числа самоубийств экономика и прогресс решить не в состоянии, что демонстрирует статистика европейских стран с высоким жизненным уровнем.

Еще раз повторим: *только личностный смысл соединяет воедино предметность и ценность в рамках внутреннего духовного опыта человека*. Пересказ трех-пяти страниц хорошего умного авторского текста многократно конструктивней для образования ребенка, чем пятнадцать едва прочитанных страниц, взятых из Интернета к уроку. Первое требует и концентрации внимания, и усилия понять автора, и следования логике автора при рассказе — все это созидательное напряжение воли и интеллекта. Понимая *предметное содержание* текста и осмысливая его, человек обретает *познавательный опыт*. Сравнивая текст с

другими, он начинает ощущать вместе с предметной и *познавательную (культурную) ценность* изучаемых текстов. Он растет духовно. Извлечение же информации и даже ее запоминание такого роста не обеспечивают. И дело не в технологиях — их можно использовать очень и очень продуктивно, только акценты должны быть сразу расставлены верно: дело в работе (труд, а не игра и соревнование!) самого человека, в направленности его познавательной активности и деятельности, в развитии его личности.

Вместе с личностным смыслом ключевой для образования является категория личности. И пониматься личность не может лишь в операциональном аспекте. В XIX в. в Европе и в России стало складываться и в XX в. оформилось целое антропологическое направление, которое, в первую очередь, попыталось прояснить смысл этой категории и причины искажения этого смысла. С. Кьеркегор и Ф. Достоевский светским языком озвучивали христианские идеи о глубине личности, ее сложности, неисчерпаемости и непредсказуемости. Н. Бердяев в большинстве своих работ исходит из идеи духовной сущности личности и говорит о направленности, глубине и силе духа как ее главных характеристиках. М. Шелер выдвигает идею систематического учения о личности и пытается определить ее духовное ядро. И. Ильин пишет о духовных качествах личности и о культуре как механизме ее формирования, о роли воспитания и образования в ее становлении. Г. Марсель размышляет о границах личности и ее духовных связях. Это только некоторые имена, не столь может быть известные в связи с антропологическим подходом, как имена экзистенциалистов-прозаиков Ж.-П. Сартра, А. Камю и др.

В рамках антропологического подхода личность в первую очередь выражает сущность человека. Именно личность — главное в нем. Так же как утюгом можно забивать гвозди, но не для этого он предназначен, так и в человеке может быть много важного и разнообразного содержания, но предназначение человека связано с его *личностным становлением*, которое и определяет единственный и неповторимый смысл существования.

Во-вторых, личность определяется духовно. То есть она изначально рассматривается в границах ценностной шкалы добра и зла. *Нравственные категории и моральные качества человека являются мерой его личности*. При этом — подчеркнем — важны две обобщенные характеристики: направленность и сила духа. Позитивная направленность личности позволяет среди разнообразия всей окружающей культурной среды выбирать то, что будет способствовать ее возрастанию, а не разрушению и деградации. Она свидетельствует о наличии собственного внутреннего стержня у человека. Духовная сила помогает устоять в своем выборе. Заметим, что чисто интеллектуальных навыков при осуществлении выбора не требуется и даже опыт оказывается вторичным. Человек просто не может поступить иначе (соврать, украсть, обидеть и т.п.) или поверить плохому. Критерием выступает его собственная совесть, а принятие или непринятие каких-либо веяний, норм, мнений, поступков и т.п. осуществляется иначе, чем рациональное обоснование. Совесть лежит глубже, в самом ядре личности, в ее духовном центре и регулирует рассудок. Именно на этом и останавливается логика не только суждений любой модальности, но и логика оценок, показывая свою ограниченность. Можно построить какое угодно грамотное обоснование, но за его принятие или непринятие отвечает не интеллект, а личностные структуры. Ценностные суждения лишь демонстрируют ярко этот факт, но и в сфере науки работает та же схема осуществления познавательной деятельности, из-за чего гносеологии приходится вносить бесконечные поправки на социокультурные факторы и личностный компонент познавательной деятельности там, где речь идет о действительном познании — научных открытиях, развитии наук, а не об изложении уже готового знания (И. Ильин в данном случае вводит понятие теоретической совести [3, с. 47], подчеркивая различие сфер действия познания и морального поступка, но принципиальную тождественность личностного механизма их осуществления). Личностный смысл оказывается ведущим, а не предметным, как мы привыкли думать.

В-третьих, личность призвана быть интегратором культуры и их взаимосвязь более тесная, нежели даже органическая связь целого и его отдельного элемента. *Личность каждый раз репрезентирует культурные ценности в полную меру своей глубины, своей вместимости.* И способна осуществлять эту репрезентацию в любом поступке, в любом содержании. Художник представляет свою личность в каждом из своих произведений, ученый — в своих исследованиях, учитель — в учениках, родители — в детях, каждый человек — в своих действиях. Человек един, и мера его личности реализуется во всех его проявлениях. Читая биографии великих личностей, мы не устаем удивляться: гениальный математик прекрасно разбирается в философии, талантливый

физик — в литературе, грамотный политик — в музыке. И примеров этому множество. Это и говорит о том, что мера чувствительности к смыслу у личности одна и та же, какому бы содержанию человек себя не посвящал. Но здесь есть и обратная сторона: если человек тщеславен, то вся мера его тщеславия будет налицо, занимайся он резьбой по кости или воспитанием детей. Вот поэтому функционально-операциональные возможности сами по себе ничего не говорят о человеке. Вопрос в том, на каких *личностных основаниях* определены все его функционалы.

Поэтому развитие образования в рамках адекватного его культурному характеру антропологического подхода видится нам как насущная задача, о способах реализации которой и следует вести речь.

Интегрируя культурные ценности, личность сначала осуществляет выбор, конденсируя на себе то, что позволяет ее внутренний духовный потенциал. Вот почему практически все сторонники антропологического подхода настаивают на том, что правильные ценности — это залог успеха любой деятельности. И в осуществлении усилия по освоению правильных культурных ценностей — залог развития личности.

Но чтобы ответить на вопрос о том, какие ценности признать правильными, уже нужны личностные критерии. Отделаться категорией общечеловечности не получится, поскольку интерпретация этих общечеловеческих ценностей опять-таки будет произведена нашим современным сознанием с его базисной концептуальной моделью функционально-операционального подхода.

Поэтому выбор позитивного духовного основания, на котором строится формирование личности и происходит интеграции культуры, и есть первая и главная задача, решение которой должно стоять перед системой образования.

Что касается центральной категории личности, то фокусировка сознания на ней и означает в практическом плане сосредоточение внимания не на функциях и действиях как таковых (т.е. поступках и словах), а на духовных основаниях этих поступков: насколько определенны, чисты их мотивы, насколько они требуют твоего усилия, труда, сосредоточенности, насколько созидательны они по отношению к твоему внутреннему достоинству и личной ценности. В христианской культуре накоплен многовековой опыт именно такого созидательного внимания к внутреннему опыту человека в процессе его деятельности, и применение его в светском образовании было бы, возможно, отнюдь не лишним. Общая идея *любви к ближнему и концепция служения* лежат в ее основе. Полезно было бы еще раз обратиться и к работам И. Ильина «Опыт христианской культуры», «Путь духовного обновления», где он отвечает на многие поставленные выше актуальные сегодня вопросы о духовных основаниях личности (что такое духовный характер, чему следует учиться и учить в духовной жизни, чтобы поддерживать и развивать духовный потенциал личности, как этот потенциал превратить в творческий процесс и его совершенствовать, как обретается внутренняя свобода личности, дисциплина и самодисциплина, формируются духовные оценки, какова во всех этих процессах роль семьи и школы, почему нельзя абстрактно учить быть духовным, а только тому, что способности даются не для злоупотребления ими, а для направления и развития их на пользу, для ответственного, преданного и даже жертвенного служения, творения истории и культуры и т.п.).

Как нельзя кстати звучат сегодня и педагогические идеи выдающегося русского хирурга и педагога Н.И. Пирогова. Опыт и глубокая забота звучат в «Вопросах жизни» этого «великого мужества, не менее великого самопожертвования и высочайшей скромности» человека, а ведь по существу сегодня мы пишем о том же: нужно воспитывать человека, тогда «у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное — у вас будут люди и граждане» [11, с. 208]. Дух свободы, убежденность, жажда жизненной полноты, ответственность и надежность — истинные составляющие личности — следует бережно и терпеливо взращивать в человеке и тогда сильными личностями будет сильно и общество, государство. Продуманные, выпестованные идеи и очень конкретные советы по их реализации, за которыми десятилетия жизни удивительно цельного и активного человека, его служения Отечеству.

Замечательная книга И.Н. Новиковой и Л.И. Сиземской «Идеи воспитания в русской философии» [2] может быть в интересующем нас плане воспринята отнюдь не как историко-философское исследование — в ней содержатся и многие ответы на вопросы о сущности и путях духовного становления личности, об их зарождении и развитии в воспитании и образовательном процессе: и с чего начать, и что важнее, конструктивнее, эффективнее; об осмыслении в условиях капиталистической экономики, в контексте демократических и плюралистических форм государственности проблем восприятия мировой и русской куль-

туры; как связаны образованность, гражданственность и цивилизованность и многое другое. В исследованиях Р.И. Александровой, В.В. Бибихина, М.В. Богуславского, А.П. Огурцова, Т.А. Петруниной и многих других неоднократно подчеркнуты позитивные идеи антропологического подхода и звучит мысль об их восстановлении в новом контексте и качестве. В этом смысле следует согласиться, что тенденция гуманитаризации научного знания имеет право быть услышанной [5] Минусы функционального бытия должны быть преодолены, превращены в плюсы, если мы рассмотрим их как вызов личности, как свидетельство возросших к ее нравственному облику требований — *высота духа должна быть адекватной мощи техники, уровень человечности должен превышать уровень технологизации*. Думается, что рассматривая антропологический подход в противовес функционально-операциональному, в отношении к теме духовного единства личности, мы сможем не только вспомнить о нем вновь, но и найти точку опоры для восстановления его традиций.

Список литературы

1. *Давыдов А.А.* Траектория развития человека в информационном обществе: прогноз для России. URL: http://www.ssa-rss.ru/files/File/KomitetyROS/SystemSociology/HDI_Internet.pdf (дата обращения: 01.07.2013).
2. *Идеи* воспитания в русской философии. XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2004. 268 с.
3. *Ильин И.* Религиозный смысл философии // Почему мы верим в Россию? М.: Эксмо, 2007. 912 с.
4. *Клайн М.* Математика. Поиск истины. М.: Мир, 1988. 295 с.
5. *Кожина* Н.Г. Проблемы европейской науки и гуманитарные вопросы // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2011. № 4. С. 17–21.
6. *Константиновский Д.Л.* Образование — для кого и зачем? // Вестник института социологии. 2010. № 1. С. 412–419.
7. *Константиновский Д.Л.* Школа и внешние факторы // Вестник образования. 2011. № 4. С. 245–267.
8. *Лапин Н.И.* Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов. // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36.
9. *Марсель Г.* Свидетельство как локализация экзистенциального. // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XV, № 1. С. 230–238.
10. *Надточий Н.* Интернет будет «штамповать» гениев. URL: http://pedsovet.su/publ/13-1-0-2601 (дата обращения: 18.06.2013).
11. *Пирогов Н.И.* Вопросы жизни (изд. 1887 г. Цит. по: Порудоминский В. Пирогов. М., 1969. 272 с.).
12. *Свасьян К.* Человек в лабиринте идентичностей. URL: http://www.rvb.ru/swassjan/labyrynth_toc.htm (дата обращения: 29.06.2013).
13. *Шуман А.Н.* Трансцендентальная философия. Минск: ЭКОНОМПРЕСС, 2002. 416 с.

PERSONALITY AS INTEGRATOR OF CULTURE

Olga P. Skidan, Marina V. Nenasheva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
2, Lomonoson av., Arkhangelsk, 163002, Russia

In the article it goes about the origin and action in the modern culture of one of the leading tendency — distribution of operational and functional approach to the perception and understanding of reality. In the article are investigated the results of this approach to education: the person is interpreted as a sum of social functions, the interpersonal relationships — as a communicative and competent behavior, the understanding is substituted the possession of information, so personal value meaning is smoothed and becomes subordinated to practical action and its result. The task of recreating of the cultural potential is excluded from education and the education becomes only a mechanism for satisfaction of the economic needs of the society. In the article is considered the anthropological approach, which declares the spiritual unity of the person. The person is understood as an integrator of spiritual and cultural values and it sets the problem of the choice of the positive ground of this integration. This approach is proposed as a key line of the education development and as an adequate to its cultural character.

Key words: education; person; modern culture; social character; value meaning; practical action; personal growth; spiritual development.

УДК 111

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА В РАЗЛИЧНЫХ ФИЛОСОФСКИХ СИСТЕМАХ

Т.Ф. Сулейманов, У.А. Кашапов

В статье авторы обращаются к проблеме творчества как форме самореализации личности и в соответствии этим рассматривают историко-философский аспект данной темы. В различных направлениях философской мысли авторы исследуют такое явление, как творчество, которое является неотъемлемым компонентом человеческой деятельности, направленной на преобразование окружающего мира и самого человека. Изучается попытка марксистского понимания творчества и его специфика.
Ключевые слова: личность; деятельность; творчество; самореализация; преобразование природы человека; духовный потенциал.

На наш взгляд, адекватному пониманию творчества может способствовать анализ его осмысления в истории философии. Крупные мыслители часто рассматривали творчество в контексте основных философских проблем. Они анализировали его как объективную и субъективную реальность, созидание мира, рассматривали связь творчества с деятельностью человека.

В различных философских направлениях творчество понималось по-разному. Формирование представлений о нем связано с решением вопроса о начале, которое в зависимости от материалистического или идеалистического мировоззрения рассматривалось материальным, объективным или идеальным (духовным), субъективным. Эти характеристики не исчерпывают полного понимания начала. Сложная и многообразная структура природной и социальной действительности, осмысливаемая не только через основной вопрос философии, определяет необходимость выделения также природного и социального, созидательного и разрушительного, общечеловеческого и классового, коллективного и индивидуального начал.

Между тем наличие нескольких оснований для выделения различных творческих начал не снимает необходимости теоретического осмысления творчества в тесной связи с решением основного вопросе философии. Философы вели поиск материального или духовного начала мира. Идеалисты понимали духовное начало в качестве созидающей творческой силы. Материалисты искали творческое начало в самой материи. Родоначальник милетской школы Фалес полагал, что началом (архэ) всех вещей является материальное начало. Творчество в учении милетцев, понимаемое как возникновение конкретных вещей, есть порождение материального, телесного начала, являющегося общим для всего реально существующего мира. Проблема начала тесно связывается с проблемой возникновения новых предметов и рассматривается через соотношение субстратного и процессуального моментов действительности.

Само материальное первоначало понимается античными философами как изначальное, ничем и никем не обусловленное.

Гераклит Эфесский, полагавший, что мир не создан ни Богом, ни человеком, что «он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим» [1, с. 275], искал начало мира в конкретно телесном. Огонь, по мнению Гераклита, находится в вечном движении и изменении, переходит из одного состояния в другое, благодаря борьбе противоположностей, которая и является источником развития. Поэтому творение нового как созидание имеет своим началом не просто телесную основу или сущность, а противоречие как объективный процесс.

Творение, понимаемое как созидание, рассматривалось ионийскими материалистами в качестве атрибута материи, строительного материала, из которого состоят все объективно возникшие и существующие предметы и явления.

Сулейманов Тимур Фуатович — кандидат философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и экономических дисциплин; Уфимский филиал Московской государственной академии водного транспорта; 450017, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Ахметова, 275; suleimanov1957@mail.ru.
Кашапов Урал Абубакирович — кандидат исторических наук старший преподаватель секции физической культуры и безопасности жизнедеятельности; Уфимская государственная академия искусств им. Загира Исмагилова; 450077, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Ленина, 14; BulatRussia@mail.ru.

В этот период древнегреческой философии творчество трактовалось как производящее, самореализующееся начало, которое понималось, во-первых, как внешняя движущая сила, материальный фактор созидания, во-вторых, как источник движения.

Внесли определенный вклад в философское понимание творчества пифагорейцы, считавшие число началом всего существующего. Постановка вопроса о количественной стороне мира связана у них с признанием идеального первоначала мироздания. При этом следует напомнить, что идеалистическим представлениям о творчестве в античной философии предшествовали мифологические взгляды, согласно которым созидательное начало в мире — это боги и полубоги. Поэтому творчество понималось в качестве сверхъестественной силы. В учении пифагорейцев выделялись два первоначала: предельное (абстрактное число) и беспредельное (абстрактная материя), являющиеся не переходящими друг в друга противоположностями. Следовательно, наряду с монистическим пониманием созидающего начала в истории философской мысли стало формироваться его дуалистическое понимание.

Ксенофан, полагавший, что в основе единства мира находится мысль, и при этом называвший материальный мир Богом, подчеркнул наличие продуктивной способности в человеческой духовной деятельности (воображения), заявив, что боги есть творения человека. На творческое начало человеческого разума указывал Зенон. Эмпедокл, разделявший традиции ионийской и италийской школ, в понимании миротворчества отказался от строгого монизма элеатов, выдвинув плюралистическую точку зрения на проблему начала. По его мнению, все состоит из четырех начал: огня, воздуха, воды и земли, которые движутся двумя противоположными силами — любовью и ненавистью, поочередно властвующими над миром. В отличие от взглядов монистов-милетцев такое понимание созидающего начала мира содержит идею активности материальных начал и признание силы как активного процесса, тесно связанного с материальными началами всего сущего.

Материалистические представления о творчестве были развиты Демокритом, отвергавшим идеалистические взгляды о разумном творце мироздания. Он считал, что мир находится в движении не в результате действия сверхъестественных причин, а в соответствии с объективными законами, присущими самой природе. По мнению Демокрита, в основе творчества людей находятся природные способности. Он признавал, что творчество проявляется в совместной деятельности людей, в их общении. Существенную роль в развитии творческих способностей Демокрит отводил обучению и опыту человека.

Своеобразной реакцией на натурфилософию античных материалистов о творчестве явились взгляды Сократа, поставившего вопрос о существовании нравственного творчества. Сократ сосредоточил внимание на изучении формирования у человека способности к продуктивному, творческому мышлению, вопросов творческого духовного роста личности. Воспитательная деятельность, представляющая собой процесс непрерывного общения с людьми, должна способствовать формированию мысли о социально обшей природе творчества личности, о творчестве как продукте взаимодействия людей. Сократ рассматривал творчество как духовную деятельность человека. При этом творческое мышление индивида имеет объективную разумную основу и обусловлено процессом взаимодействия людей. Рассматривая вопросы созидания человеком самого себя, своих духовных качеств в общении с другими людьми, Сократ выдвинул идею личностного духовного начала творчества как процесса совершенствования конкретного человека на основе знания общего. В учении Сократа важное место заняли не онтологические проблемы творчества как созидания мира материальными или духовными началами, а проблемы осмысления деятельности личности, творчески изменяющей самое себя.

Особое значение для понимания творчества представляет учение Платона, по мнению которого, идеи выступают в качестве первого начала мироздания. Они представляют собой причину и образец всех вещей, опредмечиваются в конкретно-чувственной форме, являясь, таким образом, активными творческими началами. Условием созидательной функции бытия является второе начало — материя как бесформенный вид, почти небытие. Отсюда мир вещей, порождаемый идеями — активным и созидательным началом, и материей — пассивным началом, представляет собой единство противоположностей — бытия и небытия, неизменного и изменчивого. Взгляды Платона на творческую активность сознания, способного опредмечиваться, безусловно, являются плодотворными. Платон высказал мысль о третьем начале мира, которым является душа космоса, мировая душа — творческая, созидающая сила, источник движения, жизни и сознания, объемлющая собой мир идей и вещей. Выдвигая идею богов, творящих как сами идеи, так и предметы путем вкладывания идей в материю, Платон тем самым поставил вопрос о субъекте созидательной деятельности. Он рассматривает творчество и деятельность в связи друг с другом.

Согласно Платону, боги создали тело и душу человека. Вместе с тем он осмысливает и человеческую активность, видя ее в целесообразной деятельности. Платон рассматривал творчество как переход из небытия в бытие, как создание новых предметов. В диалоге «Пир» он говорит: «Все, что вызывает переход из небытия в бытие, — творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей — их творцами» [4, с. 135]. Учение Платона содержит рациональную идею о творчестве как всеобщем процессе созидающей деятельности. Он угадал, что творческая человеческая деятельность не является произвольной, несообразующейся с законами мироздания.

Поиск древнегреческими философами начала мироздания как сущности всего бытия привел к постановке вопроса о созидательном творческом начале мира, являющемся материальным у материалистов и духовным у идеалистов. Платон наряду с этим поставил также вопрос о субъективности созидательного начала, реализующегося в деятельности художника, ремесленника.

Определенный вклад в осмысление творчества внес Аристотель, который наделил природу целесообразностью, считая при этом, что целесообразное творчество природы происходит бессознательно. Создают вещи, по мнению Аристотеля, активные формы, вносимые в пассивную материю. Вечной причиной мирового процесса, вечным перводвигателем мира он признавал Бога как деятельный разум. Однако Бог, без которого не может быть движения, не творит мир. Аристотель различал творческое и деятельное начало. «Творческое начало, — писал он, — находится в творящем, будь то ум, искусство или некоторая способность, а деятельное начало — в деятеле как его решение, ибо сделанное и решенное не одно и то же» [2, с. 117]. Творчество рассматривалось им как порождение предмета, которое является внешним по отношению к создателю. Что же касается деятельности, то действительно творческой, по его мнению, является производственная деятельность, в процессе которой творятся новые вещи, не существующие в природе. Науки о деятельности, практические науки изучают этику и политику. Творческие же науки направлены на производство, искусство, отличное от художественного искусства, которое не творит новые формы, поскольку представляет собой подражание. Только искусство в широком смысле слова — как создание новых вещей — является творческой деятельностью.

Идея естественной обусловленности созидательного творения, стремление понять созидание как момент духовной деятельности человека означают признание не сверхъестественного творческого начала, а творчества в человеческой деятельности. В то же время античные философы, решая проблемы онтологии, гносеологии, логики, социальные вопросы, рассматривали творчество в более широком плане — как созидание мира. В период разложения рабовладельческого общества меняются представления о творчестве. В условиях господства церкви и религиозной идеологии в философии формируются представления о Боге как творце. Творчество рассматривается как активный процесс реализации его воли. Понятия «Бог» и «творение» становятся основными теологическими понятиями. У неоплатоников в патристике и схоластике используются идеи Платона и Аристотеля. Христианская идеология заимствует у Платона идею активности Бога. Высказывается идея духа как животворящего начала. Разрабатываются идеи о творении мира Богом, непрерывного творения, мировой души, заключающей в себе все индивидуальные души. Материя рассматривается как пассивная, воспринимающая вечные идеи. Патристика формулирует идеи монотеизма, трансцендентного (разумом не познаваемого) Бога, его абсолютной способности к сотворению мира. Материя в учении отцов церкви уже не существует как второе начало, а является созданием Бога.

Идеи патристики были унаследованы схоластикой, также понимавшей Бога как внеприродную личность, вневременный и бесконечный абсолют и духовное творческое первоначало, как творца природы и человека. Этот творец, как утверждала ортодоксальная схоластика, не растворяется в природе, но и не отдаляется от нее и человека. Отвергается всеобщность законов природы и утверждается, что для воли Бога невозможного не существует.

Борьба реализма и номинализма в западноевропейской схоластике способствовала в известном смысле последующему осмыслению проблемы соотношения общего и отдельного в процессе творческой человеческой деятельности. Учение номинализма логически вело к опровержению церковной догмы о первичности духа и вторичности материального мира. Фома Аквинский, активно боровшийся с номинализмом, понимал, что для укрепления религии одной лишь ссылки на авторитет Бога явно недостаточно. Поэтому он подчеркивал, что человеческий разум в качестве частицы божественного разума обладает достаточной силой, чтобы рационально доказывать бытие Бога. Бог же, согласно его учению, есть чистая форма — источник всех форм, начало по отношению к материальным вещам.

Религиозное представление о всемогущем Боге-творце всего конечного было господствующей

идеей в Средние века. В философии этого периода творчество рассматривалось как атрибут Бога, способ его существования. Человеческое же творчество понималось в отличие от античной философии не как созидание предметов реального бытия, а в качестве процесса, являющегося моментом осуществления божественных целей. Согласно христианству люди осуществляют творчество истории, но в качестве участников реализации замысла Бога. Воля человека согласно религиозным воззрениям, будучи изначально ущербной, способна лишь к ограниченной активной творческой деятельности в жестких рамках, определяемых замыслами Бога. Отсюда принижение роли человеческого творчества, которое, по мнению церковных идеологов, не может сравниться с божественным творением.

Эпоха Возрождения существенным образом меняет представления о творческой деятельности. Следуя лучшим традициям прошлого, художники и мыслители воспевают человека, его разум и силу, его способность к активной созидательной творческой деятельности. Творчество человека рассматривается прежде всего как художественное творчество, сущность которого видели в эстетическом созерцании. Субъектом творчества является человек-творец. Поэтому для Ренессанса характерен интерес к личности творца. В отличие от средневековой философии мыслители Возрождения начинают рассматривать историю как результат человеческого творчества, не обусловленного божественными замыслами. Творчество рассматривалось в это время также в натурфилософском плане. В материалистическом пантеизме Дж. Бруно Бог отождествляется с природой. Признавая источником всего качественного многообразия бытия не Бога, а материю и рассматривая бытие с позиций гилозоизма и панпсихизма, Дж. Бруно считал, что природа полна бессознательного творчества. Человеческое же творчество лишь уподобляется природе. Это творчество существует благодаря мировой душе, духовной субстанции, которая вместе с телесной образует единую субстанцию.

Философия Нового времени имеет важное значение для осмысления творчества, поскольку ее представители подчеркивали продуктивную мощь человеческого разума и роль знания в творческой деятельности. Ф. Бэкон, выдвинувший тезис «Знание есть сила» и полагавший, что «мы столько можем, сколько мы знаем», в своем учении об идолах (призраках) высказал мысль о необходимости устранения иллюзий, созданных людьми и препятствующих познанию истины, адекватному отражению действительности, иначе говоря, он высказал идею устранения духовных стереотипов. Т. Гоббс в своих социологических воззрениях, стремясь обосновать происхождение государства не как творение Бога, а как следствие взаимодействия людей, подчеркнул роль социально-политической творческой деятельности людей, не зависимой от божественных замыслов.

Существенный вклад в понимание творчества был внесен немецкой классической философией. Ее родоначальник И. Кант полагал, что творчество как продуктивная способность воображения находится в самой основе познания. Он показал, что наряду с индивидуальным сознанием существует сознание вообще (трансцендентальное сознание), которое функционирует в рамках каждого индивидуального сознания, и тем самым выдвинул предпосылку для осмысления проблем связи духовного творчества человеческого рода и индивида, общечеловеческого и индивидуального творчества. Кант высказал идею, имеющую существенное значение для осмысления проблемы подготовки личности к творческой деятельности, заключающуюся в том, что, прежде чем познавать, человек должен быть готов к познанию, обладать системой знаний как духовной предпосылкой творчества. Он раскрыл активную творческую деятельную природу сознания.

И.Г. Фихте распространил понятие творческой деятельности на весь мир и вместе с тем показал деятельную сторону индивида. Субъект у Фихте есть активное, непрерывно действующее начало, производящее объект. Абсолютное «Я» — сознание вообще является изначальной первичной творческой силой. Оно связано с эмпирическим «Я» — сознанием индивидуума. Само абсолютное «Я» есть противоречивое единство субъективного и объективного («Я» и не «Я»), диалектическое взаимодействие которых создает реальные явления и предметы. Субъективное и объективное являются двумя моментами творческой деятельности абсолютного «Я». Следовательно, Фихте поставил проблему потенциальной творческой активности субъекта.

Т.И. Ойзерман пишет, что у Фихте человечество «творит не только мир явлений, но и весь универсум, а благодаря этому также самого себя» [3, с. 199].

Творческая роль субъекта подчеркивается и в объективно-идеалистической философии Ф.В. Шеллинга. Согласно его взглядам, творчеством является прежде всего творчество художника и философа, представляющее высшую форму человеческой деятельности.

Велика заслуга Г. Гегеля в осмыслении творчества, который считал, что абсолютная идея, будучи духовной субстанцией, составляющей сущность и первооснову всех конкретных предметов,

первоначалом всего сущего, выступает в качестве субъекта творения мира. Гегель рассматривал проблему творческой деятельности человека. По его мнению, в истории реализуется позитивное творчество людей. Он дал высокую оценку творческой роли народа в историческом развитии, хотя и считал деятельность народа неосознанной. Отмечая творческий характер человеческого разума в превращении возможности в действительность, Гегель основной признавал духовную деятельность. Он дал позитивную оценку роли творческого труда в жизни общества. Проблему труда Гегель связывал с творческим развитием человека. Благодаря труду человек становится творцом. Люди, которые трудятся, являются творцами своей истории. Исторический прогресс осуществляется в процессе творческой деятельности людей. Поставив проблему соотношения всеобщей деятельности как творческого процесса и деятельности людей как выражения всеобщего в их конкретной активности, Гегель вместе с тем принизил значение деятельности индивидов, поскольку последние являются лишь орудиями в осуществлении целей мирового духа, ступенью в процессе его самореализации и возврата к самому себе на новой ступени.

Таким образом, следует подчеркнуть, что на всем протяжении развития философской мысли осуществлялось исторически конкретное осмысление творчества как перехода из небытия в бытие, полагания во вне, созидания мира, образования предметов явлений, процессов. Осмысление творчества определялось основными задачами, решаемыми философами. Его понимание было связано с исследованием проблем соотношения бытия и сознания, бесконечного и конечного, общего и единичного, субъекта и объекта в контексте общих проблем развития мира его познания, деятельности субъекта, места человека в мире и его познавательных возможностей, вопросов культуры.

Не случайно диапазон этого понимания оказался широк: от осмысления творчества как созидания мира до характеристики конкретных видов и форм творческой человеческой деятельности. Такое осмысление творчества необходимо учитывать в процессе современного его исследования.

Однако, на наш взгляд, существенным недостатком домарксистской философии в понимании творчества был разрыв творчества и отражения. Творческий характер сознания был достаточно хорошо изучен идеализмом, однако его представители не признавали за сознанием способности отражать окружающий мир, поскольку последний, по их мнению, создан духовным началом. В противоположность идеалистам материалисты «старой школы» видели сущность сознания в отражении объективного мира, но при этом они недооценивали его творческий характер. Понимание отражения как творческого процесса, творческого характера сознания и практики, их диалектики было дано впервые в марксистской философии.

Следует подчеркнуть, что понимание творчества как сотворения мира сверхъестественным началом (идеалистический креационизм) умаляет роль человеческого творчества. К этому же приводит сведение творчества к одному из атрибутов природного начала. Справедливое признание творчества социальным, человеческим феноменом не должно ограничиваться пониманием его как творчества только лишь некоторых совокупных субъектов или отдельных выдающихся индивидов. «Отлучение» от творчества широкой массы людей или принижение значимости их творчества, игнорирование массовой способности к творчеству приводят к оценке человека как «винтика», подрывают у людей уверенность в своих позитивных преобразующих силах, способствуют формированию веры в сверхъестественное, суеверий, предрассудков, забитости и культа личности, унижают человека.

Творчество — это способ бытия, развития и саморазвития человека, массы людей. Указывая на существенный недостаток в понимании творчества в истории философии, следует одновременно ответить на вопрос, на какие идеи можно опираться в процессе марксистского исследования творческой деятельности.

На наш взгляд, прежде всего имеет важное мировоззренческое и методологическое значение понимание творчества в качестве процесса безграничного, непрерывного созидания нового. Творчество рассматривалось в системе субъектно-объектных отношений, где реализуются творческие возможности людей. Важное значение имеет признание домарксовскими философами связи творчества и деятельности.

По нашему мнению, научное понимание творчества стало возможно лишь на основе его диалектико-материалистического осмысления в марксизме. Основоположники марксизма раскрыли природу творчества народных масс и личности. Вопросы творчества решались ими в аспекте целостного осмысления общественно-исторического процесса, в основе которого лежит творческая деятельность людей. Показав, что вся предшествующая история, включая капитализм, была лишь предысторией человечества, К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин обосновали историческую миссию рабочего класса как творца нового коммунистического общества. Ликвидация всех форм классовых антагонизмов рассматривалась ими в качестве основы формиро-

вания человека как творческой личности в социалистическом обществе.

В марксистской философии творчество и деятельность людей изучаются в неразрывном единстве. Всякое творчество есть социальная деятельность, но не всякая деятельность людей является творческой, т.е. создающей новое. Поэтому понятие человеческой деятельности шире, чем творчества. Творчество — это существенный компонент такой деятельности людей, в процессе и результате которой создается новое. В творческой деятельности возникают и реализуются уникальные, оригинальные идеи человека, его способности и талант.

Творчество выражается в нестандартном отношении человека к действительности. Творческим является такой человек, который постоянно развивает свои способности и реализует их не только в уникальных материальных или духовных ценностях, но и в новых формах деятельности, общения, способствующих творческому формированию других людей. Он направляет свои способности на формирование и воспитание других людей как творцов. Само же участие человека в творческой деятельности является необходимым условием творческого развития его способностей.

Смысл человеческой истории заключен в созидательной, творческой деятельности общества, исторических общностей людей, классов и социальных групп, коллективов, личностей. Творческое начало в их деятельности является существенным моментом общественно-исторического процесса. Роль этого начала возрастает тогда, когда происходит рост творческой деятельности народных масс.

(продолжение в следующем номере)

Список литературы

1. *Антология* мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1969. Т. 1, ч. 1. 576 с.
2. *Аристотель.* Метафизика / пер. А.В. Кубицкого. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 348 с.
3. *Ойзерман Т.И.* Проблемы историко-философской науки. М.: Мысль, 1982. 320 с.
4. *Платон.* Сочинения: в 3 т. Т. 2 / ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1970. 382 с.

ONTOLOGICAL BASIS OF CREATIVITY IN DIFFERENT PHILOSOPHICAL SYSTEMS

Timur F. Suleimanov

Ufa branch of Moscow State Academy of Water Transport;
275, Akhmetov str., 450017, Republic of Bashkortostan, Russia

Ural A. Kashapov

Ufa State Academy of Arts named after Zagir Ismagilov;
14, Lenin str., Ufa, 450017, Republic of Bashkortostan, Russia

This article is devoted to the problem of creativity. The authors consider it as a form of the person self-realization and in conformity with these problems they investigate a historical and philosophical aspect of this theme. In different ways of the philosophic thought the authors research the phenomenon of creativity. It is an integral component of the human activity that has a purpose to transform the environment and a person himself. Premises and specifics of Marxist interpretation of human creativity are analyzed.

Key words: person; activity; creativity; self-realization; transformation of the human nature; inner potential.

УДК 111.6

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ (КАТЕГОРИАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ)

Л.Е. Балашов

Статья посвящена важным философским понятиям, образующим семейство категорий: деятельность, субъект, объект. Исследуется их взаимоотношение в рамках двух структурных схем — «Диаграмма человеческой деятельности» (в аспекте возможности и действительности: цель-средство-результат) и «Виды человеческой деятельности» (в аспекте соотношения внутреннего и внешнего: духовно-психическое и физическое, познание и преобразовательная деятельность). Анализируются категории «цель», «целесообразность», «целеполагание», «целенаправленность» и другие.

Ключевые слова: деятельность; субъект; объект; цель; средство; результат; духовное; физическое; труд; игра; творчество.

Деятельность, субъект, объект образуют *семейство* категорий. Они рассматриваются здесь в контексте разработанной автором версии категориальной картины (эта версия представлена в некоторых наших работах [2, 3]). Субъект и объект — крайние члены семейства. Деятельность связывает их и потому является ключевой категорией в этом семействе.

Пальму первенства в осознании понятий «деятельность», «субъект», «объект» как семейства категорий нужно, по всей видимости, отдать И.Г. Фихте. Во всяком случае, именно Фихте провозгласил единство и взаимозависимость этих категориальных определений.

Как *подсистема* категорий деятельность, субъект и объект располагаются в координатах двух пар категорий: возможности и действительности, внутреннего и внешнего (внутреннее и внешнее здесь понимаются обобщенно — как внутреннее противоречие, необходимость, закон, порядок и т.п., с одной стороны, и как внешнее противоречие, случайность, явление, хаос и т.п., с другой [см. подробнее: 2]).

1. Деятельность

Категория деятельности отражает особую форму бытия, присущую живому. Она характеризует *взаимоопосредствование* возможности и действительности, внутреннего и внешнего.

В аспекте действительности деятельность выражает *сущность* субъекта.

В аспекте возможности она выступает как *свобода*.

Со стороны **внутреннего** к деятельности примыкает *субъект*, а со стороны **внешнего** — *объект*.

Интуитивно ясно, что субъект воплощает внутреннее в деятельности, а объект — внешнее. Этимология слов свидетельствует о том же. «Субъект» происходит от латинского subjectus — лежащий внизу, находящийся в основе, от sub — под и jacio — бросаю, кладу основание. «Объект» — от позднелатинского «objectum», а это последнее от латинского «objicio», от корней «ob» — против, и «jacere» — бросать, т.е. противолежащий.

Кроме того, в этимологии этих слов (sub и ob) угадывается их соответственность тождеству и противоположности.

Деятельность — такая форма отношения (взаимодействия) вещей, когда одна из «вещей» становится *субъектом* деятельности (организмом), а другие вещи по отношению к ней приобретают статус *объекта* деятельности (становятся *предметами* и в целом *средой* для организма). Как реальная форма бытия «вещей» деятельность возникает на стадии *живой* природы. Неорганические тела, вещи не осуществляют никакой деятельности. Она присуща только сложноорганизованным образованиям и связана с процессами *отражения* (*информации*) и *управления*.

Деятельности, кроме сущности и свободы, соответственны такие категориальные формы, как сложное противоречие, организм, поведение, развитие. *Реально* деятельность осуществляется лишь в неразрывной связи с ними. Если мы видим

Балашов Лев Евдокимович — кандидат философских наук, профессор; Московский государственный машиностроительный университет; 107023, Москва, ул. Б. Семеновская, 38; lev_balashov@mail.ru.

организм (а не просто тело), то значит он осуществляет деятельность. Если мы наблюдаем процесс развития, то это значит, что он протекает в рамках деятельности организма и т.д.

Деятельность, как и указанные категориальные формы, бывает равной степени сложности. Простейшей формой деятельности является жизнедеятельность одноклеточных организмов. А самой сложной формой из известных — человеческая деятельность. К сожалению, до сих пор некоторые исследователи рассматривают деятельность как специфически человеческую форму отношения к окружающему миру. Однако такое понимание деятельности препятствует ее осмыслению как категории мышления и, соответственно, как «формы бытия», включенной в естественную систему категориальных определений мира. Современная наука уже обобщила многие понятия, которые носили антропоморфный характер. Здесь прежде всего следует упомянуть понятия силы и энергии, затем — понятия управления и информации. Настал черед обобщить и понятие деятельности, тем более, что оно самым тесным образом связано с последними, имеет с ними, в сущности, один уровень общности.

Философы постепенно приходят к пониманию того, что категория деятельности имеет более общий характер, чем принято думать. Об этом пишет М.В. Демин — автор специальной монографии о деятельности [4, с. 10]. Ниже дана диаграмма (структурная схема) человеческой деятельности (рис. 1).

Как видно из схемы, категории «цель», «средство», «результат» развертывают деятельность в плане возможности и действительности (по вертикали), а категории «субъект» и «объект» — в плане внутреннего и внешнего (по горизонтали).

Категории «цель» и «результат» выражаются в понятиях «*целенаправленность*» (движение от постановки цели к результату) и «*целеполагание*» (движение от достигнутого результата к новой цели).

Ясно, что человек и высшие животные осуществляют свою деятельность в рамках целеполагания и целенаправленности, т.е. для них «цель», «средство», «результат» — вполне различимые и значимые моменты деятельности.

А как быть с простейшими живыми организмами, растениями, у которых нет и намека на целеполагающую и целенаправленную деятельность? Ясно, что и у них в примитивной форме есть то, что лежит в основе целеполагания и целенаправленности. Мы имеем в виду *целесообразность*. Она свойственна *всему* живому.

«Можно считать установленным, — пишет в этой связи М.В. Демин, — что всякая деятельность имеет целесообразный характер, направлена на достижение определенного результата и связана с движением к некоторой цели. По этой причине целесообразность необходимо должна быть включена в определение деятельности. Понятие “целесообразность” очень сложно и многозначно, оно антропоморфно и имеет известный телеологический оттенок» [4, с. 11].

Целесообразность лежит в основе всякой деятельности, а целеполагание и целенаправленность являются как бы надстроечными элементами, развивающими и дифференцирующими целесообразность. Эти «надстроечные элементы» выражаются или сводятся к триаде «цель – средство – результат». В этой триаде «цель» отчетливо принадлежит к «*возможной*» составляющей деятельности, а «результат» — к «*действительной*» составляющей. «Средство» же является *посредствующим* звеном между целью и результатом, иными словами, *опосредует* цель и результат. В более широком смысле средство является тем элементом деятельности, с помощью которого осуществляется *взаимоопосредствование* возможности и действительности. Напомним, что деятельность есть взаимоопосредствование указанных категориальных форм. Средство и служит таким опосредствующим фактором. Сама этимология слова подтверждает это.

Средство является посредствующим звеном не только между целью и результатом, но и между субъектом и объектом. Оно опосредует субъект-объектное отношение или, шире, отношение между внутренним и внешним. Без этого опосредствования нет освоения субъектом объекта, а следовательно, нет и деятельности. По тому, насколько развиты и совершенны средства, можно судить о степени развития и сложности деятельности, о глубине освоения субъектом объекта.

Благодаря средству деятельность осуществляет взаимоопосредствование внутреннего и внешнего. Субъект и объект — это опосредованные и опосредуемые внутреннее и внешнее. Чем сложнее и совершеннее деятельность, тем глубже она опосредует, охватывает субъект и объект; субъект становится все больше деятельным, культурным, а объект все больше вовлекается в орбиту деятельности субъекта, осваивается, окультуривается. Внутренняя культура субъекта и культура окружающей среды, культурная среда — вот что создает, формирует, «делает» деятельность.

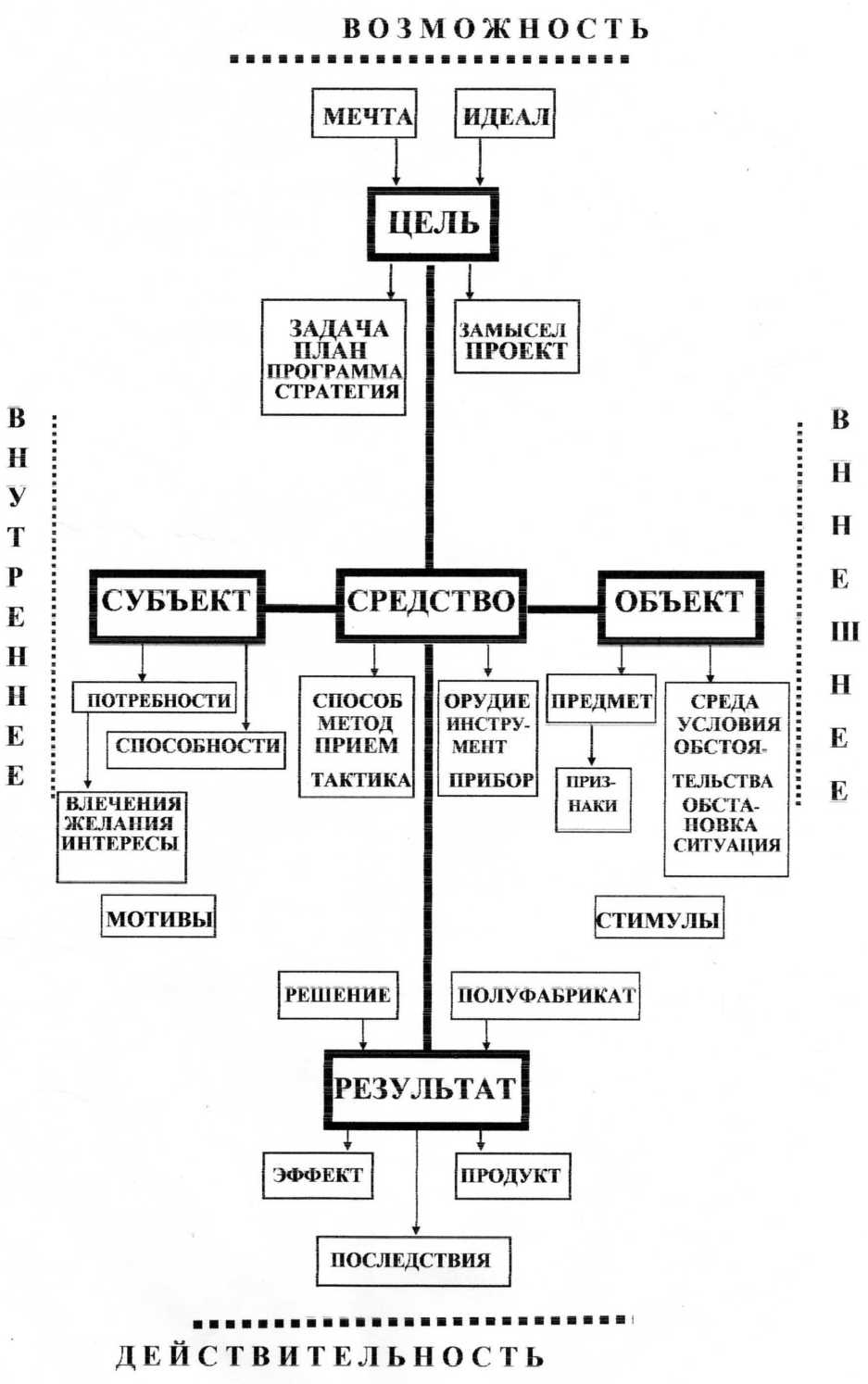


Рис. 1. Структурная схема человеческой деятельности

Подобно движению от цели к результату и от достигнутого результата к новой цели есть и движение от субъекта к объекту и от объекта к субъекту. В своих развитых формах это движение воплощается в практической, управляюще-преобразовательной деятельности (движение от субъекта к объекту, «опредмечивание») и научно-познавательной деятельности (движение от объекта к субъекту, «распредмечивание»).

Познание и управление-преобразование противоположны по своей направленности вот еще в каком смысле. Познание — это преимущественно отражательная деятельность, осуществляющая перевод материального в идеальный план (распредмечивание). В познании субъект стремится разделять то, что разделено в объекте, и соединять то, что соединено в объекте (Еще Аристотель указал на этот критерий познавательной деятельности: «…истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным и связанное — связанным, а ложное — тот, кто думает обратно тому, как дело обстоит с вещами». — Метафизика 1051b 3–6 [1, с. 250]). Напротив, управляюще-преобразовательная деятельность осуществляет «перевод» идеального в материальный план (опредмечивание). В этой деятельности субъект стремится разделять то, что соединено, и соединять то, что разделено.

Мышление же осуществляет на идеальном, психическом уровне взаимодействие (взаимопереход, взаимоопосредствование) этих противоположно направленных форм деятельности.

Сходную точку зрения на соотношение мышления, познания и практики высказал А.А. Сорокин. Он писал: «С этим обстоятельством связана необходимость более полной трактовки вопроса о единстве (тождестве) мышления и бытия по сравнению с той, которая обычно имеет место в философской литературе. Нужно видеть не одну, а две — противоположные — стороны (или два противоположных аспекта) этого вопроса. Речь должна идти не только о совпадении наших представлений, знаний, отражающих объективный мир, с самим этим миром — этот аспект выдвигается на первый план в процессе теоретического освоения человеком действительности, и именно он анализируется главным образом в нашей философской литературе, — но и о совпадении (тождестве) мира, созидаемого человеком, результатов его реально практической деятельности с его знаниями, программами и идеалами. Эта сторона единства мышления и бытия выдвигается на первый план в ходе развития различных форм творческой, реально практической деятельности людей. Другими словами, задача состоит не только в том, чтобы сделать свои знания адекватными глубинной сущности предметов, законам их существования и развития, но и в том, чтобы реальный мир сделать адекватным своим собственным потребностям и целям (…).

Поскольку задачей мышления является не только познание, но и преобразование мира, постольку и в области философии деятельность мышления должна исследоваться не только в его познавательной функции (не только в плане производства научного знания), но и в его практических аспектах, в плане проектирования практической деятельности» [6, с. 276].

На схеме «Виды человеческой деятельности» (рис. 2) наглядно показана двусторонняя связь между субъектом и объектом. Если познание и практика — *противоположно* направленные формы связи субъекта с объектом, то игровая (художественная и спортивная) деятельность — *промежуточная* форма связи.

Не являясь по-настоящему ни познавательной, ни практической деятельностью, она включает в себя элементы той и другой. В сфере субъекта ей соответствует чувство (эмоция), занимающее промежуточное положение между знанием и потребностью.

2. Целесообразность, целеполагание, целенаправленность

Целесообразность, целеполагание и целенаправленность не только развертывают деятельность в плане возможности и действительности, но и в определенном смысле связывают, опосредуют внутреннюю и внешнюю стороны, факторы деятельности.

Так, целесообразность можно рассматривать как «комбинацию» (взаимоопосредствование) *причинности*, относящейся к миру явлений, и *закономерности*. Она, с одной стороны, имеет вид причинности (одно полагается другим, например, функция или орган живого организма имеет основание не в себе, а в целом), с другой, она имеет замкнутый вид, зациклена (та же функция или орган существуют и развиваются на основании собственных законов). Или возьмем такой пример: мы моем яблоки перед едой. Воздействуя на них таким образом, мы запускаем «механизм» причинной связи: одно явление — мойка — вызывает другое явление — очищение поверхности яблок от грязи и микробов. Второе есть следствие первого. В то же время это второе заранее предполагалось в качестве цели мойки. Причинно-следственная связь как бы замкнулась на себе, зациклилась. В результате действия субъекта оказываются *целесообразными*, буквально сообразными цели, а не просто цепью причин и следствий.

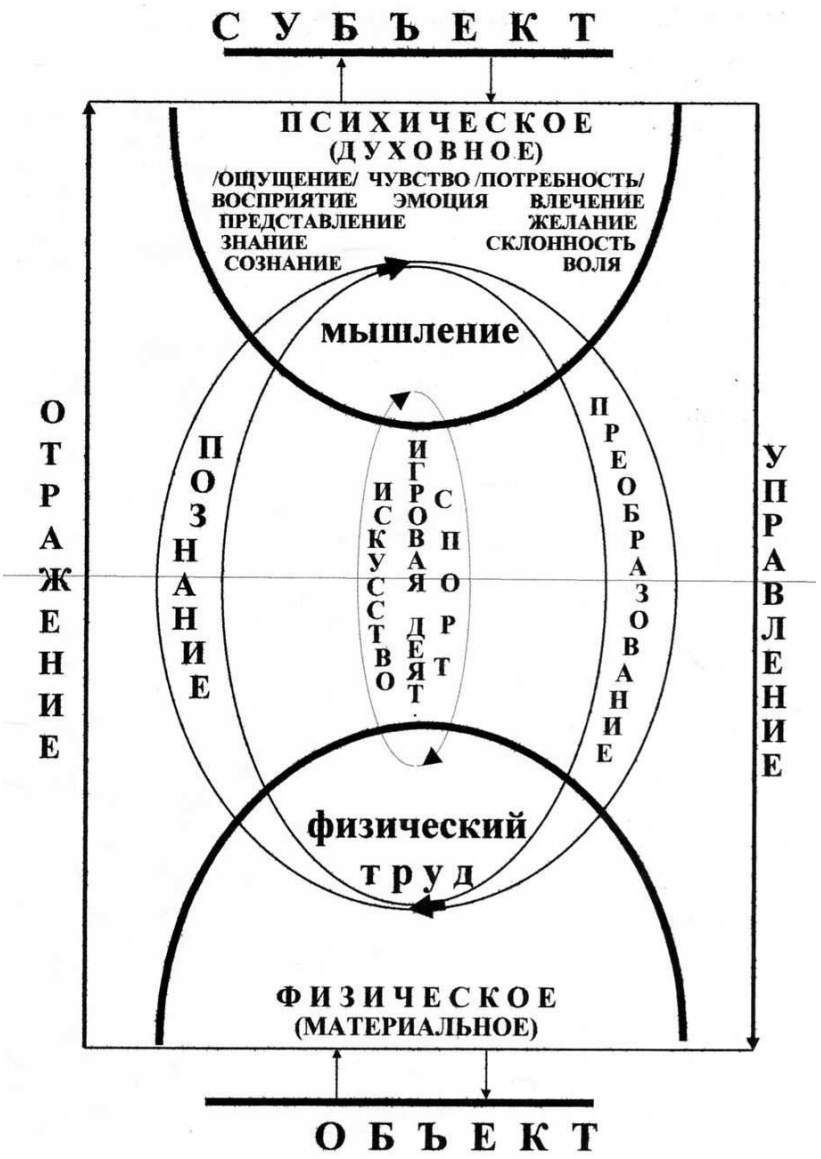


Рис. 2. Схема «Виды человеческой деятельности»

Заслуживают внимания попытки объяснить «механизм» целесообразности с помощью понятий биокибернетики. «Новые аспекты проблемы органической целесообразности, — писал И.Т. Фролов, — раскрывает развитие биокибернетики, в частности принцип обратной связи, согласно которому в живых системах происходит обратное воздействие конечного эффекта, результата процесса на его исходный пункт, начало. Отношение целесообразности выступает здесь как специфическая форма взаимодействия, позволяющая обнаружить определенную направленность процессов, их обусловленность конечными результатами, предстающими в качестве целей (разумеется, речь идет не о сознательных целях, а лишь об их аналогах, объективных по самой своей природе). Условность подобного использования понятия целесообразности не является осознанием для отказа от него» [8, с. 762]. Обратная связь является одним из факторов, превращающих простую причинную связь явлений в целесообразную деятельность.

Следует заметить, что автоматическое устройство, хотя в нем и используется принцип обратной связи, не осуществляет целесообразной деятельности, так как оно лишь средство человеческой деятельности, а не цель сама по себе. Живые организмы, в отличие от автоматов, имеют цель

сами в себе, являются, как еще отмечал Гегель, причиной самих себя, causa sui.

Обратная связь означает постоянное соотнесение цели с промежуточными результатами. По смыслу своему она является опосредствующим звеном между целью и результатом, т.е. ее роль аналогична роли *средства*. Отрицательная обратная связь, по всей видимости, играет роль *корректирующего* средства. Положительная обратная связь — роль *усиливающего* средства.

Категория цели, как основание целеполагающей и целенаправленной деятельности, — не только достояние человеческого сознания, но и необходимый элемент всякой психической деятельности. Когда парящий в небе орел видит на земле бегущего зайца, то он устремляется к зайцу как к цели. Орел ставит перед собой общую цель (образ зайца, имеющий значение цели), ищет и выбирает конкретную цель (соотносит конкретный образ бегущего зайца с общим образом-целью) и затем стремится достичь ее. Ориентировочная деятельность, свойственная не только человеку, но и животным, имеющим психику, *в принципе* невозможна без целеполагания и целенаправленных действий. Говоря об этом, я, однако, не ставлю знак равенства между человеческими целями и целями животных. Между ними имеется глубокое качественное различие. Человеческая деятельность на порядок выше. Об этом можно судить хотя бы по таким признакам человеческого целеполагания, как способность мечтать или выдвигать идеи. У животных цели имеют, так сказать, конкретно-ситуативный характер. Они не «заглядывают» далеко в будущее.

Цель жизни

Жизнь — это деятельность вообще, интегральная деятельность, жизнедеятельность в самом глубоком смысле этого слова. У живых организмов и живых существ она — биологическая форма деятельности, у человека — биосоциальная форма.

На фоне жизни как общей, интегральной деятельности человек осуществляет специальные или специализированные формы деятельности, такие как общение, познание, практическая деятельность, труд, отдых и т.д. Эти формы деятельности существуют и развиваются лишь в общем контексте жизни, жизнедеятельности субъекта.

Цель «задает» целостность деятельности. Если это цель жизни, то она определяет целостность жизни. У человека, не имеющего цели жизни, и жизнь не реализуется как органическое целое в биосоциальном, т.е. человеческом смысле. «Жизнь без цели — человек без головы», — гласит народная мудрость.

Не всякий человек ставит перед собой цель жизни, но если ставит, то этим человек полагает ее как *целенаправленную* деятельность.

Вообще в реальной жизни существует целое *дерево целей*. Цель жизни — это главная или общая цель жизни. Помимо нее существуют либо подчиненные, промежуточные, либо побочные цели. Подчиненные и промежуточные цели — это цели, осуществление которых открывает путь к главной цели жизни, приближает к ней. Побочные или параллельные цели — это цели, которые формируют всю «кухню» жизни, обусловливают полноценное гармоническое развитие человека. В своей сумме они не менее важны, чем главная цель жизни (например, цель укрепить здоровье средствами физической культуры, построить дом, различные увлечения, хобби). В некоторых ситуациях возникает конфликт между главной целью жизни и побочными целями. Этот конфликт может завершиться либо победой главной цели жизни, либо победой побочных целей.

Главная цель жизни — это цель, реализация которой оправдывает жизнь человека в целом, как личности, субъекта, стоящего где-то наравне с обществом, осознающего свои цели как цели человека вообще или цели того или иного сообщества людей. В главной цели жизни по логике вещей сливаются воедино стремления человека как индивидуума и цели общества.

Проблема определения цели жизни сродни проблеме выбора профессии. Более того, первая является, как правило, продолжением второй. В формировании цели жизни «участвуют» и случайность, и необходимость, и внешние обстоятельства, стимулы, и внутренние побуждения, мотивы.

Если цель поставлена, то она становится законом деятельности, категорическим императивом, необходимостью, которой человек подчиняет свою волю.

Таким образом, мы видим две стороны сознательной жизнедеятельности: *целеполагание* (поиски цели, выбор цели) и *целенаправленность* (целеустремленность, движение к цели, вернее, от цели к результату). Обе стороны важны для человека в равной степени.

Понимая важность цели и связанных с ней целеполагания и целеустремленности, не следует, однако, абсолютизировать ее. *Жизнь в некотором смысле есть единство цели и бесцельности*, т.е.

единство организованности и неорганизованности, труда и отдыха, напряжения и расслабления. Бесцельность реализуется прежде всего в том, что наряду с главной целью жизни существует множество побочных целей. Поиск и реализацию побочной цели (и вместе с тем отвлечение от главной цели) можно интерпретировать как бесцельность. Говорят же, что нельзя все время работать, думать об одном, что нужно отвлечься, развлечься, отдохнуть, снять напряжение, переключиться на другой род деятельности. Не случайно современный человек все больше внимания уделяет побочным занятиям, хобби, интуитивно сознавая, что напряжение труда, главной цели, главного дела жизни может просто уничтожить его.

Нужно также иметь в виду, что жизнь человека не всегда протекает на уровне целеполагания и реализации целей. Человек может совершать целесообразные действия, минуя стадию целеполагания, чисто инстинктивно, безотчетно. Например, потребность в отдыхе, сне может «реализоваться» в виде цели (поисков ночлега и т.п.) или непосредственно — человек незаметно для себя уснул в поезде метро. Или такой пример: когда человек случайно касается рукой горячего предмета, то он отдергивает ее — здесь совершено целесообразное действие, но нет целеполагания и сознательного стремления к цели.

Когда возникает необходимость целеполагания? Вероятно, тогда, когда между потребностью и ее удовлетворением имеется какое-то препятствие или для удовлетворения потребности нужно совершить сложные ориентировочные действия.

3. Субкатегории (субэлементы) цели, средства и результата

В структурной схеме человеческой деятельности (см. рис. 1) главными категориями определены *цель, средство, результат, субъект и объект*. Вокруг каждой категории группируются более частные категории-понятия, которые удобно именовать субкатегориями. Категория цели, например, является родительской категорией, группирующей вокруг себя такие понятия, как *мечта, идеал, план, программа, стратегия, задача, проект, замысел*.

Как видно из схемы, вертикальная ось «*цель – результат*» делит «пространство» между субъектом и объектом на две половины. Соответственно понятия, подчиненные цели, средству и результату, делятся на две группы, «размещаются» влево от вертикальной оси (ближе к субъекту) и вправо от оси (ближе к объекту). Первую группу понятий я буду называть *субъектными* целями, средствами, результатами; вторую группу понятий — *объектными* целями, средствами, результатами. Так, *план, программа, задача, стратегия* относятся в основном к действиям субъекта, а *проект, замысел* ориентированы на объект, точнее, характеризуют воображаемый, мыслимый *предмет*. *Мечта* ориентирована на желательные изменения в жизни субъекта, а *идеал* указывает на объект, предмет как цель стремлений или образец для подражания (этот объект, предмет может быть воображаемым и тем не менее субъект отделяет его от себя).

Способ, метод, прием, алгоритм, правило являются субъектными средствами, так как они относятся к действиям субъекта, характеризуют их содержание, порядок, последовательность. А *орудие, инструмент, прибор* и т.п. являются объектными средствами, т.е. являются теми или иными *предметами*, используемыми в качестве средств.

Решение и *эффект* являются субъектными результатами (результатами действий субъекта), а *полуфабрикат, продукт, изделие* — объектными результатами (в виде тех или иных *предметов*).

Субкатегории цели, средства и результата можно классифицировать не только по линии «субъект – объект», но и по линии «верх – низ» («цель – результат»). Наиболее удалены от результата такие субкатегории цели, как «мечта», «идеал». Они соответственно помещены над ней (дальше от результата).

В самом деле, *мечта* — это лишь слабый проблеск цели, «прожект», нечто весьма эфемерное, далекое еще (или просто далекое) от осуществления. Если сама цель настоятельно «требует» поиска средств или даже предполагает их наличие, то *мечта* не «думает» или еще не «думает» о средствах, не «ищет» их, она в некотором смысле «беззаботна» и может быть совершенно оторвана от действительности (вспомним маниловские мечтания, вошедшие в поговорку и заклейменные как «маниловщина»). С точки зрения возможности своего осуществления мечта носит еще в значительной мере случайный (маловероятный) характер. Цель в собственном смысле — это уже такая возможность, которая наряду с элементом случайности содержит в себе и элемент необходимости (выше говорилось о цели как «законе» деятельности). Цель, конечно, может и не осуществиться, но человек рассматривает ее как необходимость и предпринимает для ее осуществления серьезные, порой весьма рискованные шаги.

Итак, я указал на бо́льшую удаленность мечты от действительности по сравнению с целью, что, однако, не обесценивает ее. По большому счету мечта совершенно необходима для целеполагания и целеустремленности. *Всякая большая цель начинается с мечты и «подогревается» ею, пока не достигнута.*

Примерно то же можно сказать об *идеале*. Н.Н. Трубников указывает, что в отличие от конкретной цели деятельности идеал представляет собой абстрактную цель [7, с. 42]. Идеал выражает стремление человека к совершенству и совершенному. Поскольку совершенствование беспредельно, постольку и идеал кажется недостижимым. Тем не менее человек, не останавливающийся на достигнутом, всегда стремится к идеалу.

Такие понятия, как *план*, *программа*, *задача*, *стратегия* (см. рис. 1), по смыслу своему «стоят» где-то между целью и средством (со стороны субъекта). План — это конкретизация цели с точным указанием промежуточных этапов (заданий, целей), сроков их прохождения и достижения цели. План может по своему содержанию приближаться к программе. Последняя — это уже в определенном смысле *цель-средство*. Она включает в себя помимо того, что есть в плане, и указание на некоторые общие средства достижения цели, общие алгоритмы деятельности. В то же время «программа» не предусматривает *весь* объем средств для достижения цели, не детализирует их.

В самом низу структурной схемы (рис. 1) располагаются субкатегории, характеризующие результативную сторону человеческой деятельности. Возьмем *решение*. С одной стороны, решение — это уже какой-то результат (при решении математических задач решение полностью совпадает с результатом). А с другой, в контексте реальной деятельности, предусматривает кроме мыслительных операций и какие-то физические действия по достижению результата, между решением и результатом всегда существует определенная дистанция. Мы знаем из практики, что не всякое решение выполняется, а если выполняется — то часто не полностью. Переход от решения к реальному результату — извечная проблема хозяйствования. Таким образом, решение еще не вполне является результатом и его место на структурной схеме непосредственно над категорией «результат» слева, между средством и результатом. Решению соответствует объектный «недорезультат» — *полуфабрикат*.

Субкатегория «*последствия*» располагается на схеме ниже субкатегорий «эффект» и «продукт». И по своему реальному содержанию она является как бы результатом результата, вторичным, третичным, четвертичным и т.д. результатом. Говорят еще об *отдаленных* последствиях. Люди, стремясь к получению непосредственных результатов — эффекта и продукта, не всегда думают о последствиях своей деятельности. Они порой живут, действуют по принципу: «после нас хоть потоп». В действительности в перспективе жизни учитывать последствия не менее важно, чем ставить цели и добиваться конкретных результатов. Например, сейчас перед обществом остро стоит проблема *охраны окружающей среды*. Она возникла как раз в результате деятельности людей, ориентировавшихся раньше на непосредственные итоги (такие-то продукты, такие-то полезные эффекты).

Таким образом, система субкатегорий цели, средства и результата, изображенная на структурной схеме, наглядно показывает, каким должно быть мышление человека, когда он рефлексирует по поводу деятельности, когда он ставит цели и стремится к их достижению.

4. Субъект и объект

В структурной схеме *субъект* и *объект* (рис. 2) изображены как субкатегории деятельности, как ее стороны, моменты. На самом же деле это не совсем так. Хотя, безусловно, деятельность «делает» субъект субъектом, а объект объектом, они все же не входят целиком в состав деятельности как ее моменты. Взаимоотношения субъекта и объекта, их взаимодействие *шире* собственно деятельности. Объект действует на субъект не только в рамках деятельности последнего, но и просто как стихийная сила, т.е. абсолютно независимо от субъекта и его деятельности. С другой стороны, субъект может воздействовать на объект не в рамках деятельности, а как одно материальное тело воздействует на другое или другие, лишь в силу своего присутствия.

В этой связи более правильно располагать субъект и объект *около*, по обе стороны категории деятельности и присоединять к ней *незамкнутыми* линиями (скобками). Указанные категории, с одной стороны, не включены непосредственно в объем категории деятельности, а с другой, явственно относятся к ней, определены ею.

Высказанные замечания по поводу частичной включенности субъекта и объекта в деятельность носят принципиальный характер, это особенно

касается категории «объект». Философы, явно или неявно абсолютизирующие категорию деятельности, рассматривают объект только как включенный в деятельность и, следовательно, зависимый от субъекта. Они, конечно, правы в том, что *в деятельности* субъект и объект *взаимо*зависимы, связаны, так сказать, одной «веревочкой». Однако, если рассматривать указанные категориальные формы в более широком контексте — всей реальности, мира в целом, то их взаимозависимость не кажется абсолютной. За пределами деятельности она превращается в более или менее одностороннюю зависимость — субъекта от объекта (объективного мира). Можно сказать так: субъект в конечном счете зависим от объекта, определяется им, а объект в конечном счете независим от субъекта, существует сам по себе. Субъект, правда, может *называть* весь мир объектом своей деятельности. Но мир от этого наименования не становится на самом деле объектом. И даже от деятельности субъекта он не становится таковым. Объектом становится лишь какая-то ничтожная часть мира, то, что называют окружающим миром.

Применительно к миру в целом объект часто называют *объективной реальностью, объективным миром*. В этом качестве он справедливо характеризуется как независимый от субъекта (человека и человечества).

Иной взгляд на соотношение понятий «объект» и «объективная реальность» высказывает В.А. Лекторский. Он считает, что объект — «та часть объективной реальности, которая реально вступила в практическое и познавательное взаимодействие с субъектом» [5, с. 25]. Нам представляется, что В.А. Лекторский в данном случае под понятием «объект» имеет в виду «предмет», который, действительно, является частью объекта, объективной реальности. Слово «объект» часто употребляется в значении «предмет». И это сбивает с толку некоторых философов. Однако, если мы сопоставим понятие «объект» с понятием «субъект», то увидим, что это понятие обладает всей полнотой признаков, делающих его противоположным (соотносительным) субъекту. Не объективная реальность противостоит субъекту, а именно объект. С точки зрения категориальной логики не объект — часть объективной реальности, а, напротив, объективная реальность — «часть» объекта. «Объект» — родовая или родительская категория по отношению к «объективной реальности». В выражении «объективная реальность» подчеркивается момент независимости объекта от субъекта.

Итак, субъект и объект в их категориальном значении *соразмерны* деятельности. Это, в частности, означает, что они «функционируют» не только как человеческие категории, но и вообще как категории живого. Поскольку любое живое взаимодействует с окружающей средой в форме деятельности, постольку оно выступает по отношению к ней как субъект по отношению к объекту. Конечно, нам трудно представить, что какая-нибудь амеба или растение являются субъектами. Но это так, поскольку они *живут*, т.е. осуществляют деятельность. Во взаимоотношениях амебы, растения с окружающим миром неизбежно возникает контрпозиция «субъект – объект», т.е. одно (организм) — нечто активное, действующее, осуществляющее выбор, а другое (окружающая среда) — нечто воспринимаемое, изменяемое, преобразуемое, являющееся объектом воздействия-выбора.

Раз возникнув, субъект-объектные отношения развивались-усложнялись по мере развития-усложнения живого. Субъектность одноклеточного организма минимальна. А вот субъектность высшего животного по многим параметрам приближается к субъектности-субъективности человека. Высшее животное имеет развитую психику и, следовательно, осуществляет сложную целеполагающую-ориентировочную-предметную деятельность, делающую его субъектом без всяких оговорок.

В дальнейшем будем говорить о субъекте-человеке и объекте его деятельности.

Субъект

Субъект-человек имеет ярко выраженную двойственную природу. С одной стороны, он субъект-индивид, а с другой, совокупный субъект: от минимальной группы людей, каковой, скажем, является семья, до человеческого общества в целом, человечества. В этом дуэте субъектов отдельный человек, естественно, играет первую скрипку, является первичным субъектом.

В языке двойственная природа человека-субъекта проявляется в том, что слово «человек» употребляется как в разделительном, так и в собирательном смысле. В разделительном смысле «человек» — индивидуум, личность, живое существо. В собирательном смысле «человек» — человечество, человеческий род, человеческое об-

щество (например, в высказывании «человек осваивает космос»).

Между тем и другим «человеком» существует определенная дистанция, которая в практике словоупотребления обозначается как противоположность «человек – общество» (или: «личность – общество», «индивид – род», «я – мы» и т.д.). Слово «человек» чаще всего употребляется в разделительном смысле. В собирательном же смысле обычно употребляется слово «общество».

Человек-общество — двойной субъект, в котором определяющую роль играет человек. Человек — первичный субъект, общество — вторичный. Человек «светит» своим светом, общество — отраженным. С другой стороны, эти два субъекта, как два магдебургских полушария, неразделимы. Человек для себя — субъект во всех отношениях. Общество не является субъектом для себя и тем более субъектом во всех отношениях. Для человека общество — отчасти объективная реальность, отчасти часть его самого. По отношению к природе общество — субъект; оно действует, преобразует природу, но по отношению к человеку оно и объективно и суть нечто зависимое, являющееся, как мы уже говорили, частью человека. Например, наука, часть общества, не может существовать без отдельных ученых. Последние делают науку наукой!

Совокупный субъект существует благодаря ***общению*** субъектов-индивидов. Общение — особая форма деятельности. Она осуществляется исключительно между субъектами. Ее особенность в том, что субъекты последовательно-попеременно и/или параллельно играют роль объектов друг для друга.

Объект

Объект является родовым понятием (родительской категорией), группирующим вокруг себя целый ряд понятий, таких как *предмет*, *среда*, *условия*, *обстоятельства*, *обстановка*.

Субъект непосредственно направляет свои усилия не на весь объект, а лишь на его «часть», которую обычно называют предметом. Последний в буквальном смысле есть то, что *метит* в глаза, что стоит *перед* субъектом. Предмет является либо объектом познания, либо объектом преобразовательной, предметной деятельности человека. Он то в объекте, на что *направлено* в первую очередь или в данный момент внимание субъекта как познающего или практического деятеля.

Следует отличать *предмет* от *вещи*, тела, отдельного материального образования. Не всегда границы предмета совпадают с границами отдельного материального образования. Если вещь проявляет себя в отношениях с другими вещами через свойства, то *предмет* по отношению к субъекту — через *признаки*. (Совершенно недопустимо с точки зрения категориальной логики подставлять в триаду «вещь – свойство – отношение» вместо вещи предмет или вместо свойства признак. Триада «предмет – признак – отношение к субъекту» отличается от триады «вещь – свойство – отношение» *в принципе, категориально*.) Вещи, их свойства и отношения существуют независимо от каких-либо субъектов и их деятельности. А предметы и их признаки определяют себя лишь в рамках отношения «субъект – объект». Например, каменная соль обладает свойством растворяться в воде (ее жидком состоянии). Для воды это свойство каменной соли не является признаком, т.к. оно ей совершенно безразлично. Ведь вода не субъект и она не преследует каких-либо целей, чтобы воспользоваться свойством растворимости каменной соли. Для человека же свойство растворимости при определенных условиях может стать признаком. В этом случае каменная соль уже не просто материальное тело, вещь, а *предмет*, удовлетворяющий или мешающий удовлетворению потребности человека. Если человеку нужно сделать воду соленой, то он бросает туда щепотку соли, зная наперед, что она обладает признаком растворимости.

Признаком не обязательно должно быть свойство вещи. У певчих птиц признаком является пение, которое отнюдь нельзя назвать свойством (ведь и сами птицы — живые существа, а не вещи). Признаком может быть все, что характеризует предмет с точки зрения его значимости для субъекта.

Вообще говоря, триада «вещь – свойство – отношение» преобразуется в системе категорий «субъект – деятельность – объект» в такие цепи категорий: «субъект – способность – деятельность» и «предмет – признак (функция) – отношение к субъекту (функционирование)».

Итак, предмет — это «часть» объекта, на которую направлено внимание субъекта и с которой он «работает», непосредственно «имеет дело». А что же представляет собой другая «часть» объекта? Это, по-видимому, такая «часть», которая принимает «участие» в деятельности субъекта, влияет на его судьбу, но на которую непосредст-

венно не направлено внимание субъекта и он не «работает» с ней. Эту «часть» объекта называют по-разному: *средой, условиями, обстоятельствами, обстановкой, ситуацией* и т.д. Обычно проводят различие между благоприятными и неблагоприятными условиями, обстоятельствами. Благоприятные условия способствуют деятельности субъекта, неблагоприятные — мешают.

Среда, условия, обстоятельства, обстановка, ситуация

В истории человеческой мысли всегда остро стояла проблема: в какой мере обстоятельства влияют на человека, а человек может повлиять на обстоятельства. Является ли человек марионеткой в «руках» обстоятельств или же он — хозяин своей судьбы?

В XIX и XX вв. значительное распространение получила концепция, которая преувеличивала значение обстоятельств в жизни людей. Эта концепция имеет разные обличья. Например, И.Г. Песталоцци, знаменитый педагог, основоположник теории начального обучения, утверждал: «Человека образуют обстоятельства». Теперь-то мы знаем, что всё не так просто. Влияние обстоятельств, безусловно, имеет место. Но и человек оказывает не меньшее влияние на обстоятельства. Более того, нередко он действует ***вопреки*** тем или иным обстоятельствам.

Список литературы

1. *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. *Балашов Л.Е.* Мир глазами философа (Категориальная картина мира). М.: Academia, 1997. 293 с.
3. *Балашов Л.Е.* Философия: учебник. М.: Дашков и К, 2010. 612 с.
4. *Демин М.В.* Природа деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1984. 168 с.
5. *Лекторский В.А.* Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М.: Высшая школа, 1965. 320 с.
6. *Принципы* материалистической диалектики как теории познания. М.: Наука, 1984. 304 с.
7. *Трубников Н.Н.* О категориях «цель», «средство», «результат». М.: Высшая школа, 1968. 148 с.
8. *Философский* энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

ACTIVITY, SUBJECT, OBJECT (CATEGORICAL LOGIC PORTRAIT)

Leo E. Balashov

Moscow State University of Mechanical Engineering; 38, B. Semenovskaya, Moscow, 107023, Russia

The article is dedicated to the philosophical concepts of a family of categories: activities, subject, object. Study their relationship in the two block diagrams «Diagram of human activity» (in terms of possibility and reality: the goal-means-result) and «human activities» (in terms of internal and external relationships: the spiritual and the physical and mental, knowledge and transforming activity). Categories «goal», «expedience», «goal-setting» and others are analyzed.

Key words: activity; subject; object; purpose; means; result; spiritual; physical; work; play; creativity.

УДК 130.3

О ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ «ДУШИ» ЧЕЛОВЕКА В СТРУКТУРЕ ДУХОВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Г.П. Меньчиков

По мнению автора, понятие «душа» отражает специфический, достаточно самостоятельный элемент в структуре целостной «духовной реальности» человека. Вместе с тем автор признает, что судить о «душе» с позиции научной философской рациональности весьма затруднительно. Автор утверждает, что ее неправомерно отождествлять с человеческой психикой. Вопросы бытия «души» человека эксплицируются автором через попытку выявления ее сущности, основных свойств, закономерностей функционирования. Анализируется специфика «души» в сравнении с другими элементами структуры духовной реальности человека.

Ключевые слова: духовная реальность человека; душа человека; закономерности функционирования души человека; классическое, неклассическое, неоклассическое понимание; психика; сознание; неосознаваемое.

Постановка проблемы. В современной неоклассической философии «дух человека» открывается словно заново. Становится ясно, что в его структуре особое место занимает и «душа человека». Научная ситуация такова, что говорить о «душе» человека с позиций научной философской рациональности весьма затруднительно. Изучение проблемы показывает, что ни в одной из работ о душе человека в истории философии дело не обходится без мистификации [1, 36, 46] либо без натурфилософского подхода к пониманию ее реальности и сущности [2, 7, 8, 10]. Ни в одном из современных учебников психологии нет раздела с названием «душа человека». Между тем, на наш взгляд, вопрос о «душе» относится и к компетенции науки, не говоря уже о том, что это существенная жизненная проблема (хотя бы в форме вопроса о душе и бездушии людей). Нельзя не согласиться с тем, что «понятие “душа” на данный момент напоминает историко-культурную сборную солянку, сплав религиозных, философских, психологических, обыденных представлений. Особый феномен — это низкопробная “душеведческая” и “душеспасительная” литература, заполнившая книжные полки. В ней восточная эзотерика сплавлена с христианством, диетологией и лечебной физкультурой. И эта “гремучая смесь” сдобрена, как правило, наукообразной терминологией, чтобы создать эффект значительности…» [28, с. 4]. В научных же работах «душу» человека часто отождествляют с «психикой», «сознанием», «неосознаваемым», «духом человека». Однако, как проницательно заметил В.В. Розанов психика может быть на поверку здорова, но «болит душа…и только при боли я и согласен жить… Это есть самое дорогое мне и во мне». Или «души в вас нет, господа: вот и не выходит литературы» [25, с. 117, 283]. Итак, возникает множество вопросов относительно «души» человека. И главный из них — онтологический, вопрос о возможности научной идентификации «души» человека, её собственной сущности. Цель статьи — обоснование концепции реальности «души» человека как своеобразного элемента структуры его духовной реальности наряду с сознанием и бессознательным.

* * *

По главному вопросу в его научной постановке — существует ли «душа» и какова ее сущность — известны следующие ***историко-философские позиции***: классическая, неклассическая и современная неоклассическая. Эквивалент представлений о душе появился в донаучном мировоззрении, в анимизме. Анимизм, можно сказать, «открыл» реальность души человека, но сразу же мистифицировал ее. По Д. Фрезеру, дикарь считает, что

[*] Мнение редколлегии может не совпадать с мнением автора статьи.

Меньчиков Геннадий Павлович — доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии; Казанскогой государственный университет культуры и искусств; 420059, Республика Татарстан, Казань, Оренбургский тракт, 3; menchikovgp@mail.ru.

«душа — это маленький человек.., человек внутри человека есть душа. <…> Душа — это тень или отражение в воде или в зеркале» [39, с. 175, 184].

Античная преднаука допускает реальность души у человека, но не выделяет ее из общей структуры «сознания», отождествляя с ним (Демокрит, Платон, Аристотель). Душой называлось «нечто в человеке, являющееся началом всего, движителем остального», «душа и ум — одно и то же» [2, с. 373, 376, 384]. Платон считал, что душа «правит всем в человеке, в особенности, если она разумна»; душа есть «бессмертное, неуничтожимое самодвижущее начало»; «душа есть нечто вещее», «есть припоминание того, что некогда видела … душа по своей природе бывала созерцательницей бытия» [24, с. 63, 177]. Средневековье впервые особо выделяет «душу» во внутреннем мире человека, стараясь изучить ее, но делает это с религиозно-психологических позиций (Августин, Ориген, Аквинский). Человеческая душа есть не только двигатель тела, но его субстанциональная форма и притом единственная [22, с. 145]. В период *классической науки* такие представления о душе были подвергнуты критике. Душа у человека разумна, как считал Декарт, а раз так, то она тождественна уму, мышлению; а как же тело человека, чувственность? Тело человека понималось им как своеобразный автомат, действующий на основе рефлекторного акта [7]. Рационалистически-механистический метод мышления фактически «отменил» душу. Так, по Ламетри, «душа — это лишенный содержания термин, за которым не кроется никакой идеи и которым здравый ум может пользоваться лишь для обозначения той части нашего организма, которая мыслит… Допускать для объяснения этого существование души значило бы прибегать к содействию святого духа» [10, с. 183]. Американский бихевиоризм, продолжая эту линию, сперва пренебрег даже сознанием, но примерно с 1960 г. пришло отрезвление; важной в этом отношении была статья Р. Хольта [43]. В советском материалистическом материализме термин душа «иногда употребляется, но только как синоним слова “психика”», «лишенный всякого смысла…синоним психики человека и животных» [34, с. 90, 86]. И в современных зарубежных научных изданиях, как правило, душа как элемент реальности либо вообще не рассматривается, либо также отождествляется с сознанием, духом, мышлением, психикой [20, 21, 27, 47, 48].

В *неклассический период* мировая наука о духе человека развернулась в сторону «глубинной стадии» (фрейдизм, неофрейдизм); однако и в этом формате проблема души серьезно не рассматривается. Душа продолжает игнорироваться, но уже путем отождествления ее с бессознательным, через иррационализацию души и размывание ее в поле неосознаваемых влечений. Например, Э. Гартман считал, что «бессознательное есть душа» [3]. В трудах З. Фрейда можно найти термин «душевные процессы», но на поверку он означает то же самое, что и вся «духовная реальность человека». В структуре же всей духовной реальности человека такой компонент, как душа, у Фрейда отсутствует, точнее, душа во фрейдизме растворяется в бессознательном [40]. Повторился исторический ход мысли: классицизм в свое время «упразднил» душу, радикально отождествив ее первый раз со всей психикой (Аристотель и другие), второй раз — с сознанием (Декарт и другие); теперь же неклассицизм отождествил душу с неосознаваемой сферой духа человека.

В *неоклассический современный период* философия «переоткрывает» душу в человеке, пытаясь с обновленных научных парадигмальных позиций объяснить *ее* реальность и сущность в целостной структуре духа человека (В. Франкл, В.А. Лефевр, В.Г. Федотова, В.П. Зинченко). Основываясь на неоклассическом философском мышлении [17, 30, 42], современная наука о бытии духа человека вновь обратилась к душе как к реальному и самобытному элементу духовной реальности человека [16, с. 327–340]. Она пытается дать посильные *научные* ответы в ходе рассмотрения обозначенных вопросов. Большая заслуга здесь принадлежит В. Франклу, одному из создателей так называемой «гуманистической психологии и философии», где впервые за последние десятилетия предметом неоклассического исследования стала именно душа, причем живого, не упрощенного и не мистифицированного человека [38]. Таким образом, по вопросу *о наличии души человека* в мировой философии на сегодняшний день сложились три позиции. Первая — отрицает душу у человека. Вторая — признает душу человека на словах, но на деле игнорирует, сводя ее то к психике, то к сознанию, то к неосознаваемому. Третья — признает душу в человеке и считает, что душа человека специфична — это не вся психика, не сознание и не бессознательное, не самосознание, не рефлексия, а особое образование во внутреннем духовном мире.

Сущность души человека. Идентификация сущности души упирается в понимание того, что есть человек. В *классическом* философском мышлении человека трактуют «разумным животным»,

«разумной машиной», «вещью», «средством», «инструментом», «орудием» и т.д. То есть судят о нем по происхождению (а не по сущности) и функционально (потребительски, а не бытийственно), не различая «природу человека (его генезис)» и «сущность человека (его родовую сущность)», подменяя тезисы. В *неклассический* философский период человека трактуют и как «биосоциальное существо». Это хорошая догадка, но она мало что меняет в понимании сущности человека. Современная *неоклассическая* антропология пришла к выводу, что человек не животное (ни разумное, ни политическое, ни общественное, ни интеллектуальное, ни «мыслящий тростник», ни «животное, делающее орудие труда»), не вещь, не «высшая ступень животных организмов на Земле». Он — существо «надприродное», которое живет не в «природе», а в «бытии». Человек в своей сущности — уникальное существо и его уникальность в том, что его нельзя *выносить из* бытия (ставить над бытием и вне бытия), но и нельзя ставить *в ряд* бытия. «Человек укоренен в бытии и межчеловеческих связях» [41, с. 151; 11, с. 25]. Хотя человек имеет природное и социальное начало и невозможен без них, но он несводим к ним. Повторим, *важно не смешивать «природу человека» (начало) с «сущностью человека» (с тем, чем он затем становится, есть)*. Его родовой сущностью становятся совсем иные, не повторимые пока ни у кого больше в бытии *коренные константные признаки*, а именно: во-первых, иные *экзистенциальные детерминации, целевые причины*, «метафизическое измерение» [29, с. 2]; во-вторых, его экзистенциальная *конструирующая, а не отражательная сущность*, — «находить себя в здесь-и-теперь-бытии-сознании» [31, с. 4]; в-третьих, способность стать, жить, удержаться в состоянии «человек» *лишь в культуре как третьем доме бытия* [18, с. 59–61]. Когда у животного все состоялось, у человека все только начинается. Человек не погребен под инстинктами и под социальным. Среда и инстинкты *влияют, но не определяют* поведение человека, тем более не определяют его в качестве человека. Если смысл жизни более или менее состоялся, человек несколько успокаивается, конструирует жизнь или, если не получается, то «томится», «раздражается», «нервничает», «конструирует жизнь через ее разрушение» (ибо разрушение есть тоже своеобразная креативность) либо впадает в апатию [38, с. 22–24]. Человек — существо *внефункциональное* и *надфункциональное*.

Чтобы понять, что такое душа человека, необходимо, на наш взгляд, исходить из того, что «дух» и «душа» — не одно и то же [9; 16, с. 183–190; 19, с. 69] и что содержание «я» и «душа» также не одно и то же. В нашем «я» есть *гетерономное и автономное* начало. Гетерономное — это во мне, мое, но служащее «для всех и всего»; а также то, что дано человеку от наследственности и социокультурной среды. Автономное же — это сугубо мое во мне, обслуживающее лишь меня как уникальную личность; и нажитое мной, самим собой, а не доставшееся по наследству от природы или от социума и культуры. В душу входит прежде всего *автономное*, его стоит отличать от гетерономного [37, с. 409]. И это «автономное интегральное соединение» специализируется лишь на своем, прежде всего на обеспечении и охранении в человеке его суверенности, монадности во взаимоотношениях с внешним окружающим миром и гетерономной частью внутри себя. Без этого «устройства», называемого душой, человек просто пропадет: тебя растащат, превратят, ты растворишься, утонешь в своем гетерономном, нивелируешься, потеряешь себя. Да и социальная среда, культура гораздо агрессивнее для суверенности человеческого существа, чем природная среда для животного. Иначе «во внутреннем дому твоем» поселится только гетерономное, склонное обезличить тебя [23, с. 43] — а не *приобретенное только тобой*, не принадлежащее только тебе, не выражающее только тебя *в мироздании* [41, с. 151], выражающее саму интимную «встречу с бытием» [44, с. 195]. Получается, что душа — это своеобразное государство в государстве, у нее есть свое содержимое, свои задачи.

Душа включает знание, но *свое, сокровенное* на фоне общих знаний в духовной реальности человека. У души есть память, но душа помнит тоже свое, хотя действует и общая память в духе человека. Душа, конечно, включает чувства, но чувствует, переживает, волнуется тоже о своем. Душа включает убеждения, но она убеждена в своем, интимном. Душа проявляет волю, но свою добровольную волю. Однако больше всего душа — хочет, желает или не хочет, не желает. Желания можно назвать и ее главным элементом, и проявлением. Душа всегда куда-то, к чему-то стремится. И в этом плане можно согласиться с тем, что «душа — это прежде всего страсть» [25, с. 82] и «аристос» (гр. aristos — лучший) — неуспокоенность на достигнутом, стремление (быть лучше, хотя бы как-то и в чем-нибудь; оксюморон, даже в худшем, но быть лучше) — один из самых существенных уникальных признаков че-

ловеческого существа, не свойственных ни одному из животных.

Душа человека *свободна*, причем до анархичности. И ничего с ней не поделаешь — весь внутренний мир человека, за исключением души, может признать свободу «как познанную необходимость», но только не его душа. Душа не терпит гетерономного приказа, кроме приказа самой себе в человеке. Отвечая за самобытность человека в этом мироздании, сама душа, тем не менее, автономна и даже капризна. Душа, зная «надо», не умеет отказаться от своего желания без своего же добровольного желания, пока ее не уговоришь, пока она не примет добровольное решение. Она не признает насильственное «надо», ее основной закон — «хочу» или «надо, потому что и я так хочу». Иначе говоря, душа бытийна, онтологически надфункциональна. Видимо, прав Гуссерль, когда подчеркивает, что главное, чего не может понять традиционная философия и психология в теме души, так это то, что душа в собственном смысле — это деятельное и страдающее «я» [6, с. 114]. Душа — это не весь внутренний мир человека, как нередко считают, а его элемент, нечто самостоятельное во внутреннем мире человека. До известной степени можно согласиться, что душа — это встроенный в психосоматику человека своеобразный «рефлексивный компьютер» [12, с. 30], который нельзя наблюдать, который автоматически отслеживает свой собственный материал и использует для этого свои автономные средства отслеживания. Может не нравиться сравнение с компьютером, но именно *душа отслеживает не все внутреннее состояние человека (этим у человека занимается его самосознание), а состояние состояний, впечатления впечатлений, оценку оценок, переживание переживаний, при этом переживая само это переживание*.

Душа — это то, что составляет первосущность человека. Именно такую сущность, которая помимо всего прочего составляет самую внутреннюю *интимную сущность проживания человека в мироздании* (не в комнате, не в ойкумене), предопределяющую все другие уровни сущности и их проявления человека как уникального существа и управляющую всеми другими уровнями сущности и их проявлениями. Именно такую сущность, о которой знает только он сам или иногда лишь догадывается. Именно *его* (самую родную) первосущность — не заемное у природы, социума и культуры через родителей и образование, а то, что *выработалось им и только им*, характерно ему и только ему как персоне, своеобразной монаде в этом мире, что нажито лишь им как *единственным существом в мироздании*, принадлежит только ему в нем самом и никому никогда больше. Сам человек может не знать свою душу, так как она и ему открывается не так просто. Сознание, неосознаваемое в человеке вообще гетерономны. Признаком же души человека является то, что душа — это прежде всего *моя* душа. «Душа — это то, чего я и сам не знаю и с чем только я один на один имею дело и могу только сам, своим трудом в себе кристаллизовать, если мне, конечно, удастся… Душа — это собственный интимный счет перед самим собой, перед тем, чего человек сам не знает и что еще должен ввести в существование, дать форму, дать родиться… С другой стороны, это уникальная ответственность» [15, с. 384].

Первосущность души человека определяют ее ***особые свойства***: душа обладает свойством сопричастности, поэтому переживает; душа обладает свойством интимности, неприкосновенности, поэтому не любит брутального и непрошенного с ней обращения; душа своенравна, неделима, непокорна никому, кроме самой себя, даже у труса; душа руководит всем в человеке, а ею — практически никто: последнее слово в любом случае остается за ней, а не за сознанием человека, даже в случае вынужденной покорности принуждению или гетерономному в духе человека. Иначе говоря, душа — это руководитель самостоятельный и своенравный «в дому моем», во мне. Душа — это нечто, что желает, волит, только сама себе приказывает и выполняет (решает и включает тело в действие, в поступок), но только по желанию и желанию сугубо добровольному, а не чужому, не гетерономному в духовной реальности человека [1, с. 205]. «Желание» — не эпифеноменально, в нем проявляется его «причинная работа» в познании и действии [14, с. 61]. Но откуда желания, их упрямство и противоречивость? Некоторое объяснение может появиться, если мы рассмотрим, что же входит в структуру и содержание души человека и где она в таком случае находится.

Проблема ***топоса души человека*** коррелирует с вопросом, *связана ли душа человека с телом*, и это один из сложных вопросов. Душа человека — это не только телесное или духовное образование. По вопросу *связана ли душа с телом* и каким образом, сложилось, как известно, несколько точек зрения. Согласно первой, душа связана с телом, душа есть свойство тела (высокоорганизованной материи). Так считают Демокрит, Аристотель, Фейербах, современные материалисты. Душа — это то, что осуществляет интимную связь человека со своим телом или духа с телом. Такая пози-

ция далека от мистификации души, но, на наш взгляд, теряет ее субстанциональность. Вторая точка зрения полагает, что душа не связана с телом, с материей в целом, душа надматериальна. Так считают Платон, Аввероэс, Сигер Брабанский. Такая позиция указывает на субстанциональность души, но наделяет ее мистически-спиритуалистическим характером. Есть и третья позиция. Она исходит из того, что душа нематериальна и субстанциональна, однако получает завершающее осуществление лишь через тело. Как уже говорилось, человеческая душа есть не просто двигатель тела, но его субстанциональная форма. Такую позицию приняли Аквинский, Августин и др. Нам эта позиция представляется наиболее обоснованной.

Душа — это особое образование в духовной реальности человека. Но как оно «выглядит» и *где находится душа*? Исследования показывают, что с точки зрения ее структуры душа — это особый набор общих свойств, функций, структурных элементов с их соматико-психо-духовной энергетикой, детерминацией, специализирующийся на особых функциях, которые мы уже рассматриваем. Следовательно, отдельного вида и топоса душа не имеет по определению. Представлять же душу в виде шаровой молнии или в виде «нежнейшего тела, как бы сотканного из мельчайших и тончайших телец» с местонахождением «в средней области груди, следовательно, в диафрагме или в самом сердце», как это думалось Гассенди [4, с. 230, 251], сегодня кажется наивным. Однако, если все же как-то определиться в вопросе о топосе души человека, то, по-видимому, функционально-топологически душа — это самобытийный *мостик*, «находится» на стыке телесного и духовного, сознания и неосознаваемого в духе человека.

Хотя душа бытийна, она может выполнять и различные ***функции,*** через которые проявляется ее сущность, а именно: душа человека обеспечивает баланс (гармонию, компромисс) отношений телесной и духовной реальности, т.е. одушевляет человека; обеспечивает автономность человеческого существования, его свободу внутри гетерономного и свою собственную независимость; обеспечивает человеку управление самим собой, принятие окончательных решений самим человеком; оценивает все с позиций обеспечения человеку автономности, выполняет функции главного «прокурора, адвоката и судьи»; но главное — она радуется и болит: радуется, когда обеспечивается самоосуществление человека в качестве человека, и томится, когда это не получается; укрывает от нечутких глаз (внешней среды и гетерономного внутри «я» человека) нашу интимность, монадность, суверенность.

Функциональную суть души человека Августин, например, выразил таким образом: поскольку она оживляет тело и наполняет его жизнью, она называется душой, поскольку проявляет желания, — волей, поскольку вспоминает, — памятью; поскольку рассуждает и различает, — разумом, поскольку отдается созерцанию, — духом, поскольку получает способность чувствовать, — душа есть чувство [1, с. 165]; поскольку обеспечивает порядочность человека, — совестью. Видимо, из-за такого обилия выполняемых функций душа человека имеет различные облики и наименования. Они указывают на преобладание в душе человека какого-либо компонента, качества, функции. Так, по преобладанию определенных качеств души людей характеризуют как возвышенные и низкие, душа у человека бывает умная и глупая, запутанная и светлая, добрая и злая, честная и подлая, душа бывает красивая, наконец, душа бывает аристократическая и рабская, встречается даже несовместимое — «бездушная душа». Последнее кажется бессмыслицей, но здесь мы встречаемся еще с одним вопросом в теории души человека.

Соотношение души и духовности. Душа и духовность обязательно пересекаются, но это не одно и то же. Когда душа развита духовно, тогда душа и духовность совпадают и многие проблемы снимаются как для души, так и для духовности [35]. Когда же душа духовно слабо развита, тогда и возникает «бездушность» [32]. Бездушность означает не отсутствие души, а ее духовную бедность. Как справедливо полагает В.Г. Федотова, бездушность — это «неразвитая чувственность, элементаризм чувств. Их сведение к невзращенным и неочищенным жизненным влечениям, равно как на другом полюсе отказ от них, аскетизм, ханжество». Бездушность как «неразвитость души, чувственных переживаний нередко влечет неразвитость в сфере ценностных ориентаций или их умозрительное принятие, не воплощенное в реальной практике (“теоретизм”)» [33, с. 51]. *Духовность* и *ментальность* [5, с. 25] *пересекается с душой, но они не тождественны*. Итак, духовность несовместима с низкой душой, но для духовности недостаточно высокой и развитой души, так как духовность еще более сложное состояние духа человека, в него входят еще и другие компоненты [16, с. 340–355]. Однако это соотношение еще раз подтверждает, что душа своенравна и в

силу своей специфики действует в соответствии со своими законами бытийствования.

Особенности и закономерности. В основание концепции души могут быть положены так называемые «эффекты души» — наиболее существенные, необходимые, устойчивые, повторяющиеся ее свойства и функции, характерные душе любого человеческого существа. Эффекты — не эквиваленты законов [34, с. 149], но современные исследования убедительно показывают, что метод эффектов как методология применим. Он позволяет достаточно глубоко судить о некоторых закономерных особенностях бытия [13, с. 61, 63], в том числе и души человека.

Особенность сопричастия («эффект Леви-Брюля»). Факты свидетельсвуют о том, что душа человека (по крайней мере, первобытного) управляется не столько логическими законами (тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания и др.), сколько законом сопричастия. Это означает, что, в отличие от сознания, душа человека руководствуется не столько тем, что, почему и как нечто происходит, сколько тем, насколько и как «я сам к этому причастен» в мироздании (или «и причем здесь я?»). Если для сознания важна сущность вещей, каковы они сами по себе, то для души этого же человека еще более важно их значение, значимость и отсюда персональное к ним отношение, переживание, эмоциональность [44]. Видимо, поэтому может «болеть душа», а психика оставаться сравнительно здоровой. Вот почему человек в общении улавливает вначале тон, а затем смысл. Иначе говоря, душе человека свойственна со-причастная интенция, т.е. пралогическая (дологическая) по своей сути (Леви-Брюль называет ее «пралогическим мышлением»). В ней значение слито с сущностью вещей и даже преобладает над сущностью вещей. Но это не альтернативная, а комплиментарная логическому мышлению особенность. В этом, на наш взгляд, не слабость и не сила, а закономерная особенность души человека как фокуса духа человека.

Особенность импринтинга («эффект К. Лоренца»). Будучи фокусом духовной реальности, душа человека действует таким образом, что запечатлевает и представляет всему духу человека самое базовое (чаще всего первое) восприятие, которое более всего участвует в управлении человеком, подчас без его гетерономного общего желания. Объективная сила импринтинга или базового восприятия — запечатления, происходящего впервые или в пограничной ситуации, или в эмоционально и гносеологически критическое время, т.е. в самое благоприятное время для восприятия *мира*, — состоит в том, что здесь перебивается действие всех других восприятий и человек действует, несмотря на «надо» и осознаваемое им «хочу», все равно «по-своему». Например, в ситуациях «первая любовь» или при художественном, творческом или обычном эмоциональном потрясении (катарсисе, экстазисе) и других.

Особенность «центрированного образа» («эффект Метцгера»). Ее сущность в том, что душа человека всегда предрасположена к тому, чтобы из многих восприятий формировать преимущественно целостное, очерченное, симметричное восприятие, *центрированное* вокруг некоей основной сущностной пространственной оси. Это и есть целостный центрированный образ («хороший гештальт»), обеспечивающий *субстанциональность* человека в мироздании. Образы меняются, но с помощью души человека меняются всегда в сторону приближения к *оси сущности* события, вещи, приближения к центрированности и целостности. Некоторые отклонения от оси воспринимаются душой, но позже; вначале же получающиеся восприятия, главным образом неосознанно, изменяются в сторону целостного центрированного образа.

Особенность оперирования «подкорковой информацией» («эффект Э. Гартмана»). В соответствии с ней душа оперирует всей информацией, имеющейся в духовной реальности человека, но опирается в своем *решении* на самую глубинную информацию. Поэтому душа производит в человеке не единственное, но главное управляющее воздействие, избавляет от ошибки в структуре человеческой деятельности [26, с. 160]. Информация уменьшает неопределенность у получателя, вносит известную организованность в систему, позволяет из-за неполноты сделать выбор. Душа как раз и занимается своеобразной «экономией мышления», находясь на стыке и являясь квинтэссенцией сознания и неосознаваемого. Ибо цель неосознаваемого — прежде всего витальная, быть в мироздании физически. Цель сознания — прежде всего надвитальная, собственно человеческая, иметь и нести достоинство человека. Цель же души — витально-надвитальная, компромиссная, и заключается она, на наш взгляд, в том, чтобы жить в мироздании в качестве человека, а не в качестве функции, вещи, орудия.

Особенность «защиты автономности» («эффекты З. Фрейда»). Во всей духовной реальности именно душа играет роль защитного механизма автономности человеческого существа в мироздании от гетерономности внутри себя и от разрушающих эту автономность внешних воздейст-

вий. Действие души осуществляется здесь в соответствии с защитными эффектами, известными как вытеснение, сублимация, регрессия, рационализация и другими. На сегодняшний день нами собрано и каталогизировано более сорока (!) подобных духовно-психологических «механизмов» защиты [16, с. 302–319].

Итак, по выражению Шпенглера, душа — это воображаемое душевное тело, это внутренний глаз, который видит, внутреннее ухо, которое слышит. Несмотря на своенравность, в ней все-таки «существует представление о каком-то внутреннем порядке, который, как и внешний, отмечен признаком *каузальной необходимости*», «душа» есть *некая картина*, возникающая из исконного опыта смерти и жизни.., есть противомир по отношению к «природе» [45, с. 480, 482]. Внутренняя непокорность души человека — одно из направлений ее дальнейшего исследования.

Резюме. а) Душа человека — это особое образование духовной реальности человеческого существа. б) Это образование отвечает за автономность пребывания человека в «этом» мире, за его монадность (индивидуальность), за самость человека, за его субстанциональность. в) Душу человека неправомерно отождествлять с другими элементами духовной реальности, либо с духовной реальностью человека в целом и на этом основании элиминировать ее собственную реальность. г) Учитывая независимость и спонтанность души, важно избегать и ее «демонизации», вместе с тем понимая, что хотя душа человека и связана с его духовностью, но несводима к ней. д) К человеческой душе применим уникальный, по В.С. Степину, «организмический» подход, к ней нельзя подходить лишь когнитивно или лишь экзистенциально, т.е. одноаспектно. Ее деятельность полифоничнее и ответственнее, чем рассматриваемые порознь ее аспекты. Ее миссия состоит, подчеркнем еще раз, в обеспечении автономности человеческого существа в мироздании на фоне его гетерономности. При утере этой миссии остается психика, но, на наш взгляд, исчезает сам человек.

Список литературы

1. *Августин А.* Исповедь. М.: Ренессанс, 1991. 448 с.
2. *Аристотель.* О душе // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 369–508.
3. *Гартман Э.* Современная психология. М., 1902. 386 с.
4. *Гассенди П.* Свод философии Эпикура // Гассенди П. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1966. Т. 1. 431 с.
5. *Губанов Н.И.,* Губанов Н.Н. Менталитет:сущность и функционирование в обществе // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 22–32.
6. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 101–116.
7. *Декарт Р.* Рассуждение о методе // Декарт Р. Избр. произв. М.: Госполитиздат, 1950. С. 257–318.
8. *Декарт Р.* Страсти души // Декарт Р. Избр. произв. М.: Госполитиздат, 1950. С. 593–700.
9. *Катунина Н.С.* Природа духовности человека. М.: Прометей, 2005. 258 с.
10. *Ламетри Ж.* Сочинения. М.: Мысль, 1983. 509 с.
11. *Лекторский В.А.* Идеалы и реальность гуманизма // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 22–27.
12. *Лефевр В.А.* От психофизики к моделированию души // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 25–31.
13. *Майданов А.С.* Метод эффектов // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 49–64.
14. *Мальцева А.П.* Желание как философско-методологическая проблема // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 61–78.
15. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс: Культура, 1992. 415 с.
16. *Меньчиков Г.П.* Духовная реальность человека (анализ философско-онтологических основ). Казань: Грандан, 1999. 408 с.
17. *Меньчиков Г.П.* Неоклассическая философия: сущность, содержание, значение // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. I. С. 105–116.
18. *Меньчиков Г.П.* Основы антропологии: традиции и новации. Казань: Школа, 2006. 240 с.
19. *Мозжилин С.И.* Психическая доминанта анимизма и персонификации // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 67–74.
20. *Нагель Т.* Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 101–112.
21. *Нагумонова С.Ф.* Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань: Изд-во Казанского университета, 2011. 222 с.
22. *Ориген.* О началах. Рига: Лазарев В.В., 1936. 383 с.
23. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избр. филос. труды. М.: Весь мир, 1997. С. 43–163.
24. *Платон.* Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. 611 с.
25. *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. М.: Моск. рабочий, 1990. 876 с.
26. *Сафин А.М.* Феномен ошибки в структуре чело-

веческой деятельности // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. I. С. 57–162.
27. *Сёрль Дж.* Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 240 с.
28. *Скобелева В.А.* Эволюция представлений о душе в культуре Древней Греции: автореф. дис. … канд. культурологии. Нижневартовск, 2008. 22 с.
29. *Сайкина Г.К.* Трудно быть человеком… (метафизические маршруты человека). Казань: Изд-во Казанского университета, 2012. 428 с.
30. *Степин В.С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 743 с.
31. *Тайсина Э.А.* Теория познания. Интродукция и рондо каприччиозо. СПб.: Алетейя: Вертолет–Медиа, 2013. 608 с.
32. *Тульчинский Г.Л.* Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии. 2009. № 4. С. 41–56.
33. *Федотова В.Г.* Душевное и духовное // Философские науки. 1988. № 7. С. 50–58.
34. *Философская* энциклопедия: в 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. 740 с.
35. *Фомина З.В.* Духовное бытие. Саратов: СГАП, 2001. 32 с.
36. *Франк С.Л.* Душа человека. Минск: Харверст; М.: АСТ, 2000. С. 631–990.
37. *Франк С.Л.* Непостижимое // Франк С.Л. Соч. М.: Правда, 1990. 664 с.
38. *Франкл В.* Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. 287 с.
39. *Фрезер Дж.* Золотая ветвь. М.: Политиздат,1983. 703 с.
40. *Фрейд З.* Я и Оно. М.: Эксмо–Пресс; Харьков: Фолио, 1998. 1040 с.
41. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
42. *Хакен Г.* Синергетика. М.: Мир, 1980. 404 с.
43. *Хольт Р.* Образы: возвращение из изгнания//Зрительные образы: феноменология и эксперимент: в 4 ч. Душанбе, 1971. Ч. 1. С. 51–71.
44. *Шатунова Т.М.* Событие чувства как феномен современности // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. I. С. 188–198.
45. *Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Мысль, 1993. 672 с.
46. *Юм Д.* О бессмертии души // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1966. Т. 2. С. 798–805.
47. *Dennett D.* Consciounsness explained. London, 1993. 551 p.
48. *Lycan W.* Consciounsness. Cambridge; London, 1996. 165 p.

ABOUT PROBLEM OF IDENTIFICAION OF PERSON'S «SOUL» IN THE STRUCTURE OF THE SPIRITUAL REALITY

Gennady P. Menchikov

Kazan State University of Culture and Arts;
3, Orenburgsky trakt, Kazan, 420059, Republic of Tatarstan, Russia

Author suggests that the concept person's «soul» reflects specific, relatively independent real element in the structure of the entire «person's spiritual reality». However, author believes, that discuss the «soul» phenomena by means of scientific philosophical rationality is not easy. It's wrongfully to identify it with the whole «psychic», human mentality. The issues of the real existence of the person's «soul» explicate through the exposure of its main points, major characteristics, rules of its functioning. Specific of «soul» in compare with the other structural elements of the person's spirit is analyzed.

*Key words***:** person's spiritual reality; person's soul; major characteristics; classic, non-classic, neoclassic understanding; psychic, consciousness, unconscious.

УДК 165.745

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ

Т.Б. Любимова

В статье показано, что русская философия жизни не есть калька немецкой философии Дильтея и его последователей. Она самобытна и укоренена в духе народа, отвечает историческому предназначению России. Не обретя широкого признания, она является тем зерном, из которого прорастет подлинное самосознание народа. Самыми известными представителями ее были К. Леонтьев, В. Розанов и русские космисты.

Ключевые слова: космос; жизнь; Вселенная; философия; история; возможное будущее религии.

России — это страна грядущей цивилизации, страна будущего, если, конечно, будущее *вообще* будет. Мы существуем теперь в галилеевском мире, но уже на пороге отказа от основных его принципов. Четыре столетия тому назад Галилей сформулировал принципы современной науки (физические явления должны объясняться физическими причинами и на Вселенную извне ничего не воздействует), что произвело окончательный разрыв с Единой духовной традицией. Признак современного мира — *смешение* разнородных фрагментов, обрывков различных частей традиции, деталей и образов разных культур. Мы живем в мире смешения. Но человек существо целостное, духовное, разум его по природе метафизик, как утверждал И. Кант. И место духовной традиции занял религиозный и околорелигиозный дизайн. Это сочетание разнородных элементов присутствует и в русской культуре. По ходу истории мы испытали огромное число различных влияний других народов и культур.

Историю можно характеризовать как угодно, но только не как линейное развитие, целью которого было возникновение технократической цивилизации или, в социальном плане, капитализма (капитализм расцвел вместе с галилеевской картиной мира; можно надеяться, что с ней и исчезнет). Вполне правдоподобно было бы сказать, что история есть непрекращающаяся война, а мирное время есть только временное перемирие. В России непрерывное состояние опасности и следы нашествий иностранного ига очень трудно было изжить. Все забывается, но не все исчезает без следа. Насильственное крещение «огнем и мечом» Руси породило двоеверие; разрывом связи с единой духовной традицией, истоки которой на тысячелетия древнее иудеохристианства, была нанесена тяжелая травма душевной жизни народа. Христианство не знает ни национальности, ни патриотизма — оно принципиально в этом смысле неразборчиво, для него нет «ни иудея, ни эллина», оно не от мира сего, а для «мира сего», в котором мы все живем, интересы народа и страны первостепенны. Поэтому для России счастье, что двоеверие сохранялось на протяжении всего христианского периода ее существования. Христианство оставалось для народа чем-то слишком неопределенным; оно перекодировалось в свои исконные образы древней традиции, хотя и сохраняло чуждые имена. Понимало его разве что духовенство, да и то лишь его элита. Поэтому-то народ с легкостью с ним расстался — этот институт социального контроля себя давно изжил (Б. де Жувенель в книге «Власть. Естественная история ее возрастания» весьма точно назвал церковь корпорацией, соперничающей с властью). Должны прийти новые формы духовной жизни, отвечающие запросам современного человека. Существует нечто необъяснимое событиями и расстановкой эмпирических сил истории. Что позволяет народу не только выживать, но и находить в себе силы восстанавливаться? Что удерживает Россию от распада, рассеяния, хотя она уже давно не является, да и, наверное, никогда и не была мононациональным государством? Если ответить односложно, то это отнюдь не прошлое,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 12-03-00095, «Культура и власть».

Любимова Татьяна Борисовна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник; Институт философии РАН; 119991, Москва, ул. Волхонка, 14; tat-lub@yandex.ru.

это — будущее, вера в которое может стать и основой патриотизма

Ф. Бродель различал племенной патриотизм — принадлежность к роду, следствие иллюзий тела; территориальный патриотизм — приверженность духу места, в нашем случае духу земли; социальный патриотизм — верность социальной организации, государству, городу. Но возможен и не такой частичный патриотизм, а более синтетичный и даже метафизичный. В нем проявилось бы понимание и осознание истории своей страны, а главное — понимание ее предназначения, желательного для нее будущего с точки зрения целостности всего человечества, вообще жизни на Земле. Возможно, что разгадывать загадку русской истории не стоит, пусть она таковой и останется. Лучше смотреть в будущее. Однако как же в него заглянуть? Предсказывать, прогнозировать или проектировать?

1. Предсказание сродни пророчеству. Существуют люди, одаренные способностью видеть фрагменты будущего. Как правило, в картинках, но без их внутренней смысловой связи. То есть в предсказаниях не получается картины стройного хода истории, наподобие шествия гегелевской абсолютной идеи. «Картинки» будущего суть лишь возможные варианты будущего, планы, которые могут реализоваться совместными усилиями человечества и этой информационной средой.

2. Прогнозирование пользуется научными методами, сущность которых в данном случае есть продление в неизвестное тех тенденций, которые наблюдаются в настоящем. Такое продление — экстраполяция — исходит всегда из локальных и ограниченных во времени данных, полученных к тому же с помощью весьма ограниченных средств. Наблюдаемые тенденции ограничены прежде всего масштабами обзора — мы различаем события в определенном диапазоне, подобно тому, как свет, звук и другие колебания среды мы различаем также в определенных диапазонах. Слишком «мелкие» события и слишком «крупные», т.е. происходящие на протяжении сотен или даже тысяч лет (длинные ритмы) для нас неразличимы. Мы, правда, можем их сконструировать, смоделировать. Следовательно, прогнозирование, ориентируясь на научные методы, должно исходить не только из очевидных тенденций, но и из всевозможных доступных для современного теоретического уровня моделей больших, растянутых во времени событий. Мы должны знать «начала и концы», обладать властью «связывать и развязывать», чтобы создать правдоподобный прогноз. Эта принципиальная незавершенность, неопределенность исходной ситуации при экстраполяции тенденций есть причина ненадежности прогнозов.

3. Проектирование. Проект есть синтез знания и желания. Желательное будущее в процессе проектирования протискивается сквозь преграды, суть которых в ограниченности наших познаний и материальных возможностей воплощения предполагаемого желательного будущего. Проект заключает в себе моменты и предсказания, и прогнозирования. Идеи, касающиеся социальных отношений и будущего человечества, были и будут всегда проектами. Энергия их воплощения — это желания людей. Насколько долго может сохраняться воплощение того или иного проекта, зависит не только от свойств самого проекта, но и от некоего «энергетического импульса» при его запуске. Христианство продержалось две тысячи лет, потому что изначальный его импульс вобрал в себя «энергию» всего Юга, направленную против Севера (тогда — Рима); другие проекты длились и того меньше, например, царская Россия Романовых — 300 лет. Это, конечно, не единственная, но значительная причина; идеологическое оформление тоже важно, как и учет психологии людей, в особенности массовой.

История встроена в социальное тело — все наши представления, мысли, чувства, все институты культуры и социума подчинены тому синтезированному и спрессованному «блоку», наполненному «плодами» событий истории и тех практик, которые там бытовали и наслаивались друг на друга. Все схемы нашего сознания и поведения содержат в себе память истории. Любое изменение требует определенных усилий для осознания себя как истории, ведь в каждом человеке присутствует вся предшествующая история в сжатом до максимума виде, подобно тому, как в любом организме присутствует вся предшествующая история жизни. На этом темном основании формулируется какая-то своя философия жизни. Если осознания не происходит, то человек вынужден пользоваться чужой философией жизни, сложившейся из событий и практик другой истории. Понятно, что происходит дезориентация, возникает хаос сначала в головах, а затем и в социуме. Социальное тело становится слабым, не способным сопротивляться и даже угадывать вредные для себя воздействия и влияния. Именно это и произошло с русской культурой. Подражательность — зато в невероятных свершениях, превосходящих заимствованные образцы, — свойство нашей культуры. Пение с чужого голоса

губит собственный голос. Поэтому осознание своей, русской, философии жизни жизненно необходимо.

История есть постольку, поскольку она рассказана. Если она не просто рассказана, но еще и понята, то тогда это философия истории. Когда история понимается как процесс, то это уже высший поэтический жанр: не просто рассказ, но драма. А если эта драма истории еще и осмысленна, то получается историософия. Существует, как предполагается, логика исторического процесса. Существует логика исторической науки. Следовательно, возможна и какая-то логика философии истории. Историософия сама есть смысл, сама есть логика, но только не извлекаемая из царства обыденности, а выходящая за пределы его плоскости в сферическое понимание «всего», всей полноты бытия. Понимание истории немыслимо без философии жизни, не заимствованной, а созревшей на своей собственной почве, философии своей жизни и своей истории.

Жизнь предстает для нас конечной, но она священна. Жизнь изменчива, ее формы меняются, как и все в подлунном мире. Чтобы сохранить свою форму жизни, каждое существо непрестанно заботится об условиях сохранения, безопасности и продления и ее. Казалось бы, что может быть ближе и понятнее нам, чем наша собственная жизнь и, по аналогии, жизнь сходных с нами существ, других людей? Но, как всегда, то, что ближе всего, остается менее всего и понятым. Будучи нам дана первой, изначально, к осознанию самой себя она приходит последней. Так в индивидуальной и частной жизни, так и в коллективной, социальной, т.е. в культуре как самосознании социума.

Русскому мироощущению вообще присуще то, что можно назвать космическим измерением, т.е. чувством включенности во вселенское «всё», особая всепричастность, которую Достоевский назвал всемирной отзывчивостью. Неизвестно, хорошо это или плохо, но это есть. Принцип космического мироощущения заключен в идее всеобъемлющего целого, всеединства. Направления космизма различаются по тому, как это единое целое истолковывается и какие ставятся цели для человека и человечества, исходя из этого понимания. Целое, всеобъемлющее определяет и самого себя, и весь свой состав, т.е. все множественное, индивидуальное существование. «Зло» индивидуальной ограниченности снимается через определение со стороны целого и единого. Человек, Бог, Вселенная в космизме не противостоят друг другу. Их противопоставление в религии связано с ее социальной ролью: быть идеологическим инструментом власти, средством управления через психическое воздействие и подавление отдельной, индивидуальной воли. Человек и есть бог Вселенной, но только повернутый в сторону времени, подобно тому, как бог повернут в сторону вечности. Человек есть «обернувшийся» к себе как миру бог; время человеческой жизни — это вечность для конкретного человека. С его рождением время начинает идти, сначала очень медленно, затем все быстрее и, наконец, с невероятным ускорением. В момент смерти все время жизни предстает как одномоментная картина всей жизни. Со смертью время останавливается, заканчивается. В этом смысле конкретный человек не противополагается «всему», а есть его аналог, микрокосм.

Космизм в современном мироощущении ушел на периферию, оснастился техническими атрибутами, стал материальным и довольно плоским. Но те, кого мы называем русскими космистами, были настроены более романтично, независимо от того, рассчитывали ли они на достижения науки или же на психические усилия человека, на расширение его сознания или даже на преображение. Эта тенденция — космизм, как проявление русской философии жизни — в интеллектуальной и духовной жизни нашей страны возникла несколько в стороне от доминирующих течений в русской философии, которые не были особенно самостоятельными и самобытными. Самостоятельным в полном смысле слова мог быть только непредвзятый взгляд на жизнь, в том числе на свою собственную и на жизнь своей страны. На повороте к XX в. и собственно философская мысль созрела для того, чтобы не ограничиваться удовольствиями школьной философии. Самостоятельная мысль встречала повсюду ограничения со стороны доминирующей идеологии. Только немногие избежали этих соблазнов, найдя свой, в определенной степени независимый, путь. Оригинальная философия жизни есть у К. Леонтьева, в его идее цветущей сложности. Явно эта тенденция видна и в размышлениях В.В. Розанова.

Ученая философия (она же школьная) все еще учится, правда, учителя теперь не Платон с Аристотелем, и не Кант с Гегелем и Шеллингом, как это было в XIX в., а лица совсем другого масштаба. В чем же мы можем обрести живой источник, который утолил бы жажду высшего (философского) знания? Мы должны обратить свой взгляд, умудренный знанием прошлого философии, на то, что представляется самым важным в реальной

жизни. Но ведь мы не видим эту реальную жизнь, кругозор наш ограничивается не только каждодневными и преходящими требованиями, злобой дня, но и другими, более масштабными «злобами». Даже найдя в себе силы отвлечься от них, мы не можем определить, что же самое главное, в чем самая неотложная и ключевая проблема, которой стоит заниматься именно нашей, российской философии. На что она должно ответить? В чем смысл жизни? На этот вопрос ответа нет, по крайней мере, достаточно вразумительного.

Позитивистская установка в науке, господствовавшая в XIX в., никак не могла устроить лучших русских мыслителей. Например, Н.И. Пирогов, великий русский врач, замечательный и самостоятельный философ, отдав свою жизнь медицине как науке, во второй половине своей жизни, пережив духовный кризис, пришел к глубоким философским прозрениям. Характерный эпизод рассказан им о своем позитивистском периоде жизни и о том, как потрясло его осознание образа себя, тогдашнего состояния своей души. Он пишет о себе, каким он был во время учебы в Дерпте: «Я был в то время безжалостен к страданиям. Однажды, я помню, это равнодушие мое к мукам животных при вивисекциях поразило меня самого так, что я, с ножом в руках, обратившись к ассистировавшему мне товарищу, невольно вскрикнул:

— Ведь так, пожалуй, можно зарезать и человека.

Но наука не восполняет всецело жизни человека; проходит юношеский пыл и мужеская зрелость, наступает другая пора жизни, и с нею — потребность сосредоточиваться все более и более и углубляться в самого себя; тогда воспоминания о причиненном насилии, муках, страданиях — другому живому существу начинает щемить невольно сердце…. В последние годы я ни за что бы не решился на те жестокие опыты над животными, которые я некогда производил так усердно и так равнодушно. Это своего рода momento mori…. Я был жестоким без нужды и без пользы; и воспоминание мое теперь отравляет еще более то, что, причинив тяжкие муки многим животным существам, я часто не достигал ничего другого, кроме отрицательного результата, т.е. не нашел того, чего искал» [4, с. 159].

Для Н.И. Пирогова была очевидна «непроизводимость» понятия жизни не из чего другого. Оно подобно особого рода свету — световому эфиру, непохожему на вещество, но способному проникать через вещества. Вполне современная мысль! Н.И. Пирогов размышлял о силе как вселенской мысли, без проявления ее в веществе, «без этой первобытной силы не было бы ни малейших вещественных частиц, и беспредельно разделенная материя исчезла бы из нашего чувственного мира… Убежденный, что сверх моей мозговой мысли существует еще другая, высшая мировая, я верю, что сила продолжала бы существовать и действовать в этой мировой мысли. Мысль же эта и действующая через нее мировая сила — это мировая жизнь… Жизнь — это осмысленная, безгранично действующая сила, управляющая всеми свойствами вещества (то есть его силами), стремясь притом непрерывно к достижению известной цели: осуществлению и поддержке бытия» [4, с. 32–33]. Замечательно также его понимание цельной истины и непроницаемой таинственности бытия [2, с. 192]. То, что цельная истина не фактична, — весьма точная мысль, здесь характерен разрыв с позитивистским ее пониманием: «Только тот факт, который есть, был и будет, был бы истиной, но такого мы не знаем; если же мы убеждаемся в необходимости или возможности нефактического существования того, что всегда было, есть и будет, то это убеждение и есть для нас истина, хотя, очевидно, не фактическая» [2, с. 190]. Наше «я» есть лишь индивидуализация мирового сознания, но поскольку мы сознаем себя (а это само сознание «цельно и нераздельно»), мы уже закрепляемся в духовной обособленности.

Другим ярким представителем русской философии жизни был К. Леонтьев. Эстетизм и аристократизм его восприятия мира позволили ему увидеть угрозу со стороны Запада, разрушавшего у себя все благородное, который навязывает и нам свои законы «земного всеблаженства, земной радикальной всепошлости». Отвращение Леонтьева к мещанской пошлости буржуазной жизни (она настигла-таки и Россию) Н. Бердяев выводит из неутолимой страсти к жизни, из тайной любви к сладости жизни: «Это была сильнейшая страсть его жизни, и она не сдерживалась никакими моральными преградами. … Была у Леонтьева еще положительная страсть к красоте жизни, к таинственной ее прелести, быть может, была жажда полноты жизни. За своеобразным, дерзновенным и жестоким, притворно-холодным стилем его писаний чувствуется страстная, огненная натура, трагически-раздвоенная, пережившая тяжкий опыт гипнотической власти аскетического христианства» [1, с. 4]. Исходный принцип «почвы», конечно, отмечал склонность Леонтьева именно к

стилю философствования, правда, почву он искал там, где ее быть не могло, в византинизме.

Еще более явно тенденция «философии жизни» видна в размышлениях В.В. Розанова. Это по-настоящему самобытная философия на русской почве. Розанов не стесняется быть собою. А человек, пока он себе верен, не тождественен сам себе. Тот, кто уже замер в какой угодно своей определенности, становится очень похожим на других. А Розанов не похож ни на кого. «Я бесформен», — говорит он о себе. Его суть уловить трудно, хотя пересказать идеи легко. Поэтому интересны не только темы и идеи, а и он сам как философ, мыслящий «от самого себя», самостоятельно и свободно. Конечно, это философия жизни, но ничуть не похожая на немецкую. Это философия русской жизни и жизни изнутри ее самой, «бесформенность», готовая принять любую форму. Это прежде всего философия рода, родового потока, но рода человеческого, метафизика которого отличает его от остального живого. Не пол сам по себе — наличное проявление родового потока, — а метафизика пола, в котором есть «капля метафизического существа». «Видит», «слушает», «живет» в нас метафизика, — запутанная вся в физику… Нет крупинки в нас, ногтя, волоса, капли крови, которые не имели бы в себе «духовного начала»… Человек есть только трансформация пола, модификация пола, и своего, и «универсального» [5, с. 229]. Вообще его можно понять, только приняв его метафизическую точку зрения. Метафизика для него не что-то после и вне физики, а весь непроявленный мир, потенциальный мир, уже существующий как бы вокруг и внутри нашего мира и в котором мы участвуем, и он участвует в нас. Род — метафизичен. Это перекликается с древним славянским (и русским, стало быть) представлением, в котором род был главным богом, а его женскими ипостасями были Лада и Леля. Природа — метафизична. Суть природы — пол. При-рода — прежде всего есть родовой поток, метафизика не вне этого потока, а внутри него. Родовой поток — это пространство господства женского начала мироздания, но не столь худосочно, как у «софиологов», а весьма полнокровного. У русских чувство рода было разрушено христианством, которое предназначено для всех без различия. Метафизика рода, видимо, из-за свойственного большинству пугливого лицемерия и внушенного христианством фарисейства в этом вопросе осталась недооцененной в нашей философии, точнее, неправильно прочитанной. Это, в сущности, вариант философии жизни и ее метафизики, и так к ней и надо относиться.

Отчетливо выделяются три сферы жизненных интересов Розанова, на которых произрастает его прихотливое «древо познания»: пол, социум, религия. И все в метафизической, вселенской перспективе. Пол — это и есть центр жизни, движущая сила родового потока. Природа его духовная, божественная и проявляется в любви, которая тожественна истине: «Гаснет любовь — и гаснет истина. Поэтому “истинствовать на земле” значит постоянно и истинно любить» [6, с. 79]. Но родовой поток, хотя он и есть основа жизни, не исчерпывает всех ее граней. Другая тема философии жизни Розанова — организация совместной жизни людей внешним образом, т.е. социум. Государство, наука, искусство, право и прочие социальные институты — это те внешние формы, в которых движется родовой поток. Государство — это часовой, охраняющий нас, стоящий рядом с потоком жизни. Оно не должно брать на себя не свойственные ему обязательства (например, творить, заниматься наукой и философией, философ-правитель — это катастрофа, вопреки Платону). В метафизическом движении родового потока каждый человек не только его часть, но одновременно и его целое, в нем род представлен как в одном зерне весь будущий лес, и предшествующий тоже. Розанов, ставя человека в его целостности (единства духа и плоти) в центр всего, хочет, чтобы социум не противоречил метафизике родового потока. А это значит, что все социальные отношения, построенные на господстве-подчинении, на диалектике раба и господина, пронизанные этой диалектикой, преобразились бы, обрели гармонию. Розанов надеялся на религию любви, а не на религию закона.

Самая тесная форма, ближе всего прилегающая к родовому потоку и облекающая его, — это семья, «животный союз», но с «мистическим задатком» [7, с. 222]. Однако уже тогда «семья опустела и запустела; она немножко развратилась, она во всяком случае стала бессодержательна и как бы даже несколько глупа» [7, с. 220]. Она стала «праздна», «перестала согреваться». «Все покачнулось неуловимо… в сторону ложного». Другие формы, все более и более подавляющие, насильственные, с ходом истории вообще становятся в противоестественные отношения к родовому потоку, порождая противоречия, завихрения, катастрофы. «Во всем есть две стороны: внешняя и механическая, внутренняя и субъективная» [6, с. 222]. Внешняя все более нагнетается и доминирует. Непостижим ход этой истории, не поддается рациональному объяснению.

Но человек не исчерпан только родом и социумом. Он — живая душа, жилище которой не привычный физический мир, а духовный, неощутимый и непостижимый. Вступая в жизнь, каждый человек встречает не одухотворенный мир как таковой, а какую-то данную ему как бы a priori религию, с ее представлениями, догмами, внедряемыми в сознание идеями, прививаемыми чувствами и переживаниями. Религия нас встречает как некая данность. Это третий поток, относительно самостоятельный (хотя религия как организация, как институт примыкает и неотделима от социума), который посягает уже не на животное-человека, а на человека-духа, на жизнь его души. Пересекаясь и смешиваясь с двумя другими потоками, она создает еще больше противоречий, уже совсем невыносимых, и не просто завихрения, а настоящие цунами порождаются этими взаимодействиями (например, войны).

Розанов отнюдь не безмятежно-спокойный религиозный мыслитель. Он сам себя относит к тем, кто допрашивает христианство как религию смерти. Допрашивал он его еще в «Легенде о Великом Инквизиторе», тонкой аналитикой развернув и выставив наружу его неразрешимые внутренние противоречия: «В столь мощном виде, как здесь, диалектика никогда не направлялась против религии… Можно сказать, что здесь восстает на Бога божеское же в человеке: именно чувство в нем справедливости и сознание им своего достоинства… Построить опровержение этой диалектики, столь же глубокое и строгое, как она сама, без сомнения, составит одну из труднейших задач нашей философской и богословской литературы в будущем» [6, с. 112]. Христианская религия претендует ответить на все запросы души, вне зависимости от времени, места, народа и языка. Однако ход истории (разрушение «христианского мира») и превращение религии в театр, в музей, в формализм, даже в государственное дело, в обрядоверие обличает какую-то недостаточность этого «претендента» на окончательную истину. Массы бездумно и беспроблемно подчиняются все еще идущим со стороны христианства внушениям. Но мир каждого из живущих на земле народов раскрылся перед другими и перед Вселенной, и стало очевидно, что данная нам как бы a priori религия не есть единственная на свете, мало того, она во многом очень ограниченна. Другие учения иначе знают Бога и по-другому относятся к человеку и к миру. Выбирать же на основании «красоты службы», как якобы наши предки выбрали греческое православие, кажется теперь довольно нелепым и легкомысленным. Единственность и истинность усвоенной религии ставится под сомнения, а сомнение — сильная угроза для веры. Поэтому естественно размышлять о природе религии как таковой. Розанов об этом и размышляет, но не в русле науки о религии, или богословия, или философии религии. Нет. У него в этом вопросе «особенная стать». Он надеется найти в православии, хочет, чтобы в нем было все, и истина, и путь, и жизнь. Но встает перед ним не дух жизни и истины, а какая-то тень, не очень доброжелательная, даже жестокая, убийственная.

«Дух имеет пол», — говоря так, Розанов утверждает мир жизненного духа. Христианство противостоит полу и тем самым убивает жизнь: «“Полюбуйтесь, помечтайте, но — и довольно”. Это — монашеская любовь… Мечтательное начало с тем вместе есть и жестокое; ведь сентиментализм Руссо родил фурий террора, как был сентиментален и Робеспьер… В мечтах родится идеал; а идеал всегда бывает и особенно ощущает себя оскорбленным действительностью. Идеал и “луна” не знают компромиссов» [5, с. 186]. Луна, текучий пол, духовная содомия, и сопутствующий ей аскетизм по отношению к миру жизненного духа — вот истоки культуры, западной, христианской, по крайней мере: «О, духовно-содомская цивилизация: и она смеет свой пафос возводить в закон! в “нравственное правило”! в “нравственность и святость”, наконец!» [5, с. 264]. Многих такие сентенции шокируют, хотя современный человек уже не удивляется ничему. Однако совесть — философская совесть, т.е. восприимчивость, чуткость к истине — заставляет нас не отталкивать те странные, но трудно опровержимые неочевидности, которые предстают перед нами в каждой строке Розанова. Они есть и в прозрениях относительно родства христианства, свойственного ему аскетизма с «луной», текучим полом, относительно враждебности его роду, родовому потоку. И будучи один раз нам показаны, эти неочевидности обретают довольно вескую степень убедительности. Уже невозможно от них просто отмахнуться, отвернуться и забыть. За «сладостью» Евангелия таится страшное и отталкивающее: «И вот пришло Евангелие. … В мир явилась Божественная Мудрость, научившая людей жить для смерти и умереть для жизни» [5, с. 195]. Христианство «попыталось … потрясти очаги рождения, разрушить недра мира, как бы проколоть иглой мировой зародыш, зародышевое начало мира, зародышевую сущность мира» [5,

с. 226]. Конец мира — это цель, зов христианства, пожелание, его «черный идеал».

Розанов видит в этом какое-то мировое, вселенское извращение, «поворот земной оси на другой градус», когда «метафизически перерезаны вертикальные связи с детьми и родителями». Из трех основных энергетических потоков, определяющих и созидающих человека и его жизнь, судьбу (родового, социального и вселенского, космического), ни одного не остается не поврежденного. То, что иногда называют космическим сознанием, вселенским разумом, т.е. понимание включенности человека в процессы, происходящие во Вселенной не где-то в бесконечной удаленности от нас, а всегда, везде, здесь, со всеми нами, такое осознание запрещается христианской религией, для которой «мир во зле лежит». Он и будет в нем лежать, пока мы в это верим. Получается, что не только по отношению к родовому потоку христианство сыграло деструктивную роль, о чем так выразительно рассказал В.В. Розанов. Оно закрыло доступ и к всеобъемлющему пониманию и постижению Вселенной, а следовательно, и человека как планетарно-космического существа. Книга победила жизнь, и Розанов, будучи писателем и более никем, восстает, наконец, против Книги: «В нашей цивилизации старых дев и беспутных холостяков “благочестиво есть” бросить в огонь хоть одну из этих старопечатных книжонок, в кожаных переплетах и с медными застежками» [5, с. 192]. И даже против самого своего призвания: «И литература сделалась мне противна» [8, с. 401]. Философ жизни победил в нем литератора.

Пол есть энергия, понять его метафизику — значит найти возможность восстановить гармонию не только индивидуальной жизни, но и социальной; обрести гармонию с природой, Вселенной. Это в наше время становится многим уже ясно: «Есть сила разрушительная, а есть сила созидающая. Есть сила ненависти, а есть сила любви. Любовь, доверие, красота, искренность, правдивость — все это женские качества; они много превосходят любые мужские качества. Но в прошлом обществе доминировал мужчина, и именно мужские качества ценились превыше всего. Если речь идет о войне, то, естественно, и любовь, и красота, и эстетический вкус там будут бесполезны. На войне нужно иметь сердце крепче камня. На войне нужна ненависть, гнев и безумная страсть к разрушению. За три тысячи лет на Земле было пять тысяч войн. Да, это тоже сила, но такая сила недостойна человека; она досталась нам в наследство от животного мира. Она принадлежит прошлому, которое уже позади, а женские качества принадлежат будущему, которое еще впереди. То, за что мужчине пришлось сражаться, природа дала женщине как подарок… Я хотел бы, чтобы весь мир наполнился женскими качествами. Только тогда исчезнут войны. Только тогда исчезнет брак, исчезнут нации. Только тогда мы сможем жить в одном мире: мире любви, мира, тишины и красоты» [5, с. 192]. Мы живем в андроцентрическом мире, так его назвал известный социолог Пьер Бурдьё в своей замечательной книге «Мужское господство» [9]. Все современные религии патрицентрические. Подавление женской энергии и свободы, страх, насилие над индивидуальной волей, всевозможные кары и угрозы — все это характерные признаки патрицентрической религии. Мир изменился, он уже не таков, каким был при возникновении так называемых мировых религий. А сами эти религии, реально ли они те же самые живые организмы со всеми их благотворными и жестокими сторонами, какими они были на ранних стадиях своего возникновения?

Они только оболочки, оставшиеся от прежних организмов. Некоторые из них агрессивные, и агрессивны они потому, что они суть оболочки. Роль религии была в организации «картины мира» для большинства. В глубине этой «картины» оставалось нечто эзотерическое, тайное, но не потому, что это специально скрывалось, а потому, что знание об этом «тайном» и соответствующее этому знанию состояние становится доступным только при достижении человеком высокого уровня, называемого посвящением. Массовая, общедоступная религия занята обеспечением интеграции социума, т.е. вполне экзотерической деятельностью, однако без внутреннего эзотерического ядра нет духовной жизни. Целостность и единство социума в современных условиях существующие религии уже не могут обеспечить. При отсутствии эзотерического, метафизического ядра (отнюдь не совпадающего с религиозной доктриной и догмой) в большей степени требуется внешнее насилие, вплоть до репрессий, что, конечно, может обернуться очередной катастрофой.

Роль, которую успешно играла религия в Средние века, теперь играет наука. Она для современного человека истина, путь и жизнь: с позиций сциентизма научное знание принимается за образец достоверности, истинности; считается, что наука откроет нам путь к избавлению от страданий и катастроф; она обеспечит нам безопас-

ную и здоровую жизнь. Однако очевидно, что в современных условиях наука слишком часто обслуживает войну, смерть, а не жизнь, не гармонию, не совершенствование человека и вообще не будущее человечества.

Человеку предстоит осознать, что его жизнь есть часть жизни планеты Земля, которая в свою очередь есть часть вселенской жизни. Религия, если она действительно есть связь, должна непосредственно соединять средоточие жизни каждого человека со всем живым, с живой Землей и Вселенной. И это уже не религия слепой веры, основанной на чьих-то словах, сказанных или написанных в книге, это уже живая причастность к всеобъемлющей жизни Вселенной. Такая всепроникающая единая связь всего со всем, т.е. вселенская жизнь, одним из центров которой осознает себя человек, и может стать религией вселенской любви будущего человечества.

Религия человечества, истории и культуры без метафизики и трансценденции останется последней страницей цивилизации человека, построенной на принципе доминирования мужского начала. Разделение двух начал само по себе метафизично, а их противостояние стало основой культуры. Подавление женской энергии было первым шагом отрешения женщин от активной социальной жизни. Субъектом, т.е. собственно человеком, считался только тот, кто был свободен и владел оружием, женщина постепенно становилась «домашним животным», безропотным существом, лишенным свободной воли, да и вообще любого проявления воли, самостоятельной мысли и чувства. Однако исправить положение социальными, политическими или культурными средствами, на наш взгляд, невозможно. Политики, священники и все прочие представители доминирующих и подавляющих «субъектов» заинтересованы в сохранении этого низменного status quo. Всяческими лукавыми средствами они заставляют человека подчиняться себе, своим интересам, вовсе не являющимся его подлинными интересами: «Если люди начнут подходить к реальности без чужих подсказок, без чужого указания на то, что есть добро и что есть зло, без чужого путеводителя, которому нужно следовать, то миллионам людей откроется истина, ибо наше сердцебиение — это сердцебиение Вселенной, наша жизнь — это часть вселенской жизни. Мы не пришельцы, мы не прибыли откуда-то издалека, мы существуем внутри Вселенной. Мы — ее часть, ее важная часть. Нам нужно погрузиться в тишину, чтобы услышать то, чего не выразить словами: музыку Вселенной, бесконечную радость Вселенной, вечное празднование Вселенной. Как только она начнет проникать в наши сердца, произойдет трансформация» [3, с. 157–158].

Россия — страна, где эта трансформация, будем надеяться, произойдет. И именно потому, что русская философия жизни, проблески которой мы видим в мыслях самых интересных наших философов, существовавших вне доминирующей школьной философии, есть отражение этой бесконечной радости Вселенной, пусть не броской, но не списанной с посторонних образцов.

Принцип, который лег в основу развития человеческой цивилизации, а именно принцип господства и подчинения, к нашему времени дошел до предельно явного выражения, всеобщего недоверия и настороженности, веры в военную силу, до совершенно реальной угрозы всеобщего уничтожения. Конечно, наивно полагать, что человечество может осознать глубинную причину угрозы. Когда метафизика вновь вступит в свои права, равновесие двух духовных принципов должно стать основой цивилизации без господства и насилия; это кажется невероятным, даже невозможным, но невозможное–необходимое как раз и образует реальность будущего. Разумеется, самые проницательные мыслители понимали необходимость возрождения этого равновесия. «Вечная женственность» Гёте, «софийность» Вл. Соловьева, С. Булгакова и даже весь пафос В. Розанова в защиту жизни, не говоря уже о теософии, — только некоторые, самые яркие точки в бескрайнем поле философской мысли, идущей в этом направлении. Но все-таки надо сказать, что представление о женском начале, как правило, есть только негативный образ существующей культуры. Пока образ этого начала остается скрытым, настоящей тайной. Существующая культура не может проявить этого образа. Акцент делается на биологическом, психологическом, в лучшем случае нравственном, начале. Женское начало как духовное есть Дух жизни, не противополагающееся материальному или биологическому, «плотяному» («Ева» переводится как «жизнь», Ева-изначальная равнозначима Адаму-Кадмону, т.е. изначальному Адаму). Но возрождения Духа жизни не может произойти только на социальном, культурном, душевном или биологическом уровнях. Это метафизическая проблема. Возрождение духа жизни послужит восстановлению универсальных принципов традиции, удерживавших человечество на протяжении всей истории от его окончательного разрушения, возрождению метафизики традиции.

Список литературы

1. *Бердяев Н.* К. Леонтьев — философ реакционной романтики // Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. М.: ЭКСМО, 2007. 896 с.
2. *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.: Прометей, 1991. Т. 1, ч. 2. 221 с.
3. *Ошо.* О мужчинах. М.: София, 2012. 256 с.
4. *Пирогов Н.И.* Вопросы жизни. Дневник старого врача. М.: Кн. клуб «Книговек»: Северо-Запад, 2010. 608 с.
5. *Розанов В.В.* Люди лунного света // Розанов В.В.Сочинения. М.: Дружба народов, 1990. 298 с.
6. *Розанов В.В.* Несовместимые контрасты жизни. М.: Искусство, 1990. 605 с.
7. *Розанов В.В.* Сумерки просвещения. М.: Просвещение, 1990. 624 с.
8. *Розанов В.В.* Уединенное // Розанов В.В. Сборник. М.: ЭКСМО, 2006. 960 с.
9. *Bourdieu P.* La domination masculine. Seuil, 1998. 184 p.

PHILOSOPHY OF LIFE: TODAY AND TOMORROW

Tatiana B. Lubimova

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences;
14, Volkhonka str., Moscow, 119991, Russia

The Russian Philosophy of life is not a copy of the German philosofy of Dilthey and his followers. It is original and is rooted in the spirit of the people; it corresponds to the historical mission of Russia. It is not widely recognized but it is that very grain from which will grow up an identity of people. C. Leontyev, V. Rosanov and Russian cosmists were its most prominent representatives.

Key words: cosmos; life; Universe; philosophy; history; possible future of the religion.

УДК 141.131+159.972

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕАЛИЗМА ПЛАТОНА

Б.В. Сапрыгин

В статье предпринимается попытка объяснить некоторые значимые положения философии Платона путем обращения к достижениям современной нейропсихологии религиозного опыта. Свидетельства, полученные в рамках данной дисциплины, позволяют высказать предположение о том, что многие понятия и представления платоновской философии являются концептуализацией психологических переживаний, без учета которых понимание данной философии может оказаться неполным. Ставится задача реконструкции мышления Платона, намечаются пути ее решения в русле наработок современной психологи и психиатрии.

Ключевые слова: идеализм; платонизм; мистический опыт; нейропсихология религиозного опыта; височная эпилепсия; аура.

Хотя Платону посвящено огромное количество работ, многое из сказанного этим мыслителем по-прежнему остается загадкой, в чем нередко признаются и сами исследователи его творчества. Идеализм, этический реализм и рационализм платоновского учения, как кажется, и в наше время вызывают не меньше затруднений при интерпретации, чем столетия назад. В данной статье нам хотелось бы предложить новый подход к объяснению философии этого античного мыслителя. Суть его сводится к следующему. Мы считаем, что известная загадочность Платона кроется в необычности способа его мышления. Платону присущ особый тип мышления, который не характерен для подавляющего большинства людей и непонятен для них. Именно специфический тип мышления и придает его философии те отличительные черты, которые и привлекают к ней, и отталкивают, делают ее глубокой и в то же время загадочной. Именно благодаря тому, что Платон мыслит не как обычные люди, в его текстах возникает большое количество «темных» мест. Обсуждению особенностей мышления этого человека, и будет посвящена данная работа. На наш взгляд, такой анализ мог бы послужить основанием для психологического подхода к объяснению концептуального содержания идеализма в целом.

Проблемы, которые будут рассматриваться в статье, можно обозначить не иначе как психологические, пусть они и связаны с такой значимой для философии фигурой, как Платон. Однако психологам вряд ли будут по-настоящему интересны особенности мышления основателя идеализма. Для тех же, кто занимается философией, вопросы, которые мы намереваемся затронуть, не могут не представляться принципиально важными. Мы будем обращаться к данным психологии и психиатрии, вследствие чего статья неизбежно окажется по своему содержанию не только философской, но и психологической. Однако мы не знаем, как можно избежать такого, психологического, анализа, если хотим правильно понимать мысль Платона. При изучении его наследия можно, конечно, ограничиться только культурологическими и филологическими изысканиями, однако в этом случае концептуальное содержание его творчества будет для нас во многом утрачено, потому что оно будет восприниматься только как система достаточно произвольных, всего лишь социально-исторически заданных представлений. В том, что будет говориться ниже, можно услышать отзвук мыслей Э. Доддса о психологической составляющей в мышлении древних греков [2]. Правда, в отличие от Доддса, мы стремимся показать, что обретение соответствующих состояний сознания связано не с культурными заимствованиями, а с социально не обусловленной психической предрасположенностью, одинаковым образом проявляющейся в совершенно разных культурах.

* * *

Итак, возникает задача — выявить особенности мышления Платона. В этом может помочь рассмотрение выделяемых самим же Платоном двух видов мышления, одно из которых представляет собой мышление более высокого типа, а вто-

Сапрыгин Борис Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации, доцент кафедры философии; Новосибирский государственный педагогический университет; 630126, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28; saprygin2007@yandex.ru.

рое — более низкого. Это рассудок и разум. Именно на разум, согласно Платону, должны мы опираться, если хотим постичь подлинную сущность вещей. Проанализировав платоновское учение о разуме, можно, на наш взгляд, обнаружить ключ к разгадке его философии.

Что же, согласно Платону, представляет собой разум и в чем его отличие от рассудка? Это само по себе уже является одной из загадок платоновской философии. В литературе, посвященной Платону, высшая мыслительная способность, разум, часто изображается чем-то вроде умения использовать определенные технические приемы логики, «диалектику», при этом принципиального отличия разума от рассудка не просматривается. Платон, тем не менее, настаивает на том, что оно есть. Чтобы ответить на вопрос, в чем все же состоит это отличие, нужно обратиться к текстам Платона. Они достаточно ясно дают понять читателям, что философское, разумное мышление Платона принципиально отличается от мышления большинства людей.

Рассмотрим, какое определение рассудку и разуму дает сам Платон. Осуществляя мышление на уровне рассудка, говорит он, «душа… бывает вынуждена пользоваться предпосылками… она не в состоянии выйти за пределы предполагаемого и пользуется лишь образными подобиями, выраженными в низших вещах» (Государство VI, 511 a [4, с. 293]). Рассудок имеет дело с вещами чувственного мира и оказывается неспособным обратиться к чему-то более сущностному. Рассудок представляет собой «ту способность, которая встречается у занимающихся геометрией и им подобных» (Государство VI, 511 d [4, с. 294]). Таким образом, как можно понять из рассуждений Платона, рассудок — это достаточно обычный способ мышления. Это дискурсивно-логическое мышление, присущее всем более или менее интеллектуальным и образованным людям. Данный способ мышления, согласно Платону, является ограниченным и не приводит к подлинно глубокому познанию.

Разум представляет собой более высокую способность души. Он принципиально отличается от рассудка. На уровне разума человек в своем мышлении отбрасывает всякие чувственные образы и устремляется к некоему беспредпосылочному, безосновному, абсолютному началу (ср.: Государство VI, 511 b-c [4, с. 293–294]). Он, «минуя ощущения, посредством одного лишь разума устремляется к сущности любого предмета и не отступает, пока при помощи самого мышления не постигнет сущности блага. Так он оказывается на самой вершине умопостигаемого, подобно тому как другой взошел на вершину зримого» (Государство VII, 532 b [4, с. 316]).

Здесь при обсуждении вопроса о том, что необходимо для перехода к разумному мышлению, в рассуждения Платона вводится тема какого-то постороннего по отношению к уму человека «света». Этот «свет», по словам Платона, приходит извне и освещает душу. Он не есть принадлежность самой души, отличен от нее, и это не познавательная способность души (ср.: Государство VI, 509 a [4, с. 291]). Только видя этот свет, душа способна познавать разумно, в противном случае она пребывает во мраке. Таким образом, «всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, что показывает ее разумность. Когда же она уклоняется в область смешения с мраком, возникновения и уничтожения, она тупеет, становится подверженной мнениям, меняет их так и этак, и кажется, что она лишилась ума» (Государство VI, 508 d [4, с. 290–291]). По мнению Платона, этот свет исходит от идеи Блага, некоего внешнего источника бытия, истины и познания, который можно уподобить Солнцу: «…чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно воспринимаемым вещам» (Государство VI, 508 c. [4, с. 290]; см. также: там же, 508 e–509 a [4, с. 291]).

Следовательно, по Платону, чтобы перейти от рассудочного мышления к разумному, необходимо попасть в ту область, где светит этот свет. В его сиянии уже не нужно блуждать как в потемках, пытаясь найти ответы — можно просто видеть. В этом и состоит принципиальное различие между рассудком и разумом. Разум — это непосредственное сверхчувственное видение, умозрение, созерцание подлинной сущности, подлинного бытия вещей, их идей. Рассудок же — это всего лишь оперирование внешними чувственными образами, мало что говорящими о подлинной сути вещей.

Наконец, в форме аллегории пещеры, приводимой в седьмой книге «Государства», платоновская концепция «света» достигает кульминации. Человек совершает быстрое восхождение из пещеры вверх, на солнечный свет, «а когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят» (Государство VII, 516 a [4,

с. 296]). Далее, как известно, Платон сам дает объяснение этой аллегории (Государство VII, 517 b-c [4, с. 298]).

Во всех этих рассуждениях Платона мы непосредственно сталкиваемся с тем, что называют в его философии «метафизикой света». При этом следует обратить внимание на то, сколь настойчиво Платон вновь и вновь повторяет, что обрести разумное мышление можно только в сиянии этого света. Разум для него — это умение выявлять сущность вещей. Но сущность вещи можно раскрыть только в свете Блага. Именно тогда проявляется ее подлинное бытие.

К сожалению, очень часто этот момент философии Платона как-то упускают из виду. По всей вероятности, считают, что платоновские метафоры, связанные со светом, являются всего лишь данью традиции, культурно-обусловленными образами, характерными для греческой мысли в целом и поэтому не заслуживающими особого внимания при философском анализе. Ниже мы постараемся показать, что это не так и что именно правильное осмысление этого образа позволит нам обнаружить ключ к пониманию философии Платона и его идеализма.

* * *

Вчитываясь в тексты Платона, начинаешь понимать, что, используя образ выхода из пещеры на свет или образ Солнца, этот мыслитель не просто приводит красивые, но малосодержательные аллегории, а пытается описать какой-то очень необычный и все же вполне реальный ментальный опыт, опыт, пережитый им самим, и свет в его рассуждениях не просто метафора.

Сколь бы фантастическими ни казались высказывания Платона о созерцании Блага и исходящего от него света, им тем не менее можно найти реалистическое объяснение в эмпирической науке, которая свидетельствует, что человек иногда на самом деле способен наблюдать нечто подобное. Описания Платона обнаруживают соответствие показаниям медицинской психологии, психиатрии. Речь в данном случае, скорее всего, может идти о психологическом состоянии, в медицине обычно относимом к разряду психоневрологических заболеваний, как эпилепсия. А те богатые ментальные переживания, все эти фотизмы, с которыми мы познакомились выше, по-видимому, есть не что иное, как переживания, испытываемые эпилептиком при так называемой эпилептической ауре.

Эпилепсия — довольно распространенное заболевание, характеризующееся многообразием клинических форм и проявлений. Она совсем не обязательно сопровождается судорожными припадками — возможны и бессудорожные пароксизмы. Во многих случаях больные испытывают переживание эпилептической ауры, которая может носить чувственный или психический характер, заставляя человека испытывать необычные ощущения, несвойственные здоровым людям. Аура либо предшествует судорожному припадку, либо может выступать в качестве самостоятельного бессудорожного эпилептического пароксизма. Нередко заболевание протекает в скрытой форме, так что человек, страдающий им, как и окружающие его люди, может даже не подозревать о нем.

Дабы сразу же удостовериться, что разговоры об эпилепсии в связи с философией Платона небезосновательны, можно вспомнить, как описывает свои переживания эпилептика Ф.М. Достоевский. Ссылками на его высказывания полна психиатрическая литература. Более того, под влиянием откровений Достоевского в медицинскую практику введен термин «эпилепсия Достоевского» [см., напр.: 8, 11]. В своих дневниках и в романе «Идиот» Достоевский откровенно и красочно описывает озарения ума и сердца «необыкновенным светом» и говорит о «молниях и проблесках высшего самоощущения и самопознания».

В психологической и психиатрической литературе можно обнаружить достаточное количество работ, в которых обсуждается влияние эпилепсии на деятельность выдающихся исторических личностей, на творчество писателей и представителей искусства. Помимо этого существует обширная литература, посвященная изучению влияния эпилепсии на степень религиозности человека. Более того, в этом случае кроме чисто психологических имеется ряд работ, исследования в которых проводятся на нейрофизиологическом уровне. Их авторы стремятся показать, что повышенная религиозность человека зависит от изменений в функционировании головного мозга, и доказать, что не только эмоциональный фон и волевая направленность, но и идейное содержание религиозной веры возникает под влиянием патологической работы некоторых отделов центральной нервной системы.

Что касается исследований с позиций психологии и психиатрии опыта *философского* мышления, никаких значимых работ на эту тему — работ, в которых анализировалось бы, как особенности эпилептического мышления влияют на концептуальное содержание философских сис-

тем, — нами обнаружено не было. По-видимому, философия с ее сложным интеллектуальным содержанием, непонятным неспециалисту, каковым является в данном случае психиатр, создает естественный барьер для подобного рода исследований, и философское мышление в этом отношении до сих пор остается terra incognita.

Одно из немногих замечаний, имеющих отношение к философии, которое нам удалось обнаружить, — это утверждение С. Ваксмана и Н. Гешвинда о том, что в интериктальный (межприступный) период у лиц, страдающих эпилепсией височной доли, развиваются специфические особенности характера, которые выражаются в повышенной религиозности и пристрастии к философствованию. Кроме того, этим людям свойственны чрезмерное морализаторство, обстоятельность, отсутствие чувства юмора, вязкость в межличностном общении, усиление аффективных реакций, агрессивная раздражительность и склонность к писанию в больших объемах, гиперграфия. Примечательно также, что у таких пациентов часто отмечается интенсификация умственной активности и когнитивной деятельности. Такое сочетание характерологических изменений, по мнению авторов, может иметь большое диагностическое значение [14]. Вряд ли кто при этом станет утверждать, что перечисленные выше симптомы не являются характерными чертами платоновского стиля.

Поскольку исследований непосредственно философского мышления с означенных выше позиций практически не существует, нам придется обратиться к исследованиям религиозных переживаний эпилептиков. Однако это вполне уместно, поскольку религиозный опыт и опыт философского мышления платонического типа имеют между собой много общего. Возникшее в наше время новое направление в медицине, нейропсихология религиозного опыта, предоставляет нам в этой связи интересные данные. Как уже было сказано, на эту тему существует достаточное количество работ, многие из которых сходятся между собой в основных выводах относительно того, как психический статус человека влияет на его религиозность и какие нейрофизиологические механизмы при этом задействуются.

В этой связи интересной для нас может оказаться статья Джеффри Сейвера и Джона Рабина «Невральные субстраты религиозного опыта» [13]. В данной работе, представляющей собой, по сути, обзор литературы по рассматриваемому вопросу, авторы, ссылаясь на материалы многочисленных исследований, не только обобщенно излагают психиатрическую симптоматику и медицинскую феноменологию определенных психических состояний, которые выступают в качестве психологической основы повышенной религиозности и особых религиозных переживаний, но и излагают современные представления о возможных нейрофизиологических механизмах возникновения этих психических состояний.

Согласно Сейверу и Рабину, наиболее характерные религиозные переживания интересующего нас типа развиваются у пациентов с эпилепсией височной доли или, точнее, эпилепсией темпорально-лимбических структур головного мозга. Именно у них возникают те специфические эпилептические ауры, которые самими пациентами воспринимаются как мистический религиозный опыт. Ауры могут носить различный характер в зависимости от того, какие участки головного мозга оказались задействованными. Два наиболее существенных типа переживаний при эпилептической ауре — это переживания, связанные с изменением чувственности, сенсорные, и переживания, связанные с изменениями в сфере сознания, — интеллектуальные, или когнитивные. Соответственно можно выделить и разные типы аур.

Наиболее интересны для нашего исследования интеллектуальные, или когнитивные, ауры. Они могут проявляться в деперсонализации, дереализации, сновидном помрачении сознания [13, p. 500]. Для нас в данном случае особенно важно то, что «аура, характеризующаяся дереализацией, вызывает изменение или утрату чувства реальности внешнего мира, например может возникнуть чувство, что внешнее окружение — это всего лишь видение, подобное сну» [13, p. 500]. Однако такие, интеллектуальные, ауры встречаются реже, чем ауры других видов [13, p. 500].

Важный вывод, который из этого следует, состоит в следующем: «Очевидно, существуют глубокие сходства между такими интеллектуальными аурами и изменениями в восприятии реальности, которые являются общей чертой глубокого религиозного опыта. Люди, пережившие внезапное религиозное пробуждение или обращение, часто сообщают о том, что они внезапно осознали, что их обычная, непросветленная личность пуста, бессодержательна и неподлинна (деперсонализация), и это становится началом обретения более истинной, более подлинной, религиозно утвержденной личности. Сходным образом, частым аспектом мистического опыта является чувство, что сквозь пелену внешних явлений, которые до

этого воспринимались как реальные, вдруг становится видна более глубокая, сверхъестественная, подлинная реальность (дереализация). <…> Кажется вероятным, что повторяющиеся интенсивные внутренние переживания того, что и ты сам, и внешний мир нереален, способствуют развитию религиозных взглядов и веры в то, что реальность имеет сверхъестественное основание» [13, p. 503].

Еще одним интересным для нас психическим явлением, часто возникающим в иктальный период, является аутоскопия, видение себя со стороны. Согласно Сейверу и Рабину, аутоскопия может быть двух видов. Для нас интересен тот ее вид, который заключается в переживании выхождения из собственного тела и видения его со стороны, часто с высоты. «Чтобы проиллюстрировать, как эпилептический опыт данного вида может способствовать развитию религиозности, — говорят авторы, — можно привести такой пример: один пациент с опытом выхождения из тела испытал, как с пола универсального магазина он был перенесен в небесное царство» [13, p. 503].

Другим часто встречающимся проявлением височной эпилепсии являются состояния экстаза. «Переживание приступов экстаза, иктальных и периктальных, особенно тесно связано с религиозным опытом» [13, p. 503]. «Термин *приступы экстаза* применяется по отношению к двум типам переживаний, которые часто встречаются вместе. Первый из них — это главным образом эмоциональное переживание глубокого удовольствия, когнитивное содержание которого может варьировать. Второй представляет собой прежде всего когнитивное переживание осознания единства, гармонии, радости и божественности всей реальности… Приступы экстаза обоих типов редки» [13, p. 503].

Вот очень показательные примеры переживаний экстаза: «Морган описал пациента, чьи эпилептические приступы выражались в чувстве отстраненности, неописуемого удовольствия и удовлетворения, видении яркого света, воспринимаемого как источник знания… <…> Наито и Мацуи описали пожилую женщину, приступы которой характеризовались радостными видениями Бога и солнца: “Мой ум, все мое существо было пронизано чувством удовольствия”» [13, p. 503]. Здесь же в качестве иллюстрации можно привести и знаменитые слова Достоевского, цитируемые чуть ли не во всех работах, посвященных эпилепсии: «На несколько мгновений я испытываю такое счастье, которое невозможно в обыкновенном состоянии и о котором не имеют понятия другие люди. Я чувствую полную гармонию в себе и во всем мире и это чувство так сильно и сладко, что за несколько секунд такого блаженства можно отдать десять лет жизни, пожалуй, всю жизнь» [7, с. 412].

Обобщая, можно сказать, что «основные качества религиозного и мистического опыта, с которыми соглашаются многие психологи религии, являются по своему характеру ноэтическими и невыразимыми — ощущением прикосновения к предельному основанию реальности и ощущением неописуемости и несообщаемости этого опыта. Частыми дополнительными чертами этого опыта являются переживание единства, переживание отсутствия времени и пространства, положительные эмоции, чувство мира и радости» [13, p. 507].

Мы постарались выбрать из медицинской литературы описания только тех симптомов, которые имеют прямое отношение к рассматриваемой нами теме. Это, в основном, симптомы, характерные для интеллектуальной экстатической ауры. В действительности эпилепсия — заболевание намного более богатое и разнообразное. Другие виды эпилептических аур могут характеризоваться не когнитивными (интеллектуальными), а сенсорными расстройствами. Порой переживания эпилептиков приобретают психотический характер, выражающийся в визуальных, слуховых, обонятельных галлюцинациях. Больные могут слышать необычные звуки — голоса ангелов, голос самого Бога, наслаждаться звучанием «музыки небесных сфер», переживать разнообразные видения, например рая или ада. Они могут ощущать присутствие рядом с собой сверхъестественных существ — добрых или злых. Им может казаться, что они получают послания из иных сфер бытия, указывающие, что им делать и как себя вести. Им может представляться, что их мысли записываются, что за ними наблюдают с небес, что их обсуждают или судят [см., напр.: 9].

* * *

Если теперь мы еще раз обратимся к платоновским описаниям своих созерцаний, то увидим, что все они достаточно легко укладываются в картину эпилепсии. В них мы обнаружим и дереализацию с деперсонализацией, которые просматриваются в рассказах о вознесении души из мира чувственных вещей в горнюю область сверхчувственного, где она видит свет, а в этом свете различает умопостигаемое солнце, Благо, представляющееся источником истины и подлинного бытия. Мы обнаружим и неописуемое блаженство, и осознание того, что все в мире сходится в некое единство, и восприятие окружающего

чувственного мира в качестве мира неподлинной реальности, недобытия. И при этом все эти переживания носят непередаваемый словами, выходящий за рамки представимого характер. Как говорит Платон, «это не может быть выражено в словах, как остальные науки…» (Седьмое письмо, 341 c [5, с. 493]). Не отсюда ли проистекает необходимость иметь тайное, эзотерическое учение, по поводу чего так много рассуждают представители тюбингенской школы?

В рассказе о пещере можно увидеть все составляющие эпилептического пароксизма (скорее всего, парциального эпилептического приступа, а не генерализованного судорожного припадка). Все начинается с предвестников, что у Платона выражается во все усиливающемся свете по мере подъема человека к выходу из пещеры. Затем имеет место сам пароксизм, начинающийся с ослепительной вспышки света, соответствующей явлению Блага в рассказе Платона. Потом долгий отход от этого состояния, что у Платона изображено в виде временного ослепления, утраты зрения и потери способности ориентироваться в пещере. Все это приводит к неприспособленности к жизни среди обычных людей, относительно чего Платон говорит, что такой человек уже не сможет, да и не захочет жить, как все остальные.

Аллегория пещеры представляет собой, по сути, описание так называемого опыта обращения, который является одной из составляющих религиозного опыта многих религий. До определенного момента человек ведет обычную жизнь, которая не отличается от жизни других людей, но в какой-то момент с ним происходит нечто такое, что навсегда меняет его жизнь: он видит разверстые небеса, общается с Богом, созерцает подлинную реальность, и переживания эти несут на себе печать высшего, более истинного и более достоверного бытия, чем бытие земное [9].

Примечательно и то, что даже довольно странные с точки зрения обычного человека рассуждения Платона о познании как припоминании, анамнезе, того, что душа видела в загробной жизни, тоже можно истолковать ссылкой на эпилептический опыт. Конечно, мы привыкли к этим платоновским образам, и нам они кажутся уже почти понятными и почти приемлемыми. В них мы видим проявление работы платоновского гения, пример творчества выдающегося мыслителя, вводящего новые, необычные, но значимые символы и метафоры. Мы научились их как-то для себя истолковывать, указывая на то, что всплывающие в процессе припоминания платоновские идеи есть нечто вроде «чистых форм рассудка», которые то ли присущи ему изначально, то ли усваиваются сознанием в ходе социальной практики. Все это в какой-то мере верно. И все же, если взглянуть на платоновские образы по-новому, придется согласиться: ничего само собой разумеющегося и естественного в них нет. Представление об анамнезе, как бы то ни было, весьма необычно. Однако, если обратиться к опыту эпилептиков, мы сможем обнаружить такое объяснение этих образов, которое окажется намного более простым и понятным. Дело в том, что у некоторых эпилептиков эпилептические пароксизмы протекают с возникновением бурных псевдовоспоминаний. Именно такие псевдовоспоминания, носящие для больного очень ценный характер, и могли бы послужить источником представления о познании как припоминании, поскольку содержанием «припоминаемого» вполне могло бы быть видение некоего «подлинного», «высшего» состояния бытия с присущими ему «первообразами» [ср.: 10].

А как следует понимать все эти странствования души по загробному миру, описанные в «Государстве» или в «Федре»: долина Леты, выбор душой нового тела, суд над душами и т.п.? То, что Платон говорит по этому поводу, часто вызывает недоумение. Нам бы хотелось видеть в этом только красивый миф, придуманный самим Платоном и осознаваемый им как таковой. Мы склонны трактовать эти рассказы как простые и наглядные иллюстрации к сухим построениям его теории. В этих фантастических описаниях мы склонны видеть проявление иронии Платона. И, наверное, частично все это и есть красивый и шутливый миф. («…Человеку здравомыслящему не годится утверждать с упорством, будто все обстоит именно так, как я рассказал» (Федон, 114 d [3, с. 76]).) И все же не могут ли все эти повествования о странствованиях души в своей основе оказаться всего лишь описаниями содержания психотических помрачений сознания, в первую очередь онейроидных, переживавшихся Платом в виде воспоминаний о прошлых перерождениях и лишь мифологически переосмысленных и приукрашенных под влиянием как традиционной греческой мифологии, так и собственных интерпретаций таким образом, чтобы их можно было представить публично? Все эти чрезмерно подробные и какие-то излишние в выдуманной истории описания того, какие цвета присущи разным элементам веретена Ананки, — что бы все это могло значить?! А если учесть, что при псевдогаллюци-

нациях, наблюдаемых эпилептиками, содержание видений не выходит за пределы субъективного психического пространства, не проецируется вовне, не отождествляется с реальным миром и воспринимается так, как если бы оно было получено не с помощью обычных органов чувств, а словно посредством «внутреннего», «духовного» зрения, то вполне можно представить себе, что такой психотический опыт может осмысляться как воспоминание о странствованиях души в загробном мире. «Окружающее воспринимается больными как ад или рай, сцена всенародного праздника или мировая катастрофа. Себя больные обычно считают богами, могущественными лицами, персонажами легенд и сказаний, принимающими участие в празднествах, мировых катаклизмах, общающимися с богом» [6, с. 116]. То же можно сказать и относительно Платоновых описаний устройства мироздания, которые мы находим в «Тимее». Уж больно все это напоминает изложение эпилептиками содержания своих фантастических галлюцинаций. И при этом Платон как-то удивительно серьезен во всех этих рассказах: они менее всего напоминают просто розыгрыш или художественный вымысел.

Мы не настаиваем на правильности подобной интерпретации платоновских откровений — мы лишь высказываем предположение, которое требует дальнейшего обсуждения и проверки. И все же сравните то, что Платон говорит в своих мифологических повествованиях и как он это говорит, с высказываниями того же Беме или Сведенборга. Предполагается, что оба эти автора страдали эпилепсией и имели галлюцинации, что и послужило источником их мистического творчества. Не может ли оказаться, что Платон — это Беме своего времени, только более талантливый и интеллектуально одаренный, так что странные видения у него сочетаются с гениальным их осмыслением и рационализацией? Как бы то ни было, Э. Доддс тоже считает, что описание загробных странствований Эра не является просто красивой сказкой, придуманной Платоном, а представляет собой изложение реального религиозного («шаманского») психологического опыта [ср.: 2, с. 302–303].

В психиатрической литературе мы не смогли найти каких-либо серьезных исследований, посвященных Платону. Однако обнаружилась статья, содержащая анализ психического статуса Сократа; причем анализ этот проводится на основании сочинений Платона [12]. В статье делается вывод о том, что тексты, в которых описывается поведение Сократа, свидетельствуют о наличии у этого человека височной эпилепсии с простыми и сложными парциальными эпилептическими приступами, но без генерализованных припадков. Авторы статьи приходят к заключению, что височная эпилепсия Сократа имела легкий, стабильный и относительно доброкачественный характер. Как они заявляют, это первое и единственное исследование такого рода. При этом следует понимать, что Сократ Платона — это, во многом, сам Платон, так что выводы, делаемые относительно первого, должны были бы относиться и ко второму. В любом случае в текстах Платона можно обнаружить массу формальных свидетельств в пользу наличия у него эпилепсии того или иного вида.

Обобщая все вышесказанное, можно прийти к выводу, что содержащиеся в текстах Платона описания его необычного мистического опыта больше всего соответствуют симптомам парциальной височной эпилепсии с приступами, выражающимися в состояниях экстаза, сенсорных расстройствах (фотизмы) и когнитивных нарушениях (деперсонализация, дереализация и т.п.). Именно такая форма эпилепсии часто бывает связана с приобретением эпилептиком религиозного опыта, проявляющегося в видениях Бога, переживании целостности и гармоничности мира, ощущении необыкновенного блаженства и истинности воспринимаемого.

Дабы подвести итог нашему психологическому анализу, приведем в качестве примера переживания пациента, страдающего височной эпилепсией. Своим несомненным сходством с описаниями Платона этот клинический случай способен дополнительно подкрепить наши выводы:

> (Д.У.Х., возраст 35 лет…). …В 1954 году за один день пережил два редко случающихся у него приступа grand mal. В течение суток после второго припадка он испытал еще один «опыт обращения», ставший составной частью красочного религиозного психоза, продолжавшегося неделю. Он помнил, что на протяжении какого-то времени после второго припадка чувствовал головокружение, помнил, как затем вернулся домой с тупой головной болью и отправился спать. Несколько часов спустя у него возникло внезапное чувство, что все происходит как во сне, он увидел вспышку света и воскликнул: «Я увидел свет». Внезапно он понял, что это солнце есть проявление Бога и что данное знание означает силу: он мог бы получить силу от Бога, если бы только

попросил его об этом. Он пережил серию видений, в которых ему то казалось, что его прошлая жизнь подвергается суду, то перед ним появлялась книга — атлас мира с разорванной страницей, то он видел, как качается маятник, и если бы тот остановился, миру бы пришел конец [9, p. 80]. (Что касается образа раскачивающегося маятника, сравните его с веретеном Ананки в «Государстве» Платона (X, 616 c–617 b [4, с. 415–416]).)

Испытав такое, человек уже не может быть прежним [ср.: 9]. Возникает очень специфическое мышление, которое условно можно было бы назвать трансцендентальным и которое существенно отличается от мышления обыденного. Это такое мышление, при котором за завесой чувственной реальности постоянно ощущается присутствие иной, сверхчувственной, высшей реальности. Это мышление, которое за вещами «мира недобытия» видит их «первообразы», их сущности. Оно не укладывается в рамки привычной формальной логики, а требует для себя логики «диалектической», потому что взаимоотношения между сверхчувственными сущностями, зримыми при таком созерцании, отличны от обычных отношений между чувственными вещами. Это мышление воспринимается его носителем как мышление более глубокое, как высшее проявление сознания. Именно такое состояние Платон называет разумом, и при этом понятно, почему он ставит его несравненно выше обычного человеческого мышления, рассудка.

Переживание, о котором идет речь, настолько интенсивно по своему характеру, что переворачивает весь уклад жизни человека. Подобный опыт воспринимается человеком, испытавшим его, как намного более истинный и достоверный, чем опыт повседневный, — как непреложная, абсолютная истина. Так что такой человек ни за что на свете не откажется от него в пользу своих старых, обыденных, представлений.

* * *

В заключение статьи хочется высказать одну важную мысль. Необходимо понимать, что психические явления, о которых сказано выше, не являются простым сопровождением мышления. Неверно представлять себе все дело так, будто человек в таком состоянии испытывает какие-то странные сенсорные переживания, но его мышление при этом остается прежним, таким же, как у всех людей. Было бы наивно считать, что в данном случае можно отделить чисто философские проблемы от психологических и осмыслить понятия, созданные на основе такого мышлении, без учета его психологических особенностей. Любая попытка осмыслить понятия философии типа платоновской независимо от опыта мышления платоновского типа приведет к неизбежному искажению и выхолащиванию этих понятий. Ведь метафизика Платона — это, по сути, представленное в объективированном виде опредмеченное содержание его сознания, которое отличается от сознания, пребывающего в естественной установке.

Наша задача в данной статье заключалась вовсе не том, чтобы выставить диагноз этому античному мыслителю, а в том, чтобы указать на тот совершенно особый образ мышления, который присущ Платону. И мы, конечно, отдаем себе отчет, что ставить задним числом какие бы то ни было диагнозы, при этом опираясь лишь на тексты, — предприятие довольно рискованное и неблагодарное. Более того, это задача психиатрии, а не философии. Тем не менее невозможно игнорировать и тот факт, что мышлению Платона присущи те особые черты, которые позволяют говорить о мышлении платонического типа и на этом основании выделять в отдельный раздел целый ряд философских учений, как это делает, например, Виллер [1]. Это такой тип мышления, при котором «бытие» является вовсе не пустейшим понятием, но понятием самым полным, самым богатым, самым глубоким — понятием, указывающим на ту сущность, из которой, как из первоединого, появляются на свет все низшие виды сущего. Обнаружение этих особенностей платонического мышления и заставило нас предпринять попытку, возможно не совсем законную, провести его анализ в психологическом ключе. Без обращения внимания на совершенно определенные, медицински фиксируемые отличия сознания Платона от сознания среднего человека наши утверждения о том, как правильно понимать его учение о «разуме», могли бы показаться не слишком убедительными.

Более того, наша задача должна состоять не просто в том, чтобы формальным образом указать на отличия платоновского мышления от обыденного, а в том, чтобы постараться осмыслить это мышление исходя из него самого или, по крайней мере, наметить пути к такому осмыслению. Необходимо дать не просто внешнее психологическое описание этого мышления, а описание феноменологическое, описание изнутри самого мышления. Это и могло бы стать задачей дальнейшего исследования. Вопрос должен быть поставлен следую-

щим образом: что видит Платон, как он воспринимает мир, какая картина владеет его сознанием и, соответственно, как он мыслит под влиянием этой картины? Иными словами, перед нами встает задача по реконструкции мышления Платона. От метода объяснения, посредством которого мы доказали существование мышления такого типа и продемонстрировали, как оно совершается с нейропсихологической точки зрения, теперь следует перейти к методу понимания. Такой феноменологический подход позволит показать, как из пока еще не концептуализированных, не опредмеченных переживаний рождаются представления идеалистической философии.

Список литературы

1. *Виллер Э.* Учение о едином в античности и средневековье. СПб.: Алетейя, 2002. 668 с.
2. *Доддс Э.Р.* Греки и иррациональное. СПб.: Алетейя, 2000. 507 с.
3. *Платон*. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
4. *Платон*. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 656 с.
5. *Платон*. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. 832 с.
6. *Справочник* по психиатрии / под ред. А.В. Снежневского. М.: Медицина, 1985. 416 с.
7. *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 624 с.
8. *Cirignotta C.*, Tedesco V., Lugaresi E. Temporal lobe epilepsy with ecstatic seizures (so-called Dostoewsky epilepsy) // Epilepsia. 1980. Vol. 21. P. 705–710.
9. *Dewhurst K.*, Beard A.W. Sudden religious conversions in temporal lobe epilepsy // Epilepsy & Behavior. 2003. Vol. 4. P. 78–87.
10. *Fried I.* Auras and experiential responses arising in the temporal lobe // The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences. 1997. Vol. 9. P. 420–428.
11. *Gastaut H.* Fyodor Mikhailovitch Dostoevski's involuntary contribution to the symptomatology and prognosis of epilepsy // Epilepsia. 1978. Vol. 19. P. 186–201.
12. *Muramoto O.*, Englert W.G. Socrates and Temporal Lobe Epilepsy: A Pathographic Diagnosis 2,400 Years Later // Epilepsia. 2006. Vol. 47(3). P. 652–654.
13. *Saver J.L.*, Rabin J. The Neutral Substrates of Religious Experience // The Journal of Neuropsychiatry & Clinical Neurosciences. 1997. Vol. 9. P. 498–510.
14. *Waxman S.G.*, Geschwind N. The Interictal Behavior Syndrome of Temporal Lobe Epilepsy // Archives of General Psychiatry. 1975. Vol. 32(12). P. 1580–1586.

THE PSYCHOLOGICAL BASIS OF PLATO'S IDEALISM

Boris V. Saprygin

Novosibirsk State Pedagogical University; 28, Viljuiskaya str., Novosibirsk, 630126, Russia

The article seeks to explain certain significant points of Plato's philosophy by addressing the research findings of the neuropsychology of religious experience. The evidence found in the domain of this discipline makes it possible to assume that many concepts and notions of Plato's philosophy are in fact conceptualizations of real psychological experiences. The latter being ignored, any interpretation of this philosophy may be incomplete.

Key words: idealism; Platonism; mystical experience; neuropsychology of religion; temporal lobe epilepsy; aura.

УДК 172.1+17.026.2

ПОНИМАНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЖОНОМ ЛОККОМ

Д.И. Кирюхин

Цель настоящего исследования состоит в реконструкции локковского понимания справедливости. Отмечается, что Локк не противопоставляет столь радикально, как Гоббс, естественное и политическое состояние. Разница между ними для Локка только в наличии (или отсутствии) силовых механизмов реализации принципов справедливости. В учении Локка о справедливости устанавливается тесная связь между принципами справедливости и требованиями разума, которые являются универсальными этико-правовыми требованиями. Эта позиция найдет свое развитие в философии Канта.

Ключевые слова: справедливость; Джон Локк; Томас Гоббс; закон природы; общественный договор; собственность.

Обращение к наследию Джона Локка обусловлено не только сугубо историко-философским интересом, который неизменно привлекают к себе столь значимые в новоевропейской философии фигуры. Оно в данном случае связано с тем влиянием, которое оказывает учение Локка на развитие современной философии, в первую очередь — политической философии и, более конкретно, теории справедливости. В частности, Р. Нозик свою политическую теорию рассматривал во многом как развитие философии именно Локка. А один из наиболее влиятельных политических мыслителей второй половины XX в. Дж. Ролз, поясняя замысел работы «Теория справедливости», отмечает: «Что я пытался сделать, так это обобщить и поднять на более высокий уровень абстракции традиционную теорию общественного договора, которая была сформулирована Локком, Руссо и Кантом» [11, p. XVIII]. Так что теория справедливости Локка представляет особый интерес для исследователя, если принять во внимание ее рецепции в современных либеральных теориях справедливости.

Реконструкция того, как Локк трактует справедливость, — задача достаточно непростая. И дело не столько в том, что трактовка Локком справедливости все еще плохо изучена, сколько в самой сложности такой работы, учитывая обстоятельство, что позиция Локка менялась на протяжении времени, и то, что такая важная в данном случае его работа, как «Два трактата о правлении», была составлена из фрагментов, написанных в разное время, и дошла до нас в незаконченном виде (по-видимому, часть работы была утеряна еще при жизни автора). Не случайно, что теорию общественного договора Локка М. Нуссбаум называет «несносной», поскольку, по ее мнению, «она содержит разнородные элементы, которые крайне трудно объединить в целостную картину», а К. Шимокава, хоть и пытается продемонстрировать единство концепции справедливости у Локка, тем не менее, признает, несмотря на проведенные исследования этой темы в философской литературе, что локковская концепция справедливости остается неясной [10, p. 41; 12, p. 61].

В исследованиях по философии Локка, как правило, подчеркивается полемический характер его сочинений, в связи с чем делается вывод о том, что особого внимания требует контекст, в котором они были написаны. Полемика эта касалась широкого круга вопросов, нас же в данном случае интересует проблема справедливости. Подобно Т. Гоббсу, Локк в четвертой книге работы «Опыт о человеческом разумении» рассматривает справедливость в тесной связи с гражданско-политической практикой и видит в ней цель этики, которая, по его мнению, направлена на поиск правил человеческих действий, которые ведут к счастью. Однако локковское понимание справедливости в то же время отличается от того, как справедливость толкует Гоббс. Но, поскольку понимание справедливости Локком формировалось под влиянием Гоббсовой философии, основной акцент нами в данном случае будет сделан на сравнении учения о справедливости Локка и учения Гоббса.

Не секрет, что Локк не принимает многие положения Гоббсовой философии. В его сочинениях содержатся прямые выпады против Гоббса и его

Кирюхин Денис Игоревич — кандидат философских наук, научный сотрудник; Институт философии им. Г.С. Сковороды НАН Украины; Украина, 01001, Киев, ул. Трехсвятительская, 4, к. 317; denn_krn@mail.ru.

последователей, что позволяет многим представлять этих двух философов как антагонистов. При этом исследователи, как правило, делают акцент на том, что эти два британских философа различным образом трактуют естественное состояние, цели, преследуя которые индивиды заключают общественный договор, и, наконец, подчеркивается различное отношение этих философов к авторитарной власти. Тем не менее, говорить о диаметральной противоположности двух учений вряд ли возможно. В частности, как отмечает П. Ласлет, «если Локк написал свою книгу (“Два трактата о правлении”. — *Д.К.*) как опровержение сэра Роберта Филмера, то он не мог написать ее как опровержение Томаса Гоббса», так же, как и «ошибочно убеждение многих в том, что он (т.е. Локк. — *Д.К.*) сознательно полемизирует с “Левиафаном” разрабатывая свою [теорию] революции» [5, p. 67]. Действительно, обращаясь к рассмотрению проблемы свободы во Втором трактате, Локк пишет о том, что свобода — это не то, о чем говорит Филмер: свобода делать то, что пожелаешь и жить как угодно, будучи не связанным никаким законом. Свобода людей в условиях существования системы государственной власти, подчеркивает вполне в гоббсовском духе Локк, «заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нем» [1, с. 274–275]. Этот пример демонстрирует оправданность позиции Ласлета, согласно которой противоречия между Локком и Гоббсом являются противоречиями «в рамках одной партии» [5, p. 70], противостоящей, добавим от себя, партии защитников неограниченной королевской власти, чьи взгляды представил Филмер в работе «Патриах».

Достаточно распространенной является позиция, в рамках которой Локк ассоциируется с развитием либерализма, а Гоббс, наоборот, прочитывается как предшественник тоталитаризма, который видел в абсолютной власти государя единственную возможность предотвратить взаимную вражду между людьми, согласовав их интересы. Однако такая позиция представляется поверхностной — по крайней мере, в отношении Гоббса. Для автора «Левиафана» ключевым является не столько проблема организации власти (подход, доминировавший начиная с античных философов), сколько проблема ее правовой, а не, например, сакральной, легитимности, проблема нормативной регуляции отношений между свободными и равными индивидами. Иными словами, если Гоббсовому варианту ответа на вопрос о том, какая именно форма государственного устройства является наиболее удовлетворительной с точки зрения реализации желаний и интересов людей, можно действительно выдвинуть ряд претензий с либеральных позиций, то в исходных предпосылках своей политической теории (его политическая антропология, а также убежденность в том, что о справедливости можно говорить только в том случае, когда есть собственность) он, и тут прав Ласлетт, действительно, составляет с Локком одну «партию». При этом Локк уже с самых ранних своих работ дистанцируется от Гоббса, которого критикует фактически за имплицитно предполагаемый его теорией утилитаризм, и в противовес автору «Левиафана» указывает на то, что этические нормы не могут иметь конвенциональную основу.

Так, в «Опыте о законе природы» — работе, которая представляет собой наброски философа, сделанные им до написания Второго трактата о правлении, — Локк, очевидно подразумевая Гоббса и его последователей, выступает с критикой тех, кто закон природы сводит к заботе о собственной безопасности и благополучии. Он указывает, что в таком случае все этические обязательства, налагаемые на человека, сводятся, как сказали бы мы сегодня, к утилитаристской выгоде. По мнению Локка, если закон природы понимать как закон самосохранения, то в таком случае добродетель будет не столько долгом человека, сколько его выгодой (convenience), и нравственным будет только то, что полезно (useful), соблюдение же закона природы в таком случае станет не долгом или обязанностью, но будет напрямую зависеть от выгоды (expediency) [7, p. 110], с которой и будет соотносить человек свою деятельность. Но поскольку выгода сама по себе не является обязывающей нормой, то и сам закон природы, по сути, утрачивает характер закона, коль скоро его соблюдение не может рассматриваться как обязательное для человека.

В отличие от Гоббса, для политического учения которого ключевой была проблема государственной власти, в центре внимания раннего Локка находится преимущественно система социальных отношений. И даже во Втором трактате можно заметить, что тема государства является для Локка второстепенной на фоне проблем свободы и права. Так что тогда как Гоббс описывал генезис власти Левиафана, Локк обращается к исследованию принципов, которые конституируют отношения между людьми, и находит их в раскры-

ваемом разумом естественном законе, а если быть более точным, в справедливости.

В «Опыте о законе природы» он указывает, что справедливость — «главный закон природы и связующая основа (bond) всякого общества» [7, p. 110]. Иными словами, подобно Гоббсу, Локк связывает справедливость с правовым состоянием. Однако, в отличие от Гоббса, он трактует правовое состояние не как возникающее в результате заключения общественного договора. Политическая антропология Локка кардинальным образом отличается от Гоббсовой, что объясняет и иное понимание им естественного состояния, а также необходимости общественного договора. Для Локка сущность человека не сводится к желанию, интересу, для удовлетворения которых он вынужден формировать систему государственно-правовых отношений, в рамках которых только и возможно говорить о справедливости. Да, для обоих британских мыслителей характерно понимание людей как изначально равных, независимых и свободных. Но локковское понимание изначального равенства и свободы не отличается характерным для Гоббса минимализмом. (На нормативный минимализм Гоббса, а также на то, что большинство индивидов для автора «Левиафана» минимально рациональны, а многие из них даже иногда иррациональны, указывает, в частности, Дж. Краус [см., например: 4, p. 35–36].) Если для Гоббса данное равенство — это лишь причина войны всех против всех и основа общественного договора, то для Локка изначальное, т.е. природное, равенство является причиной не конфликта за ресурсы, но основанием мирного сосуществования между людьми («…Поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого…» [1, с. 265]), так как в самом факте этого равенства заключается моральная обязанность человека оберегать как свою свободу и собственность, так и свободу и собственность другого. Локк демонстрирует тесную связь между равенством, свободой и правом. Равенство людей от природы — это не равенство талантов или добродетелей, но суть «*равное право на естественную свободу*, которое имеет каждый человек», а, в свою очередь, «*естественная свобода* заключается в том, чтобы не быть связанным ничем, кроме закона природы» [1, с. 292, 275]. Или, к примеру, как отмечает британский философ: «*Свобода* человека и свобода поступать по его собственной воле *основываются* на том, что он обладает *разумом*, который в состоянии научить его тому закону, по которому он должен собой управлять» [1, с. 297]. Естественную свободу Локк отличает от свободы человека в обществе, под которой понимает следование только той законодательной власти, «которая установлена по согласию в государстве» [1, с.274], и, как уже указывалось ранее, свободу в условиях существования системы государственной власти как следование установленным законодательной властью законом. Тем самым, в отличие от Гоббса, Локк устанавливает достаточно определенные границы между обществом и государством.

Таким образом, для Локка человек является не только свободным и разумным, но также и нравственным — позиция, определяющая его понимание справедливости и общественного договора и делающая его родоначальником направления в контрактуалистской традиции, которое через посредничество Канта найдет свое воплощение в современных контрактуалистских теориях.

Человек, согласно Локку, руководствуется в своих действиях не страхом, как это имеет место у Гоббса, что позволяет исследователям, например Джоди Краусу, говорить о некоторой иррациональности гоббсовских индивидов (для Крауса это не недостаток, а, скорее, даже достоинство, поскольку свидетельствует о реализме Гоббса, и такая оценка представляется оправданной), но, как указывается в «Опыте о законе природы», рациональным представлением (rational apprehension) — «Не страх наказания, а рациональное представление о правильном (rational apprehension of what is right) обязывает нас» [7, p. 118]. Речь идет о заложенном в индивиде понимании, а если точнее — способности понимания естественного закона и тех обязательств нравственного и правового характера, которые из него следуют. Причем эти обязательства, как образно утверждает Локк, представляют собой узы разума, имеющие универсальный характер, поскольку они очевидны для всех существ, наделенных разумом, т.е. таких, которые способны эти обязательства познать. Поясняя свою мысль, философ отмечает: «Если естественный закон обязателен хотя бы для нескольких людей, то очевидно, что он должен с таким же правом быть обязывающим для всех, потому что основания обязательства одинаковы для всех людей, так же как одинаковы у людей способ познания и их природа» [7, p. 125].

Как мы видим, у Локка нравственное согласие между людьми, в основе которого лежат универсальные рациональные принципы, важнейшими из которых являются принципы справедливости,

предшествует гражданскому и политическому договору между ними. Человеческий род, отмечает философ, представляет собой одно сообщество (community), составляет одно общество (society), отличающее его от всех других творений [8, p. 351]. Этого сообщества было бы людям вполне достаточно, если бы человеческая порочность не делала условия жизни в естественном состоянии довольно скверными, что и вынуждает их путем договора создавать государство. Такая позиция кардинально отличает Локка от Гоббса, для которого реализация справедливости возможна только после заключения договора, определяющего принципы гражданско-политических отношений. И, с другой стороны, она же делает Локка предшественником Канта.

Была бы слишком вольной по отношению к Локку интерпретация его представления об этическом единстве людей (для Локка это единство объясняется равенством всех человеческих существ, поскольку все они принадлежат человеческому роду и руководствуются единым естественным законом), предшествующего их политическому единству, так же, например, как интерпретируется этико-культурный контекст в коммунитаризме, где он рассматривается как определяющий социальные и политические практики. При внимательном рассмотрении работ британского философа не только не найдется оснований говорить о нем как о (пусть даже и весьма условном) контекстуалисте. И одновременно с этим можно будет увидеть и существенную разницу между его учением и кантовской практической философией.

Действительно, говоря о законе природы, Локк неизменно отмечает, что речь при этом идет о божественной воле, таким образом явленной человеку. На первый взгляд такая отсылка к идее божества не должна вводить в заблуждение, поскольку вполне в духе Декарта Локк основной акцент делает именно на познавательной роли разума (разум не устанавливает, а открывает законы), Бог же в таком случае выступает не только формальной причиной существования закона природы, но и конечной гарантией самого разума. Однако взгляд на Локка исключительно как на философа, без учета его теологических воззрений, представляется односторонним. Как убедительно показывает В. Нуово, в работах Локка не случайно анализируются две истории — история государства и история церкви, как объединения верующих (вопрос о когерентности этих историй должен стать темой специального рассмотрения, поскольку ответ на него не столь уж и очевиден). То есть Локк, в отличие от Гоббса, откинувшего всякие трансцендентные основания человеческих поступков, остается религиозным мыслителем. Рассматривая его именно как религиозного мыслителя, Нуово делает, на наш взгляд, оправданный вывод, демонстрирующий отличия между британским мыслителем и Кантом: «Кант, как представляется, совершает некоторый прогресс сравнительно с Локком, поскольку отделяет нравственность от трансцендентной религиозной власти и изображает религию в пределах только разума» [9, p. 149].

Это трансцендентное обоснование, которое имеют этические и правовые нормы, играет в учении Локка важную роль, поскольку оно обеспечивает универсализм и абсолютный характер закона природы, в противоположность релятивизму тех требований, которые формируются в ходе, например, установления согласия между людьми по тому или иному вопросу общественной жизни. И, во-вторых, именно благодаря этому обоснованию возможно основанное не на конвенциональных принципах дополитическое сообщество человеческих существ, которое Локк называет естественным состоянием.

С другой стороны, поскольку закон природы является объединяющим для все человеческих существ, естественное и политическое состояния не противостоят у Локка друг другу столь радикально, как это имеет место у Гоббса. Естественное состояние не рассматривается Локком как состояние беззакония. Как указывалось ранее, оно и не является состоянием, когда отношения между индивидами могут быть свободными от того, чтобы определяться принципами справедливости (по крайней мере, оно тут должно ими определяться, если бы, как отмечает Локк, не слабость человеческой природы), ведь справедливость, как отмечается в «Опытах о человеческом разумении», представляет собой «сообразное с законом обращение с личностью или имуществом (goods) другого» [6, p. 376]. Разница же между дополитическим и политическим сообществами состоит только в наличии или отсутствии институционализированных механизмов реализации принципов справедливости. В естественном состоянии восстановление попранной справедливости — задача каждого индивида в отдельности, который в таком случае является судьей, отделяющим справедливость от несправедливости, и, как следствие, решение указанной задачи напрямую зависит от его знаний, способностей и воли восстановить справедливость. Между тем в политическом со-

стоянии справедливость гарантируется системой законодательства и институтами политической и судебной власти. Поэтому, как обоснованно пишет Р. Харрисон о политической философии Локка, «с государством мы получили больше справедливости, мы получили лучшую справедливость» [3, p. 200], поскольку тут она поддерживается властью, утвержденной с согласия граждан.

Для Локка является очевидной тесная связь между справедливостью и силой или принуждением (force). И в этом, как отмечает Кийоши Шимокава, он следует традиции, ведущей свое начало от Г. Гроция [12, p. 65], и во многом сходен с Гоббсом. Так, Локк пишет о рациональности принципов справедливости: критерии справедливого и несправедливого «появляются в нашей душе как продукт развитого разума и серьезного размышления» [2, с.506], но при этом признает, что далеко не каждый индивид руководствуется разумом в своих поступках. Страсти зачастую оказываются сильнее разума, вот почему в естественном состоянии, где нет институтов, которые принуждают индивидов следовать нормам закона, нет и никаких гарантий осуществления справедливости. Тут всегда сохраняется риск, что индивид окажется не во власти объективного судьи, а во власти преследующего свои цели другого человека. Естественную способность быть судьей (т.е. выносить суждение о том, что справедливо, а что несправедливо, руководствуясь законом природы) имеет каждый, однако далеко не каждый в силу различных причин способен на практике стать таким судьей. Так что справедливость нуждается в более эффективной защите, чем воля и таланты индивидов, что обеспечивается только в условиях государства.

Ключевым в локковской теории справедливости является понятие собственности. Не случайно Шимокава в упоминавшейся выше работе называет теорию Локка «базирующейся на собственности теорией справедливости» (property-based theory of justice). Основания для такого определения существуют, ведь и Локк сам указывает: «где нет собственности, там нет и несправедливости» [6, p. 422]. И в «Мыслях о воспитании» Локк пишет о том, что «обучение» справедливости — важный этап воспитания, который начинается с формирования у детей понимания того, что такое собственность [2, с. 506]. Однако, чтобы быть адекватно понятым, данное определение, связывающее справедливость и собственность, требует дополнительного пояснения того, что понимается Локком под собственностью.

Под собственностью (property) Локк понимает не только принадлежащее человеку имущество (estate), хотя и о нем он также ведет речь. Но равным образом имеется в виду и человеческая жизнь, и свобода. Защита собственности, а не распределение ресурсов — главная цель общества, которое устроено справедливо. Иными словами, задача политического сообщества состоит не в том, чтобы, к примеру, обеспечивать имущественное равенство, к которому стремились утописты (тот же Т. Мор), равно как и не в том, чтобы просто справедливо распределять блага, а в создании условий пользования собственностью (enjoyment of the property) [8, p. 350]. Проблема дистрибутивной справедливости остается вне внимания Локка, поскольку справедливость он связывает с обеспечением равенства в реализации индивидуальных прав. А проблему распределения он выносит за пределы сферы справедливости, возлагая эту функцию на долг благотворительности. «Для любого состоятельного человека всегда будет грехом допустить, чтобы его брат погиб из-за того, что он не захотел предоставить ему помощь от своего достатка. Ведь как *справедливость* дает каждому человеку право собственности на продукты его честного труда и законные (fair) приобретения его предков, которые перешли к нему по наследству, так и *благотворительность* дает каждому человеку право собственности на такую часть достатка другого, которая обережет его от крайней нужды» [8, p. 170].

В отличие от Гоббса, чье учение о справедливости развивалось как учение о реализации партикулярного интереса индивида, в центре внимания Локка — общее благо (common good). Ведь именно общее или, как еще говорит Локк, общественное благо (public good) выступает критерием легитимности (и справедливости) применения силы политической и судебной властью [см.: 8, p. 353], когда любые действия власти, направленные не на достижение этого блага, рассматриваются как нарушающие договор, которые заключили между собой индивиды. Локк понимает общее благо как сохранение за каждым его индивидуальности (личности, свободы, имущества), что только и является целью политического сообщества и гарантом социального единства, поскольку социальная интеграция, как следует из работ Локка, возможна только при условии соблюдения принципов справедливости.

Таким образом, принципиально важным для нас в данном случае является то, что в учении Локка о справедливости устанавливается тесная связь меж-

ду принципами справедливости и требованиями разума, которые при этом понимаются британским философом не как следствие рациональной калькуляции индивидуального интереса, а представляют собой универсальные этико-правовые требования. Локк формирует представление об этико-правовой общности людей (требующей в качестве своей гарантии институтов политической и судебной власти), базирующейся на принципах справедливости. Эта позиция Локка найдет свое продолжение в кантовской философии.

Список литературы

1. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–407.
2. *Локк Дж.* Мысли о воспитании // Там же. С. 407–609.
3. *Harrison R.* Hobbes, Locke, and Confusion`s Masterpiece. An Examination of Seventeenth-Century Political Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 281 p.
4. *Kraus J.S.* The Limits of Hobbesian Contractarianism. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 334 p.
5. *Laslett P.* Introduction // Locke J. Two Treatises of Government / ed. by P. Laslett. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 3–137.
6. *Locke J.* An Essay Concerning Human Understanding. London: T. Tegg and Son, 1836. 566 p.
7. *Locke J.* Essays on the Law of Nature // Locke J. Political Essays / ed. by M. Goldie. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 79–134.
8. *Locke J.* Two Treatises of Government / ed. by P. Laslett. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 464 p.
9. *Nuovo V.* Locke's Christology as a key to understanding his philosophy // The Philosophy of John Locke: New Perspectives / ed. by P.R. Anstey. London: Routledge, 2003. P. 129–154.
10. *Nussbaum M.C.* Frontiers of Justice. Disability, Nationality, Species Membership. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2006. 512 p.
11. *Rawls J.* Theory of Justice. Revised Edition. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1999. 538 p.
12. *Shimokawa K.* Locke's concept of justice // The Philosophy of John Locke: New Perspectives / ed. by P.R. Anstey. London: Routledge, 2003. P. 61–86.

JOHN LOCKE'S UNDERSTANDING OF JUSTICE

Denys I. Kiryukhin

Skovoroda's Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Ukraine;
317 apt., 4, Tryohsvyatytelska str, Kiev, 01001, Ukraine

The reconstruction of Locke's understanding of justice is the main goal of this research. In research notes that in Lockean philosophy the controversion between natural state and political state is not so radical as in philosophy of Hobbes. For Locke, the difference between the states consist in presence (or absence) of force mechanisms for realization of principles of justice. Locke establishes the close connection between principles of justice and reason demands which have the universal ethic and law character. This position will be developed in Kant philosophy.

Key words: justice; John Locke; Thomas Hobbes; law of nature; social contract; property.

УДК 130.2

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И РЕАЛЬНОСТИ В СТРУКТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ К. ЛЕВИ-СТРОСА. АНАЛИЗ СТРУКТУРНОГО МЕТОДА В ИССЛЕДОВАНИИ СИСТЕМ РОДСТВА ПЕРВОБЫТНЫХ ПЛЕМЕН

Е.А. Кокарева

В статье рассматривается эволюция идей популярного западноевропейского течения — структурализма: от лингвистики Ф. де Соссюра до структурной антропологии французского этнографа 40–50-х гг. XX в. К. Леви-Строса. Последний обнаруживает структурное сходство между языком и реальностью, рассматривает все феномены культурной жизнедеятельности человека через язык (систему родства, ритуалы, обычаи, мифологию, живопись и т.д.). В философии и гуманитарных науках, таким образом, получает обоснование идея относительной автономности языка, его влияние на реальность. Исследуется проблема соотношения языка и культуры (реальности) в программе структурной антропологии, дается анализ структурного метода К. Леви-Строса.

Ключевые слова: язык; реальность; структурализм; структурная антропология; К. Леви-Строс; бессознательная структура; система родства.

Вопрос о взаимосвязи языка и реальности (а также языка и культуры, языка и мышления) стал актуален в начале XX в., в связи с *«лингвистическим поворотом»* в философии, ознаменовавшим момент перехода от метафизического и рационалистического мышления классической философии к неклассической, обращенной к языку, анализу знаков и смыслов как альтернативе разума, картезианского «cogito» — центра внимания прежних теорий. Языковая революция нашла выражение в логико-философских исследованиях аналитической философии (Г. Фреге, Б. Рассел, Д. Мур, Л. Витгенштейн и др.); логическом позитивизме, исследовавшим не саму реальность, а то, что о ней говорится, т.е. язык (Р. Карнап и М. Шлик); феноменологии Э. Гуссерля; фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, где язык рассматривается как медиум (посредник) бытия («язык — дом бытия»), герменевтике (Г. Гадамер, П. Рикёр), структурализме (К. Леви-Строс, Р. Барт, М. Фуко) и постструктурализме (Ж. Деррида, Ж. Лакан, Ж. Делёз, Р. Барт, М. Фуко).

Особенно остро встает проблема взаимосвязи языка и реальности в современных философских концепциях структурализма и постструктурализма, где выдвигается идея активности, субстанциальности языка как особой автономной реальности, доминирующей над всеми явлениями действительности, подчиняющей их себе и порождающей и организующей их по аналогии со своей структурой.

Структурализм является последним крупным синтезом западноевропейской мысли. Сегодня это одно из наиболее влиятельных, ведущих философских течений, точнее — гуманитарная методология исследования языковых и социокультурных явлений в современной Европе и Америке, приведшая к радикальной переоценке мировой культуры. Структурализм проявился в самых различных сферах гуманитарного знания: лингвистике, литературоведении, философии, социологии, антропологии, истории, искусствоведении, породив своеобразное единство мировоззренческих идей и новый образ мышления.

«Структурализм, ставший широким культурным течением, зародился в лингвистике» [4, с. 48] в начале XX в. Подход к языку как особой знаковой системе, обладающей определенной структурой, был предложен и разработан швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром. Метод структурного анализа языка получил дальнейшее развитие в идеях глоссематики (Л. Ельмслев), дескриптивной лингвистики (Л. Блумфилд) и в функциональной лингвистики (Р. Якобсон, Н. Трубецкой).

В 40–80-х гг. XX в. «методы структурной лингвистики в философском структурализме были

Кокарева Елена Андреевна — соискатель кафедры философии; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; malheureu@mail.ru.

экстраполированы на исследования человеческой культуры в целом» [3, с. 57]. Опираясь на структурный метод лингвистики, К. Леви-Строс разработал программу структурного исследования и применил ее в области антропологии и социологии. Р. Барт вышел со структурным методом в литературоведение и массовую культуру, Ж. Лакан — в сферу психоанализа, М. Фуко — в историю науки [8].

У истоков разработки методологической программы структурного исследования в сфере гуманитарных наук стоит К. Леви-Строс — крупнейший французский антрополог второй половины XX в. После появления в печати его основных теоретических работ («Элементарные структуры родства», 1949 г.; «Печальные тропики», 1955 г.; «Структурная антропология», 1958 г.; «Мифологики» в 4 т., 1964–1971 гг.; др.) Франция, по выражению Ф. Фюра, оказалась буквально оккупирована структурализмом.

К. Леви-Строс видел свою заслугу перед гуманитарными науками прежде всего в том, что предложил для изучения ряда социальных явлений (систем родства, обрядов, мифологии, искусства и др.) метод структурной лингвистики Ф. де Соссюра. Лингвистика, отмечает К. Леви-Строс, принадлежит к числу социальных наук, но занимает среди них особое место: «Она не является такой же социальной наукой, как другие, уже потому, что достигнутые ею успехи превосходят достижения остальных социальных наук» [10, с. 40]. Только лингвистика, по его мнению, может претендовать на звание науки, так как только ей удалось «выработать позитивный метод и установить природу изучаемых ею явлений» [10, с. 40]. Привилегированное положение лингвистики в середине XX в. послужило стимулом для многих исследователей заимствовать ее идеи и методы и перенести их в область других наук.

Определяющую роль во взглядах К. Леви-Строса сыграли идеи и принципы, разработанные Пражской фонологической школой (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон) [1]. Н.С. Трубецкой сводит фонологический метод к четырем основным положениям. 1. Фонология переходит от изучения сознательных лингвистических явлений к исследованию их *бессознательного базиса*: «…реальность, изучаемая в фонологии, представляет собой системы отношений, являющиеся продуктом бессознательной умственной деятельности» [10, с. 71]. 2. Фонология отказывается рассматривать элементы отношения как независимые сущности, беря за основу *анализ отношений* между этими элементами. Анализ, проведенный Пражской школой структурализма, показал, что в языковых звуках можно выделить отдельные составляющие — дифференциальные признаки, одни из которых необходимы, а другие не необходимы для выполнения звуком знакоразличительной функции: «Эти отношения (так называемые фонологические оппозиции) определяют существенное ядро языкового звука — фонему и объединяют фонемы в настоящую, внутренне связанную фонологическую систему» [6, с. 56]. 3. Фонология вводит *понятие системы*. 4. Фонология стремится *к открытию общих законов* — либо найденных индуктивным путем, либо выведенных логически, что придает им абсолютный характер. Именно эти принципы фонологии послужили образцом в первую очередь для гуманитарных наук, которые вслед за лингвистикой стали перестраиваться на новой теоретической основе.

Метод, использующийся в фонологии, заимствовал К. Леви-Строс: он сформулировал структурный подход для этнологии (культурной антропологии). Изучая системы родства (а также обрядов, ритуалов, мифов, фольклора, искусств и др.) «первобытных» племен Центральной и Восточной Бразилии, он заметил, что антрополог и социолог оказываются в ситуации, *формально* напоминающей ситуацию, в которой находится лингвист-фонолог. «Как и фонемы, термины родства являются ценностными элементами; как и первые, они обретают эту ценность лишь потому, что сочетаются в системы; “системы родства”, как и “фонологические системы”, были выработаны человеческим духом на уровне бессознательного мышления. Наконец, совпадения в удаленных районах земного шара и в совершенно различных обществах форм родства, брачных правил, предписанных норм поведения между определенными типами родственников и т.п. заставляют думать, что как в одном, так и в другом случае наблюдаемые явления есть не что иное, как результат взаимодействия общих, но скрытых законов» [10, с. 43–44]. Другими словами, К. Леви-Строс делает вывод о *типологическом сходстве* структур языка и структур культурной организации социума (реальности): «…явления родства представляют собой явления *того же типа*, что и языковые явления» [10, с. 44], «…язык представляет также условие культуры в той мере, в какой эта последняя обладает строением, подобным строению языка. И то, и другое создается посредством оппозиций и корреляций, другими словами, логических отно-

шений. Таким образом, язык можно рассматривать как фундамент, предназначенный для установления на его основе структур, иногда и более сложных, но аналогичного ему типа, соответствующих культуре, рассматриваемой в ее различных аспектах» [10, с. 82–83]. Однако мы бы допустили грубую ошибку, сказав, что К. Леви-Строс отождествил культурные явления с языком. Он усмотрел лишь *формальное сходство (структурное сходство)* между языковыми и культурными явлениями и пытался применить лингвистический (фонологический) метод в социальных науках (антропологии, социологии): «Может ли социолог, пользуясь по *отношению к форме* (если не к содержанию) методом, аналогичным методу, выработанному фонологией, способствовать в своей науке успехам, сходным с теми, которые достигнуты лингвистическими науками?» [10, с. 44].

С помощью структурного метода этнолог пытается вскрыть *бессознательные ментальные структуры*, воплощающиеся в структурах продуктов культурной деятельности людей (в системной организации родства, обрядах, мифологии, искусстве и др.). Причем в этнологии (по аналогии с фонологией) принимаются во внимание не отдельные элементы культурных явлений, а *отношения* между ними, в которых скрыты сущности этих явлений. Само понятие *«структуры»* для К. Леви-Строса означает совокупность скрытых, непосредственно не обнаруживаемых отношений между элементами системы — отношений, поддающихся ряду преобразований, при которых в них сохраняется нечто постоянное, инвариантное. Причем *структуры* по своей природе *едины* для всех и безразличны к материалам, которые они организуют, а также очень *малочисленны*: «…мир символов столь разнообразен по содержанию и столь однообразен по строению» [10, с. 236]. Если мы вновь обратимся к сфере лингвистики, то обнаружим, что в мире множество различных языков, но вот фонологических законов мало, и они действительны для всех языков. Так же и в других социальных сферах, например, в мифологии и фольклоре: сборник всех сказок и мифов мира занял бы множество томов, но их можно свести к небольшому числу простейших типов, если за разнообразием действующих лиц рассмотреть некоторые повторяющиеся сюжетные линии и простейшие функции.

М.Н. Грецкий, посвятивший концепции французского структурализма немало работ [5, 6, 7], неоднократно отмечал, что понимание К. Леви-Стросом «структуры как инварианта с вариантами» вполне «соответствует современному общенаучному пониманию структуры и позволяет применять в исследовании строгие, в частности математические, методы, поскольку варианты не просто перечисляются, а дедуктивно выводятся из ограниченного количества исходных данных» [6, с. 56].

Социальные отношения являются основным материалом для построения *моделей*, чьи формальные свойства можно сравнивать вне зависимости от составляющих их элементов: «Задача структуралиста состоит в том, чтобы выявить и изолировать уровни действительности, имеющие стратегическое значение, с его точки зрения, другими словами, те уровни, которые могут быть представлены в виде моделей, каков бы ни был их тип» [10, с. 327]. К. Леви-Строс указывает следующие условия, для того чтобы модели можно было считать структурами. 1. Структура есть некая система, состоящая из таких элементов, что изменение одного из этих элементов влечет за собой изменение всех других. 2. «Любая модель принадлежит группе преобразований, каждое из которых соответствует модели одного и того же типа, так что множество этих преобразований образует группу моделей» [10, с. 321]. 3. Вышеуказанные свойства позволяют предусмотреть, каким образом будет реагировать модель на изменение одного из составляющих элементов. 4. «Модель должна быть построена таким образом, чтобы ее применение охватывало все наблюдаемые явления» [10, с. 321].

К основным положениям структурализма необходимо также отнести противоречие между синхроническим и диахроническим методами и примат *синхронии* (статический аспект, позволяющий рассматривать объект в его системе — в самом себе и для себя) над *диахронией* (исторический или динамический аспект). Эта идея восходит к учению Ф. де Соссюра и идеями пражской лингвистической школы. Сам Соссюр называл следующие причины обязательного разграничения между синхроническим и диахроническим методами (в лингвистике) [11]: во-первых, многочисленность знаков, которая препятствует одновременному изучению отношений во времени; во-вторых, то, что язык оперирует понятием ценности, значимости. Значимость, как известно, в каждый данный момент зависит от системы сосуществующих в ней других значимостей. Примат синхронического аспекта объяснял тем, что для говорящих только он — подлинная и единственная реальность. Говорящий как бы отвлечен от последовательности фактов во времени: ему не-

посредственно дано только их состояние. К. Леви-Строс перенес это положение структурной лингвистики в сферу других гуманитарных наук, добавив, что специальное выделение синхронического исследования связано также со специфическим характером объектов гуманитарных наук — их изменчивостью и быстрым развитием. Без такого выделения исследователь, анализирующий и синтезирующий отдельные части объекта, рискует объединить в одну структуру части, на самом деле принадлежащие разным (по времени) структурам и не находящиеся между собой в состоянии взаимодействия. Однако отсюда не следует, что структурный анализ замыкает лингвиста и этнолога в рамках синхронии и полностью отрицает диахронический (исторический) срез. К. Леви-Строс признает, что абсолютное противопоставление диахронии и синхронии «в высшей степени иллюзорно, оно допустимо только на предварительных этапах исследования» [10, с. 108].

Доминирование синхронического метода означает, что *для выявления структуры* развивающегося объекта необходимо *отвлечься от его развития* и рассматривать его различные части как сосуществующие в один момент времени, то есть синхронически. Лишь после того, как «вскрыто взаимодействие сосуществующих частей, то есть выяснено, что, собственно, данный объект собой представляет, как он функционирует, можно исследовать его развитие, его изменение в разные моменты времени — диахронически» [6, с. 56].

Модели (социальные структуры) могут быть как *осознанными*, так и *бессознательными*, в зависимости от уровня, на котором они функционируют. Различие между осознанным и бессознательным характером явлений культуры показал еще Ф. Боас — предшественник и идейный вдохновитель К. Леви-Строса. Ф. Боас сравнивал явления культуры (реальности) с явлениями языка. Языковые явления, по мнению исследователя, никогда не возникают сознательно, тогда как культурные явления, хотя и берут свое начало от бессознательного, часто возвышаются до уровня сознательного мышления, порождая, таким образом, вторичные умозаключения и повторные попытки их осмысления.

К. Леви-Строс развил идеи Ф. Боаса о бессознательных и сознательных структурах культурной организации общества. Интересно, что позиция Леви-Строса была охарактеризована П. Рикером как *«кантианство без трансцендентального субъекта»*, и сам К. Леви-Строс согласился с этой характеристикой. Суть его специфического «кантианства» заключается в том, что если у Канта априорные формы чувственности и рассудка накладывались на поступающее извне опытное содержание человеческих знаний, то у К. Леви-Строса роль этих априорных форм играют *структуры бессознательного*.

Структура, погруженная в область бессознательного, делает более вероятным существование модели, «которая, как ширма, заслоняет эту структуру от коллективного сознания» [10, с. 323]. Осознанные же модели, или «нормы», по мнению К. Леви-Строса, являются наибеднейшими из всех возможных, так как в их функции входит обоснование верований и обычаев, а не объяснение их основ. Получается, что наиболее явной оказывается внешняя структура, внутреннюю же структуру труднее понять, потому что осознанные и деформированные модели стоят между наблюдателем и объектом его наблюдения. История, по мнению К. Леви-Строса, останавливается на обобщении данных, которые относятся к сознательным проявлениям общественной жизни. Этнология же, а точнее структурная антропология (наука, развернувшаяся из структурного метода), призвана обратиться к бессознательным основам социальной жизни общества, пользуясь осознанными представлениями (культурными нормами и правилами общества) как первичным материалом. «Если, как мы полагаем, бессознательная умственная деятельность состоит в наделении содержания формой и если эти формы в основном одинаковы для всех типов мышления, древнего и современного, первобытного и цивилизованного, — как это блестяще раскрывается при исследовании символической функции в том виде, как она выражается в языке, — то необходимо и достаточно прийти к бессознательной структуре, лежащей в основе каждого социального установления или обычая, чтобы обрести принцип истолкования, действительный и для других установлений и обычаев, разумеется, при условии достаточно глубокого анализа» [10, с. 34].

Понятие *«бессознательного»* в концепции структурализма К. Леви-Строса означает «символическую функцию, отличительную для человека, но у всех людей проявляющуюся согласно одним и тем же законам и, в сущности, сводящуюся к совокупности этих законов» [10, с. 235].

Термин «бессознательное» был заимствован структурализмом из психоанализа. Бессознательное, по Фрейду, представляет собой психические

процессы, которые проявляются активно и в то же время не доходят до сознания переживающего их лица, т.е. имеет иррациональную природу. *Бессознательное* в структурализме, напротив, логично и рационально, *является объективным, скрытым и бессознательным механизмом знаковых систем*. Бессознательное можно представить как формоупорядочивающую и формопорождающую «матрицу», которая определяет возможности расчленения, упорядочения и, следовательно, символического функционирования любых других образований сознания. На сознательном уровне человек манипулирует знаками, строя из них сообщения, фразы, тексты, но делает это, подчиняясь определенным правилам, которые при нормальном пользовании знаковыми системами (языком, например) применяются автоматически, бессознательно. Мы уже отмечали, что еще Ф. Боас заметил бессознательный характер почти всех актов лингвистического поведения. Когда мы говорим, то применяем грамматические правила, не думая о них и даже иногда не зная о них. Так же, по аналогии с языком, по мнению структуралистов, остаются на уровне бессознательного для нас и остальные явления культуры: организация систем родства, мифология, обряды и т.д. Структурный метод, примененный к исследованию этих систем, как раз позволяет переходить от поверхностных, осознаваемых связей *к скрытым, неосознаваемым закономерностям*, которые, как полагает Леви-Строс, и представляют собой структуры самого интеллекта: «Нужно разработать некий всеобщий *код*, способный выразить общие свойства, присущие каждой из специфических структур, соответствующих отдельным областям. Применение этого кода сможет стать правомерным как для каждой системы, взятой в отдельности, так и для всех систем при их сравнении. Таким образом исследователь окажется в состоянии выяснить, удалось ли наиболее полно постичь их природу, а также определить, состоят ли они из реалий одного и того же типа» [10, с. 76].

При изучении работ К. Леви-Строса возникает ощущение, что исследователь отождествляет понятия «бессознательное» и «неосознанное», приравнивает понятия бессознательного как такового и бессознательного как незнания, как отсутствия осознания. К. Леви-Строс также фактически не дает теоретического объяснения того, почему и как символические системы вписываются в механизмы бессознательного и сами становятся бессознательными.

Бессознательные структуры не даны непосредственному восприятию, скрыты от наблюдателя, поэтому для их обнаружения, фиксации, исследователю нужно проделать работу, подобную работе геолога, углубляющегося в земную твердь, или археолога, обнаруживающего на основе случайных, казалось бы, деталей быта неизвестных человеческих поселений строгие формы их бытия и культуры.

Наиболее ярким примером непосредственного применения структурного метода для явлений культуры, на наш взгляд, является исследование К. Леви-Строса в области *систем родства* «первобытных» племен [9, 10].

Исходным пунктом в исследовании структурной организации родства для К. Леви-Строса является приравнивание различных типов обществ (имеются в виду «первобытные» и «цивилизованные» общества), как имеющих единое природное происхождение. Тем самым он полагает, что открывает для себя возможность изучать любые типы обществ путем выявления *универсальных для всех них структур*. К. Леви-Строс считает, что функции и структура ряда социальных институтов, как правило, остаются неизменными в обществах любого типа. Отсюда делает вывод о том, что их легче всего выявить там, где они проявляются в наиболее простой форме. В этом отношении «первобытные общества дают наиболее благоприятный материал» [10, с. 114] в том смысле, что первобытные общества помогают лучше понять некоторые формы фундаментальной активности, которые всегда и везде остаются необходимыми условиями всякой социальной жизни.

Подобным образом рассуждали и другие культурные антропологи (Б.К. Малиновский, А.Р. Рэдклиф-Браун, Ф. Боас, Р.Г. Лоуи, А.Л. Кребер и др.), и К. Леви-Строс отталкивался от их идей и исследований. Однако метод К. Леви-Строса при рассмотрении систем родства уже значительно отличается от методов его предшественников. В противоположность исследованиям, проводимым на уровне *терминов родства*, К. Леви-Строс выделяет в этих терминах дифференциальные признаки (пол, возраст, поколение, ступень родственной близости) и пытается исследовать не сами эти термины, а их *отношения*: «Возникает вопрос о характере выражаемых отношений, а в случае каждого термина родства выясняется, какое значение — положительное или отрицательное — принимает каждое из этих отношений: поколение, классификационное употребление, пол, относительный возраст, свойство и т.д. Есть надежда именно на этом уровне “мик-

росоциологии" установить наиболее общие структурные законы, подобно тому как это делает лингвист на уровне более низком, чем фонемный» [10, с. 45]. Далее Леви-Строс отличает систему терминов родства (систему наименований) от системы норм поведения и установок. Вместе эти два противоположных плана реальности образуют *«систему родства»*. Термины родства выражают различные типы семейных отношений, системы установок же направлены на обеспечение единства и равновесия в группе. Однако остается загадкой происхождение связей, существующих между различными установками, другими словами, «как и в языке, нам известна функция, но не ясна система» [10, с. 49].

Воссоединение терминов родства и систем установок дает в итоге *«пучок» дифференциальных отношений и признаков*, которые в различных составах и пропорциях реализуются в различных обществах (опять же видим здесь сходство с фонемами в фонологическом анализе). Применение лингвистических методов К. Леви-Стросом усложняет и одновременно упрощает исходные параметры анализа, делает соизмеримым внешне несходный материал и позволяет выявить более общие типы систем родства, нежели это удавалось предшественникам К. Леви-Строса.

С помощью такого подхода К. Леви-Стросу удается выявить и обосновать *элементарную структуру родства*, которая организует все многообразие систем родства.

До Леви-Строса уже предпринимались попытки вскрыть простейшие элементы системы родства. Так, А.Р. Рэдклиф-Браун сделал предположение, что отправной точкой системы родства, создаваемой в любом обществе, является *биологическая семья*. *«Первичная семья»*, или, как бы мы сейчас ее назвали, *нуклеарная семья*, состоящая из мужа, жены и их ребенка (детей), составляет единицу структуры родства. Существование «первичной семьи», по А.Р. Рэдклиф-Брауну, порождает три вида социальных отношений, а именно: между родителем и ребенком, между детьми одних и тех же родителей и между мужем и женой как родителями одного ребенка или нескольких детей. Различные комбинации отношений между членами «первичных семей» образуют, в свою очередь, отношения первого, второго, третьего и т.д. порядков.

К. Леви-Строс, конечно, не сомневался в том, что биологическая семья существует и имеет продолжение в человеческом обществе. Однако, в отличие от А.Р. Рэдклиф-Брауна, он считал, что социальный характер родству придает не то, что оно должно сохранить от природы (биологическое), а то основное, благодаря чему родство отделяется от природы (социальное). А.Р. Рэдклиф-Браун показал в своих исследованиях, что даже во внешне наиболее строгих и самых искусственных системах, как, например, австралийских системах брачных классов, тщательно учитывается биологическое родство. Однако как бы ни было неоспоримо это его наблюдение, оно не затрагивает, по мнению Леви-Строса, решающего факта, заключающегося в том, что в человеческом обществе «родство устанавливается и непрерывно продолжается только посредством определенных разновидностей связей по свойству» [10, с. 65].

Действительно «элементарными», по К. Леви-Стросу, следует называть не семьи, представляющие изолированные члены отношений, а *отношения между ними*. Такие «элементарные» отношения в системах родства К. Леви-Строс находил в *«авункулате»* (установленная обычаем тесная связь между дядей по материнской линии и его племянником). *Отношения авункулата составляют исходную структуру, ядро систем родства* в концепции К. Леви-Строса. Авункулат как инвариант может быть представлен одинаковым образом и матрилинейными, и патрилинейными вариантами систем родства: «Роль дяди по материнской линии не может быть объяснима как следствие или пережиток счета родства по материнской линии; это лишь частное выражение "общей тенденции связывать определенные социальные отношения с определенными формами родства безотносительно к материнской или отцовской стороне"» [10, с. 51].

Далее К. Леви-Строс анализирует модели родственных отношений различных «первобытных» обществ. Отношения между каждым из двух родственников — мужем и женой, братом и сестрой, отцом и сыном, дядей и племянником — могут быть доброжелательными, интимными, свободными, равноправными либо, наоборот, сдержанными, враждебными, авторитарными, неравноправными. Иными словами, *представляют собой пары оппозиций — «положительные» и «отрицательные» отношения*. Например, на Кавказе у черкесов были приняты близкие, заботливые отношения между дядей и племянником, между братом и сестрой (условно назовем такой тип отношений «положительными») и жесткие, авторитарные отношения между отцом и сыном, между мужем и женой (условно назовем их «отрицательными»). На острове Тонга в Полинезии «по-

ложительные» отношения приняты между мужем и женой, дядей и племянником; «отрицательные» отношения — между братом и сестрой, отцом и сыном. В районе озера Кутубу в Новой Гвинее «положительные» отношения приняты между братом и сестрой, отцом и сыном; «отрицательные» — между мужем и женой, дядей и племянником. Это были примеры патрилинейных систем родства. А вот примеры отношений в матрилинейных обществах: на Тробрианских островах в Меланезии «положительные» отношения приняты между мужем и женой, отцом и сыном; «отрицательные» — между братом и сестрой, дядей и племянником. В Бугенвиле на Соломоновых островах «положительные» отношения приняты между братом и сестрой, отцом и сыном; «отрицательные» — между мужем и женой, дядей и племянником.

Анализ этих моделей показывает, что различные формы авункулата действительно могут сосуществовать с одним и тем же типом родственных связей, патрилинейным или матрилинейным. Более того, приведенные примеры позволяют нам увидеть, что системы родства основаны на одних и тех же четырех членах отношений (брат/сестра, муж/жена, отец/сын, дядя/племянник), связанных между собой двумя соотносительными парами оппозиций, так что в каждом из двух данных поколений всегда существуют одно положительное и одно отрицательное отношение. Что же это за структура и каково ее обоснование? К. Леви-Строс делает вывод, что именно эта структура и является самой простой (элементарной) структурой родства, какая только может существовать.

Опираясь на данный анализ моделей первобытных племен, можно сделать заключение, что для существования структуры родства необходимо наличие трех типов семейных отношений, всегда существующих в человеческом обществе, а именно: отношения кровного родства, отношения свойства и родственные отношения порождения — другими словами, отношения брата к сестре, отношения супруга к супруге, отношения родителей к детям [10].

Традиционная социология настойчиво пыталась объяснить происхождение авункулата. К. Леви-Строс же отказывается от этих поисков, рассматривая брата матери (дядю) не как внешний элемент, а как непосредственную данность в пределах наипростейшей семейной структуры. Но тогда возникает вопрос: почему же мы не встречаемся с авункулатом всегда и повсюду? Дело в том, объясняет К. Леви-Строс, что «хотя авункулат встречается часто, но он не универсален. Отметим, прежде всего, что система родства не имеет одинакового значения во всех культурах. В некоторых случаях она несет в себе активный принцип, регулирующий все социальные отношения или большинство из них. В других группах, таких как наше общество, эта функция отсутствует или очень ослаблена; в-третьих же, как, например, в обществах индейцев прерий, она соблюдается лишь частично. Система родства является языком, но это не универсальный язык, и ему могут быть предпочтены другие средства выражения и действия» [10, с. 61].

Кроме того, авункулат рассматривается как характерная черта элементарной структуры. Эта элементарная структура, складывающаяся из определенных отношений между четырьмя членами отношений, «предстает перед нами как истинный *атом родства*» [10, с. 62]. Нет таких структур, которые могли бы быть поняты или даны вне основных требований его структуры, но она является единственным материалом для построения более сложных систем. Ведь есть более сложные системы, или, говоря точнее, любая система родства разрастается на основе этой элементарной системы, разветвляясь или развиваясь путем включения новых элементов.

Элементарная структура родства в том виде, как ее определил К. Леви-Строс, является *непосредственным следствием универсальности запрета инцеста (кровосмешения)*. В работе «Элементарные структуры родства» переход от природного союза, основывающегося на единокровности, к брачному союзу, основывающемуся на запрете инцеста, трактуется К. Леви-Стросом как установление, которое соединяет универсальный характер инстинктивной жизни с ограничительным характером социальных норм, как единственное культурное правило, которое является всеобщим. Другими словами, К. Леви-Строс полагает, что именно запрет кровосмешения в социальной организации представляет собой «границу» между природой и культурой. Уже упомянутый нами отечественный исследователь М.Н. Грецкий считал, что К. Леви-Строс весьма преувеличил значение запрета инцеста как перехода от природы к культуре. Сам М.Н. Грецкий склоняется к иной гипотезе, объясняющей запрет кровосмесительных связей: «Брак между кровными родственниками в случае рождения детей создавал невыносимую ситуацию двойственности родственных отношений. Так, по отношению к сыну, родившемуся от брака брата и сестры, его отец оказывается одно-

временно дядей, а мать — тетей» [7, с. 83]. Таким образом, как бы разнообразны ни были брачно-родственные системы разных племен, все они должны были установить запрет кровосмешения, чтобы избежать нарушений порядка в этих системах, основанных на строгом распределении прав и обязанностей между родственниками. С этой точки зрения запрет инцеста, несмотря на его универсальность, — целиком «культурное», или социальное, явление, а не пограничное между природой и обществом.

Структурный метод, разработанный К. Леви-Стросом для гуманитарных дисциплин с целью выявления бессознательных ментальных основ, воплощающихся в структурах продуктов культурной деятельности людей, постепенно разворачивается в отдельную науку — *структурную антропологию*, которая не относится ни к точным наукам, ни к гуманитарным, хотя и тесно с ними связана. Структурная антропология, по оценке К. Леви-Строса, покоится на естественных науках, соприкасается с гуманитарными науками и стремится к социальным наукам. Ближе всего структурная антропология К. Леви-Строса стоит к социологии и этнологии. Однако в отличие от этнологии антропология предполагает сформулировать систему, одинаково приемлемую и для «первобытного» человека (дикаря), и для «цивилизованного», то есть структурная антропология ориентируется не просто на изучение «первобытных» обществ, но имеет выход в современность. Социология, по мнению К. Леви-Строса, теснейшим образом связана с фигурой наблюдателя (субъектом исследования), который неизбежно субъективно определяет объект исследования. Структурная антропология, наоборот, стремится преодолеть субъективность и разработать науку «наблюденного». Таким образом, структурная антропология нацелена на *предельную, тотальную объективность* в своих исследованиях. Субъект здесь «теряет свои преимущества». К. Леви-Строс отмечает, что миссия философии состоит в понимании бытия по отношению к нему самому, а не по отношению к «я». Таким образом, К. Леви-Строс оказался прямым предшественником постструктуралистских концепций «смерти субъекта», «смерти автора».

Игнорирование субъект-объектных отношений, ориентация структурализма на тотальную объективность и, как следствие, на отказ от «субъекта», ведет, на наш взгляд, к односторонности и ограниченности подхода.

Однако структурализм ценой отвлечения от посторонних внешних и внутренних факторов выявляет логически правильные частичные структуры (в цельной системе сочетаются несколько таких структур), в связи с чем он дает интересные новые результаты в синхронно-диахронном аспекте. В этом плане структурализм как метод выявления скрытых бессознательных структур является эффективным научным методом, аналогичным по своему статусу таким методам, как вероятностно-статистический, теоретико-информационный, сравнительно-исторический и др. Однако каждый из этих методов, в том числе и структурализм, *позволяет исследовать объект лишь с какой-то одной стороны* и, следовательно, нуждается в дополнении другими методами (моделирование, формализация, математизация, гипотетико-дедуктивный метод и др.). Но даже «в соединении с несколькими другими методами структурализм дает одностороннюю картину объекта» [6, с. 57]. Как правило, она носит статистический характер, может быть использована для типологических обобщений, для выявления универсальных инвариантов, для ряда прикладных применений с использованием машинной техники, но не позволяет объяснить развитие объекта. Действительно, концепция К. Леви-Строса *не дает объяснения смене структур в историческом процессе*, но дает очень много для понимания механизмов культуры, обеспечивающих ее воспроизведение в течение некоторого исторически обозримого периода. Это отвлечение от одних возможных аспектов анализа ради других аспектов оправданно с методологической точки зрения. «Однако эта исходная ограниченность рамок исследования влечет за собой ограниченность его перспектив и результатов» [2, с. 140].

Список литературы

1. *Автономова Н.С.* Леви-Строс — in memoriam: уроки структурной антропологии и гуманизм XXI века // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 97–107.
2. *Автономова Н.С.* Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М.: Наука, 1977. 271 с.
3. *Береснева Н.И.* Философия языка / Пермский государственный университет. Пермь, 2008. 122 с.
4. *Береснева Н.И.* Язык и реальность / Пермский государственный университет. Пермь, 2004. 180 с.
5. *Грецкий М.Н.* Структура структурализма // Философские науки. 1973. № 1. С. 111–115.

6. *Грецкий М.Н.* Структурализм: основные проблемы и уровни их решения (критический очерк) // Философские науки. 1974. № 4. С. 53–64.
7. *Грецкий М.Н.* Человек и природа в концепциях структурализма // Природа. 1974. № 7. С. 78–85.
8. *Иванов В.В.* Леви-Строс и структурная антропология // Там же. С. 77–99.
9. *Леви-Строс К.* Печальные тропики. М.: Мысль, 1984. 220 с.
10. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Академ. проект, 2008. 555 с.
11. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 432 с.

PROBLEM OF LANGUAGE AND REALITY CORRELATION IN STRUCTURAL ANTROPOLOGY OF K. LEVI-STRAUS. ANALYSIS OF STRUCTURAL METHOD IN RESEARCH OF PRIMITIVE TRIBES SYSTEMS OF RELATIONSHIP

Elena A. Kokareva

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article considers the evolution of the ideas of popular the Western-European currents — structuralism: from linguistics F. de Saussure to structural anthropology French ethnographer 40–50-ies of XX century K. Levi-Straus. The thinker finds structural similarity between language and reality; he considers all the phenomena of cultural life of the person through the language (system of relationship, rituals, customs, mythology, paintings etc). In philosophy and the Humanities, thus, gets support the idea of the relative autonomy of the language, its influence on reality. The author of the article considers the problem of correlation of language and culture (reality) in the program of structural anthropology, gives the analysis of structural method K. Levi-Straus.

Key words: language; reality; structuralism; structural anthropology; K. Levi-Straus; unconscious structure; system of relationship.

УДК 165.9

О СПЕЦИФИКЕ ПАРАНАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ В АСПЕКТЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

А.А. Андреев

Проведён анализ паранауки в аспекте естественно-научного знания. Показана взаимосвязь науки и паранауки в познавательном, методологическом и мировоззренческом аспектах. Представлены некоторые культурные основания паранауки, а также её внутренние и внешние факторы развития. Автор приходит к выводу, что в современной социокультурной ситуации наука наиболее чувствительна к паранаучным влияниям. В целом паранаука учитывает интересы массового сознания и имитирует научную деятельность. Однако некоторые паранаучные идеи в будущем могут быть включены в научный формат.
Ключевые слова: наука; паранаука; мистицизм; культура; естественно-научное знание.

Проблема состоит в том, что сегодня недостаточно четко определены место и роль паранауки в культуре и особенности её влияния на культуру. Естественно-научное знание является одним из основных составляющих элементов современной культуры, внутри которого существует такой феномен, как паранаука. Поэтому анализ паранауки в аспекте естественно-научного знания помогает определить место и специфику паранауки в современной культуре, а также особенности влияния паранауки на культуру.

По мере формирования критериев естественно-научного знания, начиная с классического периода развития науки, оформлялись критерии и виды паранаучного знания. Сама специфика паранауки обнаруживается прежде всего в её классификациях, в сравнительном анализе паранаук, а также при рассмотрении паранауки с точки зрения разных методологических направлений и идейных позиций.

Под паранаукой понимается совокупность учений, представляющих имитацию научных учений. Специфика паранауки в естественно-научном знании показана известным специалистом в данной области Н.И. Мартишиной [2, с. 23–25]. Так, Н.И. Мартишина справедливо отмечает, что паранаука замещает отдельные критерии научности противоположными ориентациями. Одним из таких критериев является требование доказательности. Внешне паранаука, казалось бы, следует этому требованию, поскольку использует те же приёмы, что и наука, — это наблюдение, эксперимент, принятие постулатов и дедуктивный вывод, использование математического аппарата, составление классификаций и сводных таблиц, экстраполяция. Но различие состоит как в целях, интенциях, так и в способах реализации. В науке основным требованием для эксперимента является его воспроизводимость. В паранауке эксперимент во многих случаях не воспроизводим. Наука обязательно принимает во внимание вместе с положительными и отрицательные результаты эксперимента. Паранаука вырабатывает специальные приёмы защиты своей теории от критики, определяющие её нефальсифицируемость. Наука придерживается требования простоты или экономичности мышления. Паранаука снимает ограничивающий научную мысль барьер перед признанием эпифеноменов, предположением об участии в явлениях качественно новых сил. Наука ориентирована на принятие минимально необходимых допущений, а паранаука использует максимально возможное, т.е. верхний предел допустимого. При этом в паранаучных теориях гипотеза, принятая в начале доказательства, может восприниматься как основание для вывода истинного утверждения в конце этого же доказательства. Объяснения паранауки избыточны. Нежелание науки признавать существование внешних сил без необходимости для объяснения и без достаточных оснований оценивается паранаукой как догматизм. Паранаука способна производить впечатление своей новизной и неординарностью. Она рассматривает каждое явление как проявление некой общей закономерности, ищет стоящую за ним связь сущностей, подводит теоретическую базу. Паранаука стремится зафиксировать эмпирическое обобщение в форме всеобщего закона. Паранаучное объяснение является универсальным, поскольку оно считает объясни-

Андреев Артем Андреевич — соискатель, старший преподаватель; Казанский национальный исследовательский технологический университет; Республика Татарстан, 420015, Казань, ул. К. Маркса, 68; aart-jom238@rambler.ru.

мыми любые сферы действительности. Наука говорит о пределах объяснительной силы каждой конкретной методологии, а паранаука считает пригодными немногие базовые представления для исчерпывающего истолкования далёких друг от друга феноменов. Паранаучное объяснение отрицает предметное разграничение реальности, ставя в один ряд явления различного порядка. Паранаука имеет прагматический утилитарный характер, поскольку она стремится не к содержательному, а к целевому обоснованию, когда необходимость принятия теории обусловливается не достаточностью и неопровержимостью предложенных аргументов, а значимостью практических результатов, которые быстро и легко можно получить на её основе. Также паранаука пытается освободиться от стандартных профессиональных приёмов. Методы паранауки имеют личностный характер, т.е. зависят от определённых свойств и настроенности применяющего их человека [2, с. 23–25].

Применительно к естественным наукам можно сказать, что в них сохранился главный естественно-научный критерий истинности знания — это экспериментальная подтверждаемость, а также критерии, которые были сформированы в классическом периоде науки: объективность, истинность, общезначимость, универсализм, достоверность, опытность, воспроизводимость, дополнительность.

Но критериальный подход не является надёжным при определении научной рациональности и границы между наукой и паранаукой. В.Н. Порус отмечает, что критериальный подход приводит исследователей к регрессу в бесконечность или к логическому кругу: «Суть дела сразу ясна, как только поставим вопрос: рациональна ли система критериев рациональности? На такой вопрос нет удовлетворительного ответа. Ответ “да” или “нет” должен опираться либо на критерии самой же системы (отсюда логический круг), либо на какие-то иные критерии, входящие в более широкую систему, относительно которой уместен аналогичный вопрос о её рациональности (отсюда регресс в бесконечность). Те же трудности возникают и при другом вопросе: рационально ли изменение научной рациональности?» [4, с. 14]. Поэтому наряду с критериальным подходом В.Н. Порус предлагает «критико-рефлексивный» подход, который состоит в том, что «любые критериальные системы могут быть изменены (это значит, что могут быть изменены границы самотождественности науки) или перестроены» [4, с. 14].

Естественные науки имеют внутренние и внешние причины распространения паранаук. К внешним относятся социальные, экономические, политические, идеологические, культурные. Многие паранаучные концепции имеют прагматический характер, они призывают качественно улучшить жизнь людей, создать комфортное существование, удовлетворить все потребности общества, быстро достичь желаемого результата, решить финансовые, экологические и глобальные проблемы человечества, обеспечить военное и техническое превосходство. В соответствии с изменяющейся социально-политической обстановкой паранаучные концепции корректируют свои познавательные методы и объяснительные схемы, вовремя подстраивают их под материальные и духовные потребности общества. На основания паранаучных концепций также влияет смена культур, исторических эпох, государственных идеологий, политических систем, экономические кризисы, отсутствие мировоззренческих ориентиров в обществе и любые глобальные изменения, происходящие в мире. Учитывая интересы массового сознания и используя современные научные открытия, паранаука легко адаптируется к любым социокультурным условиям и запросам общества.

К внутренним причинам относится тот факт, что для достижения своих целей представители паранаук стремятся любым путём усовершенствовать свою доказательную базу. Для этого они тоже ставят эксперименты, генерируют новые понятия, решают свои «научные» проблемы. У них также существует взаимное порождение идей и эволюция паранаучных традиций, которые при необходимости могут отвергаться или видоизменяться. В паранауках происходит постоянное совершенствование наукообразности своих идей и теорий, методов имитации науки, приёмов манипуляции, способов обоснования и рационализации. Внутренней потребностью паранаук может быть и интерес заблуждающегося учёного к миру непознанного, например, к аномальным явлениям природы. В таких паранаучных теориях тоже существует внутренний прогресс методов познания, даже если цель этого познания не будет достигнута. Кроме того, существует стремление многих паранаук к воплощению в реальность фантастических идей. Такие идеи становятся в паранауках катализатором в процессах познания и изобретения. В истории культуры есть примеры реализации фантастических идей. В этом смысле некоторые паранаучные теории представляют для науки эвристическую ценность.

Паранаука имеет прямое отношение и к научным революциям в естественных науках. Исследователи отмечают, что в условиях научных революций наука максимально открыта для влияния извне, воздействия компонентов социокультурного фона науки. Паранаучное творчество является побочным продуктом революционного генезиса новых научных парадигм, это осколок одного из

возможных вариантов парадигмы, переходная, промежуточная форма, которая сложилась в недрах кризисной науки, но не соответствует её критериям, стандартам и внутренней логике. Такая духовная форма под сильным давлением социокультурного фона претерпевает изменения в направлении всё большего отхода от критериев научности, теряет логические связи с научной методологией и постепенно «уходит» во вненаучные области духовной культуры [3, с. 101–102].

Распространение паранаук связано со сложными процессами и явлениями, происходящими в самой культуре. Это одинаково отражается на состоянии естественных и гуманитарных наук, а также на всей культуре в целом. К таким процессам можно отнести усиление роли рыночной экономики во всех сферах культуры. По мнению В.Г. Горохова, «коммерционализация академического исследования ведет к тому, что нарушается главный принцип научной этики — общедоступность научных знаний и основного закона существования научного сообщества — свободы научного исследования, а это ведет к деструкции процесса саморазвития академического мира» [1, с. 3–14].

Анализ паранауки в аспекте естественнонаучного знания показывает, что современная культура способна реализовывать свои идеи в паранаучных формах. Многие идеи содержатся в культуре в потенциальном состоянии, готовом в любой момент воплотиться в реальность в виде научной или паранаучной теории. Поэтому некоторые паранауки содержат в себе истинные знания, которые в данный момент времени могут объявляться официальной наукой ложными и быть невостребованными обществом. Но в будущем эти паранаучные идеи могут признаваться наукой, и признание обычно происходит тогда, когда не только наука, а сама культура и социокультурная среда созревают для этого. По мнению Н.И. Мартишиной, основные идеи паранауки, имеющие рациональный характер, могут формироваться в культуре самой исторической эпохи и осваиваться одновременно наукой и паранаукой [2, с. 62]. Кроме того, при определенных условиях паранаука может преодолевать границы паранаучного знания, хотя бы фрагментарно включившись в «формат» академической науки [5, с. 65].

Таким образом, взаимодействие между наукой и паранаукой имеет диалектический внутренне противоречивый и исторически изменчивый характер, который проявляется в том, что развитие одной приводит к большей мобильности, активизации и изобретательности методов другой. Каждый новый этап развития такого взаимовлияния приводит к появлению новых форм знания и стилей мышления, которые в свою очередь формируют новые виды взаимодействия между наукой и паранаукой в социальном, культурном и гносеологическом аспектах. Свободный, мировоззренческий и открытый диалог между всеми подходами к осмыслению взаимодействия науки с паранаукой помогает лучше понять специфику паранауки и её влияния на культуру в целом.

Список литературы

1. *Горохов В.Г.* Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма»? // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 3–14.
2. *Мартишина Н.И.* Наука и паранаука в духовной жизни современного человека. Омск: Изд-во Омского государственного технического университета, 1997. 178 с.
3. *Наука* и квазинаука / Найдыш В.М., Гнатик Е.Н., Данилов В.Н. и др.; под ред. В.М. Найдыша. М.: Альфа-М, 2008. 320 с.
4. Псевдонаучное знание в современной культуре (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 3–31.
5. *Скоморохов М.В.* Парапсихология: наука или паранаука? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 2. С. 62–65.

ABOUT SPECIFICITY PARASCIENCE IN MODERN CULTURE IN ASPECT NATURAL-SCIENCE KNOWLEDGE

Artyom A. Andreev

Kazan National Research Technological University;
68, K. Marx str., Kazan, 420015, Republic of Tatarstan, Russia

Realized the analysis parascience in natural-science and social-humanitarian knowledge. Showed the interrelation of a science and parascience in cognitive, methodological and world outlook aspects. Presented the some cultural bases of parascience and also its internal and external factors of development. Author believes, that a science is very sensitive to parascience invasion in modern socio-cultural situation. As a rule, parascience imitates science, but some parascience ideas may include into specific science format in future.

Key words: science; parascience; mysticism; culture; natural-science knowledge.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013 **Философия. Психология. Социология** Выпуск 4 (16)

УДК 111.1

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ АКСИОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ПРОИЗВОЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

А.М. Воин

В статье опровергается господствующее сегодня в эпистемологии, теории познания и философии науки представление о принципиальной невозможности аксиоматизации достаточно богатой научной теории. Проведенное исследование помогает лучше разобраться в сути научной теории и ее связи с описываемой действительностью.

Ключевые слова: генезис теории; обоснование теории; аксиоматический метод; генетический (конструктивный) метод; понятие; абстрактный объект; картина мира.

Рассматриваемая в статье проблема является важной частью более широкой и хорошо известной в теории познания и эпистемологии проблемы особого эпистемологического статуса науки, она же проблема абсолютности относительности научного познания и т.п. Эта более широкая проблема рассмотрена мной в работах по единому методу обоснования научных теорий [1, 2, 3, 4]. В них я показываю, что наука обладает особым эпистемологическим статусом при условии соблюдения ею требований единого метода обоснования, который был выработан в процессе развития естественных наук, но до сих пор не был представлен эксплицитно и существовал лишь на уровне стереотипа естественно-научного мышления, который я представил эксплицитно.

Важной частью метода является аксиоматическое построение теории, в связи с чем и возникает вопрос, вынесенный в заголовок статьи. Впрочем, в философии этот вопрос возник гораздо раньше в связи с очевидными преимуществами аксиоматического метода и существующей в науке, прежде всего в физике, тенденции аксиоматической перестройки теорий, которую, однако, далеко не всегда удавалось до сих пор осуществить. Эти трудности практической перестройки были восприняты многими философами как принципиальные, вследствие чего сегодня в философии доминирует мнение о принципиальной невозможности аксиоматической перестройки достаточно богатой научной теории. Ниже будут рассмотрены два вида возражений против принципиальной возможности аксиоматической перестройки произвольной научной теории. (Это рассмотрение поможет также лучше уяснить суть самого единого метода обоснования.)

Первый вид возражений связан со ссылкой на результат Геделя, якобы «обосновавшего принципиальную неполноту аксиоматических реконструкций достаточно богатых научных теорий» [6, с. 173]. Под «принципиальной неполнотой аксиоматических реконструкций теорий» имеется в виду, что якобы в случае достаточно богатой научной теории невозможно получить все ее выводы ни из какой одной системы аксиом. И ссылаются при этом, как уже сказано, на теорему Геделя. Рассмотрим, что сделал Гедель на самом деле и какое это имеет отношение к нашему предмету. Гедель доказал недоказуемость полноты и непротиворечивости системы аксиом арифметики в рамках теории, построенной на этих аксиомах [7, с. 5]. Опровергает ли это само по себе, без дополнительных допущений, возможность аксиоматической перестройки произвольной теории или доказывает ли это «принципиальную неполноту аксиоматической реконструкции»? Даже если обобщить теорему Геделя с арифметики на произвольную теорию (чего он не делал, но против чего я не возражаю), то все равно ответ отрицательный. Потому что какая нам разница с точки зрения этой возможности, будет ли доказана полнота и непротиворечивость внутри теории или вне ее. Более того, внутри аксиоматической теории не могут быть доказаны не только полнота и непротиворечивость аксиом, но даже их истинность. В этом собственно смысл аксиоматического подхода, т.е. в том, что утверждения, содержащиеся в аксиомах, принимаются без доказа-

Воин Александр Миронович — кандидат физико-математических наук, руководитель Международного института философии и проблем общества; Украина, 02232, Киев, ул. М. Цветаевой, 5–143; alexvoin@yahoo.com.

тельства, «как аксиомы». Истинность их при этом проверяется только соответствием их и выводов из них эмпирии. Дедуктивное же доказательство их возможно только в рамках более общей теории, аксиомы которой теперь уже будут не доказуемы (дедуктивно) внутри нее. Так, базисные положения дифференциального исчисления доказываются не внутри его, а в теории пределов. В свою очередь базисные положения последней доказываются в теории множеств. Но если нас устраивает и не мешает аксиоматической реконструкции недоказуемость истинности аксиом внутри теории, то почему должна мешать аналогичная недоказуемость полноты и непротиворечивости, тем более, что непротиворечивость проверяется тем же соответствием эмпирии. (Внутри природы нет противоречий.)

То есть из самой теоремы Геделя не следует отрицание принципиальной аксиоматичности. А чтобы прийти к нему, было добавлено допущение [7, с. 34–35], что полнота арифметической системы аксиом не только не может быть доказана внутри нее, но там ее нет вообще, т.е. что арифметическая система аксиом не полна. Следует подчеркнуть, что это только допущение, а не дедуктивный вывод из теоремы Геделя, поскольку из того, что полнота не может быть доказана внутри аксиоматической теории, отнюдь не следует, что ее нет. Но и из этого допущения (в предположении, что оно будет доказано) непосредственно также еще не следует упомянутое утверждение. Действительно, хорошо известно, что можно строить аксиоматические теории и на неполной системе аксиом и многие известные математические и физические теории так и построены. Но Э. Нагель и Д.Р. Ньюман подкрепили это допущение примером [7, с. 35]. Суть примера такова: утверждение, гласящее, что любое четное число может быть представлено как сумма двух простых чисел, невыводимо из арифметической системы аксиом и в то же время до сих пор никем не опровергнуто. Вот отсюда-то и выводят «обоснование принципиальной неполноты аксиоматической реконструкции достаточно богатых теорий». На первый взгляд кажется, что отсюда такой вывод можно сделать. Но лишь на первый взгляд.

Дело в том, что уже сами Э. Нагель и Д.Р. Ньюман пришли к выводу, что хотя это утверждение и невыводимо из той системы аксиом, которую рассматривал Гедель (арифметической), но оно будет выводимо, если к этой системе добавить еще аксиому. Правда, при этом мы получим уже не чисто арифметическую, а некую математическую теорию, включающую в себя арифметику как часть. И еще отмечают Э. Нагель и Д.Р. Нюман, что и для этой новой системы аксиом найдется какое-нибудь другое утверждение относительно ее понятий, невыводимое уже из этой системы. Но тогда можно будет добавить еще одну аксиому и вывести и это утверждение и т.д. до бесконечности. Вывод из всего этого построения прямо противоположен сделанному П.Ф. Йолоном и его единомышленниками, он таков: для любой сколь угодно богатой теории найдется достаточно богатый набор аксиом, из которых может быть выведено любое утверждение этой теории. Правда, этот вывод относится только к математическим теориям, обобщающим арифметику, но во всяком случае отсюда видно, что у П.Ф. Йолона не было оснований для его вывода ни в указанной области, ни, тем более, для произвольных научных теорий.

Из построений З. Нагеля и Д.Р. Ньюмана следует еще один вывод, важный для дальнейшего. А именно вывод о несостоятельности изначального, классического определения полноты системы аксиом, гласящего, что система аксиом полна, если к ней нельзя добавить ни одной новой независимой, т.е. невыводимой из данных и не противоречащей им аксиомы. К рассматриваемому выводу можно прийти и без помощи Э. Нагеля и Д.Р. Ньюмана. Действительно, в этом определении полноты не оговорен класс высказываний, среди которого можно искать аксиому для проверки полноты заданной системы. А коль так, то для любой системы аксиом (претендующей на полноту) всегда найдется бесчисленное множество аксиом (утверждений о ее понятиях), не противоречащих исходным аксиомам и невыводимых из них. Например, к евклидовой системе аксиом можно добавить такую: «Прямая, проходящая через две точки, — дура». Как ни глупо и ни бессмысленно это утверждение, но оно не противоречит аксиомам Евклида и не выводимо из них. Кстати, в дальнейшем в математике появился ряд новых определений полноты, уточняющих классическое в том числе в направлении ограничения класса высказываний. Для целей этой статьи нет нужды углубляться в современные определения полноты системы аксиом. Важно заметить лишь следующее: о полноте системы аксиом можно говорить лишь для заданного класса высказываний — утверждений или, иными словами, для заданной задачи. При изменении задачи, скажем расширении (сужении) ее, изменяется (расширя-

ется) класс высказываний — утверждений для выбора аксиом, и исходная система аксиом, бывшая прежде полной, перестает быть таковой и к ней можно добавлять новые независимые и непротиворечащие исходным аксиомы. Пример Э. Нагеля и Д.Р. Ньюмана иллюстрирует вышесказанное. Исходные аксиомы, рассматриваемые в нем, — это аксиомы собственно арифметики, а вот невыводимое из них утверждение, что любое четное число есть сумма двух простых, это уже утверждение не из чистой арифметики, а из теории чисел, которая является расширением арифметики.

Другой тип возражений против принципиальной возможности аксиоматической перестройки произвольной теории основан на существующем сегодня нечетком разделении генезиса и обоснования теории. Аксиоматическое построение как часть метода обоснования обязательно именно в фазе обоснования. Но обоснованию предшествует генезис теории, в котором допустимо и даже полезно многое из того, что запрещено в обосновании, как то: интуиция, фантазия и прочие вещи, которые роднят науку с искусством, разными видами творчества. Обоснование же (единый метод обоснования) — это то, что отличает науку от всех прочих видов творчества. Но на практике сегодня генезис и обоснование, как правило, четко не разделены. Вот как об этом пишет В. Степин: «При анализе теоретических текстов обнаруживается, что даже в высокоразвитых теориях, широко использующих приемы формализованной аксиоматики, существует некоторый принципиальный неформальный остаток, причем организованный вовсе не по нормам аксиоматико-дедуктивного построения» [8, с. 44]. В качестве особо яркого примера сему он ссылается на «отца» аксиоматического метода Евклида, в геометрии которого, изложенной в его «Началах», наряду с чисто аксиоматическими построениями встречаются приемы генетические, типа мысленного эксперимента. (Например, мысленное наложение треугольников друг на друга при доказательстве их равенства.) И делает он отсюда вывод о принципиальной невозможности чисто аксиоматического построения достаточно богатой теории. При этом он не учитывает, что Гильберт [5, с. 66–85] достроил аксиоматически геометрию Евклида. (В частности добавил к аксиомам Евклида группу аксиом конгруэнтности, с помощью которых доказательство равенства треугольников выстраивается чисто аксиоматически, без помощи мысленного эксперимента.) Все прочие примеры В. Степина также из области генезиса (которому и посвящена его книга) и потому аксиоматический и генетический (конструктивный) методы там чередуются вполне законно и не опровергают возможность чисто аксиоматической развертки теории.

Важно отметить также, что обоснование, способное обеспечить особый эпистемологический статус научной теории и, в частности, однозначность выводов, вообще невозможно при нарушении строгой аксиоматичности построения и сочетании аксиоматического построения с генетическим. Чтобы лучше понять это, рассмотрим разницу между аксиоматическим и генетическим методами. Базисным элементом аксиоматического метода является понятие. Базисным элементом генетического — описанный В. Степиным «абстрактный объект». Понятие фиксирует только те свойства объектов, которые определяются аксиомами. Сама суть аксиоматического метода запрещает вводить в рассмотрение свойства изучаемых объектов, не зафиксированные в аксиомах и, следовательно, в понятиях. В то время как суть генетического метода состоит как раз в том, что мы вводим в «мысленном эксперименте» свойства объектов, не зафиксированные в начальном определении абстрактного объекта и не определенные аксиомами. Мысленный эксперимент — очень ценное эвристическое средство, ценное в фазе генезиса. Но, поскольку оно разрушает однозначную связь между свойствами базового элемента (абстрактного объекта) и аксиомами, оно разрушает дедуктивность развертки (что В. Степин признает) и нарушает однозначность того, о чем мы говорим, а значит, однозначность выводов и потому должно быть элиминировано в фазе обоснования.

Проиллюстрируем представленные выше сравнение абстрактных объектов с понятиями на примерах. Сравним абстрактный объект «электрон», рассматриваемый на определенных этапах генезиса теории тока в проводнике и теории строения атома, с понятием носителя тока (который также именовался в определенный период электроном), определяемым аксиомой теории тока в проводнике, именуемой законом Ампера–Ома: $J = V/R$. (Для этого сравнения нам не важно, выстроена ли данная теория чисто аксиоматически и каковы другие ее аксиомы, достаточно рассмотрение одной этой.) Физическое содержание (онтология) абстрактного объекта «электрон» менялось много раз по ходу развития теорий тока, строения атома и других, связанных с этим объектом. Изначально абстрактный объект, переносящий ток, был вообще не электрон, а электрическая жидкость (флюид). За-

тем появился электрон со свойствами заряда и массы определенной величины, сконцентрированными в практически точечного размера шарике. Затем оказалось, что масса его — это не обычная масса покоя, но специфическая масса движения. Далее, что это не точечный шарик, а облако или пакет волн. Все это время закон Ампера–Ома оставался незыблем. Он определяет понятие носителя электрического тока двумя свойствами: наличием заряда и способностью перемещаться в проводнике под действием разности потенциалов (а точнее, к этому в соответствии с аксиомой следует добавить: передвигаться, перенося в единицу времени количество заряда, пропорциональное напряжению и обратно пропорциональное сопротивлению). Все остальное, как то: форма шарика, облака, пакета волн или чемодана, и наличие какой бы то ни было массы к данной аксиоме и вообще к аксиоматической теории тока отношения не имеет. То есть мы видим, что абстрактный объект «электрон» обладает свойствами, помимо свойств, определенных аксиоматически в теории тока. Причем по ходу эволюции теории свойства, не определяемые аксиомами, меняются, а свойства, определенные аксиомами, остаются неизменными. Отсюда видна неопределенность смысла теории, если ее выводы относить к абстрактным объектам, а не к понятиям.

Многие другие примеры, которыми В. Степин иллюстрирует (по его мнению) невозможность аксиоматической перестройки, связаны не только с нечетким разделением фаз генезиса и обоснования теории, но и с непониманием сути единого метода обоснования, обусловленным отсутствием до сего дня его эксплицитного представления. Прежде всего это относится к «частным теоретическим схемам» (терминология В. Степина), развиваемым на базе некой глобальной теории типа ньютоновской механики, максвеловской электродинамики и т.п. Это — теория твердого тела, гидродинамика, газодинамика для механики Ньютона; электростатика, теория тока в проводнике, теория электромагнитной индукции для электродинамики Максвелла. Хотя исторически эти «частные теоретические схемы» могут возникать и до возникновения общей теории (что и было с большинством из них в случае, например, электродинамики Максвелла), но в окончательном виде они включаются в общую теорию, как частные выводы из нее. Выводы, по мнению В. Степина, полученные из законов-аксиом базовой теории не чисто дедуктивно, а с помощью также мысленного эксперимента, в процессе которого принимаются во внимание помимо свойств абстрактных объектов, учитываемых в аксиомах базовой модели, также новые свойства. На самом же деле в данном случае введение новых свойств объектов, не зафиксированных в аксиомах базовой теории, равносильно введению новых, дополнительных понятий и аксиом и сужению задачи на новую область. Иными словами, равносильно созданию новой теории с новым (расширенным) набором аксиом и новой (суженной) областью применения (являющейся частью прежней).

Например, теория твердого тела строится по-прежнему на всех трех законах Ньютона, законе сложения скоростей Галилея и представлении об абсолютности времени (равносильному аксиоме), но также на представлении о неизменяемости твердым телом его формы под действием силы. Это представление, согласно В. Степину, вводит новое свойство абстрактных объектов и тем нарушает аксиоматичность построения. Но согласно единому методу обоснования — это новая аксиома, которая определяет свойство понятий новой теории, выстроенной аксиоматически на новой системе аксиом. Системе, содержащей все аксиомы базовой модели плюс новую аксиому о недеформируемости твердого тела. И в данном случае, я повторяю, речь идет о таком дополнении к базовой системе аксиом, при котором базовые аксиомы продолжают действовать во всей области действия новой теории, в то время как новая теория действует только в части области действия базовых аксиом, в той части, на которую она и осуществляет это «расширение». В частности, аксиому твердого тела мы не применяем ни в гидродинамике, ни в прочих теориях сплошных сред, ни в теории осциллятора, ни в теории движения свободной материальной точки и т.д.

Следующая проблема, поднятая В. Степиным и требующая разъяснения, связана с одним из отличий методов построения теории в современной физике от методов классической физики. (Речь идет, разумеется, об отличии в фазе генезисе.) Суть его такова.

Уже говорилось, что в классической физике, как правило, сначала создавались частные теории («теоретические схемы», по В. Степину) и затем на их основе обобщающая теория, как, например, электродинамика Максвелла на основе электростатики Кулона, магнитостатики того же Кулона, Био-Савара и Ампера, теории электромагнитной индукции Фарадея и т.д. В свою очередь каждая частная теория строилась на основе обобщения

экспериментального материала, добытого ранее. Правда, как отмечает В. Степин, законы этих частных теорий не получались в виде дедуктивного вывода из экспериментальных фактов, а лишь показывалось, что они и выводы из них этим фактам соответствуют. Но это обстоятельство полностью соответствует аксиоматическому подходу, поскольку все законы Кулона, Ампера и т.д. есть не что иное, как аксиомы соответствующих частных теорий, а аксиомы, как известно, не доказываются в рамках аксиоматической теории, т.е. они и не должны выводиться дедуктивно из эмпирических фактов, но выводы из них должны соответствовать эмпирии, что и имело место. Аналогично строилась и обобщающая теория, только «фактами» для нее служили законы и выводы из них частных теорий. Вся эта картина, таким образом, прекрасно вписывается в аксиоматический подход, но вот в современной физике эта идиллия, видимо, нарушается.

В связи с обстоятельствами, которые хорошо иллюстрирует в своей книге В. Степин, избавляя меня от необходимости повторять их, в современной физике описанная выше картина зачастую имеет обратную последовательность. А именно: частная теория начинает создаваться до того, как накоплен достаточный экспериментальный материал, причем в основу ее ложится математическая гипотеза (вместе с соответствующим математическим формализмом), заимствованная по аналогии из смежной, уже развитой области физики. А затем начинается процесс уточнения понятий, которые вместе с формализмом заимствованы из смежной области, установление соответствия этих понятий и выводов относительно них имеющемуся эксперименту и постановка новых экспериментов под направляющим воздействием гипотезы. Уточнение сути этой фазы исследования так же, как и выяснение возникающей здесь проблемы, требующей аксиоматического объяснения, лучше всего разобрать на примерах, на которых концентрирует внимание сам В. Степин.

Первый такой пример — это волновая теория электрона Дирака. По аналогии с волновыми теориями для других областей физики Дирак написал 4 дифференциальных уравнения для 4 волновых функций. Трактовку переменных в этих уравнениях он поначалу также принял по аналогии. Затем, решая эти уравнения, получил выводы, которые стал проверять на соответствие эксперименту и обнаружил ряд парадоксов, таких, например, как вывод, гласящий, что «электрон без всякого внешнего воздействия, самопроизвольно может излучать два кванта, после чего исчезает» [8, с. 182]. Тогда Дирак изменил физическую трактовку переменных в своих уравнениях (не меняя уравнений) и получил на сей раз и соответствие эксперименту, и отсутствие парадоксов.

Другой пример — это процедуры Бора–Розенфельда при создании ими квантово-релятивистской теории электромагнитного поля. Подобно Дираку, Бор и Розенфельд использовали математическую гипотезу, перенеся на новую область уравнения электродинамики Максвелла. Но они пошли дальше Дирака методологически, выработав процедуру уточнения смысла понятий переменных в этих уравнениях в приложении их к новой области — процедуру, позволившую значительно сократить количество потребного действительного эксперимента, заменив его мысленным. Эту процедуру В. Степин называет «конструктивным обоснованием» теоретических объектов гипотезы, и она вытекает из того факта, что привязка понятия к действительности, его «надеваемость» на эту действительность связана с принципиальной измеримостью тех свойств, которые лежат в основе определения понятия. Проверять же принципиальную возможность измерения можно и в мысленном эксперименте, а не обязательно в активном. Если такой измеримости нет, то понятие неконструктивно, а пользование им может (по В. Степину, я полагаю, что и должно) привести к парадоксам. Используя этот метод, Бор и Розенфельд уточнили изначальные значения понятий переменных в уравнениях Максвелла, в частности, заменив для новой области значения полевых переменных E и H, бывшие значениями электрической и магнитной напряженности в точке поля, на напряженности, усредненные по некоторому элементарному объему в окрестностях этой точки, величина которого была связана со свойствами так называемого пробного тела, и доказали в мысленном эксперименте (мысленно построили соответствующий эксперимент, который при желании можно было осуществить и физически) принципиальную измеримость этих новых величин в новой области, в то время как прежние величины (точечные) в новой области были неизмеримы, в чем и состоял парадокс, отмеченный Л. Ландау и Р. Пайерлсом и поставивший в тупик физику в тот период.

Исходя из этих двух примеров можно сформулировать суть проблемы, требующей аксиоматического объяснения. Четыре дифференциальных уравнения Дирака есть не что иное, как аксиомы его волновой теории электрона, а переменные в

них — не что иное, как базовые понятия этой теории. Но, как мы знаем, аксиомы однозначно определяют базовые понятия и наоборот. Как же тогда может быть, что, не меняя уравнений-аксиом, Дирак менял понятия? Аналогично, как Бор и Розенфельд, не меняя аксиом-уравнений Максвелла, меняли физическое содержание переменных в них, т.е. понятия.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, нужно еще раз углубиться в суть самого аксиоматического подхода. А именно: как мы делаем выводы из аксиом? Мы делаем их по правилам вывода, которые называем дедуктивными. Но откуда взялись эти правила и что они из себя представляют? Эти правила есть не что иное, как аксиомы (или выводы из них) некой метатеории. Точнее, как будет показано, речь идет о многих метатеориях. Но пока ограничимся метатеорией так сказать первого порядка и покажем на примерах, что правила вывода из аксиом сами есть аксиомы метатеории. Лучшим примером для этого может служить весь тот материал, который рассматривает В. Степин в своей книге, начиная с механики Ньютона и кончая современными физическими теориями. Реальное создание научных теорий, их генезис, по В. Степину (и тут я с ним вполне согласен), представляет собой попеременное употребление генетических и аксиоматических приемов. Причем в качестве аксиоматического В. Степин рассматривает только дедуктивные построения на базе аксиом. (А я говорю, что сюда относится и является даже главной частью и само формулирование аксиом и понятий и выяснение их соответствия эмпирии — но не об этом сейчас речь.) А в качестве главного образца этого дедуктивного построения он рассматривает «движение внутри математического формализма», в данном случае в основном это решение дифференциальных уравнений или их преобразования. А что из себя представляют правила решения дифферещиальных уравнений или их преобразования? Не что иное, как аксиомы или выводы из них — теоремы математической теории (в принципе аксиоматической), именуемой дифференциальным исчислением или матанализом, исчислением бесконечно малых и т.д., с ответвлениями в виде теории дифференциальных уравнений и т.п.

Итак, показано, что правила получения выводов из аксиом внутри аксиоматической теории являются сами аксиомами (или выводы из них) некой метатеории. Аксиомами, естественно, отличными от базовых аксиом рассматриваемой теории. Например, аксиомы дифференциального исчисления, разработанные тем же Ньютоном, это не аксиомы его же механики, хотя для того, чтобы получить выводы из второго закона Ньютона (одной из аксиом его механики): $F = md''s/dt$, мы решаем это дифференциальное уравнение по правилам-аксиомам метатеории — дифференциального исчисления. Уточним здесь понятие метатеории. С одной стороны, это теория, область действия которой накрывает (полностью или частично) область действия данной и выходит значительно за ее пределы. Скажем, исчисление бесконечно малых применимо не только в механике Ньютона или физике вообще, но и в биологии, и в экономике, т.е. везде, где оправданно допущение непрерывности и дифференцируемости (причем только там, где это допущение оправданно, и поэтому эта метатеория не применима для любой области даже физики, не говоря об экономике и биологии). С другой стороны, метатеория не является альтернативой теории, для которой она служит мета. Она не трогает ее аксиом, она, если можно так выразиться, индифферентна к ним. Этим она отличается от вкладывающихся (или охватывающих друг друга) теорий, сменяющих друг друга в процессе развития науки, как, скажем, эйнштейновская механика в отношении ньютоновской, у которых аксиомы и понятия одной заменяют аксиомы и понятия другой. Или как в случае кинетической и классической теории газов, где большая теория дает основание, дедуктивный вывод аксиом меньшей теории (но не правила вывода из них). Как сказано выше, существует не одна метатеория. Это следует хотя бы из того, что в современной физике используются далеко не только дифференциальные уравнения в качестве математического аппарата. Но, что нам важно здесь отметить и показать, это существование вкладывающихся друг в друга метатеорий, т.е. метаметатеорий и т.д. Это следует хотя бы из того, что при аксиоматическом построении самой метатеории, т.е. при получении выводов из ее аксиом, мы опять же пользуемся некими правилами вывода, которые есть аксиомы (или следствия из них) теперь уже метаметатеории, и т.д. Такими метатеориями (метамета…мета) могут служить одна для другой различные разделы математики, скажем, алгебра для дифференциального исчисления (но не теория пределов, которая относится к дифференциальному исчислению, как кинематическая теория газов к классической, т.е. дает обоснование аксиом), затем различные логики для математики и, наконец, различные логики одна для другой.

Теперь можно ответить на выше заданный вопрос, как может быть, что Дирак менял физическое содержание понятий в своей теории, не меняя аксиом (и то же самое делали Бор и Розенфельд). Ответ в том, что уравнения сами по себе, любые уравнения, в том числе и Дирака или Бора и Розенфельда, без физической трактовки входящих в них переменных не являются аксиомами никакой физической теории, они лишь некоторые выводы в метатеории, именуемой дифференциальным исчислением. Например, если в математической записи второго закона Ньютона f — не сила, m — не масса и s — не перемещение, то это вовсе и не запись второго закона Ньютона, а просто дифференциональное уравнение определенного типа относительно произвольной функции s(t), удовлетворяющей только требованиям непрерывности и дифференцируемости. Поэтому когда Дирак меняет физическую трактовку переменных в своих уравнениях, то он меняет не только базовые понятия, но и сами аксиомы, сохраняя только математическую форму их записи, своего рода матрицу, в которую отливаются аксиомы данной теории. А это уже не противоречит аксиоматическому подходу, при котором мы варьируем аксиомы вместе с основными понятиями до тех пор, пока не получим соответствие эксперименту и отсутствие парадоксов. Разница же по сравнению с генезисом теорий в классической физике только в том, что мы заранее принимаем не только метатеорию, т.е. математический аппарат, но и вид уравнений, служащих матрицей для наших аксиом (но не сами аксиомы). Основанием для этого служит наличие большого количества уже наработанного материала в виде развитых, формализованных, если не до аксиоматического вида, то, по крайней мере, до применения математических формализмов, теорий для разных смежных областей, позволяющее заимствовать из них по аналогии формы — матрицы для аксиом новой области или, пользуясь языком В. Степина, математические формализмы. Кстати, сам В. Степин понимает, что математические уравнения без указания физического смысла их переменных не есть, как он пишет, «физические законы» [8, с. 186].

Еще одна проблема, поднятая В. Степиным и требующая аксиоматической разборки, — это влияние так называемой «картины мира» на научную, в частности физическую, теорию. Картиной мира В. Степин называет самые общие физические представления, посылки или допущения, принимаемые за основу при разработке глобальных теорий. Так, ньютоновская механика базируется среди прочих, например, на представлении дальнодействия, т.е. мгновенного действия силы на любом расстоянии, в то время как электродинамика Максвелла базируется на картине мира, исходящей из взаимодействия, передаваемого от точки к точке, т.е полевом взаимодействии. Картинномирные допущения являются универсальными, т.е. действующими во всех областях физики (естествознания) без исключения (откуда и название). Поэтому когда утвердилась, скажем, электродинамика Максвелла, то ее картину мира стали распространять и на механику Ньютона и вместо мгновенного действия сил тяготения на любое расстояние стали говорить о поле тяготения, в котором передача взаимодействия идет от точки к точке, как в любом поле.

Уже из этого примера видно, что картина мира меняется в процессе эволюции познания. Причем, как показал В. Степин, она меняется не только под влиянием вновь появляемых глобальных физических теорий, но даже под влиянием еще более быстро изменяющегося социокультурного фактора. С другой стороны, В. Степин показал, что картина мира влияет на генезис глобальных теорий, в частности на выбор абстрактных объектов для них. Все это, по видимости, противоречит принципиальной аксиоматизируемости научной теории и единому методу обоснования. Поэтому проблема требует пролития на нее «аксиоматического света», что и предлагается ниже.

Как сказано, В. Степин показал, что картина мира влияет на выбор абстрактных объектов. Но, как показано выше, абстрактный объект — элемент генезиса теории, но не элемент ее обоснования. Поэтому влияние изменяющейся картины мира заканчивается генезисом и не касается аксиоматических выводов теорий, которые остаются неизменными при всех сменах картин мира, парадигм и социокультурных мод. Покажем это на примерах.

Ньютон, как уже сказано, определял массу как количество корпускул в теле. Как пишет В. Степин, это представление было навеяно Ньютону существовавшей тогда картиной мира, которую принимал и Ньютон и в которой помимо дальнодействия (а также в связи с ним) принималось, что мир состоит из материальных корпускул, размещенных в нематериальном вакууме, не способном взаимодействовать с материей или влиять на взаимодействие материальных тел или корпускул. С другой стороны, из второго закона Ньютона, независимо от желания его открывате-

ля, вытекает аксиоматическое определение массы как меры инерции тел (т.е. как свойства инерции, с соответствующей мерой). Из разобранного выше взаимоотношения аксиом и базовых понятий следует, что в рамках аксиоматической теории не может быть двух разных определений одного понятия и если все же такое происходит, то это значит, что теория не выстроена чисто аксиоматически, что в свою очередь не может не привести к противоречию. И, как отмечает сам В. Степин, такое противоречие и было обнаружено Эйлером, со времен которого определение массы как числа корпускул было отброшено.

Итак, определение массы как числа корпускул (навеянное картиной мира) не было аксиоматическим или, иными словами, не было определением понятия аксиоматической теории. А определением чего оно было и как оно позволило Ньютону прийти к правильным аксиомам-законам? Это было определение абстрактного объекта, определение, содержащее избыточные допущения-свойства, но среди избыточных содержащее и то необходимое теории (т.е. аксиоматическое), которое впоследствии и было извлечено из него Эйлером. Действительно, если считать, что материальные корпускулы тела обеспечивают его инерциальные свойства, что и предполагалось Ньютоном, то получим, что определение массы как меры (свойства) инерции заключается в определении ее как количества корпускул, но там сидит еще избыточное (с точки зрения аксиоматически выстроенной механики) допущение корпускулярности.

Этот пример иллюстрирует, прежде всего, ранее сказанное о разнице между абстрактным объектом и понятием аксиоматической теории, а именно, что абстрактные объекты содержат в определении, как правило, избыточные допущения-свойства. Во-вторых, он показывает, как пользование абстрактным объектом позволяет исследователю нащупать правильные законы, несмотря на избыточность допущений в нем. И, наконец, пример иллюстрирует то, ради чего он приведен: влияние картины мира на научную теорию ограничивается избыточными допущениями в определении абстрактных объектов, которые отпадают при аксиоматической перестройке — обосновании теории. На аксиоматическую теорию и на ее выводы, как показывает этот пример, сменяющие друг друга картины мира не влияют.

Максвелловская полевая картина мира, трактующая силовое поле как непрерывное, континуальное, т.е. такое, что все величины, характеризующие его (типа напряженностей E и H), существуют и могут быть в принципе измерены в каждой точке поля, также оказалась не последней в ряду известных нам на сегодня картин мира и уже сменена на квантово-полевую, в которой силовое поле обладает одновременно как свойством континуальности, так и свойством дискретности — корпускулярности. Найдены уже и избыточные допущения в абстрактных объектах, навеянные этой картиной, и тот парадокс, к которому они приводили. А именно, это упомянутый уже парадокс, открытый Ландау и Пауэрлсом. Избыточность состояла в допущении существования и измеримости полевых величин в каждой точке, а преодолен парадокс был Бором и Розенфельдом, которые обнаружили избыточность этого допущения и элиминировали его, показав, что аксиомы-уравнения Максвелла требуют лишь существования и измеримости усредненных полевых величин для некоторых элементарных объемов поля. Заметим, что и после этой смены картин мира аксиомы-уравнения Максвелла и дедуктивные выводы из них — законы Ампера, Кулона и т.д. сохранились неизменными.

Кстати, если бы во времена Бора и Розенфельда физика имела уже эксплицитно представленный и принятый единый метод обоснования, то парадокс Ландау и Пауэрлса мог бы разрешиться значительно быстрее. Дело в том, что еще лет за 100 до Бора физика уже знала и хорошо изучила область, являющуюся аналогом квантованного поля в смысле наличия в ней единовременно свойств континуальности и корпускулярности. Речь идет о газах, континуальные свойства которых описываются дифференциальными уравнениями классической теории газов, а корпускулярные — кинетической теорией. Там тоже полевые характеристики, давление P и температура T, не существуют, т.е. могут быть измерены не в точке, а лишь в неких элементарных объемах. Это было хорошо известно до Ландау и Бора и не мешало применению аппарата дифференциальных уравнений с его требованиями непрерывности и дифференцируемости в точках. А отсюда автоматически следует достаточность и для квантованного поля усредненных характеристик вместо точечных. Ведь хотя абстрактные объекты квантованного поля и газов совершенно разные, но аксиомы и выводы из них касаются не абстрактных объектов, а понятий со свойствами, фиксируемыми аксиомами. Свойства континуальности и корпускулярности одинаковы для этих двух областей — значит, все выводы, полученные из аксиом, фик-

сирующих эти свойства для одной области, будут справедливы и для другой.

Список литературы

1. *Воин А.* Абсолютность на дне онтологической относительности // Философские исследования. 2001. № 1. С. 211–233.
2. *Воин А.* Научный рационализм и проблема обоснования // Философские исследования. 2000. № 3. С. 223–235.
3. *Воин А.* Особый эпистемологический статус науки и современная физика // Философия физики. Актуальные проблемы. М.: ЛЕНАНД, 2010. С. 29–32.
4. *Воин А.* Проблема абсолютности — относительности научного познания и единый метод обоснования // Философские исследования. 2002. № 2. С. 82–102.
5. *Гильберт Д.* Основания геометрии. М.: Огиз: Гостехиздат, 1948. 492 с.
6. *Йолон П.,* Крымский С., Парахонский Б. Рациональность в науке и культуре. Киев: Наукова думка, 1989. 286 с.
7. *Нагель Э.,* Ньюман Д.Р. Теорема Геделя. М.: Знание, 1970. 64 с.
8. *Степин В.* Становление научной теории. Минск: Изд-во Белорусского государственного университета, 1976. 319 с.

ON PRINCIPAL POSSIBILITY OF AXIOMATIC RECONSTRUCTION OF SCIENTIFIC THEORIES

Alexander M. Voin

International Institute of Philosophy and Society problems;
5–143, M. Tsvetaeva str., Kiev, 02232, Ukraine

In the article the prevailing today in epistemology and philosophy of science understanding of the fundamental impossibility of axiomatic reconstruction rich enough theory is refuted. This study helps to understand better the nature of scientific theory and its relationship to described reality.

Key words: genesis of theory; foundation of theory; the axiomatic method; the genetic (constructive) method; concept; abstract object; the picture of the world.

УДК 167

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ОСНОВАНИЯ ПРИНЦИПА УНИФИКАЦИИ

Е.А. Безлепкин, А.Ю. Сторожук

Цель статьи — структурный анализ методологического принципа унификации и исследование его применения в области теоретической физики. Была эксплицирована структура принципа и показаны его онтологические, гносеологические и аксиологические основания. Показано, что применение принципа унификации в рамках современных теорий великого объединения, например теории струн, позволило достичь глубокого концептуального уровня объединения, затрагивающего не только представления о материи и ее характеристиках, но также представления о пространстве-времени и причинности.
Ключевые слова: методология; объединение теорий; методологический принцип унификации; онтологическое и эпистемологическое обоснование; теория струн.

Постановка проблемы

Физика является одной из самых динамично развивающихся наук. Физические и сопряженные с ними философские идеи во все времена глубоко влияли на мировоззрение людей и понимание природы. Изменение мировоззрения вело к трансформации физики, и наоборот, смена физической парадигмы выводила на первое место иные мировоззренческие проблемы.

Современная физика характеризуется высоким уровнем систематизации, а также степенью математизации и, соответственно, возросшей абстракцией идей и теорий. В связи с этим методологический анализ физического знания в современной ситуации необходим. Поскольку центральная *проблема* современной теоретической физики — поиск теории великого объединения, постольку цель работы — экспликация структуры принципа унификации, или принципа единства физической картины мира.

Наука прошла долгий путь в поисках единой теории. Галилей установил тождество небесных и земных явлений. Превращение теплоты в работу указало на родственную природу механических и термодинамических явлений. Открытие Эрстеда указало на единую природу электричества и магнетизма. Фарадей и Максвелл установили электромагнитную природу видимого света. Опыты Кауфмана показали, что инерция тел имеет электромагнитную природу, а Лоренц и Пуанкаре нашли, что механические и электромагнитные силы ведут себя одинаково при преобразованиях Лоренца. Квантовая механика совместила корпускулярное и волновое описания микрообъектов. Наконец, в рамках квантовых теорий поля была построена теория, объединяющая электрослабое и сильное взаимодействия. Но проблема объединения двух столпов современной физики — ОТО и квантовых теорий до сих пор является открытой.

Чтобы проанализировать сущность и содержание понятия объединения в современной теоретической физике и целостно рассмотреть проблему унификации, необходимо проанализировать понятие методологического принципа.

Понятие методологического принципа

Под методологией понимается учение о системе методов, организующих и регулирующих научную деятельность. Метод — совокупность способов получения новых знаний и достоверных данных о реальности. Функционирование метода обеспечивается системой требований к целенаправленному освоению действительности, организующих и регулирующих процесс познания. Эта регулятивная система представляет собой систему методологических принципов, которая осуществляет нормативную, эвристическую и се-

* Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ, проект 13-03-00065.

Безлепкин Евгений Алексеевич — аспирант; Институт философии и права Сибирского отделения РАН; 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8; evgeny-bezlepkin@mail.ru.
Сторожук Анна Юрьевна — доктор философских наук, старший научный сотрудник; Институт философии и права Сибирского отделения РАН; 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8; storozhuk@philosophy.nsc.ru.

лективную функции. Под методологическим принципом будем понимать совокупность онтологических, эпистемологических и аксиологических требований и положений, регулирующих применение методологии в теоретической или практической деятельности.

Онтологическая составляющая формирует мировоззренческую структуру, определяя представления о сущностных характеристиках действительности и действующих в мире силах и механизмах. Она детерминирует функционирование методологии и задает стандарты выделения предмета исследования. Эпистемологическая компонента имеет задачей следование стандартам рациональности и объективности исследований, включает стремление к истине и продуктивности результатов исследования. Аксиологическая роль методологического принципа состоит в задании приоритетов научного исследования, формулировке программ научного поиска и постановке целей научного исследования.

Процедура экспликации роли методологического принципа предполагает последовательное проведение ряда процедур:

– выявление механизма функционирования принципа и системного характера (назовем эту процедуру онтологическим анализом);

– структурный анализ, определяющий роль принципа в обеспечении объективности и достоверности физического познания (назовем эпистемологическим анализом);

– выявление приоритетных направлений научных исследований и значимости принципа (назовем аксиологическим анализом).

Поскольку методологический принцип унификации является частью системы, в ходе его содержательного анализа должны быть продемонстрированы его связи с другими методологическими принципами в общей структуре методологии. Схематично эта структура может быть представлена в виде таблицы, отражающей уровни преимущественного функционирования принципов.

Уровень		
онтологический	*гносеологический*	*аксиологический*
Принцип материального единства мира	*Принцип унификации* (направляет поиск единой теории)	Принцип соответствия (новые теории должны быть согласованы со старыми)
Принцип универсальной связи (всеобщий характер законов природы)	Принцип математизации (существование единого универсального языка для описания природы)	Непротиворечивость
Принцип причинности	Объяснение законов природы	Предсказательная сила
Принцип локальности / нелокальности	Характер связи явлений / событий	Принцип системности (целостности)

Поскольку методологические принципы носят системный характер, то каждый из них определяет действие смежных с ним и сам зависит от других.

Проведем анализ принципа унификации, в значительной степени определяющего направление теоретических исследований в современной физике.

Онтологический анализ

На онтологическом уровне методологические принципы функционируют в процессе поиска единой фундаментальной картины мира и описания на этой основе всех известных природных явлений. По словам В.Ф. Гершанского [2, с. 22–38], онтологические основания состоят из совокупности фундаментальных принципов, которые отражают универсальные свойства бытия материи. Все они обусловлены метафизическими основаниями, к которым мы отнесем: материю (элементарные частицы), универсальные силы (поля переносчиков взаимодействий), причинность и пространство-время. Сама физика включает познание онтологических оснований и их описание в рамках физических теорий, которое может быть продолжено на метауровне. Говорить о метафизических основаниях физики можно постольку, поскольку физические теории (например, механика Ньютона, квантовая механика, специальная теория относительности и прочие) могут рассматриваться как гипотетико-дедуктивные системы (т.е. как нестрого аксиоматические системы), в основании которых лежит некоторая совокупность аксиом, предполагающих метафизические основания.

Под метафизическим основаниями будем понимать постулаты об атрибутах материи, а также других первичных понятий. Эти положения и по-

нятия отражают достигнутый уровень осмысления мира и понимания взаимосвязи происходящих в нем явлений. Поскольку в ходе научного прогресса изменяется понимание основных онтологических категорий, постольку должны изменяться и методологические принципы, поэтому важно рассмотреть функционирование принципа в истории науки (диахронии) и современном срезе (синхронии).

Опираясь на М.В. Мостепаненко [5], отметим, что философская идея материального единства мира постулируется уже в механистической картине мира. Материя понимается как совокупность тел, подверженных механическому взаимодействию. Механицизм представляет собой единый метод познания различных классов явлений и миропонимание, основанное на сведении сложных явлений к их физическим причинам.

Фундаментом философских идей механической картины мира служит также постулат всеобщей взаимосвязи явлений, который является прямым следствием принципа материального единства мира. В свою очередь всеобщая связь явлений подразумевает фундаментальный характер взаимодействия и универсальность физических законов. Механика формирует первые представления о причинности как виде взаимодействия физических объектов, позволяющих описывать, объяснять и предсказывать дальнейшее поведение системы тел. В механике формируются представления о пространстве как пустом вместилище вещей и формируются принцип дальнодействия и принцип действия и противодействия. Эти принципы — одни из источников возникновения понятия о силе как причине нарушения покоя или движения по инерции.

Далее с переходом к электродинамической картине мира постулируются идеи непрерывности причинно-следственных связей и материального единства мира, которые становятся основой принципа причинности в электродинамике и, таким образом, одной из основ принципа соответствия (универсальной связи явлений) между механикой и электродинамикой.

Поскольку постулат материального единства мира и постулат всеобщей взаимосвязи явлений связаны друг с другом, постольку фундаментальный постулат принципа унификации оказывается в фундаменте физической картины мира. Это обстоятельство становится понятным, если принять во внимание, что на философском уровне электродинамической картины мира функционирует принцип причинности, фундирующий принцип соответствия между электродинамикой и механикой.

В квантово-полевой картине мира постулируются принципы единства законов природы, единства форм движения и единства видов материи. Первый лежит у Э. Шредингера в основании оптико-механической аналогии, второй логически связан с гипотезой Луи де Бройля (идея единства перемещения и волнового движения), третий обосновывает понятие о частице как о волновом пакете. Вышеописанные идеи и принципы непосредственно влияют на формулировку квантовой механики как физической теории. По сути дела, принцип унификации в квантово-полевой картине мира функционирует уже явно, однако под маской различных принципов единства.

В основе всех рассмотренных картин мира, по словам В.М. Мостепаненко, лежит базовое представление о материи. Так, в механической картине мира материя располагается в пространстве как вместилище вещей, в электродинамической картине мира материя — единое непрерывное поле с точечными силовыми центрами; квантово-полевая картина мира синтезирует изложенные представления в понятии квантово-волнового дуализма. М.В. Мостепаненко пишет, что «пределы расширения физической картины мира надо связывать с тем, соответствуют или не соответствуют ее элементы положенным в ее основу представлениям о материи» [4, с. 201]. Таким образом, смена представлений о материи ведет к смене картины мира.

Основная тенденция проявления принципа унификации в современной теоретической физике — это синтетизм, выраженный в попытках создать теорию великого объединения, основными перспективными подходами к построению которой являются теория квантовой гравитации и М-теория, включающая шесть версий теорий суперструн.

На этом основании констатируем формирование в современный период развития физического познания четвертой гипотетической физической картины мира, основанной на теории суперструн, в которой точечные частицы заменяются протяженными объектами — одномерными струнами и бранами. Такое развитие идеи унификации происходит на новом уровне пространственных представлений, где разрабатываются новые отношения между дискретностью и непрерывностью. Этот подход постулирует дискретность материи, но минимальный размер ограничен фундаментальной длиной $l_{пл} = 10^{-33}$ см, что запрещает бесконечное ее деление. На больших масштабах, например на уровнях размера элементарной частицы (классический

радиус электрона порядка 10^{-13} см), пространство может рассматриваться как непрерывное.

«Утверждение о том, что пространство-время образует континуум, подразумевает сохранение его непрерывной природы независимо от того, с каким “увеличением” мы его рассматриваем. Но ведь отнюдь не очевидно, что непрерывное описание соответствует действительности в достаточно малых масштабах, где существенную роль играют квантовые эффекты. Возьмем, например, масштабы порядка 10^{-13} см (примерный радиус элементарной частицы). При любой попытке определить положение частицы с такой степенью точности становится вероятным (ввиду принципа неопределенности) возникновение чрезвычайно большого импульса. Тогда должны рождаться новые частицы, и некоторые из них могут оказаться неотличимыми от первоначальной, так что понятие “положения” первоначальной частицы становится неопределенным. Но еще более угрожающая картина вырисовывается, когда мы осмеливаемся перейти к явлениям, протекающим в масштабах порядка 10^{-33} см. Здесь квантовые флюктуации кривизны пространства-времени становятся достаточно сильными, чтобы изменить топологию, и пространство-время должно оказаться каким-то беспорядочным наложением разнообразных топологий, а это уж никак не похоже на гладкое многообразии» [6, с. 11–12].

На высшем уровне объединения происходит слияние понятий пространства и материи в более общее понятие струны. С одной стороны, характеристики частицы определяются посредством колебаний струны определенной частоты, натяжения и энергии. Струнные диаграммы моделируют процессы рождения и аннигиляции частиц и, в силу нелокальности, удовлетворяют требованиям релятивистских теорий в области относительности одновременности процессов взаимодействия. С другой стороны, движение струн в пространстве зависит от геометрических (кривизна, размерность) и топологических (количество отверстий) свойств пространств, которые носят название многообразий Калаби-Яу.

Углубляя изучение пространства, струнный подход дает новые перспективы для решения проблемы локальности. Струны, как нелокальная теория, должны обеспечить возможность описания локальной квантовой теории поля. Переход к локальной теории поля осуществляется благодаря допущению, что на масштабах порядка размеров элементарных частиц струна выглядит точечной. Поэтому элементарные частицы могут быть представлены как струны, внутренняя структура которых может проявляться в возбуждении колебаний струны. Поскольку каждой моде колебаний соответствует свой класс частиц и в силу квантовых эффектов энергетический спектр внутренних возбуждений струны дискретен, переданная при столкновениях энергия может привести к превращению частицы одного сорта в частицу другого сорта. Рассмотрение невзаимодействующих струн дает частицы разного сорта, а нелокальность проявляется в предсказании бесконечного числа видов частиц.

«Колебания *струны* различаются номером гармоники (“числом узлов”), поляризацией (“направлением”) и амплитудой. Номер гармоники и (квантованная) амплитуда связаны с энергией колебаний; поскольку эта энергия *внутренних* колебаний струны, понятно, что она отвечает за массу покоя частицы: разные гармоники — разные массы. Поляризация, очевидно, должна быть связана со спином частицы. Точнее, сама поляризация определяет направление спина, а его величина зависит от номера гармоники: нулевой (невозбужденный) уровень имеет спин 0, поляризация первой гармоники задается вектором (направлением колебаний) и отвечает спину 1, поляризация второй гармоники задается тензором 2-го ранга (спин 2) и т.п. Полуцелые спины появляются в более сложных струнных моделях, когда одномерная нить наделена дополнительными структурами. Таким образом, с точки зрения теории элементарных частиц невзаимодействующая струна устроена как коллекция частиц с различными спинами и массами» [3, с. 100].

В нашей схеме принцип всеобщего универсального взаимодействия мы бы заменили принципом унификации, в который первый принцип входит как постулат на одном из структурных уровней. Принципы причинности и связи состояний также выводимы из принципа унификации. Взаимодействие струн поднимает проблему причинности, типичную для нелокальных теорий. Корректное определение причинности должно непротиворечиво совмещать нелокальность и причинность. Задача теории струн — дать описание взаимодействия, совместимого с представлением о взаимодействиях точечных частиц без проявления эффектов дальнодействия. Поэтому разрешено только локальное взаимодействие струн: струна может разделиться только путем разрыва в точке, но не расщепиться по длине, потому взаимодействие струн выглядит как ветвление мировых линий. Принцип локальности взаи-

модействия ведет к запрету на существование ветвящихся мировых поверхностей. Мировая поверхность струны — гладкая двумерная поверхность. Отсутствие сингулярностей на мировой поверхности обеспечивает эффективность применения математического аппарата теории струн. «В связи с обсуждением принципа локальности взаимодействий нельзя не отметить его роль в исключении ультрафиолетовых расходимостей: локальность взаимодействия в сочетании с протяженностью струны приводит к тому, что после того, как переданные импульс и энергия E превысили характерную величину M (обратный размер струны), во взаимодействии участвуют только *фрагменты* струны характерной длины $1/E$. Например, во взаимодействии с гравитоном после этого участвует лишь доля M/E от полной массы струны. Этим обеспечивается дополнительное подавление взаимодействий с ростом энергии и, в конце концов, конечность теории» [3, с. 103].

Взаимодействие струн делает их удобным инструментом исследования квантовых полей. Изучение полей путем помещения в них пробной частицы малоинформативно, так как в случае нелинейных уравнений частица не может отобразить все связи и взаимодействия. Струна в силу протяженности чувствует градиенты внешнего поля и в ходе взаимодействия может разделяться на много струн, что позволяет сохранять информацию о нелинейных соотношениях. В силу гладкости мировых поверхностей взаимодействие струны с полем не создает математических трудностей, а спектр возбуждения струны достаточно богат, чтобы включить произвольные поля.

Особенность понимания принципа унификации в теории струн, как подхода к великому объединению, состоит в использовании понятия пространства как самостоятельного и фундаментального. Посредством его искривления описываются все виды фундаментальных взаимодействий. Изменение понимания пространства касается в основном размерности и топологических свойств (многообразия Калаби-Яу). Теория струн вводит ограничение снизу на размер порядка фундаментальной длины, что позволяет получить конечные значения плотности и энергии вблизи сингулярности.

Поэтому и в струнной картине мира можно констатировать имплицитное существование принципа унификации, который тем не менее играет системообразующую роль.

Гносеологический анализ методологического принципа унификации

Гносеологический анализ исследует возможность познания мира на единой основе, средствами единой систематики. Под гносеологическим анализом мы будем понимать процесс систематизации знания, позволяющей установить связи между явлениями. Как известно, под *системой* понимают множество элементов, находящихся в определённых отношениях друг с другом, образующих целостность этой системы, или её единство. Так, например, кинетическая теория материи вскрыла внутреннюю общность механических и тепловых явлений, далее теория поля концептуально синтезировала классическую физику, теория относительности присоединила к этому синтезу гравитацию и так далее.

То есть стремление к системности и синтезу оказывается внутренне присущим физическому познанию. На этом основании мы также говорим о существовании и функционировании принципа унификации в фундаментальной физике. Стремление к системности физического познания предопределяет и стремление к системности методологических принципов. С этой точки зрения мы говорим о существовании их системы. Таким образом, одной из сторон обоснования выступает определение принципа унификации как самого по себе, так и в системе методологических принципов.

Поскольку методологический принцип носит системный характер, постольку констатируется существование у любого принципа определенной структуры.

Исследование принципа унификации в структурном плане обнаруживает ряд последовательных взаимозависимых уровней, т.е. определенную систему. Мы выделяем три уровня.

Первый уровень содержит основания исследуемого принципа. Мы будем называть их постулатами, подчеркивая таким образом, что эти утверждения принимаются истинными без доказательств и в последующем служат основой построения структуры. Кроме постулатов этот уровень может содержать (в данном случае — содержит) другие «входящие» принципы.

Второй уровень содержит правила-рекомендации и правила-запреты принципа (называемые регулятивами).

Третий уровень содержит функции принципа и отвечает за его функционирование как в системе методологических принципов, так и в системе физического познания.

Первый уровень принципа унификации включает в качестве оснований постулаты и вышеупомянутые онтологические принципы (см. рис. 1). На гносеологическом уровне онтологические принципы находят воплощение в следующих из них постулатах:

А) постулат глобальной простоты — сущностное единство знаний имеет очевидный объективный прообраз в реальном мире в виде его материального единства;

Б) постулат математизации знаний (как единое описание физических теорий на основе феноменологического критерия), следующий из принципа всеобщей связи явлений;

В) принцип объяснения, следующий из онтологического принципа причинности.

Г) законы сохранения, существование которых устанавливается согласно теореме Нетер из таких свойств пространства-времени, как однородность и изотропность. «Общий закон сохранения, конкретизируемый в виде различных частных физических законов сохранения, лежит в основе единой физической картины мира» [8, с. 15].

Стремление ученых к единой теории Вселенной	
Постулат всеобщей взаимосвязи явлений (постулат единства мира)	
Постулат математизации знаний	Постулат глобальной простоты
Законы сохранения	
Количественное объяснение	Качественное объяснение
Методологический принцип объяснения	

Рис. 1

На втором уровне отметим:

1) регулятив, связанный с принципом математизации: стремление к математизации как единственному способу придать законам природы универсальный характер, претендующий на единство знания;

2) регулятив, связанный с принципом простоты: стремление к глобальной простоте («внутреннему совершенству» (критерий А. Эйнштейна), т.е. теория должна исходить из минимума предпосылок для раскрытия законов природы). Эстетические качества теории (красота, естественность) становятся важными физическими основаниями;

3) регулятивы, связанные с принципом соответствия:

3.1) апелляция к сущностному единству физических явлений (Новая теория должна синтезировать старые, т.е. предыдущие теории должны быть предельным случаем новой. Так, кинетическая теория материи вскрыла общность механических и тепловых явлений; теория относительности имеет предельным случаем механику Ньютона.);

3.2) требование непротиворечивости и преемственности теорий (Новые теории всегда сохраняют часть понятий старых теорий; при этом сохраненные понятия не должны вступать с новыми в противоречие.);

4) регулятив, связанный с принципом дополнительности (возможность диалектического синтеза взаимоисключающих («дополнительных») понятий или стоящих за ними явлений, совокупность которых даёт исчерпывающую информацию об этих явлениях как о целостных).

Регулятивы раскладываются в схему, предложенную выше для оснований принципа унификации (см. рис. 2).

Регулятивы, связанные с принципом соответствия	
требование непротиворечивости и преемственности теорий	апелляция к сущностному единству физических явлений
Регулятивы законов сохранения	
регулятив, связанный с принципом математизации	регулятив, связанный с принципом простоты
Регулятив, связанный с принципом дополнительности	

Рис. 2

Третий уровень принципа унификации касается аспектов его функционирования в структуре физического знания.

1. Принцип функционирует в виде стремления к синтезу основных метафизических оснований и находит выражение в объединении ряда физических понятий. Так, понятие материи на современном уровне развития теории объединяет не только вещественные и полевые представления, но также пространственно-временные.

2. Принцип функционирует в виде существования физических картин мира. М.В. Мостепаненко по этому поводу замечает: «…главная тенденция каждой физической картины мира — дать единое стройное отражение объективной действительности» [5, с. 213]. Струнная картина мира единообразно описывает все виды взаимодействия на основании постулирования нового онтологического объекта — струны. В теории струн возникает более высокий тип симметрии. В стандартной модели все частицы делятся на два класса — переносчики взаимодействий или бозоны, имеющие целый спин и частицы, из которых состоит вещество, — фермионы с полуцелым спином. Но уже минимальное расширение стандартной модели SU(5) вводит преобразование, имеющее новый инвариант, — разницу фермионного и бозонного числа. Суперсимметричное преобразование ставит в соответствие каждой частице s-партнера, т.е. частицу со спином, отличающимся на ½. Это преобразование переводит фермионы в бозоны и наоборот. Частицы-суперпартнеры должны быть массивными стабильными частицами и являются основными кандидатами на роль темной материи. Идея суперсимметрии, разработанная в теории струн, в настоящее время заимствована и перенесена в стандартную модель для решения проблемы расходимости. (Рассчитанная теоретически энергия вакуума на 120 порядков превышает наблюдения за счет учета нулевых колебаний. Привлечение идеи суперсимметрии позволяет снизить это расхождение до величины в 55 порядков.)

3. Через физическую картину мира принцип функционирует либо в виде формально-логического соединения физических теорий, либо в виде синтезирования физических теорий. Теория струн является объединением двух теорий поля: общей теории относительности и квантовой теории поля. По сути дела, все функции принципа унификации выводятся через функционирование его в виде физической картины мира.

Сопоставление с единой точки зрения различных теорий способствует нахождению скрытых противоречий между теориями. В теории струн, объединяющей квантовую теорию поля и общую теорию относительности, разрешается проблема разного понимания пространства. Так, квантовая теория поля понимает пространство как арену, на которой разворачиваются взаимодействия между частицами и полями. В ОТО пространство само является агентом, передающим взаимодействие путем изменения кривизны. Гравитация отлична от других полей «потому что гравитация формирует арену, на которой сама действует, в противоположность другим полям, которые действуют в заданном пространстве-времени» [9, с. 12].

Теория струн распространяет подход теории относительности на область электрослабых и сильных взаимодействий, реализуя идею Калуцы-Клейна в дополнительных свернутых измерениях.

Заметим, что принципы гносеологического уровня таблицы коррелируют с принципами онтологического уровня той же таблицы. Поэтому принцип унификации как бы фундирует оба уровня, что позволяет говорить как об онтологических, так и о гносеологических его основаниях.

Аксиологический анализ

Тенденция унификации является основной характеристикой динамики современного физического знания, во многом определяющей направление развития науки. Данный принцип играет аксиологическую роль посредством задания приоритетных направлений исследования, формирования программы поиска, постановки целей и формирования ценностей научного познания.

Ценности принято разделять на внешние и внутренние. К внешним ценностям относятся установки, касающиеся рассмотрения науки как социальной деятельности. В целом, тенденция унификации совпадает с общим вектором эволюции ценностных установок. К ним относятся рост требований к профессионализму сотрудников, массовый характер деятельности, требующий привлечения большого числа ученых в лаборатории и конструкторские отделы. Поскольку экспериментальные работы производятся в области физики высоких энергий, требуется высокотехнологическое оборудование, конструирование которого в свою очередь возможно благодаря интенсивному применению научных знаний в производстве. Также возрастают требования к социальной и мо-

ральной ответственности ученых, требование к расширению общественной коммуникации.

Внутренние ценности возникают и реализуются в ходе научной деятельности по поиску объединения теорий. Реализация аксиологической функции объединения возможна за счет формирования проблемного поля, определения целей, ценностей и направления поиска. Доминирующая в физике стандартная модель имеет некоторые теоретические проблемы, такие как проблема свободных параметров, проблема иерархий. Теория струн предлагает естественное решение данных проблем, поскольку включает естественный механизм генерации масс как колебаний струны. Поскольку теории объединения исследуют вещество при экстремальных условиях, их область приложения захватывает и космологию, также имеющую открытые проблемы, касающиеся объяснения сегодняшнего состояния Вселенной. Открытыми проблемами в космологии являются проблема горизонта, проблема кривизны, обоснование космологического принципа, проблема объяснения крупномасштабной структуры Вселенной и др.

С одной стороны, объединение дает возможности решения данных проблем путем разработки новых методологических средств, но с другой, порождает новые проблемы. Разработка методологии ведет и к уточнению ценностных установок, таких как принципы красоты, нормативно-ценностной нейтральности и др.: «наука в своем развитии вырабатывает определенную систему внутренних ценностей, находящую свое выражение в разнообразных методологических регулятивах» [1, с. 517].

Объективный характер унификации проявляется в стремлении следовать принципу объяснения, т.е. подведение явления под общий закон либо указание механизма явления. Возможность объяснения обращается симметрично во времени на требование предсказания новых явлений, таким образом, унификация определяет требование продуктивности как ценностной установки исследователей.

Говоря о роли принципа унификации в познании природы, следует отметить внутреннюю и внешнюю непротиворечивость исследуемого методологического принципа. Внутренняя непротиворечивость есть свойство принципа, состоящее в том, что из его структуры нельзя вывести противоречие. Внешняя непротиворечивость есть, с одной стороны, свойство системы методологических принципов, состоящее в том, что из нее нельзя вывести противоречие, а с другой стороны, свойство системы физических теорий. Важность свойства непротиворечивости в том, что «пока методологические принципы не объединены в систему, методология не подчинена собственной системности и может оказаться противоречащей самой себе» [7, с. 3].

В этом смысле аксиологическая роль принципа унификации реализуется в требовании преемственности физических теорий (принцип соответствия). Системный характер принципа унификации определяет взаимосвязь аксиологических требований, на основании которых формируются приоритетные направления исследования.

Что касается принципа соответствия, то, поскольку теория струн является квантовой теорией гравитации, она в основном сохраняет математический аппарат как квантовых теорий, так и общей теории относительности. Одно из главных понятий — понятие струны — также оказывается непротиворечивым представлениям стандартной модели об элементарных частицах. Как мы уже писали выше, на малых масштабах струна выглядит точечной. Все вышесказанное говорит о соблюдении принципа соответствия в теории струн.

Принцип непротиворечивости можно трактовать как принцип однозначности. Теория струн, в этом плане, достаточно однозначная теория, во-первых, потому, что в ней нет настраиваемых безразмерных параметров (как уже отмечалось, стандартная модель содержит около 20 таких параметров). Это значит, что теория не может быть изменена или деформирована через регулировку этих параметров. Во-вторых, однозначность вытекает из того, что размерность пространства-времени оказывается фиксированной. Однако количество этих измерений превышает десять и правильность теории струн будет означать существование какого-то механизма, обеспечивающего четырехмерность наблюдаемого нами мира. В частности, дуальность используется для объяснения факта четырех наблюдаемых измерений пространства-времени. Предполагается, что остальные измерения являются свернутыми.

В связи с принципом предсказательной силы несколько слов следует сказать об экспериментальном обосновании теории. Оно возможно лишь косвенно, потому что технология в виде эксперимента отстала от теоретической деятельности (наука подошла к технологическому пределу возможностей). Среди предсказаний теории струн выделим предсказание суперсимметрии. Суперсимметричное преобразование ставит в со-

ответствие каждой частице s-партнера частицу со спином, отличающимся на ½. Это преобразование переводит фермионы в бозоны и наоборот. Частицы-суперпартнеры должны быть массивными стабильными частицами и являются основными кандидатами на роль темной материи. Затем — проверка закона всемирного тяготения, отклонения от которого в масштабах сотых долей миллиметра было бы ключевым аргументом в пользу суперсимметричных теорий. Наконец, существует возможность открытия космической струны, оставшейся от процессов, происходивших в ранней Вселенной.

Говоря о принципе системности, или целостности, заметим, что различные суперструнные теории представляют собой предельные случаи так называемой М-теории, открытие которой ознаменовало вторую суперструнную революцию. Это свидетельствует как о целостном характере теорий суперструн, так и о наличии соответствия между ними.

Значительную аксиологическую роль, направляющую исследования, играет также принцип симметрии. Тенденция объединения ведет к уточнению научного языка и все большей зависимости от понятия симметрии. Понятие симметрии претерпело значительную эволюцию со времен механики Ньютона, где понималось как однородность и изотропность пространства и однородность времени. Сейчас рассматриваются суперсимметричные модели, где понятие симметрии понимается гораздо более абстрактно. Симметрия воплощается в понятиях инвариантности относительно различных преобразований, которые порождают новые сохраняющиеся величины.

Анализ стремления человеческой мысли к унифицированию может быть истолкован как идеалистически, так и материалистически. С идеалистических позиций миру не присуще единство (непредзаданность мира). Оно присуще, таким образом, лишь нашему духу (разуму). С материалистических позиций интерпретация основана на констатации единства объективного мира (предзаданность мира), который мы отражаем нашими познавательными способностями. Наш тезис состоит в том, что унифицирование (объединение) становится возможным за счет объективного существования единства внешнего (объективного) мира и объективной взаимосвязи всех явлений. С другой стороны, стремление человеческого духа (разума) к унифицированию, к построению единой систематики позволяет отразить момент единства в природе в познании. Это стремление можно интерпретировать как отражение нашими познавательными способностями существующего единства мира. Оно определяет цели познания и формирует целостное мировоззрение, основанное на данных, имеющихся на определенном этапе исторического развития знания.

Заключение

Итак, методологический принцип унификации базируется на постулате стремления ученых к единой теории и вытекающего постулата всеобщей взаимосвязи явлений, из которых в свою очередь вытекают постулаты глобальной простоты и математизации знания. Последние два связаны с качественным и количественным аспектами принципа объяснения.

Принцип унификации основывается на двух способах достижения единства физического знания — формального (математического — регулятив принципа математизации знания — количественное объяснение) и содержательного (сущностного — регулятивы принципов соответствия, дополнительности и глобальной простоты — качественное объяснение).

Функционирование принципа унификации проявляется в виде существования единой физической картины мира (являющейся посредником между философией и физической теорией), в рамках которой существует интегральная, на данный момент развития физики, теория. Картина мира позволяет экстраполировать известные методы на все явления природы и построить все здание физического познания едиными средствами. Теория суперструн объединяет несколько исторически сложившихся миропониманий, что позволяет констатировать ее принципиальную возможность быть унифицирующей теорией определенного исторического этапа физического познания.

Унификация не только открывает новые перспективы развития физического знания, но и позволяет решить ряд открытых проблем существующих теорий. К ним относится проблема открытых параметров: стандартная модель имеет более 20 открытых параметров, определяемых экспериментально, в основном массы частиц и константы связи. Теория струн позволяет предсказывать массы генерируемых частиц, исходя из расчета энергии колебания струны. Аналогично предлагается и решение проблемы иерархий: объяснение большой разницы величины взаимодействий. Теория струн предлагает иной способ объяснения проблемы генерации масс. В стандартной модели наличие массы частицы определяется взаимодействие с полем

Хиггса, поиски бозона Хиггса активно ведутся в настоящее время на Большом адронном коллайдере. Серьезной математической проблемой, связанной с точечностью частиц, является проблема расходимостей, которую теория струн позволяет решить, за счет протяженности фундаментального объекта — струны.

Теория струн — первая теория, в рамках которой удалось проквантовать гравитацию и таким образом привести все четыре вида фундаментальных взаимодействий к одному основанию. Наконец, теория струн предлагает кандидата на роль темной материи. Им должна стать суперсимметричная стабильная частица, которую еще предстоит обнаружить на ускорителях.

Список литературы

1. *Баженов Л.Б.* Методологические регулятивы науки // Философия науки. М.: ЭКСМО, 2007. С. 453–570.
2. *Гершанский В.Ф.* Философские основания теоретической физики. СПб.: 2002. 81 с.
3. *Морозов А.Ю.* Теория струн — что это такое? // Успехи физических наук. 1992. Т. 162, № 8. С. 83–175.
4. *Мостепаненко М.В.* Философия и методы научного познания. Л.: ЛЕНИЗДАТ, 1972. 262 с.
5. *Мостепаненко М.В.* Философия и физическая теория. Л.: Наука, 1969. 238 с.
6. *Пенроуз Р.* Структура пространства-времени. М.: Мир: 1972. 184 с.
7. *Симанов А.Л.*, Стригачев А. Методологические принципы физики: общее и особенное. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. 222 с.
8. *Симанов А.Л.* Опыт разработки системы методологических принципов естественнонаучного познания – I // Философия науки. 2001. № 1(9). С. 3–33.
9. *Хокинг С.*, Пенроуз Р. Природа пространства и времени. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. 160 с.

METHODOLOGICAL ANALYSIS AND UNIFY PRINCIPLES FOUNDATIONS

Eugeniy A. Bezlepkin, Anna Y. Storozhuk

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences;
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia

The aim of the paper is a structural analysis of the methodological principle of unification and consideration of its application in the field of theoretical physics. The structure of this principle was explicated, and its ontological, epistemological and axiological foundations were demonstrated. It is shown that usage of unification principle in the framework of string theory reached a deeper conceptual level of unification, included not only the understanding of matter and its characteristics, but also concerning the concepts of space-time, and causality.

Key words: methodology; unification of theories; the methodological principle of unification; the ontological and epistemological justification; string theory.

УДК 167/168

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ В КОНТЕКСТЕНЕКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

О.Ф. Терешкун

Проведен философско-методологический анализ становления философии техники как отдельной отрасли философского знания в контексте неклассической научной рациональности последней трети XIX – первой половине XX в. Обращается внимание на существенные изменения в методологии науки, которые способствовали формированию неклассической рациональности. Определяются причины становления новой парадигмы техники и ее основные черты. Делается вывод, что современные представления о технике являются итогом длительной эволюции не только философских, но и общенаучных взглядов на технику, с помощью которых были разработаны методологические принципы, определены методологические основания и подходы, способствовавшие более глубокому осмыслению феномена техники в рамках неклассической методологии науки.

Ключевые слова: наука; техника; неклассическая методология науки; философия техники; парадигма; органопроекция; человек.

Интерес к изучению феноменов науки и техники объясняется их важной ролью и мощным влиянием на все сферы человеческого существования. Современное развитие техники, его тенденции и перспективы невозможно понять без тщательного философско-методологического анализа истории и методологии науки. Институциализация науки и техники, становление их дисциплинарности и тесное развитие на протяжении нескольких веков актуализировали проблему единства научно-технического развития на рубеже XIX–XX вв. Но если наука как сфера духовной деятельности сразу смогла привлечь внимание и стать объектом научно-теоретического и философского исследования, то техника, будучи сферой практической деятельности, значительно позднее была включена в объект исследования. Поэтому для осмысления феномена техники, его природы, сущности и тенденций развития необходим ретроспективный философско-методологический анализ развития неклассической парадигмы методологии науки, в рамках которой происходило становление философии техники и новой парадигмы техники. Актуальной, входящей в круг исследований философии техники, остается проблема проведения методологического анализа и теоретического осмысления наиболее важных и значимых процессов развития техногенной цивилизации, исследования глубинных сдвигов социально-культурного плана, изменений в соотношениях между наукой, техникой, культурой, моралью, политикой, религией, экономикой и другими сферами, человеком и техникой, техникой и природой, а также множество других проблем, которые требуют философского осмысления, критического анализа и выработки методологических подходов к решению сложных, противоречивых, глобальных проблем и процессов дальнейшего научно-технического прогресса человечества.

Степень разработки проблемы. В основе методологии науки лежат определенные идеи, принципы, схемы, модели. В середине XVIII в. немецким физиком Г.Х. Лихтенбергом впервые была предложена идея парадигмы как стандартной формы исследования, принимаемой без объяснений. Для XX века, который ознаменовался научно-техническими революционными открытиями и изобретениями, понятие «парадигма» стало весьма актуальным. К нему обращается, например, австрийский философ, представитель аналитической философии Л. Витгенштейн, для которого «парадигма» является философской моделью, своеобразным стереотипом, формирующим и направляющим наше мышление в предопределенное, а иногда и совершенно неподходящее направление [12, с. 118]. Развитие науки для К. Поппера представляется процессом смены теорий, или «концептуальных каркасов» [7, с. 588]. Во второй половине XX в. парадигмальное развитие науки активно обсуждается американскими философами науки Т. Куном, У. Куайном,

Терешкун Оксана Федоровна — кандидат политических наук, докторант кафедры философии; Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича; Украина, 58012, Черновцы, ул. Коцюбинского, 2; eforat@bk.ru.

И. Лакатосом, С. Тулмином и др. К примеру, для Т. Куна парадигма — это «модель постановки проблем и их решений» [6, с. 17], для У. Куайна парадигмой выступает «типичное» решение, конструкция [5, с. 290], И. Лакатос под парадигмой понимает «исследовательскую программу», или «методологические правила исследования», а Ст. Тулмин трактует ее как «фундаментальную модель объяснения». На наш взгляд, идея парадигмального подхода к научной рациональности может быть вполне применима и к философии техники.

Весомый вклад в развитие методологии сделали западногерманские философы техники Ф. Рапп, П. Яних, Г. Рополь, Р. Кёттер, Г. Бёме, В. Ван ден Дале, В. Крон, Х. Ленк и др. Среди российских философов, работающих в области философии науки, исследующих классический, неклассический и постнеклассический типы научной и технической рациональности, использующих парадигмальный подход к процессам развития науки, следует отметить В. Степина, П. Гайденко, Н. Моисеева, В. Швырева, Е. Елькину. В Белоруссии данной проблемой занимаются Я. Яскевич, А. Зеленков и др.

Методологические вопросы техники рассматриваются в работах В. Горохова, В. Розина, М. Раца, В. Котенко, Н. Попковой, В. Беляева, Б. Кудрина и др. В Украине проблемами философии и методологии науки и техники занимаются С. Бескаравайный, И. Добронравова, В. Капитон, В. Кизима, М. Марчук, В. Мельник, В. Ратников, В. Рыжко, Л. Сидоренко, И. Цехмистро, В. Цыкин, В. Чуйко и др.

Сегодня недостаточно исследованным остается парадигмальный подход к философии техники в контексте неклассической методологии науки. Это объясняется сравнительно поздним становлением самой философии техники, осмысление которой длительное время осуществлялось в рамках философии науки, а проблемы техники рассматривались в теориях марксизма, неомарксизма, экзистенциализма, «философии жизни», неофрейдизма, а также в различных культурологических и социологических учениях.

Цель нашего исследования **—** философско-методологический анализ становления философии техники в парадигме неклассической научной рациональности в последней трети XIX – первой половине XX в. Основная ***задача*** — провести анализ: во-первых, существенных изменений в методологии неклассической науки, которые обусловили революционное развитие науки и техники, влияя не только на формирование новой картины мира, но и на возникновение философии техники; во-вторых, становления новой парадигмы техники; в-третьих, концепций техники на рубеже XIX–XX вв.

Объектом исследования выступает развитие науки и техники в последней трети XIX – первой половине XX в. и смена парадигм научной рациональности, ***предметом*** — становление философии техники и новой парадигмы техники в рамках неклассической методологии науки.

Становление и развитие философии техники, направленное на понимание сущности техники, невозможно без обращения взгляда философов в сторону естественных наук и научной методологии. Изучая феномен техники, философия имеет дело с искусственной (технической) реальностью, которая создана с помощью различных естественных и технических наук: «Философия и естествознание изучают не только объективную натуральную Природу, но также искусственный мир технических объектов, из нее выделенных, поэтому в технике философия и естествознание становятся единым целым» [2, с. 108].

Особенности неклассической методологии науки

Кризис мировоззренческих установок классической рациональности, а также изменение структур духовного производства западной культуры обусловили в последней трети XIX – начале XX в. переход от классического естествознания к неклассическому, определили в духовной культуре новое понимание научной рациональности, когда «сознание, постигающее действительность, постоянно наталкивается на ситуации своей погруженности в саму эту действительность, ощущая свою зависимость от социальных обстоятельств, которые во многом определяют установки познания, его ценностные и целевые ориентации» [11, с. 182]. Речь идет об изменении роли и места субъекта в познавательном процессе. В классической методологии науки субъект дистанционирован от объекта познания, вынесен за его пределы, в то время как неклассическая методология предполагает субъекта, не только находящегося внутри изучаемого объекта, но и детерминированного последним. Объективность знания при этом зависит от элиминирования всего, что относится к субъекту и его познавательной деятельности, в том числе без учета средств исследования объекта. Неклассическая методология науки, наоборот, обращает внимание на связь между онтологиче-

ским фундаментом науки и характеристикой методов, с помощью которых исследуется объект: «ответы природы на наши вопросы определяются не только устройством самой природы, но и способом нашей постановки вопросов, который зависит от исторического развития средств и методов познавательной деятельности» [9, с. 361]. Необходимым условием, которое выдвигается для описания и объяснения познавательной деятельности, является ссылка на операции и средства. Делается вывод о невозможности в процессе познания разделения объекта и субъекта; «реальность, и это является одним из уроков квантовой механики, нельзя рассматривать как собрание объектов, "существующих самих по себе"», что было доказано квантовой механикой [8, с. 21]. Более того, в квантовой теории субъект познания необходим и в качестве наблюдателя свойств атомарного события, и в качестве того, кто вызывает эти свойства. В исследовании приоритет отдается идеализированным экспериментам и методу математической гипотезы, а математический аппарат длительное время строится без эмпирической интерпретации.

Важной составляющей неклассической методологии науки является новое понимание объекта исследования как сложной динамической системы, которая воспринимается как процесс, состоящий из устойчивых и изменчивых состояний и характеристик. Существенное расширение сферы исследуемых объектов открыло путь к изучению сложных саморегулирующихся систем, которые характеризуются «уровневой организацией, наличием относительно автономных и вариабельных подсистем, массовым стохастическим взаимодействием их элементов, существованием управляющего уровня и обратных связей, обеспечивающих целостность системы» [10, с. 624].

Характерной особенностью неклассической науки является отказ от абсолютной истины как окончательного результата познания. Допускается возможность одновременного существования различных теоретических систем, которые поразному объясняют один и тот же процесс, феномен или класс явлений действительности, оставаясь при этом истинными в одинаковой мере, поскольку в каждой содержится момент объективного знания. Отметим, что неклассической методологии науки свойственно признание относительной истинности теорий. Это стало возможным благодаря принципу дополнительности, введенному Н. Бором для волнового и корпускулярного описания квантово-механических явлений. В неклассической парадигме происходит переход от жесткого лапласовского детерминизма к исследованию статистических закономерностей, где важную роль при описании динамики системы играют категории случайности, возможности, действительности. При этом возникает понятие «вероятностной причинности», а вероятностный стиль мышления в квантовой физике становится базисным.

Триумфом техники и точкой отсчета ее революционного развития можно считать существенные достижения естественно-научного знания на рубеже XIX–XX вв., а техническую рациональность — рациональностью, порожденной естествознанием. Понимание законов природы и механизмов их действия позволили создавать искусственные механизмы, различные сложные технические системы для замены силы человека природными силами, где техника выступает средством целенаправленного использования сил, явлений и законов природы.

Важной особенностью неклассической научной рациональности стал антропологический поворот в науке. В философии он произошел намного раньше благодаря И. Канту («коперниканский переворот»). И если человеческое, субъективное в классической науке тщательно элиминировалось из когнитивной области, то с конца XIX в. оно возвращается в неклассическую науку. Это происходит как «рождение гуманитарной научности», где субъективность становится необходимой составляющей научного знания [1, с. 11]. Дух субъективности проникает и в содержание субъекта познания, и в содержание познаваемой реальности, и в способы познания, наполняя их ирационалистическим содержанием.

Анализ становления и функционирования дисциплинарных матриц классической, неклассической, а затем и постнеклассической науки свидетельствует об антропологизации науки, а также философии науки в соответствии с известным тезисом «человек есть мера всех вещей» (Протагор). Следует отметить, что человек как субъект познания изначально присутствует во всех трех научных традициях, но в каждой дисциплинарной матрице он занимает разное место. В каждой последующей научной парадигме значение человека как субъекта познавательного процесса возрастает.

Таким образом, в исследовании неклассической научной рациональности мы обращаем внимание на те существенные изменения в методологических подходах, которые непосредственно повлияли на осмысление феномена техники, способствовали формированию новой парадигмы

техники, определили новые подходы к технике. Методологической основой неклассической методологии выступили принципы: активности субъекта, исторической изменчивости научного знания, отказа от абсолютной истины, природы как сложной динамической саморегулирующей системы, целостности, эволюции, четкой фиксации методов, средств и др.

Органицизм как парадигма техники

Господство механической картины мира и объяснение всех процессов с помощью механических аналогий, где в качестве эталона выступал механизм (мир – машина, государство – машина, человек – автомат), определялось развитием механики. Но по мере дальнейшего развития других областей естествознания (химии, геологии, биологии) механическая картина мира теряет статус общенаучной картины мира. В конце XVIII – первой половине XIX в. происходит переход к новому состоянию естествознания — оно становится дисциплинарно организованным. Важной особенностью этого периода является формирование специальных картин реальности (например биологической), а также дифференциация дисциплинарных идеалов и норм. К примеру, в биологии возникает и утверждается идеал эволюционного объяснения мира, формируется новая научная парадигма, связанная с развитием организмических представлений. Образ мировой машины постепенно начинает вытесняться образом мирового организма. Истоки такого восприятия мира мы встречаем еще у немецкого мыслителя И. Гердера, который подверг критике механистическое мировоззрение. Мыслитель утверждал, что механистические объяснения с помощью классической физики и математики могут быть распространены только на неорганический мир. Он настаивал на разграничении механического и организмического подходов, мирового механизма и мирового организма.

Антимеханические тенденции указанного исторического периода особенно ярко проявились в биологии. В анализе биологических явлений акцент делался на их целостности и несводимости к отдельным частям и механизмам. Идея целостности нашла отражение в научных движениях витализма, организмизма, холизма и др. Биолог и философ Ханс Дриш, экспериментируя с эмбрионом морского ежа, установил, что «идеи о развитии организма на основе стабильной структуры по аналогии с созданной человеком машины являются неверными» [3, с. 555]. Он создал особую философию органицизма, противопоставляя механическому органическое, машине — организм. Х. Дриш утверждал, что организм содержит свой организационный принцип в самом себе в отличие от любого механизма. Методы, разработанные и использованные классической наукой для неживых систем, признавались непригодными для изучения живых организмов, биологических явлений и процессов. Они рассматривались как сложные живые системы, для которых физические и химические принципы познания и объяснения являются недостаточными. Организм представляет собой целостность, которая всегда больше суммы составляющих ее элементов. Все явления и процессы в органическом мире подчиняются «целостной причинности», где идея целостности внутренне присуща всем частям.

Людвиг фон Берталанфи также обосновывал необходимость перенесения исследований с частей на органическое целое. Он ввел в теоретическую биологию новый оганизмический подход, считая, что биологический порядок является специфическим в силу того, что органические системы подчиняются иным закономерностям, нежели неорганические. Суть разработанного Л. Берталанфи организмического подхода сводится к следующим постулатам: во-первых, вместо аналитически-суммативного предлагается целостный подход; во-вторых, вместо статического и машинного представления вводится динамическое; в-третьих, организм рассматривается с позиций активности, а не реактивности [см.: 3, с. 556].

Итак, после выхода в свет теории естественного отбора Ч. Дарвина («Происхождение видов», 1859 г.) наметился переход от механистического господства к холистическому научному мышлению. Ориентация научной методологии на целостный и эволюционный подходы исходила в первую очередь от биологии, хотя в истории философии диалектические идеи и принципы уже были разработаны и в идеалистическом, и в материалистическом направлениях. Эталоном всего становится организм — сложная, целостная, саморазвивающаяся система. Аналогии в форме антропоморфизма подтолкнули инженеров проецировать некоторые свойства и характеристики живых организмов на технические системы, а также послужили прообразом новых видов техники и технических систем. В артикуляцию были введены такие выражения, как «эволюция технических изобретений по типу естественного отбора», «природа машины», «самообучающиеся машины», «память компьютера» и т.п.

Осмысление техники в рамках неклассической методологии науки

Если в классический период для объяснения живого организма использовали механизм и способ его функционирования, то в неклассической научной рациональности, наоборот, с помощью аналогий с организмом пытались объяснить природу технических средств и сущность феномена техники вообще. В 1877 г. вышла в свет книга Эрнста Каппа «Основания философии техники». Автор впервые использовал термин «философия техники», тем самым заложив основания для новой науки.

Э. Каппом была изложена своеобразная концепция происхождения и сущности техники — органопроекция. Согласно этой концепции человек переносит на создаваемые им орудия труда формы и функции своих органов. Делает он это неосознанно. Э. Капп считает, что возникающее между орудиями и органами внутреннее отношение, хотя и является скорее бессознательным открытием, чем сознательным изобретением, заключается в том, что «человек в орудии всегда лишь воспроизводит самого себя» [4, с. 98]. Формулируя таким образом антропологический критерий, философ подчеркивает, что в организме находится ключ к пониманию особенностей многогранной человеческой деятельности. И какой бы ни была предметность мышления, мысль в результате всех своих исканий всегда находит человека. При этом, «не теряя из виду область бессознательного, человек находит взаимодействие между своим телом и миром вне его, который был прежде силой внутри его» [4, с. 129]. Мозг, с помощью которого человек мыслит, по мнению Э. Каппа, считается единственным вместилищем мысли, интеллектуальным средоточием человека, никогда не может мыслить, взятый в отдельности, «ему бессознательно помогает мыслить весь организм» человека [4, с. 23].

Человек отличается от животного тем, что является существом самотворческим, так как, создавая условия своего существования, творит самого себя, перенося свой внутренний мир вовне. Э. Капп утверждает, что «исходящий от человека внешний мир механической работы может быть понят лишь как реальное продолжение организма, как перенесение вовне внутреннего мира представлений» [4, с. 24].

Органическая проекция не только проецирует человеческое тело и его органы на орудия труда, но и превращает организм в масштаб и эталон для природы: «стопа, палец, его суставы, специально большой палец, кисть и рука, пядь, расстояние между идущими ногами и между распростертыми концами рук, ширина пальца и волоса — как меры длины; пригоршня, полон-рот, кулак, голова, толщина руки, ноги, пальца и бедер — как меры вместимости и объема; мгновение (мигание) как мера времени: все это было и остается повсюду у молодых и стариков, у дикаря и культурного человека неизменно употребляющимися естественными мерами» [4, с. 105]. Следовательно, человек бессознательно делает свое тело масштабом измерения природы. Например, Э. Капп предполагает, что пальцы рук послужили основанием для образования и функционирования десятичной системы исчисления. Одновременно философ настаивает на принципиальном различии между мерой или масштабом и орудием, считая, что орудие — это воспроизведение естественного органа и служит заменой его, а мера и масштаб — только одно из измерений тела или его членов, воплощенное измерение органа.

Таким образом, Э. Капп разработал концепцию органопроекции как основного принципа технической деятельности и всей культуры человечества, выработал и обосновал основные ее характеристики: непрерывность и предопределенность связи между механическими функциями и органами (например, насос и сердце, лупа и глаз, акустическая система и ухо, труба и горло и т.д.), бессознательность самообнаружения человеком самого себя, активность взаимодействия между организмом и его органами как естественными орудиями и орудиями искусственными.

Русский инженер и философ техники Петр Энгельмейер в своей концепции философии техники пытается расширить понятие техники и установить связь технического развития с биологической эволюцией. Философ считает, что «биология значительно опередила технологию с точки зрения систематичности, сама собою напрашивается попытка приложить дарвинизм к эволюции изобретений» [13, с. 190]. Заменив везде слово «организм» на «механизм», мы получим картину развития техники. П. Энгельмейер в труде «Теория творчества» сделал попытку сравнительного анализа организма и механизма, используя при этом аналогии между ними для правильного понимания «коренной разницы между организмом и механизмом» [13, с. 177].

П. Энгельмейер считает, что «человеческое творчество только продолжает творчество природы» и что в «творениях человека мы не найдем ничего такого, чего бы не нашли в вещах приро-

ды» [13, с. 185]. Тем самым философ пытается «перекинуть мост между организмом и механизмом», показать, что основные технические явления можно привести в соответствие с определенными биологическими явлениями [13, с. 190]. Например, в его таблице «Сопоставление организма и механизмов» биологической особи соответствует экземпляр технического изобретения, а отбору — результаты технических испытаний изобретения, приспособлению — усовершенствование, борьбе за существование — конкуренция, болезни — частичная порча, лечению — ремонт, а смерти особи — окончательная порча механизма в данном экземпляре [см.: 13, с. 182–183]. Кроме того, П. Энгельмейер доказывает, что в технике, как и в биологии, можно руководствоваться идей естественного отбора.

Итак, на формирование философии техники П. Энгельмейера оказали влияние: во-первых, общее состояние и успехи науки и техники, неклассическая методология, новая картина мира (дисциплинарная матрица биологии, где организм — эталон мира); во-вторых, принцип активности человека и антропологический переворот в естествознании (его теория творчества как обоснование активности человека, в первую очередь путем технического творчества, инженерной деятельности); в-третьих, поиски оснований для установления научных законов развития техники (на основании теории эволюции Ч. Дарвина, расширив ее до области искусственного технического мира артефактов).

Подводя итоги нашего исследования, отметим, во-первых, что современные представления о технике являются результатом длительной эволюции не только историко-философских, но и общенаучных взглядов на технику, на основе которых были разработаны методологические принципы, определены методологические основания (модели, концептуальные каркасы, парадигмы) и подходы, способствовавшие формированию методологии рефлексивного периода в развитии техники. Исследуемый нами период (конец XIX – начало XX в.) в отношении философии техники выступает динамическим, противоречивым и оптимистически рефлексивным, сформировавшим методологические основания исследования техники в рамках неклассической методологии науки. Поворот в методологии науки от дискриптивного метода и экспериментирования к моделированию, конструированию и проектированию помог выйти на эффективный технический уровень познания и активно вовлечь технику в процесс не только научного исследования, но и массового промышленного производства артефактов.

Во-вторых, на рубеже XIX–XX вв. в связи с возрастанием роли биологии образ техники обретает антропоморфный характер. Теперь человек не рассматривается как машина, а машина становится проекцией органов человека на природный материал. Следовательно, если раньше производили редукцию органического к механическому, то теперь редукции подвергалось техническое к органическому.

В-третьих, интенция к осмыслению основания техники, ее сущности и природы детерминировала поиск методологических принципов и подходов к исследованию феномена техники. В качестве одного из принципов в осмыслении техники Э. Каппом был предложен принцип органопроекции, а противоположные по своей сущности понятия «организм» и «механизм», естественное и искусственное максимально сближались. Следовательно, техника и человек трактовались как одно целое. Если техника является проекцией человека на мир, то она имманентно присуща человеку. Техника является необходимой частью человеческой жизни и культуры, она отражает историческое состояние всего человечества. Попытка философской экспликации генезиса техники, ее антропологической природы на основании органопроекции сохраняет свою актуальность и по сей день, выполняя эвристическую функцию для развития современной техники и высоких технологий.

В-четвертых, П. Энгельмейер трансформировал методологический принцип активности субъекта в техническую, инженерную, творческую активность человека, а технику трактовал расширенно, включив в это понятие медицину, искусство, образование, язык и логику как технику мышления. Определяя человека как техническое животное, П. Энгельмейер подчеркивал активное технологическое приспособление человеком окружающей среды к себе, к своим потребностям.

В-пятых, техника была осознана не только как средство воздействия человека на природу, но и как средство самоизменения человека, как глубинный аспект культуры в целом.

Таким образом, идеи органопроекции (Э. Капп, Л. Нуаре, Г. Спенсер, П. Флоренский и др.) и перенесения биологических закономерностей на техническую реальность (П. Энгельмейер, К. Ясперс, С. Булгаков и др.) послужили отправной точкой для дальнейших философских концепций С. Тулмина, Б. Кудрина и др. в постнеклассический период научной рациональности.

Список литературы

1. *Беляев В.А.* Критика интеркультурного разума: Анализ ценностной структуры новоевропейского мира. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 288 с.
2. *Гладков И.А.* Естественнонаучные основы техники // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2010. № 1. С. 103–108.
3. *Горохов В.Г.* Концепции современного естествознания и техники: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2000. 608 с.
4. *Капп Э.* Происхождение орудия; Философия машины // Капп Э., Кунов Г., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л.: Прибой, 1925. С. 21–25; 96–129.
5. *Куайн У.* Слово и объект / пер. с англ. А.З. Черняка, Т.А. Дмитриева. М.: Логос: Праксис, 2000. 386 с.
6. *Кун Т.* Структура научных революций / пер. с англ.; сост. В.Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2002. 608 с.
7. *Поппер К.* Миф концептуального каркаса // Поппер К. Логика и рост научного знания: избр. раб. / пер. с англ.; сост., общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. С. 588–592.
8. *Севальников А.Ю.* Современные онтологические модели квантовой механики: философский анализ: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1997. URL: http://cheloveknauka.com/sovremennye-ontologicheskie-modeli-kvantovoy-mehaniki-filosofskiy-analiz (дата обращения: 30.06.2013).
9. *Степин В.С.* История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. 2-е изд. М.: Академ. проект: Трикста, 2012. 423 с. (Gaudeamus).
10. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс–Традиция, 2003. 744 с.
11. *Степин В.С.* Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. 191 с.
12. *Тулмин С.Э.* Человеческое понимание / пер. с англ. З.В. Кагановой; общ. ред. и вступ. ст. П.Е. Сивоконя. М.: Прогресс, 1984. 328 с.
13. *Энгельмейер П.К.* Теория творчества / предисл. Д.Н. Овсянико-Куликовского, Э. Маха. 3-е изд. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 208 с.

FORMATION OF PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY IN THE CONTEXT OF NONCLASSICAL SCIENTIFIC METHODOLOGY

Oksana F. Tereshkun

Yuri Fedkovych Chernivtsi National University; 2, Kotsjubynsky str., Chernivtsi, 58012, Ukraine

Implemented philosophical and methodological analysis of the formation of philosophy of technology as a separate branch of philosophical knowledge in the non-classical paradigm of scientific rationality in the last third of the XIX – early XX centuries. Draws attention to the significant changes in the methodology of science, which contributed to the formation of non-classical rationality. Defined causes the formation of a new paradigm of technology and its main features. It concludes that modern ideas about technology are the result of a long evolution not only of philosophy, but also the general scientific views on the technique by which have been developed methodological principles are defined methodological foundations and approaches that have contributed to a better understanding of the phenomenon of technology within non-classical methodology of science.

Key words: science; technology; non-classical methodology of science; philosophy of technology; the paradigm; the projection of organs; person.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 378

РОЛЬ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИВАЮЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ЛИЧНОСТНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Л.П. Гадзаова

В статье рассматривается психолого-педагогический процесс формирования личностно-ценностных ориентаций студентов средствами обучения иностранному языку в условиях неязыкового вуза. Показано, что это динамичный процесс, характеризующийся достижением качественно нового уровня готовности студентов к реализации профессиональных и нравственных принципов, что может быть реализовано на основе сравнительного анализа иноязычных текстов.
Ключевые слова: проблемы становления и образования; универсальные моральные ценности; механизм личностного развития.

На сегодняшний день тенденция формирования глобального уровня существования человечества вызвана прорывом в области современных информационных технологий, которые требуют базиса в виде знаний; столь же новым является разрастание этого сегмента на рынке труда и, как следствие, быстрое сокращение рабочих мест, предполагающих низкоквалифицированную рабочую силу. Кроме того, люди, приходящие на рынок труда с более высокой квалификацией, знающие иностранные языки, имеют совершенно иные запросы и более ответственны в работе. А это опять-таки ведет к дальнейшей радикализации изменений на рынке знаний.

Одно из важнейших преимуществ в этом мире образованности, конечно же, не только когнитивные способности, но и социальные умения вроде убеждения в возможности приспособиться и изменяться вместе с ситуацией. Речь идет не только о новом самосознании в области уровня образованности, но и о духовно-нравственной сущности современного человека. Инициатива сегодня принадлежит молодым и хорошо образованным людям со знанием иностранных языков, они чувствуют, что могут изменить ситуацию, оказывать влияние на изменения в мире, на социальный порядок.

Результаты такого всплеска стремления к знаниям и должностям без определенного внутреннего императива, диктующего нравственные нормы общественного существования, могут быть непредсказуемыми. Наша страна превращается в достаточно хрупкое общество, где крупные институты, такие как государство, церковь, постепенно обособляются, утрачивают должное бесспорное влияние; утрачивают не свою традиционную власть и авторитет, а гуманистическое отношение к индивидам, к так называемому обобщенному «народу».

Однако интеллектуальные знания в сочетании с духовно-нравственными ценностями могут стать инструментом для адекватной реализации и способствовать внутренним тенденциям прогрессивного, цивилизованного развития культуры, обогащаясь ценностями культур всех народов, населяющих нашу Землю. Человек, владея иностранными языками, перемещается по всему миру, знакомится с инокультурами, сравнивает со своей, что-то принимает, что-то отвергает, формирует свой индивидуальный культурный контекст.

Специфика или уникальность опыта современных поколений задается фактом повсеместно возросшего уровня образования и общего благосостояния. Эти общесоциальные изменения как

Гадзаова Людмила Петровна — доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков для гуманитарных факультетов; Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова; 362025, Республика Северная Осетия, Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46; gadzaova@list.ru.

раз и создают основу для появления спроса на образованность, на которую может претендовать далеко не каждый, имеющий диплом о высшем образовании. Немало российских вузов имеют признание и предлагают программы «бакалавра» и «магистра» по экономическим и коммуникативным наукам, менеджменту в сфере управления и политики, культурологии. И везде обучают иностранным языкам. Уникальный исторический феномен языка в том, что он отражает и выражает саму нашу суть, в нем мы живем, думаем, чувствуем, через него мы общаемся.

Процесс обучения иностранному языку в неязыковом вузе достаточно трудоемкий и результаты не всегда удовлетворяют современным требованиям. «Студенчество — та самая динамичная часть общества, которая чутко реагирует на малейшие изменения в его структуре, его политические и экономические трансформации, быстро улавливает новые тенденции в культуре. Тот вроде бы малозначительный факт, что студенчество оперативней, чем другие слои молодежной части общества, откликается на новые веяния в моде, литературе, кино, музыке, говорит об ее крайней восприимчивости к новому, которое оно впитывает подобно губке» [3, с. 4].

В современной высшей школе имеются как объективные, так и субъективные факторы, влияющие на иноязычное образование в неязыковых вузах. Объективные факторы — это возрастающие темпы глобализации, повышенные требования к специалистам разного профиля на рынке труда. Эти объективные тенденции современности, потребность в преодолении границ для цивилизованного человеческого общения вызывают необходимость изменения приоритетов не только в социально-экономическом развитии общества, но и в направлении вузов на современные, эффективные методы обеспечения качественной подготовки кадров. Эти объективные факторы требуют модернизации содержания образования с целью формирования готовности личности к восприятию меняющихся реалий окружающего мира и к обеспечению личной и коллективной независимости.

Кроме объективных, существуют и субъективные факторы: глобальные — это политика и идеология общества; специфические — наличие развивающих тенденций и психолого-педагогических условий эффективного профессионального и личностного становления студентов нелингвистических вузов, для которых иностранный язык может стать инструментом успешности в будущей профессиональной деятельности.

Сложившиеся социально-экономические и социально-культурные условия требуют подготовки специалистов, способных ориентироваться в потоке постоянно меняющейся информации, а также умеющих самостоятельно и творчески мыслить. На сегодняшний день это невозможно без формирования ценностно-смыслового компонента, включающего нормативную (регулятивную) и гуманистическую функции; ценности и идеалы, в основе которых лежат социальные нормы и правила, регулирующие повседневную жизнь и программирующие будущую профессиональную деятельность студентов.

Воспитание таких свойств личности, как осознание себя членом цивилизованного общества и признание прав равенства с собой других людей, на каком бы языке они ни говорили; способность к диалогу и сопереживанию столь же необходимо, как и фундаментальные научные знания и знания иностранных языков. Система вузовского образования призвана, в свете определенных нравственных установок, помочь студенту сформировать навыки поведения и научить предвидеть его последствия.

В содержании обучения иностранным языкам, равно как и других специальных дисциплин, выделяем следующие основные компоненты:

– инвариантная часть, представляющая собой знакомство с новыми реальными перспективами знания иностранных языков на рынке труда, преимущества и пр.;

– профессиональная часть, объединяющая профессионально направленные знания и собственно языковая подготовка;

– мировоззренческая часть, объединяющая социально-гуманитарные, культурологические знания, обеспечивающие духовно-нравственную, мировоззренческую направленность учебного процесса.

Знание иностранных языков обогащает молодых людей, повышает их общую культуру, на фоне которой формируется толерантное национальное самосознание, что, на наш взгляд, является особой формой выражения цивилизованности, определяющей признаки современной общечеловеческой культуры. Поэтому так важно вовремя по достоинству оценить огромный духовный интеллектуальный посыл инокультурных иноязычных текстов.

Данный подход к пониманию современного национального самосознания обусловлен необходимостью связывать устоявшиеся традиции с неумолимо вторгающимися в жизнь общечеловече-

скими реалиями. Являясь выразителем национальных и общечеловеческих ценностей, язык — идеальное связующее звено между исторически сложившимися народами, как культурная ценность он непрерывно развивается, а вместе с ним совершенствуется человек, владеющий им.

Знакомиться с культурой других народов, не выезжая из страны, студенты могут изучая иностранные языки. Однако вопрос о возможности/невозможности полноценного понимания другого языка упирается в национально обусловленные различия носителей разных языков. Смыслы одной культуры не переводятся адекватно на язык другой культуры, что, однако, не является препятствием для диалога между ними. В современных концепциях под культурной ценностью принято понимать рациональный смысл, заключающийся в объекте не только морально-этической сферы, но и любой интеллектуальной цели сознания субъекта, наделенной общезначимой формой ценности. А «знаниевый» подход активизирует интерес студентов к диалогу с иной культурой, а для реализации этого интереса нужно понимание языка.

По мере сближения национальных культур сфера культурологической непереводимости все более сужается. Диалог культур в условиях глобализации все более расширяется; он возможен в силу того, что у истоков всех культур общий творческий источник — человек с его универсальностью и свободой. В диалог вступают не сами культуры, а люди, для которых соответствующие культуры очерчены личностным смыслом специфических границ национальных и общечеловеческих ценностей. И только знание языков открывает возможность понимания ценности не только своей собственной, но и чужой культуры. «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг» [6, с. 99]. «Ценность как бы распределена между человеком и окружающим его миром, она существует только в их отношении. Носителем ценности могут выступать личности, любой предмет, явление, которые втянуты во взаимодействие с сознанием человека… Особое место в этом смысле занимает концепция “личностного смысла”» [16, с. 15].

Личностный смысл отражает содержательную связь объекта и явления с конкретными мотивами, потребностями и ценностями. Язык и культура — понятия неразделимые. Через язык, произведения искусства и живописи народ выражает свои чувства, переживания и стремления. «Если народ не желает потерять то, благодаря чему он является народом, если он желает сберечь свой образ со всеми своими особенностями, то он не должен ни на что обращать такого внимания, как на то, чтобы его язык не был испорчен и разрушен», — так в конце XVIII – начале XIX в. выражал свое отношение к родному языку немецкий мыслитель Э.М. Арндт [18, S. 107]. Эти слова не теряют своей актуальности и в наши дни.

Проводимая нами в течение многих лет преподавательская работа — пропаганда знания иностранного языка (в нашем случае немецкого), включающая страноведение. Знакомство с известными личностями — писателями, поэтами, журналистами, — изучение их трудов, наиболее привлекательных для современных студентов, переводы текстов с русского языка на иностранный и с иностранного на русский, сравнение собственных подстрочных и художественных переводов с работами профессиональных переводчиков открывает для обучающихся новые возможности пополнить свои мировоззренческие знания, расширить кругозор и одновременно овладеть на определённом уровне иностранным языком, приобрести навыки, формирующие у них способность:

1) самостоятельно накоплять знания (элемент самообразования);
2) извлекать интересующую информацию из объёмного материала и классифицировать все ценностные моменты изучаемого материала (ценностный подход);
3) распознавать важное из множества второстепенного (многомерное освоение учебного материала);
4) проявить интерес к работе с преподавателем и без него (элемент самовоспитания);
5) осознанно и грамотно анализировать и уметь принимать решение о приемлемости или осуждении (опыт активного освоения учебного содержания во взаимодействии с учебным окружением);
6) развивать коммуникабельность, необходимую в профессиональной работе и полезную в повседневной жизни (формирование личностной рефлексии).

Для достижения эффективного результата обучения тщательно отбираются тексты, содержащие разную профессиональную и надпредметную информацию, и на основе творческих заданий и упражнений к ним студенты учатся самостоятельно анализировать, находить и решать проблемы, поднимаемые в текстовых ситуациях;

привлекать для этой цели знания из разных областей; прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения; устанавливать причинно-следственные связи.

Мы сформулировали некоторые ценностные показатели содержательной части работы над текстом, опираясь на «Инновационные педагогические технологии» А.П. Панфиловой [11, с. 17]:

1. Самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) деятельность студентов.
2. Наличие значимой информации, требующей интегрированного знания или исследовательского поиска для ее понимания.
3. Задания к тексту, преимущественно сопоставительного плана, и лексический минимум, чтобы активизировать переводческие навыки студентов.
4. Определение проблемы или ценностной сути информации и вытекающих из нее методов перевода задач исследования (использование в ходе совместного исследования метода «мозговой атаки», «круглого стола»).
5. Выдвижение гипотез по пониманию текста.
6. Обсуждение способов перевода.
7. Презентация своего варианта (каждого), защиты, творческий, аналитический подход.
8. Обобщение, систематизация и анализ всех вариантов.
9. Подведение итогов, оформление результатов, окончательная презентация информации текста.
10. Выводы, оценка ценности полученной информации.

В условиях нашего региона, как, впрочем, и по России в целом, чрезвычайно актуально, чтобы молодые люди были здоровы, социально безопасны, семейно организованы, обременены родительскими функциями, уважали свою страну, знали слово «Родина», сохраняли преемственность поколений. Другими словами, чтобы они следовали социальным нормам и стереотипам, сложившимся естественным образом и продиктованным базовыми потребностями общества.

Образовательная система вуза должна, на наш взгляд, использовать все механизмы воспитательного воздействия по формированию таких духовно-нравственных ценностей, которые непосредственно отражают национальные интересы, общественный и государственный запрос. Первым этапом следует назвать выделение, определение их иерархии в целостной системе и выявление возможностей воздействия, пусть опосредованного, на мировоззренческие установки студентов.

Прежде всего мы обращаемся к блоку личностных качеств, потребность в которых возведена на самый высокий государственный уровень. Одной из задач воспитательного воздействия согласно Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» [4], разработанной в соответствии с «Концепцией патриотического воспитания граждан Российской Федерации» [7], разработанной и одобренной на заседании специальной правительственной комиссии в 2003 г., мы считаем нахождение баланса между истинным чувством патриотической гордости за национальную культуру, традиции и его перетеканием в иные формы экстремистского толка, отторжения чужого.

Преподаватель не просто обучает студента иностранному языку, а формирует личность будущего специалиста средствами преподавания языка, т.е. реализуется воспитательная функция гуманистического патриотизма в образовательной среде вуза; ее ценностное содержание способствует, как показала практика работы в этом направлении, духовно-нравственному наполнению образовательного процесса; поднимаются проблемы гражданственности, социальной ответственности, национальной терпимости и толерантности, социального взаимодействия в современном многонациональном и многоконфессиональном обществе, что особенно важно в нашем Северо-Кавказском регионе.

Результаты подобной работы показали, что коэффициент успеваемости по иностранному языку по сравнению с начальным этапом существенно вырос (с 20–30 % до 40–60 % в среднем, а в отдельных случаях гораздо выше). Студенты факультета журналистики нашего вуза проходят стажировку в Германии, оплачиваемую принимающей стороной, сотрудничают там в газетах и на радио, хорошо с этим справляются. Выпускники вуза успешно работают в редакциях газет, ведущих местных и центральных телерадиокомпаниях. Они состоялись и как семьянины, и как активные члены коллективов, где успешно работают.

В связи с вышеизложенным мы можем с полным основанием характеризовать формирование лингвокультурной компетенции современного специалиста в период обучения в вузе как неотъемлемое требование времени, а язык как средство его совершенствования, способ трансляции культуры его народа, передачи её на отдалённые расстояния для сближения наций и обогащения об-

щечеловеческих культурных ценностей, главной из которых является сам специалист, его личностно-ценностные ориентации.

Главное в обучении иностранному языку состоит в том, что сами по себе чтение и перевод не могут дать результатов в формировании тех или иных ценностных ориентаций. Искомые результаты обнаруживаются в результате анализа и синтеза данных познавательного и чувственного восприятия переводимых произведений. Данная концепция рассматривает воздействие на ценностные ориентации студентов как структурный элемент образовательного процесса обучения иностранному языку. В ней интегрированы образовательный и ценностный уровни отношения к обучению. Формирование личностно-ценностных ориентаций студентов средствами иностранного языка — это регулятивный механизм процесса ценностных изменений и поведенческого стандарта самого передового, элитного слоя молодежи, который

– раскрывает функциональные особенности ценностного воспитания студентов;

– утверждает нравственный приоритет учебно-воспитательного процесса вуза;

– ориентирует студентов на заинтересованность национальными и общечеловеческими ценностями и их гармонизацию;

– наполняет образовательный процесс духовными ценностями культуры гуманистического мировоззрения, нравственности, здорового образа жизни примерами из аутентичных текстов;

– вырабатывает у студентов способность к саморегуляции в жизненных ситуациях нравственного выбора.

Мы придерживаемся, на наш взгляд, вполне обоснованного подхода к текстам из классической литературы как собранию истинных ценностей общечеловеческого масштаба, источнику духовной и интеллектуальной координации ценностно-содержательной информации о жизни общества в целом и отдельных личностей. Под ценностно-содержательным качеством мы понимаем, прежде всего, соотношение эмпирических, ценностно-нравственных и практических знаний.

На эмпирическом уровне синтезируются данные чувственного восприятия прочитанного текста, на ценностно-нравственном — эмпирические факты, а на практическом полученные данные «подводятся» под нашу специфическую цель: средствами обучения иностранному языку сформировать у студентов позитивное восприятие нравственного опыта текстового материала, т.к. эмпирическое знание — это также знание объясняющее. Другое дело, что это объяснение охватывает реальность лишь в форме явления данного текста. Иностранный язык оказывается необходимым посредником при накоплении профессиональных знаний, подготовке активного, неравнодушного, творческого, гуманного члена общества.

Сложно нашим студентам в современной региональной обстановке оставаться толерантными, с нравственным поведенческим регулятором. Но степень образованности во многом определяет подготовленность к реальной жизни, ориентирует в сложных проблемах современной материальной и духовной культуры, помогает осмыслить и определить свою позицию, оперируя сложным изменившимся механизмом получения, усвоения и закрепления многократно увеличившегося объема информации.

Психологи считают, что в мотивах поступков и поведения людей скрыты самые сокровенные моменты личностного «я». Система пропагандируемых студенческой аудитории ценностей в этой связи «может рассматриваться как выраженная в идеальной форме стратегия поведения, а мотивы — как его тактика. Их природа, сущность, особенности процесса мотивации раскрывают самую сущностную сторону личности — ее самость» [17, с. 33]. Процесс формирования нравственных ценностей студентов при изучении иностранного языка в неязыковом вузе направлен на создание условий для их моральной, личностной и религиозной свободы, необходимой для понимания себя и других людей, формирования самостоятельного мышления, навыков профессионального и житейского общения.

В качестве одного из важных преимуществ данного процесса, на наш взгляд, является то, что молодые люди успешно преодолевают скованность при обсуждении текстов, активны в решении коммуникативных задач. Речь идет об их желании и способности организовать своё поведение адекватно ценностным задачам обучения и общения, совершенствовать свою межкультурную компетентность в мультикультурной образовательной среде. Грамотное формирование последней становится необходимой сопутствующей задачей нашей работы. Для формирования у студентов умений переводческой деятельности (в ограниченных конкретными текстами объеме и уровне) необходима соответствующая интеллектуальная готовность.

«Механизмы, обслуживающие интеллектуальную сторону говорения, нуждаются в постоянной

тренировке, и при изучении иностранных языков они не могут быть отодвинуты на второй план» [9].

Приведем общие положения процесса обучения организационно-деятельностными средствами иностранного языка:

1. Резко возросшая роль нравственности в жизни нашего общества определяет актуальность и практическую значимость этой проблемы, решение которой понимается нами как процесс достижения оптимального участия студентов в деятельности вуза, направленной на преодоление возникших в социуме пробелов в области культуры поведения молодых людей, чтобы они, наряду с преподавателями, несли ответственность за достижение конечного результата — формирование образованной, нравственно целостной личности.

2. Многонациональность нашей образовательной среды и общества естественным образом определяет необходимость понимания студентами взаимообусловленной дифференциации и единства каждой национальной культуры; выявления совокупности процессуальных, деятельностных составляющих факторов культуры, их противоречий, проявлений их у студенческой молодёжи, конструктивного решения актуальных в этом свете духовно-нравственных проблем. В процессе обучения иностранному языку на основе его организационно-деятельностных средств в ценностном формате воспитательная парадигма смещается с акцентуации процессуальной составляющей (постановка целей, отбор содержания, выбор форм, методов и средств обучения) на ценностно-ориентированный структурно-содержательный компонент (художественные, научно-популярные, тексты, стихи, репортажи, интервью, кино-, видеофильмы и другие «пакеты знаний», отражающие картину мира в социокультурном и профессиональном контексте, и «пакеты информации», соответствующие ценностному содержанию обучения.

3. Формирование нравственных ценностей включает структуризацию основных видов знаний: лингвистических, культурологических, которые устанавливаются в процессе сравнительно-сопоставительного анализа текстов, составляющей части учебно-воспитательного процесса.

4. Концептуальные педагогические основы формирования личностно-ценностных ориентаций средствами иностранного языка базируются на целостности педагогического процесса как единства не только обучения и воспитания (Я.А. Коменский, В.С. Ильин, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин и др.), но и направлений воспитательных процессов — умственного, нравственного, эстетического, физического и др. (Б.Т. Лихачев, В.М. Коротов, Ю.П. Сокольников и др.), на принципах обучения (В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов и др.) и конкретизируются в наших следующих принципах:

– коммуникативно-воспитательная направленность обучения;

– системность применения средств иностранного языка;

– комплексность усвоения знаний, умений и навыков;

– ценностная заинтересованность;

– сознательность и ценностная активность студентов;

– личностная ориентированность;

– акцентуация межкультурной компетентности.

5. Базовым ценностным принципом формирования нравственных ценностей и межкультурной компетентности является принцип акцентуации ценностной заинтересованности, который опирается на ряд методических принципов, таких как

– последовательное включение основных культурологических концептов с целью формирования у студента комплексного образа нравственно-ценностной ситуации (концепта);

– приоритет перевода, который не исключает визуализации (опора на видео- или графический текст);

– коммуникативность, поскольку готовность к получению новой информации у студента возникает только после обязательной вопросно-ответной коммуникации, призванной заинтересовать, подготовить его к освоению нового материала;

– структурность, направленная на выделение трех основных подструктур в любом тексте: выявление конфигурации их компонентов, терминальных и узловых элементов;

– формирующий анализ, предполагающий овладение студентом, субъектом учебного процесса, методикой, определяющейся следующими факторами:

а) наличием в переводном тексте универсалии и оппозиции (противопоставлений) языкового знака, языковой формы и категории, аналогичной той, на которой базируется его внутриязыковое содержание;

б) степенью связанности (неразрывности) внутриязыкового содержания всех компонентов текста;

в) жанром переводимого текста (манипуляции, допустимые при переводе художественного текста, могут быть недопустимы в текстах других жанров).

6. Стратегия формирования нравственных ценностей и обучения межкультурной компетентности базируется на сопоставлении, анализе и модификации познавательных пространств, соотносимых с концептами родного и изучаемого языков.

Стимулирование когнитивной активности студента, как субъекта учебно-воспитательной деятельности в процессе иноязычной подготовки в неязыковом вузе, мы рассматриваем в качестве *общей цели*.Формирование же ценностных ориентаций студентов организационно-деятельностными средствами иностранного языка определяется как *специфическая* цель. Сюда относятся: знакомство с культурой общения на родном и иностранном языках, с национально-культурной спецификой; формирование умения синтезировать систему ценностей, обосновывать позитивные и негативные рассуждения и выводы; выделение наиболее существенных элементов текста; качественное и объемное расширение мировоззрения; ценностное отношение к близким людям, друзьям, однокурсникам, окружающим людям, к образованию, вкусам, пристрастиям, чертам характера, увлечениям и т.д.

Организационно-деятельностные средства иностранного языка позволяют выделить в качестве приоритетов в процессе обучения иностранному языку не только систему лингвистических средств языка, но и ценностно-содержательные аспекты обучения, вызывающие интерес студентов и, следовательно, движущие учебно-воспитательный процесс в культурологическом общественно-полезном направлении. Они строятся на различных деятельностных приемах, разработанных нами на основе ценностного подхода.

Деятельностное направление в изучении языка, языковой способности было заложено лингвистическим пониманием речи как своеобразной активности (деятельности) В. Гумбольдтом и положением Л.С. Выготского о словесном значении как единстве общения и обобщения, знаковой опосредованности процесса общения [2, с. 451].

В контексте теории деятельности А.А. Леонтьевым были сформулированы основы теории речевой деятельности, где последняя определяется как «частный случай знаковой деятельности, основной вид знаковой деятельности, логически и генетически предшествующий остальным её видам» [8, с. 93].

Актуально по-прежнему мнение С.Л. Рубинштейна: «функция общения — основная функция речи — включает в себя функции коммуникаций — сообщения, обмена мыслями в целях взаимопонимания, экспрессивную (выразительную) и воздейственную (побудительную) функцию… Речь в подлинном смысле слова является средством сознательного воздействия и сообщения, осуществляемых на основе семантического содержания речи; в этом — специфика речи в подлинном смысле слова, речи человека» [14, с. 256].

Строя свою работу, мы опираемся и на традиционные подходы, т.е. систему отношений, имеющих так называемый «многосторонний» характер. Изучаем и опираемся также на выводы Е.И. Пассова: «…развитие происходит в процессе взаимодействия человека со средой, в процессе обучения, воспитания и овладения языковыми средствами, за счёт включения обучаемого в созидательную деятельность, в результате чего складывается его сознание и самосознание. Именно последнее и определяет всё необходимое для становления в человеке “само”: переход обучения в самообучение, дисциплины в самодисциплину, организации в самоорганизацию, определения в самоопределение и др. и, наконец, образования в самообразование» [13, с. 72].

Процесс применения организационно-деятельностных средств обучения иностранному языку в образовательном процессе неязыкового вуза позволяет констатировать факт формирования у студентов способности к межкультурной коммуникации и носит деятельный характер, который выражается во внешней и внутренней (умственной) активности студентов. И хотя речевую активность на иностранном языке чаще проявляет преподаватель, такое общение способствует закреплению устойчивых клише и выражений, необходимых для осуществления самостоятельной дальнейшей работы.

С позиции основной теории деятельности обучение представляет собой необходимое условие, важный компонент и результат деятельности преподавателя и студента. В ходе приобретения студентами индивидуального опыта, развития процессов памяти и мыслительных операций, приобретения знаний и умений их воспроизведения меняется их ценностное отношение к окружающей действительности. Однако это происходит только при условии организации обучения на основе

тщательно продуманных методов привлечения интереса студентов к ценностному содержанию текстов и формированию у них навыков межкультурной коммуникации. При этом развиваются следующие функции общения, которые выделяет Б.Д. Парыгин: «общение — это сложный и многогранный процесс, который может выступать в одно и то же время и как процесс взаимосвязи индивидов, и как информационный процесс, и как отношения людей друг к другу, и как процесс взаимовлияния друг на друга, и как процесс сопереживания и взаимного понимания друг друга» [12, с. 178]. «Ориентировка в условиях деятельности, типы операций, выработка плана в соответствии с результатом ориентировки, реализация этого плана и контроль» [5, с. 12] — несомненно, очень важны в процессе формирования личностно-ценностных ориентаций, речевого поведения студентов как специфической и неотъемлемой части учебно-воспитательного процесса, поскольку единицей речевого поведения, по С.Л. Рубинштейну, «служит речевой поступок, когда, деятельность становится поведением в нравственном смысле этого слова» [15, с. 123].

Нестандартные тексты и новизна реализации процесса обучения развивают у студентов активный, ценностный подход к окружающему миру — явлениям, вещам, людям, стимулируют их мировоззренческую оценку, формируют аналитическое мышление и ценностный подход к окружающему миру, поскольку «…мысль — ещё не последняя инстанция во всем этом процессе. Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наши влечения и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоят аффектная и волевая тенденции. Только они могут дать ответ на последнее “почему” в анализе мышления» [2, с. 451].

Формы реализации организационно-деятельностных средств обучения иностранному языку — это сложное многозначное образование, каждое из звеньев которого тесно связано с другими. Они осуществляют организацию, планирование, выбор материала, анализ и обоснование ценностного отбора и другие функции, с помощью которых они реализуются. Это — настроение, эмоции, мировосприятие, мышление, память, восприятие, внимание, понимание. Сложное их единство и обеспечивает положительный результат формирования нравственных общечеловеческих ценностей у студентов, способствует организации собственной учебной деятельности, развитию навыков самообучения, оценке перспективы профессионального роста, определению динамики учебно-познавательной деятельности, определению трудностей в усвоении учебного материала по изучаемой дисциплине. Как отмечает А.А. Леонтьев, «каждый единичный акт деятельности начинается мотивом и планом и завершается результатом, достижением намеченной вначале цели; в середине же лежит динамическая система конкретных действий и операций, направленных на это достижение» [8, с. 93].

Первый этап обучения студентов неязыкового вуза иностранному языку — формирование их ценностно-мотивационной, побудительной заинтересованности в полезной, коллективной и индивидуальной (без ущерба автономности личности) учебной деятельности.

Второй этап этой деятельности — её отборочно-аналитическая (или аналитико-синтетическая, по С.Л. Рубинштейну, Л.И. Анцыферовой) часть, направленная на исследование условий деятельности, выделение предмета деятельности и т.п. [1, с. 65]. Эта фаза деятельности в нашей работе предполагает выбор и организацию средств и способов обучения. Это — отбор материала (текстов), планирование работы (цель, задачи) при помощи переводческих средств и приемов.

Третий этап обучающей деятельности — сравнительно-сопоставительный анализ: индивидуальные выводы, коллективное обсуждение, обоснование мнений, ценностное заключение. Это стадия формирования микроколлектива, укрепления взаимосвязи, взаимопонимания, взаимоуважения, межличностных ценностных отношений — результат целевого, содержательного, оценочно-результативного процесса обучения.

В соответствии с методикой контекстного обучения в образовательном процессе неязыковых факультетов мы применяем интерактивные методы обучения: в виде деловых и профессиональных игр (интеллектуальная разминка, анализ конкретных ситуаций, различные модификации «мозгового штурма» при организации игрового обучения — метод прямого и обратного мозгового штурма, мозгового штурма с оценкой идей и др.), — позволяющие интенсифицировать процесс понимания, усвоения и творческого применения знаний при переводе и анализе текстов и выполнения заданий к ним. Их эффективность обеспечивается за счет более активного включения обучающихся в процесс не только получения, но и непосредственного немедленного использо-

вания знаний. Регулярное применение форм и методов интерактивного обучения формируют у студентов продуктивные подходы к овладению информацией, т.к. нет опасения высказать неправильное предположение (поскольку ошибка не влечет за собой негативной оценки), устанавливаются доверительные отношения с преподавателем [10, с. 51].

Интерактивные методы обучения и образовательные технологии в свете изучения иностранных языков направлены на повышение собственной активности студентов и их мотивации к учебно-профессиональной деятельности. Они позволяют перейти от пассивного усвоения знаний студентами к их активному применению в текстовых или реальных ситуациях; интенсифицировать процесс понимания, усвоения и творческого применения знаний при решении обучающих задач, что, безусловно, повышает качество подготовки будущих специалистов, дает эмоциональный толчок к увлеченности иностранным языком, стимулирует их заинтересованность, и процесс обучения становится более осмысленным.

Процесс формирования у студентов ценностного подхода к обучению предполагает иноязычную подготовку на основе сравнительного анализа перевода актуальных художественных произведений с подстрочным (индивидуальным и коллективным) и обсуждения нравственных ценностей и ситуационных проблем произведений. При этом студенты получают возможность обсуждать свои собственные дела и поступки, текущие события из жизни вуза, группы, города, страны, планеты, учатся выражать свое отношение к происходящему, обосновывать и отстаивать собственное мнение на родном, русском и иностранном языках, учится аннотировать и резюмировать выводы. Таким образом, у студентов интерактивно формируется способность мыслить неординарно, по-своему видеть проблемную ситуацию, выходы из нее; обосновывать свои позиции, свои жизненные ценности; развивает такие черты, как умение выслушивать иную точку зрения, умение сотрудничать, вступать в партнерское общение, проявляя при этом толерантность и доброжелательность по отношению к своим оппонентам.

Создаются условия для повышения уровня культуры общения каждого студента, и это тоже становится его личной ценностью. Источником этого процесса является межкультурная ценностно-познавательная потребность, а использование интерактивных технологий обучения позволяет осуществлять контроль за усвоением знаний студентами и их умением применять полученные знания в различных ситуациях корректно и гуманно.

Сравнительно-сопоставительный анализ иноязычных и национальных текстов с учетом национально-регионального компонента предполагает особый акцент на многомерное видение мира в пространстве и времени, национальную, иноязычную и инокультурную компетенцию, глубинное проникновение воспитательной структуры в дидактическую подструктуру и наполнение последней новым ценностным содержанием. Приобщение студентов к культуре страны изучаемого языка, лучшее осознание культуры своей собственной страны, умение представить её профессиональными качествами и, прежде всего, нравственной культурой, использовать возможности включения обучаемых в диалог культур — обеспечивает формирование личности в гармонии с обществом и самим собой.

Список литературы

1. *Анцыферова Л.И.* К проблеме изучения исторического развития психики // История и психология. М.: Наука, 1971. С. 63–89.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. 504 с.
3. *Гельбрас В.Э.* Экономические реформы в Китае и России: попытка сравнения // Азия и Африка. 1990. № 3. С.2–4.
4. *Государственная* программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» (утв. Постановлением Правительства РФ от 11 июля 2005 г. № 422) (с изм. от 13 ноября 2006 г.). URL: http://base.garant.ru/188373/ (дата обращения: 15.08.2013).
5. *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Ди-Дик, 1997. 640 с.
6. *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1964. 496 с.
7. *Концепция* патриотического воспитания граждан Российской Федерации (одобрена на заседании Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (протокол № 2(12)-П4 от 21 мая 2003 г.). URL: http://base.garant.ru/6148105/ (дата обращения: 15.08.2013).
8. *Леонтьев А.А.* Некоторые общие проблемы в преподавании иностранных языков сегодня // Глядя в будущее. Первый советско-американский симпозиум по теоретическим проблемам преподавания и изучения иностран-

ных языков. 17–21. х. 89. М.: РЕМА: МГЛУ, 2000. С. 93–98.
9. *Лопатин И.* Общие ценности // Учительская газета. 2008. 5 февраля. № 6. URL: http://www.ug.ru/archive/22567 (дата обращения: 09.08.2013).
10. *Панина Т.С.*, Вавилова Л.Н. Современные способы активизации обучения: учеб. пособие / под ред. Т.С. Паниной. 4-е изд., стеретип. М.: Академия, 2008. 176 с.
11. *Панфилова А.П.* Инновационные педагогические технологии: Активное обучение: учеб. пособие. М.: Академия, 2009. 192 с.
12. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 350 с.
13. *Пассов Е.И.*, Царькова В.Б. Концепция коммуникативного обучения иноязычной культуре в средней школе. М.: Просвещение, 1993. 127 с.
14. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание: О месте психологического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
15. *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 347 с.
16. *Шакеева И.А.* Ценностные ориентации и самочувствие молодежи в новых общественно-экономических условиях. М.; Воронеж, 1998. 123 с.
17. *Шиянов Е.Н.* Аксиологические основания процесса воспитания // Педагогика. 2007. № 10. С. 33–37.
18. *Arndt E.M.* Geist der Zeit I // Arndt E.M. Ausgewählte Werke: in 12 T. Berlin, 1912. Bd. 4.

ROLE OF FOREIGN LANGUAGES INSTRUCTION IN CONTEXT OF EVOLUTIVE TENDENCIES OF PROFESSIONAL AND PERSONAL BECOMING OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES STUDENTS

Lyudmila P. Gadzaova

North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov;
44–46, Vatutin str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russia

The contemporary situation in our country dictates new modern approaches to professional and moral education of students. Author discusses some new conceptions which are especially important for educators and students. The system of pedagogical and psychological mechanisms of person's professional and moral development is discussed.

Key words: problems of formation and education; universal moral values; mechanism of person's development.

УДК 159.99

ВОСПРИЯТИЕ ПРОФЕССИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ ЯЗЫКОВОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ВУЗА

Т.М. Пермякова, М.С. Шевелева

В ходе исследования были выявлены особенности восприятия профессии учителя и преподавателя английского языка выпускниками языковых специальностей вузов. Полученные результаты показывают, что обе профессии являются малопривлекательными, что связано в первую очередь с низкой оплатой труда и высокой интенсивностью деятельности педагогов. Среди мотивов, которые могут привести к выбору данной профессии, преобладают внутренние, связанные с личными качествами и предпочтениями респондентов. Результаты исследования позволяют дать рекомендации по повышению привлекательности педагогической деятельности.

Ключевые слова: восприятие; профессия преподавателя; английский язык; мотивация; выбор профессии.

Увеличивающееся количество научных исследований посвящено разнообразным проблемам среднего и высшего образования, что свидетельствует о возрастающем интересе исследователей к данной проблемной области. При этом следует отметить, что вопросы сферы образования рассматриваются с точки зрения разных дисциплин социально-гуманитарного блока: социологии, психологии, экономики, педагогики и др. Значительная доля исследований посвящена проблеме улучшения качества и совершенствования системы образования [2, 4, 6]. Авторами описываются разнообразные способы модернизации образования: реорганизация системы на государственном уровне [6], уменьшение количества учащихся на одного учителя [2], повышение заработной платы преподавателей [4]. При этом результаты упомянутых практик не всегда могут быть описаны как положительные. М. Барбер, М. Муршед (2008) высказывают мнение, что улучшение качества обучения напрямую связано с улучшением преподавания, так как «качество системы образования не может быть выше качества работающих в ней учителей». Авторы приходят к заключению, что в преподавание необходимо привлекать качественные кадры путем повышения статуса профессии преподавателя, как это было сделано в Англии или Южной Корее. Вопрос о привлекательности учительской профессии в целом ставится также в докладе «Учитель как специалист высокой квалификации: построение профессии. Уроки со всего мира» [8, 9], в котором подчеркивается важность привлечения наиболее способных выпускников в преподавание не только высокой заработной платой, но и условиями труда. В докладе говорится о необходимости повышения статуса профессии преподавателя для улучшения качества обучения.

В связи с глобализацией всех процессов, в том числе образовательных, обучение иностранному языку (прежде всего английскому) становится чрезвычайно важным как для собственно образовательной деятельности студентов, так и для будущих специалистов — выпускников вузов. Большое внимание в этом процессе оказывается преподавателю иностранного языка, эффективности его работы. Тем не менее, работ, посвященных не собственно методике преподавания иностранного языка, а восприятию профессии преподавателя, оценке его эффективности в зависимости от различных характеристик, крайне мало.

Аналитический обзор литературы и непосредственные наблюдения говорят о том, что студенты соотносят успешность овладения иностранным языком с тем, «какой преподаватель им попался», равно как используют восприятие преподавателя в

Пермякова Татьяна Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков; Пермский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 614070, Пермь, ул. Студенческая, 38; perm1@hotmail.com.
Шевелева Марина Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков; Пермский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 614070, Пермь, ул. Студенческая, 38; marineshevelevoy@yandex.ru.

объяснении успешности или неуспешности собственной иноязычной деятельности. Второй предпосылкой исследования становится тот факт, что часто выпускники языковой специальности вуза не идут работать по специальности, не выбирают профессию учителя или преподавателя иностранного языка [5]. Более того, неоднократные наблюдения свидетельствуют о том, что даже если выпускники языковой специальности идут работать в школу или вуз, то этот выбор они комментируют как вынужденный («работаю потому, что не могу устроиться на другую работу»). Помимо этого, общественное мнение во многих странах характеризует профессию учителя / преподавателя как «неблагодарную» [16]. Данное исследование призвано восполнить пробел в проблеме изучения восприятия профессии преподавателя английского языка в школе и/или вузе.

Учитывая вышесказанное, целью исследования является выявление мотивационных факторов выбора профессии преподавателя английского языка при восприятии данной профессии студентами языковой специальности вуза. (По-видимому, отчасти результаты исследования могут отвечать косвенно на вопрос о степени формирования готовности выпускника языковой специальности вуза к профессиональной деятельности.)

Согласно цели исследования рассмотрим в теоретическом обзоре исследования, касающиеся вопросов восприятия профессии — от общих к частным. Заявленная проблема является по сути междисциплинарной и не может быть рассмотрена в рамках какой-либо одной теории. Междисциплинарность проблемы заключается в том, что она попадает не только в спектр изучения вопросов восприятия профессиональной деятельности, восприятия как объекта исследования в общей психологии и психологии профессиональной деятельности (труда), но и в спектр психологических вопросов преподавания иностранного языка, рассмотренных в трудах И.А. Зимней, А.А. Залевской, И.И. Халевой и др.

Обнаружен ряд закономерностей в восприятия профессии. Так, постулируются степени сформированности профессионального восприятия в зависимости от общего объекта: 1) в зависимости от уровня лингвистической компетенции студентов («мир через язык», способность «видеть» ошибки у своих преподавателей); 2) в зависимости от возраста (В.П. Зинченко, Б.Г. Ананьев, Л.А. Венгер, Ж. Пиаже, И.А. Зимняя, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьев); 3) от свойств личности (для переводчиков). Как правило, исследователи постулируют следующую закономерность: на начальном уровне подготовки студенты не демонстрируют профессиональных тенденций в восприятии, не выявляется их профессиональная мотивация, на более старших уровнях обучения студенты характеризуются развитием и первого, и второго. (Последнее заключение повлияло на выборку респондентов в данном исследовании — студентов старших курсов языковой специальности вузов.)

Исследования особенностей восприятия профессиональной деятельности анализируют системы профессионально важных качеств [16]. Например, исследователи лингвистической компетенции как профессинально важного качества для преподавания английского языка рассуждают, какие варианты представленности лингвистической компетенции лучше: носитель языка, билингв, компетенции, близкой к носителю языка, требование обладать компетенцией как минимум на один уровень выше, чем у изучающих. В методической компетенции как важном профессиональном качестве преподавателя противопоставляются владение разнообразными методиками, стилями преподавания и наличие разговорной практики, способности заинтересовать, быть интересным собеседником-коммуникатором [16, 13]. Последнее положение глубоко проанализировано в статье С.Д. Смирнова [7].

Частные аспекты исследований по теме указывают на необходимость соотнесения изучения вопроса о восприятии профессии студентами с вопросом об ожиданиях в процессе обучения и преподавателе как центральной фигуре процесса обучения будущей профессиональной деятельности. Так, результаты исследований могут демонстрировать в восприятии преподавателя английского как иностранного как «узкие» составляющие в лингвистической и коммуникативной компетенциях преподавателя — произношение («акцент», темп речи, беглость, интонация, речь для восприятия на слух), так и «широкие» во владении методическими приемами — умения «дифференцировать оценки», «понимать затруднения студента» и т.п. [18, p. 50–51].

Зависимость восприятия профессиональной деятельности преподавателя от социальной характеристики — пола учащихся — представлена в работе китайских исследователей [11, p. 219]. Авторы отмечают, что студентки склонны оценивать

личностные характеристики преподавателя как более важные, чем студенты. Студентки также выше оценивали такие характеристики преподавателя, как способность мотивировать к изучению английского языка, знакомству с англоязычной культурой. Предсказуемо, что студенты с более высокими достижениями по английскому, склонны воспринимать эффективность преподавателя выше, чем студенты с более низкими достижениями [11, p. 219]. Характерно, что исследования, проведенные в разных странах, доказывают, что ведущим фактором в восприятии становится личность преподавателя («дружелюбность», «открытость», «уважает студентов») [12, p. 33].

Необходимо также учесть, что восприятие любой профессии (в организации, в обществе) предусматривает определенный уровень стереотипизации и ее контекстуальное и временное видоизменение [14, p. 1577].

На наш взгляд, необходимо также представить данные исследования восприятия профессии учителя в зависимости от контекстуальной среды (учебного заведения). Анализ А. МакМиллиан (2010) включает изучение зависимости качеств эффективного учителя и образовательных программ вуза, типа организации, психологических черт организационной динамики, членства в профессиональных организациях образования и общественной деятельности. Автором обнаружена сильная зависимость степени удовлетворенности работы учителем от типа организации, организационной динамики и участия в программах дальнейшего профессионального развития в области образования [15, p. 4].

Примыкает к такой области исследований восприятия профессии преподавателя английского языка и изучение подготовки к определенному уровню языковых навыков в ходе учебного курса в вузе (факторы, влияющие на эффективное изучение английского языка), эффективность методик преподавания в вузе (структурирование занятий и время, отведенное на устные виды деятельности учителя / студентов) [17]. Неудивительно, что студенты воспринимают преподавателя английского языка как неэффективного, если последний «доминирует по времени говорения на занятиях», не организует работу в группах, в целом не предоставляет студентам возможности практиковать язык. Любопытно, что в таких случаях студенты склонны оценивать и отбор методических материалов и учебников негативно, а позитивно — университетскую среду для возможности успешно практиковать иностранный язык [17].

К этому же ряду факторов, детерминирующих восприятие профессии преподавателя английского языка, может относиться личностно предпочитаемый набор профессиональных компетенций — в таком случае образовательная программа может учитывать сложившуюся ценностную систему абитуриентов / студентов будущей специализации [10, p. 79–80].

Изучение восприятия научной составляющей профессиональной деятельности преподавателя на уровне высшего образования представлено в трудах Е.А. Володарской [3]. Автор доказывает, что, несмотря на низкий уровень имиджа науки и мотивации к научной деятельности, повышение исследовательских умений студентов положительно влияет на имидж науки [3, с. 14]. Также представляются важными результаты исследования мотивации выбора профессии педагога О.Н. Родиной, П.Н. Прудкова: «В условиях, когда внешние факторы отталкивают людей от педагогической деятельности, только упор на внутреннюю мотивацию может несколько исправить положение. Следовательно [используя методику анализа мотивации к педагогической деятельности], можно выделить учащихся с низким уровнем внутренней мотивации и попытаться повысить их мотивацию до такого уровня, чтобы готовность работать педагогом стала малочувствительной к внешним отрицательным воздействиям» [5, с. 75–76].

С целью выявления особенностей восприятия профессии учителя / преподавателя английского языка авторами исследования был проведен опрос студентов 3-го и 4-го курса языковых специальностей Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета и Пермского государственного национального исследовательского университета. В опросе участвовали 102 респондента — студентки в возрасте от 21 до 23 лет. Гендерный состав выборки отражает ситуацию на языковых факультетах, где подавляющее большинство учащихся — женского пола. Данная выборка была сформирована на основании того факта, что именно тем, кто в настоящий момент является студентом старших курсов языковых специальностей, в скором время придется решать вопрос о выборе места работы и, следовательно, оценивать привлекательность преподавательской деятельности в школе или в вузе. Респондентам

было предложено ответить на вопросы анкеты, которые носили открытый и закрытый характер и касались желания или нежелания работать преподавателям английского языка, мотивов подобного выбора, желательной заработной платы. Кроме того, вопросы касались как профессии учителя английского языка в школе, так и преподавателя английского языка в вузе. Полный текст анкеты приведен ниже.

«1. Хотели бы Вы работать учителем английского языка в школе?

Да Нет

2. Почему?

3. Хотели бы Вы работать преподавателем английского языка в вузе?

Да Нет

4. Почему?

5. Какие три ассоциации (прилагательные) связаны для Вас с профессией школьного учителя?

6. Какие три ассоциации (прилагательные) связаны для Вас с профессией преподавателя вуза?

7. Какая начальная зарплата могла бы привлечь Вас к профессии учителя / преподавателя?

– до 10.000 рублей в месяц
– от 10.000 рублей в месяц и выше
– от 20.000 рублей в месяц и выше
– от 30.000 рублей в месяц и выше
– от 40.000 рублей в месяц и выше
– от 50000 рублей в месяц и выше».

В процессе анализа ответов на открытые вопросы были выделены категории, позволившие описать особенности восприятия профессии педагога, преподающего английский язык, выпускниками лингвистической специальности. Анализ ассоциаций проводился на основе учета их частотности.

Результаты опроса показывают, что 66 % опрошенных не хотят работать учителем английского языка в школе. Вопрос о причинах желания или нежелания работать учителем английского языка в школе носил открытый характер, при ответе на него можно было предложить несколько вариантов. Причины, приведённые респондентами, можно разделить на внутренние, касающиеся личности или личных качеств самого респондента, и внешние, непосредственно связанные с профессией учителя английского языка. Так, среди наиболее частотных причин нежелания работать оказались внешние факторы: низкая заработная плата (28 %), сложность и интенсивность труда учителя (24 %), непривлекательность профессии учителя (20 %) или условий труда (16 %). В качестве наиболее частотной внутренней причины отказа от работы в школе можно назвать отсутствие склонности к работе с детьми (16 %), а также интерес к другой профессии (12 %).

В ответах тех респондентов (34 % от общей выборки), которые находят привлекательной работу учителя английского языка, преобладают внутренние причины выбора профессии: любовь к детям и желание работать с ними (60 %), желание научить детей английскому языку (13 %). Среди внешних привлекательных факторов были упомянуты условия труда (13 %) и возможность развиваться и совершенствоваться, которую дает профессия (10 %).

В ответах на вопрос «Хотели бы вы работать преподавателем английского языка в вузе?» выбор вариантов ответа практически совпадет с подобным вопросом о привлекательности профессии школьного учителя английского языка. 32 % опрошенных хотели бы работать преподавателем английского языка в вузе, а 68 % не рассматривают для себя такую возможность. Причины, приведенные теми респондентами, которые не хотят работать в вузе, также были классифицированы на внутренние и внешние. К первой группе были отнесены следующие: отсутствие необходимых навыков и знаний для работы в вузе (13 %), а ко второй — сложность и интенсивность труда преподавателя (30 %), низкая заработная плата (25 %), непривлекательность профессии преподавателя (25 %), а также необходимость заниматься наукой (10 %).

Та часть опрошенных, которая хотела бы работать в вузе (32 % от общей выборки), приводит следующие аргументы в поддержку своего мнения (все они могут быть отнесены к внешним): работа преподавателя является интересной (64 %), есть возможность заниматься наукой (29 %) и работать со студентами и взрослыми людьми (22 %).

Авторами исследования также был задан вопрос о том, какая начальная заработная плата могла бы привлечь респондентов к профессии учителя / преподавателя, что также является значимым внешним мотивирующим фактором. Результаты отражены в табл. 1.

Таблица 1. Ответы на вопрос о привлекательной начальной зарплате

Привлекательная начальная зарплата учителя / преподавателя, руб. в месяц	В целом по выборке, %	Для тех, кто хотел бы работать учителем английского языка в школе, %
до 10.000	0	0
от 10.000 и выше	9	20
от 20.000 и выше	50	60
от 30.000 и выше	22	20
от 40.000 и выше	6	0
от 50000 и выше	13	0

Таким образом, как и более ранние исследования, проведенное авторами анкетирование показывает, что привлекательность профессии учителя / преподавателя может быть охарактеризована как низкая. В качестве аргументов в поддержку такого мнения респонденты чаще всего обращаются к внешним факторам, среди которых наиболее частотными являются низкая оплата труда и сложность преподавательской деятельности. В целом, начальная заработная плата, которая могла бы привлечь выпускников в школы и вузы в качестве учителей английского языка, значительно превышает ту, которая может быть им предложена на сегодняшний день. Новизна исследования также заключается в том, что оно явно показывает, что менее 10% выпускников вузов языковых специальностей оценивают научную деятельность как привлекательную.

Для тех, кто оценивает профессию учителя английского языка положительно, основным мотивом выбора места работы является любовь к детям и желание работать с ними. Можно сказать, что деньги для них — не главный фактор выбора профессии (результаты ответа на вопрос о привлекательной заработной плате смещены вверх таблицы). Таким образом, данное исследование косвенно свидетельствует в поддержку утверждения, что не уровень заработной платы, а внутренняя мотивация является основным фактором, определяющим выбор профессии учителя, в том числе и английского языка. На основании описанных результатов может быть сформулировна рекомендация опираться именно на факторы внутренней мотивации при системе отбора абитуриентов на языковые специальности педагогических вузов. Кроме того, проведенный авторами опрос показывает также гендерную особенность, которая заключается в том, что женщины склонны соотносить восприятие профессии с положительными чертами личности.

В анкете также был использован метод свободных ассоциаций. Респондентам было предложено представить по три ассоциации — прилагательные с понятиями «профессия учителя английского языка в школе» и «профессия преподавателя английского языка в вузе». Далее авторами были отобраны 5 наиболее частотных ассоциаций (табл. 2).

Таблица 2. Наиболее частотные ассоциации к понятиям «профессия преподавателя английского языка в школе» и «профессия преподавателя английского языка в вузе»

Профессия учителя английского языка в школе	*Профессия преподавателя английского языка в вузе*
Малооплачиваемая	Уважаемая
Неблагодарная	Интересная
Напряженная	Творческая
Интересная	Сложная
Сложная	Напряженная

Ассоциации показывают, что профессия учителя вызывает больше негативных ассоциаций, самые частотные из которых связаны с оплатой труда и социальным восприятием. Ассоциации, связанные с профессией преподавателя вуза, отражают содержание деятельности и положительную социальную оценку. При этом можно вспомнить тот факт, что, несмотря на положительную ассоциативную оценку, менее трети респондентов хотели бы работать преподавателем иностранного языка в вузе. Такое расхождение может быть объяснено возрастными особенностями респондентов и тем, что они в настоящий момент учатся в вузе и, следовательно, могут положительно относиться к своим преподавателям, испытывать чувство благодарности за их труд. Возможно, при опросе тех,

кто закончил вуз 5–7 лет назад, будет получена другая, менее положительная картина.

Интересно, что при описании труда как учителя, так и преподавателя респонденты оценивают условия работы как напряженные, а структуру работы — как сложную, что также может служить сдерживающим фактором при принятии решения о выборе профессии. Рекомендация, которая может быть дана в этом случае, связана с использованием комплекса организационных приемов для снижения напряжённости работы учителя / преподавателя, а именно: уменьшение учебной нагрузки, внедрение института учебных ассистентов, использование компьютерной техники с целью автоматизации отчетности.

Сформулируем выводы. В ходе исследования были выявлены особенности восприятия профессии учителя и преподавателя английского языка выпускниками языковых специальностей. Обе профессии являются малопривлекательными, что связано в первую очередь с низкой оплатой труда и высокой интенсивностью деятельности педагогов. Среди мотивов, которые могут привести к выбору данной профессии, преобладают внутренние, связанные с личными качествами и предпочтениями респондентов. Полагаем, что результаты, полученные в ходе данного исследования, могут представлять интерес как с точки зрения предложенных рекомендаций по повышению привлекательности преподавательской профессии в глазах выпускников, так и в связи с выявлением содержательных особенностей восприятия профессии педагога, которые могут служить основанием для разработки системы диагностики готовности выпускника к профессиональной деятельности.

Список литературы

1. *Афанасьева Е.А.* Психологические особенности профессионального восприятия специалистов машиностроительного профиля: автореф. дис. … канд. психол. наук. Казань, 1998. 32 с.
2. *Барбер М.*, Муршед М. Как добиться стабильно высокого качества обучения в школах. Уроки анализа лучших систем школьного образования мира // Вопросы образования. 2008. № 3. С. 7–60.
3. *Володарская Е.А.* Динамика имиджа науки в процессе развития исследовательских умений студентов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. С. 14–31.
4. *Кузьминов Я.И.*, Фрумин И.Д., Захаров А.Б. Российская школа: альтернатива модернизации сверху // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 5–53.
5. *Родина О.Н.*, Прудков П.Н. Изучение мотивации выбора профессии «педагог»: методический аспект // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2006. № 3. С. 70–78.
6. *Салми Д.*, Фрумин И.Д. Как государства добиваются международной конкурентнопособности университетов: уроки для России // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 25–68.
7. *Смирнов С.Д.* Педагогическая деятельность и педагогическое общение // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2011. № 3. С. 5–18.
8. *Учитель* как специалист высокой квалификации: построение профессии. Уроки со всего мира (доклад ОЭСР): пер. с англ. Н. Микшиной // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 74–92.
9. *Учитель* как специалист высокой квалификации: построение профессии. Уроки со всего мира (доклад ОЭСР): пер. с англ. Н. Микшиной // Вопросы образования. 2012. № 2. С. 5–62.
10. *Bhargava A.*, Pathy M. Perception of Student Teachers about Teaching Competencies // American International Journal of Contemporary Research. 2011. Vol. 1, № 1. P. 77–81.
11. *Chen Yu.-J.*, Lin Sh.-Ch. Exploring Characteristics for Effective EFL Teachers From the Perceptions of Junior High School Students in Tainan // STUT Journal of Humanities and Social Sciences. November. 2009. № 2. P. 219–249.
12. *Diaz P.M.* Students' Perceptions Towards English Teachers: the Case of the English Language Department. Universidad Veracruzana. December. 2011. URL: http://cdigital.uv.mx/bitstream/123456789/32590/3/vidalsolange.pdf (date of access: 23.09.2013).
13. *Ferguson R.F.* Student Perceptions of Teaching Effectiveness. Discussion Brief National Center for Teacher Effectiveness and the Achievement Gap Initiative Harvard University. 2010. URL: http://www.gse.harvard.edu/ncte/news/Using_Student_Perceptions_Ferguson.pdf (date of access: 19.09.2013).
14. *Hashim H.M.*, Embong A.M., Shaari Z.H. Perceptions on Accounting Career: A Study among the Secondary School Students in a Regional Kelantan State // World Academy of Science, Engineering and Technology. 2012. P. 1577–1580.
15. *McMillian A.B.* Student Perception of Professional Education Organizations. A Senior Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for graduation in the Honors Program Liberty University Spring. 2010. URL: http://digitalcommons.liberty.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1133&context=honors (date of access: 24.09.2013).
16. *Schleicher A.* Building a high-quality teaching profession: Lessons from around the world, OECD

Publishing, 2011 / пер. с англ. Н. Микшиной (окончание). Начало см.: Вопросы образования. 2012. № 1. URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264113046-en (date of access: 23.09.2013).
17. *Wilhem K.H.*, Pei B.Ch. University Teachers and Students' Perceptions Of ELT Methodologies And Their Effectiveness // GEMA Online Journal of Language Studies. Vol. 8(2). 2008. P. 79–102.
18. *Wu K.*, Ke Ch. Haunting Native Speakerism? Students' Perceptions toward Native Speaking English Teachers in Taiwan // English Language Teaching. 2009. Vol. 2. URL: http://www.ccsenetn.org/journal.html (date of access: 20.09.2013).

PERCEPTION OF ENGLISH LANGUAGE TEACHING PROFESSION BY UNIVERSITY STUDENTS

Tatyana M. Permyakova, Marina S. Sheveleva

Perm Branch of National Research University «Higher School of Economics»;
38, Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia

This paper deals with the perception of English language teaching profession both at school and at university by university students who specialize in languages. Survey results demonstrate that teaching profession can be characterized as unattractive because of low pay and high workload. Internal motivation such as personal qualities and preferences is the only incentive to choose English language teaching profession. These findings enable the authors to give recommendations how to improve the attractiveness of English-language teacher's work.

Key words: perception; teaching profession; the English language; motivation; choice of profession.

УДК 159.99

КАТЕГОРИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПСИХОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

И.В. Долгополова

В статье проанализированы основные противоречия, связанные с внедрением категории «корпоративная культура» в практику управления на российских предприятиях. Они касаются нечеткой формулировки данного термина, сложностей расчета экономического эффекта от внедрения корпоративной культуры. Показаны различия терминов «организационная» и «корпоративная культура». Охарактеризованы проблемы, лежащие в русле психологии управления: это восприятие корпоративной культуры персоналом из-за попыток внедрить западные модели в практику работы российских предприятий, несоответствие ценностей личности ценностям корпорации.

Ключевые слова: корпоративная культура; организационная культура; человеческие ресурсы; психология управления; управление персоналом; корпоративные и личные ценности.

Сегодняшний этап развития представлений о корпоративной культуре (КК) характеризуется рядом противоречий. Первое из них лежит в поле деятельности собственников и топ-менеджеров предприятий. С одной стороны, они понимают, что финансовые возможности привлечения и сохранения персонала себя исчерпали, с другой стороны, не готовы к восприятию КК как мотивирующего фактора в отношении персонала. Кроме того, КК в сознании собственников бизнеса пока выглядит неким эфемерным понятием, экономический эффект от которого крайне сложно (а по некоторым данным — невозможно) рассчитать.

Второе противоречие находится в поле поведения человеческих ресурсов и связано с оценкой важности КК самими сотрудниками. Среднестатистический сотрудник, принимая решение о выборе работы, ориентируется, в первую очередь, на материальные факторы (заработная плата, условия труда), а вот принимая решение об увольнении, ориентируется на климат в коллективе и отношения с руководством.

Разрешение названных противоречий возможно путем систематизации термина КК и через нахождение баланса в ценностях предприятия и ценностях сотрудника, что может стать путем повышения эффективности использования КК как инструмента управления персоналом с психологической точки зрения. В данной статье будет проведен анализ термина «корпоративная культура» и определены возможности ее применения в психологии управления.

Сегодня наблюдается новый этап развития корпоративной культуры — ориентация на практику. По данным социологических исследований:

– 40 % предпринимателей в нашей стране пытаются формировать корпоративную культуру в своих компаниях с помощью западных технологий, плюсуя к ним собственный опыт;

– 35 % предпринимателей признают необходимость создания корпоративной культуры, но у них до этого не доходят руки [3].

Практикоориентированный этап развития КК характеризуется рядом дополнительных отличий.

Во-первых, дисциплина «Корпоративная культура» в последние два года включена в учебные планы подготовки студентов по разным направлениям: либо в качестве отдельного предмета, либо в качестве модуля других ключевых предметов. Во-вторых, многие крупные предприятия в организационной структуре предусмотрели подразделения, отвечающие за формирование КК, либо этим вопросом занимаются специалисты отделов по персоналу. В-третьих, отбор персонала все чаще ориентируется на критерий «соответствие ценностей соискателя корпоративной культуре компании». В условиях снижения качества человеческого ресурса работодатели готовы обучать новичков, но при этом в личностном плане они должны соответствовать культуре предприятия. Если соискатель не конгруэнтен корпоративным ценностям компании, то наем его на работу ста-

Долгополова Ирина Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры экономики; Березниковский филиал Пермского национального исследовательского политехнического университета; 618404, Березники, ул. Тельмана, 7; i_dolgopolova@mail.ru.

новится нецелесообразным — развитие профессиональных компетенций возможно, а вот формирование личностных компетенций (особенно для опытных кандидатов) представляется маловероятным. Таким образом, в практике управления КК сегодня не просто красивый термин, а актуальное направление работы.

К сожалению, за запросами практики в настоящее время не успевают теоретические разработки. Само понятие «КК» успешно прижилось в российском бизнесе, а вот его содержание остается расплывчатым. Например, Р.Л. Кричевский (1993 г.) под КК понимает большую часть явлений духовной и материальной жизни коллектива: доминирующие в нем моральные нормы и ценности, принятый кодекс поведения и укоренившиеся ритуалы, манеру персонала одеваться и установленные стандарты качества выпускаемого продукта и т.д. [2].

Ю.Г. Одегов, П.В. Журавлев (1997 г.) утверждают, что культура организации — это совокупность типичных для нее ценностей, норм и точек зрения или идей, которые сознательно или подсознательно формируют образец поведения для сотрудников организации [2].

В.В. Томилов (2000 г.) определяет КК как совокупность мышления, определяющая внутреннюю жизнь организации; это образ мышления, действия и существования [2].

В.В. Козлов, А.А. Козлова (2000 г.) под КК понимают систему формальных и неформальных правил и норм деятельности, обычаев и традиций, индивидуальных и групповых интересов, особенностей поведения работников данной организационной структуры, стиля руководства, показателей удовлетворенности работников условиями труда, уровня взаимного сотрудничества, идентифицирования работников с предприятием и перспективами его развития [2].

А.А. Максименко (2003г.) рассматривает КК в качестве отношений, норм и ценностей, стилей поведения, которые воспроизводятся между людьми, считая признак воспроизводства ключевым в анализе и функционировании культуры [6].

Анализ выше представленных и других определений показывает, что наиболее часто в них встречаются формулировки «корпоративные ценности и нормы, писанные и неписаные правила, по которым живет компания», а также «система корпоративных коммуникаций, направленных на достижение баланса интересов внутри компании».

Кроме того, анализ определений понятия «КК», предлагаемых отечественными авторами, показал: в большинстве случаев термин «КК» подменяется сочетанием «организационная культура», что неправомерно. Данные понятия не могут быть синонимами, но они являются взаимосвязанными. В.В. Томилов обращает внимание на то, что КК может рассматриваться как выражение основных ценностей в организационной структуре; системе управления; кадровой политике, оказывая на них свое влияние [2].

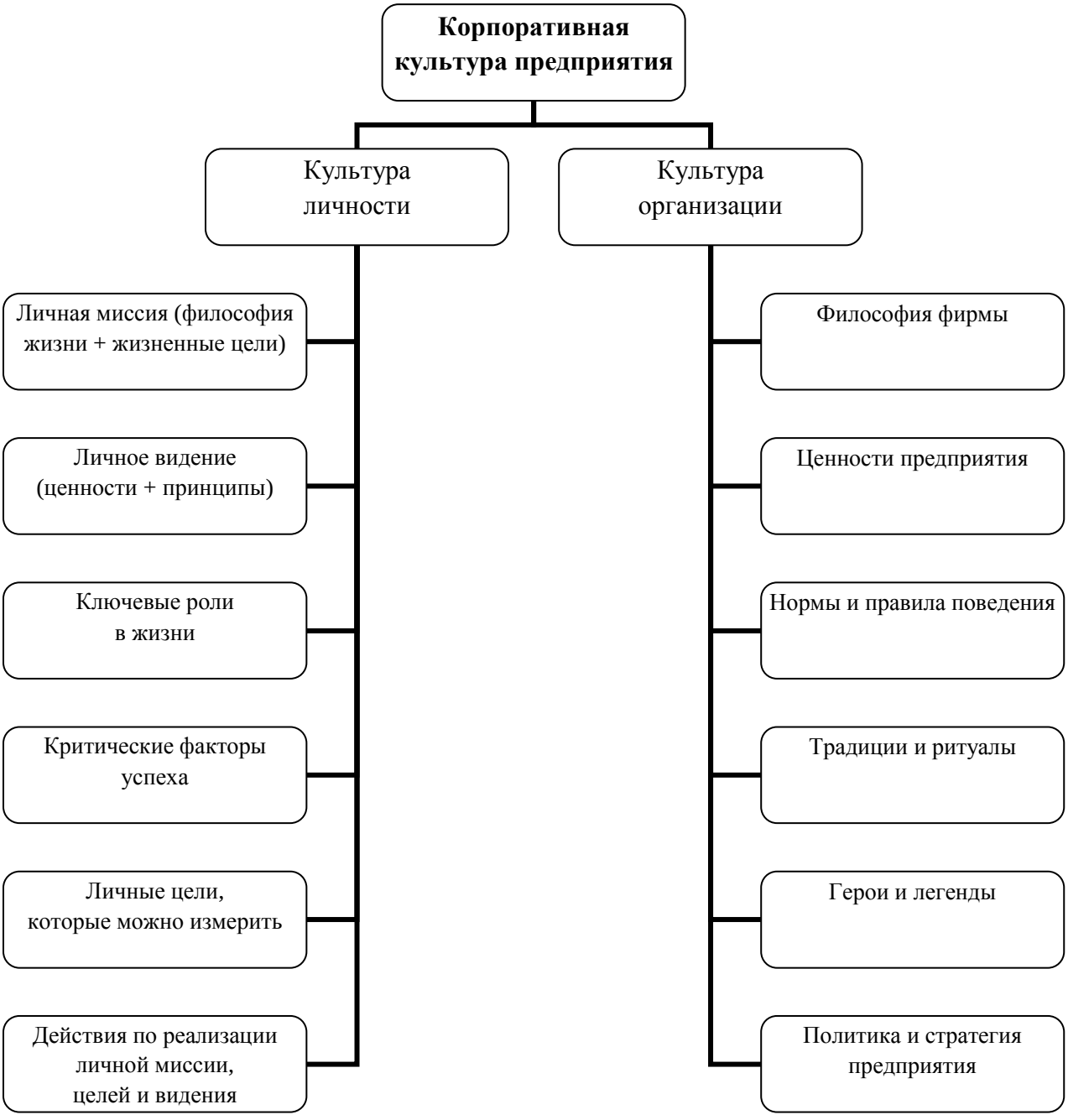
Наш опыт сопровождения предприятий в области психологии управления свидетельствует, что термины «организационная культура» и «корпоративная культура» нельзя отождествлять. Первая определяет поведение людей на предприятии, так как задает желательные и ограничивает нежелательные модели трудовых действий сотрудников. А корпоративная культура определяет духовную жизнь в организации и является, скорее, следствием сформированной организационной культуры.

Поэтому нельзя не согласиться с пониманием соотношения данных терминов одним российским бизнесменом: «Любая организация, если хотите — мозг. Его левое полушарие — организационная структура, штатное расписание, должностные обязанности, система управления. А правое полушарие — это культура организации: нормы поведения, ценности, обычаи, ритуалы и табу, принятые в коллективе. Сюда же относятся местные анекдоты, легенды, герои и изгои, словом все, что принято называть системой взаимоотношений» [4].

Носители корпоративной культуры — это люди. Но во многих организациях наблюдается удивительный феномен — чем больше руководство озабочено формированием КК, тем больше она отделяется от личности сотрудников, становясь атрибутом организации, а не личности. В результате уже сотрудник должен менять ценности и подстраиваться под философию организации. Следствие этого феномена на практике — деформация КК в разных вариантах: сотрудники негативно воспринимают действия руководства по развитию культуры, превышены показатели текучести кадров по социально-психологическим причинам, предприятие-работодатель не является ценным в глазах потенциальных сотрудников.

Поэтому анализ содержания термина «КК» будет наиболее полным, если провести параллели между культурой личности и культурой организации. Такой подход учитывает психологические аспекты управления персоналом и приводит к сбалансированности работы и личной жизни со-

трудников. Если ранее в исследованиях утверждалась необходимость формирования корпоративной культуры и воспитания соответствующих ценностей у сотрудников, то сегодня все чаще звучит мысль о необходимости согласованного подбора в системе «организация — сотрудник». При этом корпоративная культура может рассматриваться как система из двух конструктов: личность и организация (рисунок).



Личность и организация в структуре корпоративной культуры (составлено на основе данных Е. Ветлужских [1])

Национальные особенности культур

Представители разных культур	*Условное название*	*Краткая характеристика*
Американский менеджмент	«Инструментальный» подход к пониманию организации	Превалирует взгляд на организацию как на набор целей, которые достигаются посредством определенной иерархической структуры с властными полномочиями на функциональной основе. Культура в целом очень прагматична и агрессивна, так как основана на традициях свободного предпринимательства. Ее отличают сочетание личного индивидуализма и подчиненности работников жестким организационным технологиям, стремление к повышению квалификации и умение работать в команде, четкая иерархия отношений и патриотизм (лояльность)
Французский менеджмент	«Социальная» точка зрения на организацию	Организацию рассматривается как коллектив людей, управляемых формальной иерархией. Должности в ней определяются в терминах властных уровней и статуса, а властными полномочиями наделены скорее индивиды, чем офисы или функции
Немецкий менеджмент	Приоритет «порядка»	Культура основывается на приоритете «порядка» — определенных правилах, процедурах и соподчиненности работников «сверху-вниз». Для нее характерны аккуратность и пунктуальность, цепная последовательность действия во времени и завершенность спланированного времени в конечном результате
Английская система управления	Культура согласия	Сформировалась под влиянием завоеваний Великобритании и отличается некоторым снобизмом и снисходительным отношением к другим культурам. Ее особенности — прагматизм и расчетливость во взаимоотношениях, приверженность традициям, сдержанность и неторопливость
Российский менеджмент	Культура принадлежности, правил и силы	Воля к победе, вера в свои силы и желание действовать. Негативное отношение к внешней среде, доминирование личных отношений над профессиональными, недостаточное умение работать в компании, отсутствие опыта и культуры развития персонала, бюрократический стиль руководства, чрезмерный контроль и нечеткое распределение обязанностей

[*] Составлено на основе данных Р.Д. Льюиса, М.А. Положихиной [5, 7].

На рисунке показано, что в структуре КК предприятия равнозначны культура личности и культура организации. Исходя из этого важная задача компании — интеграция целей личности и корпорации. Но следует помнить, что если работодатель ориентирован на коллектив высококвалифицированных сотрудников, то психология восприятия предприятия профессионалами отличается тем, что они предпочитают компании более понятные и предсказуемые, т.е. с развитой или формирующейся КК.

Серьезная проблема, связанная с внедрением КК на российских предприятиях, — это несоответствие насаждаемых ценностей и мероприятий особенностям психологии российских сотрудников. Известно, что различия в национальных культурах куда более значимы, чем влияние корпоративных культур. То есть национальные особенности первичны, а внутренняя культура организации вторична. Поэтому попытки внедрить зарубежные концепции КК «под копирку» заранее обречены на неудачу. Между тем сегодня именно западные модели КК (в отсутствие отечественных концепций) оказывают серьезное влияние на формируемую культуру российского бизнеса.

Доказано, что в различных национальных культурах сформировались разные концепции организаций. В таблице представлены националь-

ные особенности, которые определяют культуру управления.

Как видно, управленческие особенности представителей, живущих в разных условиях, имеют яркие отличия, зачастую даже полярные. Поэтому КК не может формироваться и оцениваться по шкале какой-либо одной страны. Для российского общества развитие КК представляет эффективное направление совершенствования социально-рыночной модели по конструктивному пути. При этом должны учитываться как положительные российские элементы культуры и лучшие черты психологии коллективизма, так и опыт западных стран по развитию корпоративных отношений и корпоративного управления [7]. Перспективное развитие КК на российских предприятиях предполагает учет национальных особенностей, ориентацию на российский менталитет. Западные модели КК нецелесообразно копировать на российскую действительность. Гораздо продуктивнее адаптировать западные модели к российским реалиям, сохранив при этом уникальный профиль российского бизнеса и российского сотрудника.

Таким образом, анализ категории «корпоративная культура» в психологии управления позволяет сделать ряд выводов:

1. КК — это психологическая категория, которая стала уникальным инструментом управления, в частности, нематериальной мотивации.

2. Понятие КК отличается незрелостью и размытостью в характеристиках, но оно имеет конкретные черты, отличающие его от понятия «организационная культура».

3. Копирование западных моделей КК — это ошибочный путь. Целесообразнее адаптировать наиболее успешные западные модели к культурному профилю российских предприятий и психологии сотрудников.

4. В процессе формирования КК должна учитываться личность каждого сотрудников. По мнению П. Сенге, когда организация берет за точку отсчета личные цели своего сотрудника, она становится для него инструментом самореализации, а не поработившей его машиной [8].

Список литературы

1. *Ветлужских Е.* Мотивация и оплата труда: Инструменты. Методики. Практика. М.: Альпина Паблишер., 2011. 151 с.
2. *Грошев И.В.*, Емельянов И.В., Юрьев В.М. Организационная культура. М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 288 с.
3. *Гулимова А.* Корпоративная культура: создать нельзя исправить // Управление персоналом. 2010. № 9. С. 48–56.
4. *Епихина С.* Держишься за красный галстук = девиантное поведение, или Как правильно отстаивать свою позицию // Управление персоналом. 2011. № 17(261). С. 6–10.
5. *Льюис Р.Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 1999. 440 с.
6. *Максименко А.А.* Организационная культура: системно-психологические описания: учеб. пособие / Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2003. 168 с.
7. *Положихина М.А.* Российская делова культура // Психология для руководителей. 2008. № 11. С. 34–38.
8. *Сенге П.* Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 1999. 408 с.

CATEGORY OF CORPORATE CULTURE IN MANAGEMENT PSYCHOLOGY

Irina V. Dolgopolova

Berezniki branch of Perm National Research Polytechnic University;
7, Telman str., Berezniki, 618404, Russia

In article the main contradictions connected with introduction of the category «corporate culture» in practice of management at the Russian enterprises are analysed. They concern the indistinct formulation of this term, difficulties of calculation of economic effect of introduction of corporate culture. Distinctions of the terms «organizational» and «corporate culture» are shown. The problems lying in line with psychology of management are characterized: this perception of corporate culture the personnel because of attempts to introduce the western models in practice of work of the Russian enterprises and discrepancy of values of the personality to corporation values.

Key words: corporate culture; organizational culture; human resources; management psychology; human resource management; corporate and personal values.

УДК 159.964.2 + 159.9.075

РЕПЛИКАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ С. МОСКОВИЧИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ, РЕЗУЛЬТАТЫ

И.В. Смирнова

В статье описывается использование метода репликационных исследований при изучении представлений о психоанализе на примере реконструкции исследования С. Московичи. В исследовании использовались метод интервью, метод опроса. В результате репликации выделено общее и частное в представлениях о психоанализе французских и российских студентов. При сравнении результатов выявлено, что аттитюд в отношении психоанализа у современных российских студентов значимо более благоприятный.

Ключевые слова: социальные представления; С. Московичи; психоанализ; методологический инструментарий; репликация; аттитюд.

По опубликованным данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) около 40 % обращающихся за помощью пациентов нуждаются не в медицинской помощи, а в психотерапевтической. Согласно европейским отчетам ВОЗ 2011 г. количество людей с психическими расстройствами (доклинического и клинического уровня) в Европейском союзе составляет более 160 млн. человек, т.е. одну треть населения Европы. По мнению М.М. Решетникова, подобная проблема является общей для всех стран, в том числе и для России. Решение проблемы достойного психического здоровья нации можно рассматривать с точки зрения кадрового обеспечения России специалистами в области психического здоровья [13].

Другой стороной проблемы психического здоровья населения, оказания психологической помощи является готовность нашего современника и соотечественника обратиться к специалисту за помощью в области психического здоровья, готовность опереться на психологическое знание. Какое фоновое знание о психологической помощи дает россиянину современная культура? Имеются ли у россиян представления о знаниях, на которых она основывается, о теоретических основах психологической помощи? Концепция Фрейда — важная часть психологического знания. При включении психологических знаний в индивидуальный образ действительности эта система взглядов влияет на психический мир человека, его представления о психологии, на процесс и результат взаимодействия в рамках психологической помощи. Если результаты исследования отношений психоанализа с культурой освещаются в российских научных трудах [8], то специфика представленности психоанализа в индивидуальном сознании обычного россиянина пока не находилась в поле внимания современных исследователей.

Начало подобным исследованиям было положено С. Московичи, который представил результаты в монографии «Психоанализ: его образ и его публика» (1961) [12]. Для него, прежде всего, важно было установить, как научное знание трансформируется в обыденное и начинает конституировать социальный мир обычного человека, и ответ на этот вопрос он искал на материале психоанализа и его представленности в культуре Франции. С его точки зрения, обычный человек берет знание из культуры (СМИ и т.д.) в зависимости от своих потребностей и интересов. Из пространства культуры знание переходит в индивидуальное сознание, претерпевая различные изменения. В своей работе он выдвигает гипотезу о том, что у каждого преставления есть три измерения: аттитюд, информация и поле представления. Информацию он рассматривает как сумму знаний об объекте. Аттитюд — это эмоциональное отношение к объекту представления. Поле представления — иерархическая организация элементов представления. В своем исследовании С. Московичи описывает представления, на основании которых выявляет глобальную ориентацию относительно объекта соци-

Смирнова Ирина Викторовна — аспирант кафедры общей и клинической психологии; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; ira89082510064@yandex.ru.

ального представления [12, p. 23–25]. О данном исследовании упоминается во многих современных научных исследованиях — Т.П. Емельяновой, Д. Жодле, Р. Фарра, М. Хьюстона [1, 2, 11, 6].

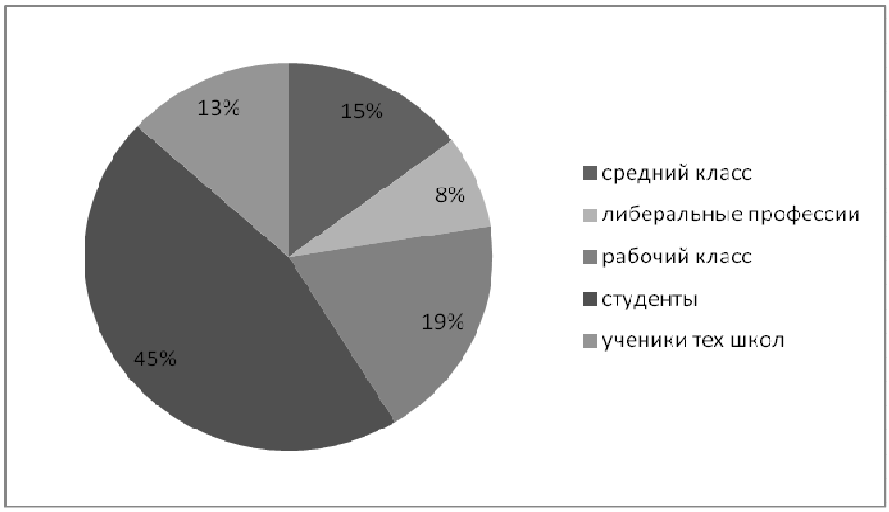
Цель настоящего исследования состоит в освещении эмпирических данных, полученных в ходе репликации исследования С. Московичи. Правомерность сопоставления результатов определяется примерным равенством «возраста» свободной представленности психоанализа в культуре: полстолетия как во Франции пятидесятых годов XX в., так и в России в начале второй декады XXI в. (из-за запрета этой концепции в СССР на протяжении периода около пятидесяти лет) [4].

Реконструкция классических исследований в современном научном поиске дает возможность проследить особенности развития различных психологических характеристик в зависимости от изменений исторической ситуации [14]. Социальная среда изменяется, а это значит, что классические исследования, не утратив методологической актуальности, устаревают с точки зрения полученных данных. Метод репликационных исследований использовали в своих работах Н.Н. Толстых [10], И.А. Корепанова [3]. Репликация — это «второй эксперимент, который воспроизводит или реплицирует более ранние исследования; каждая из частей эксперимента, которая содержит все основные параметрические изменения, представляющие интерес» [7]. В российской психологии чаще используется термин не «репликация», а «повторение». В издании «Reconstructing the mind: Replicability in research on human development» был проведен анализ метода репликационных исследований. Авторы отмечают, что любое репликационное исследование, воссоздающее методологический инструментарий предыдущего исследования, сталкивается с рядом общих проблем. Одна из них — наличие в психологии неразрешимой проблемы, заключающейся в следующем: принятие преходящей природы явлений и объектов существующего мира приводит к невозможности строгой репликации и поэтому надежность заключений и результатов повторенных исследований весьма сомнительна [15, p. 1–3]. Далее отмечается, что такой взгляд приводит к релятивистской позиции, проявляющийся в том, что компетентность и этичность результатов научного исследования не могут быть оценены людьми, живущими в другой исторический период. Следовательно, более разумным способом решения данной проблемы является принятие базовых характеристик всего живого — принятие развития и трансисторичности объектов и явлений окружающего мира. Принимая данное утверждение, разумеется, мы не освобождаемся от погрешностей при использовании метода репликации. Но оно помогает понять суть процесса повторения классического психологического исследования: репликационный подход к экспериментальной работе позволяет провести сравнительный анализ показателей психических процессов в их генезисе, динамике и выявить наличие или отсутствие каких-либо отличий в развитии сходных качеств, характеристик у представителей разных поколений. Авторы выделяют два вида репликации. Первый — это строгие, так называемые дублированные репликации («strict, precise, (virtually) exact, or carbon-copy replications»). Это «полные» репликации, где одно или несколько экспериментальных условий могут быть изменены лишь с большой осторожностью. Второй вид — концептуальные, неточные, нестрогие репликации (conceptual, imprecise, or inexact replications) [15, p. 4], целью которых является пересмотр исходных результатов проведенных ранее исследований. Наше исследование тяготеет ко второму виду репликаций (так как в исходное исследование в связи с возникшими трудностями были внесены некоторые изменения).

Новизна применения метода репликационных исследований заключается в том, что, в отличие от традиционного использования метода с целью выявления различий, обусловленных изменениями исторического контекста, в нашем обследовании репликация позволяет выявить национальные особенности представлений наших соотечественников.

Исследование состояло из четырех этапов.

На **первом этапе** мы изучили группы населения, которые были обследованы С. Московичи. Изначально он планировал взять только репрезентативную выборку, но впоследствии сформировал шесть групп из разных слоев общества, объясняя это тем, что некоторые социальные слои будут представлены в недостаточном количестве, такие как представители либеральных профессий и студенты [12, p. 34]. В окончательном варианте группа студентов составила 45 % от общего числа обследованных (см. рисунок).



Представленность различных социальных слоев в исследовании С. Московичи

В процессе изучения первоисточника мы выяснили, что именно эти группы показали максимальный уровень информированности о психоанализе [12, p. 38]. Данные слои общества присутствуют в большинстве количественных таблиц исследования. Мы предполагаем, что увеличение доли студентов и введение группы представителей либеральных профессий связано с их высоким уровнем знания психоанализа, они дали исследователю материал для анализа обыденных представлений об этой психологической теории у своих современников. При формировании групп мы в первую очередь стремились воссоздать группы с предположительно высоким уровнем информированности о психоанализе.

На **втором этапе** был восстановлен методологический инструментарий С. Московичи. При попытке воспроизведения методологии в нашем исследовании мы столкнулись с рядом трудностей. В монографии не описан четко методологический инструментарий и не приведены вопросы свободного интервью, анкетного опроса, компьютерной анкеты. При обсуждении некоторых тем приведены только варианты ответов. Нет фиксированной формы вопроса, имеются многочисленные модификации одного вопроса, модификации вопроса для различных групп не приведены. Не удалось реконструировать вопросы для всех групп. Например, С. Московичи пишет, что разработал 14 обязательных вопросов для всех групп [12, p. 34–35], но при их реконструкции по приведенным ответам респондентов удалось восстановить лишь 13 вопросов. В таблицах, где результаты представлены в процентном соотношении долей, общая сумма иногда не соответствовала 100 % [12, p. 96].

Для преодоления выявленных трудностей были предпиняты следующие действия. Мы восстановили методологический инструментарий по тексту монографии в целом. Из текста были выписаны все вопросы. Затем открытая форма каждого вопроса вошла в свободное интервью, а закрытая форма вопроса — в анкетный опрос с вариантами ответов из количественных таблиц Московичи. Реконструировали вопросы по приведенным вариантам ответов в случае их отсутствия. Использовали фиксированный вариант вопроса в различных группах. При выборе ориентировались на вопросы, обозначенные в заголовках к таблицам С. Московичи, рассматривая их как передающие суть темы. В результате полной реконструкции были составлены вопросы для интервью (открытые вопросы) и вопросы для опросника (закрытые вопросы с вариантами ответов). После реконструкции вопросов проводилась экспертиза текста вопросов опросника и интервью на адекватность перевода специалистом-переводчиком (в роли эксперта выступила преподаватель английского языка ПИ ФСИН О.А. Свириденкова, опыт работы 10 лет).

Третий этап состоял в использовании в нашем исследовании реконструированного методологического инструментария. Всего в исследовании приняло участие 115 человек. Интервью с записью на диктофон было проведено в выборке из 62 человек. Опросник использовался в выборке студентов из 53 человек.

Четвертый этап включал качественную и количественную обработку первичных данных и анализ полученных результатов. При обработке результатов были использованы методы математической статистики (критерий Фишера) для выявления отсутствия / наличия значимых различий между выборками.

При обработке текстов интервью выявились трудности, обусловленные культурными различиями между сравниваемыми выборками. Так, оказалось, что эмпирические индикаторы, использованные при составлении типологий ответов на французской выборке, не всегда могут в полной мере отразить содержание высказываний россиян. Полное или частичное несоответствие было выявлено в среднем в 52 % ответов, т.е. каждый второй респондент понимает не так, как предположил, обрабатывая ответы французских респондентов, С. Московичи. При этом наибольшее количество случаев полного соответствия ответов российских респондентов индикаторам, выявленным на французской выборке, получено в группе вопросов, характеризующих информированность о психоанализе, несколько меньшее — в группе вопросов, характеризующих социальную установку на психоанализ (отношение к нему). Если рассматривать отдельные вопросы, то максимальное соответствие (100 %) индикаторам С. Московичи имелось в ответах на вопрос об основателе психоанализа. Высокие показатели соответствия обнаружены при изучении наличия у респондентов интереса к психоанализу (95 %), а также в ответах на вопрос: «Вы обратились бы к психоанализу, если бы у Вас были трудности? По каким причинам?» (81 %).

Наиболее значительные несовпадения (60–63 %) были выявлены в ответах на вопросы: «Что такое психоанализ?», «В каких случаях используется психоанализ?». Сравнительный лексический анализ вербальной продукции, полученной при предъявлении этих двух вопросов, показал, что в *определениях* психоанализа российские респонденты используют лексические средства, отличающиеся наибольшим (по сравнению с ответами на другие вопросы интервью) единообразием. Однако в словесных описаниях *функций* психоанализа нарастает разнообразие (несогласованность) используемой лексики [5].

Причина такого многообразия и, как следствие, несовпадения типичных ответов российских респондентов с индикаторами, предложенными С. Московичи, кроется, с одной стороны, в специфике наличной социальной ситуации в России, с другой — в особенностях менталитета россиян

Специфика социальной ситуации (в частности, новизна некоторых социальных реалий) была выявлена, например, при «работе» с вопросом: «К какой категории, как Вы считаете, можно отнести людей, наиболее часто обращающихся к психоанализу (социальные параметры, слои общества)?». Автор считал, что люди негативно относятся к психоанализу, если говорят, что «к психоанализу обращаются богатые люди». В ответах россияне описывали уровень материального благополучия, используя 40 различных словосочетаний, обозначающих материальный достаток, но мы не знали, какие из них имеют негативный эмоциональный оттенок. В результате дополнительного исследования было установлено, что слова и словосочетания «более обеспеченные люди», «буржуазия», «более обеспеченный слой населения», «высший слой» и лишь затем (по частоте встречаемости) «богатые» окрашены негативно, т.е. выражают общее отрицательное отношение к тем, чей уровень достатка превосходит средний, что и позволило констатировать соответствие приведенному выше индикатору [5].

При ответах на вопросы интервью россияне часто использовали стратегию подмены задаваемого вопроса другим, изменяли его смысл и отвечали на собственный вариант вопроса. Так, ответы на вопрос: «В каких случаях используется психоанализ?» лишь в 26 % случаев соответствовали индикаторам С. Московичи. В 71 % случаев респонденты его переформулировали, используя следующие модификации: «В каких случаях применение психоанализа оправданно?» (55 %); «Для чего он используется (каков ожидаемый результат)?» (8 %); «Где он используется (в каких сферах общества)?» (6 %); «С кем предполагается осуществлять психоанализ (каков объект воздействия)?» (2 %). Более половины опрошенных, рассматривая использование психоанализа, начинали озвучивать свои внутренние размышления о допустимости/недопустимости постороннего вмешательства во внутреннюю жизнь человека, о человеке как субъекте психического здоровья, о ценности понимаемой таким образом субъектности как праве человека самому распоряжаться своим психическим здоровьем, о влиянии психоанализа на личность [5].

По вопросу: «Как Вы думаете, психоанализ может влиять на личность?» мнения респондентов разделились: 45 % полагают, что в процессе

психотерапии личность не меняется (в глубинном смысле) (первая группа), в то время как 55 % опрошенных верят, что личность подвержена глубоким изменениям (вторая группа). Однако в оценке знака изменений тем не менее мнения представителей двух групп совпадают: преобладает представление об их позитивном характере (71 % ответов).

В первой группе респонденты называют следующие поверхностные изменения: *помогает корректировать поведение, дает возможность лучше понять себя, помогает изменить отношение, может немного корректировать личность, помогает решить проблемы, раскрывает возможности личности.* Во второй группе в основном делался акцент на знаке (характере) изменений.

По результатам интервью были выделены также следующие типы оснований (причин) обращения к психоанализу. Тотальные основания, в любом случае, обозначены в 13 % случаев. Внутренние основания, такие как неспособность самостоятельно решить свои проблемы, восприимчивость человека к психотерапии, проблемы самопонимания, желание самого человека, назывались в 22 % случаях. В 60 % случаев респонденты указывали внешние причины обращения к психоанализу: *амнезия, лечение депрессии, социальная дезадаптация, неадекватный человек, невроз, нервное расстройство, психическое расстройство, совсем все плохо, фобии, замкнутость, комплексы, коррекция поведения, профотбор, психологическая травма*. Чаще в их числе упоминались проблемы обычной жизни, а не чрезвычайные обстоятельства или расстройства на уровне патологии [5].

После подведения итогов по интервью мы проанализировали ответы на вопросы опросника. Мы сравнили их с данными из монографии, проанализировали в первую очередь результаты, которые значимо схожи и значимо различны при сравнении российской и французской выборок студентов. Затем мы проанализировали ответы российских респондентов, касающиеся отношения к психоанализу, и сравнили их с ответами французских респондентов.

В соответствии с методологией С. Московичи, представления имеют структуру. При помощи опроса мы выявили общее и различное в структуре представлений о психоанализе французских и российских студентов. Общее в представлениях — это значимые совпадения в ответах опросника при сравнении результатов, различное — это значимые различия в ответах (см. табл. 1).

Наибольшее количество значимых совпадений при сравнении результатов российской и французской выборок студентов было выявлено по теме вопросов, касающихся непосредственно образа психоанализа с точки зрения С. Московичи («В какой ситуации нужно идти в психоанализ?», «Какой возраст лучший для психоанализа?», «К какой категории, как Вы считаете, можно отнести людей, наиболее часто обращающихся к психоанализу (социальные параметры, слои общества)?»). Как и 50 лет назад, студенты черпают информацию о психоанализе не только из пространства образования, но и из СМИ, определяют аналитика чаще как психолога, обозначают возраст обращения к психоанализу, когда выстраиваются стабильные сексуальные отношения, обозначают извечные темы «разочарование в любви» и «семейные проблемы».

Максимальное количество значимых различий при сравнении результатов российской и французской выборок студентов было выявлено по теме вопросов, касающихся влияния повседневной жизни на представления респондентов о психоанализе («Какой материал приносит пациент аналитику?», «Какая техника, кажется, Вам больше всего походит на психоанализ?», «Как Вы думаете, психоанализ может влиять на личность?»). В отличие от французских сверстников, российские студенты чаще обращают внимание на социальную составляющую, от отношений со специалистом ждут определенного эмоционального взаимоотношения, теплоты, доверительности, уходят от мучительного выбора деталей, соскальзывая на варианты *все или ничего*, не имея опыта искупительных ритуалов, прививаемых церковью, выбирают беседу как основной способ взаимодействия.

Затем мы выделили вопросы, которые определяют аттитюд к психоанализу и выделили маркеры положительного и отрицательного аттитюда в ответах (см. табл. 2).

При сравнении значимых различий в ответах российских и французских студентов на основании признаков аттитюда, выделенных С. Московичи, мы получили следующие результаты: в одном из трех случаев у российских студентов присутствует признак положительного аттитюда; в трех случаях из трех в ответах французских студентов присутствуют признаки отрицательного аттитюда.

Таблица 1. Значимые совпадения и значимые различия в ответах опросника при сравнении результатов российской и французской выборки студентов

Вопрос опросника	*Ответы*	*Частота встречаемости ответа, в %*		*Критерий Фишера*	*Уровень значимости*
		Французские студенты	*Российские студенты*		
	Значимые совпадения				
Каковы причины распространения психоанализа?	Научная ценность	11	6	1,122	
Ваши источники информации о психоанализе	Школа, университет	45	39	0,863	
	Беседа	21	24	0,509	
	Книги	16	13	0,58	
	Развлекательные передачи	18	17	0,184	
С кем можно сравнить психоаналитика?	Со священником	5	6	0,273	
	С психологом	50	59	1,122	
Как Вы считаете, к какой из следующих категорий относятся люди, наиболее часто обращающиеся к психоанализу?	Интеллектуалы	11	7	0,868	
	Творческие люди	14	25	0,736	
	Буржуазия	15	9	1,153	
В каком возрасте психоанализ наиболее эффективен?	Зрелость	4	7	0,825	
	Детство	4	7	0,825	
	20–30 лет	35	37	0,26	
В какой ситуации нужно обратиться к психоанализу?	Разочарование в любви	14	9	0,98	
	Семейные проблемы	24	19	0,702	
	Иное	26	29	0,395	
	Значимые различия				
Каковы причины распространения психоанализа?	Социальные потребности	20	51	4,117	$p \le 0{,}000$
	Реклама, мода	26	4	4,136	$p \le 0{,}000$
В какой ситуации нужно обратиться к психоанализу?	Затруднения в адаптации	0	24	6,037	$p \le 0{,}000^{*}$
	Душевные расстройства	0	5	2,659	$p \le 0{,}004^{*}$
В каком возрасте психоанализ наиболее эффективен?	Юность	50	34	3,426	$p \le 0{,}000$

Окончание табл. 1

Вопрос опросника	*Ответы*	*Частота встречаемости ответа, в %*		*Критерий Фишера*	*Уровень значимости*
		Французские студенты	*Российские студенты*		
Как Вы считаете, к какой из следующих категорий относятся люди, наиболее часто обращающиеся к психоанализу?	Рабочие	0	24	6,037	$p \le 0{,}000^*$
	Богатые	52	17	4,719	$p \le 0{,}000$
С кем можно сравнить психоаналитика?	С ученым	0	5	2,796	$p \le 0{,}000^*$
Как относится аналитик к своему пациенту?	Как друг	12	45	4,75	$p \le 0{,}000$
	Как доктор	55	21	4,458	$p \le 0{,}000$
	Как родитель	0	11	4,192	$p \le 0{,}000^*$
Какой материал приносит пациент аналитику?	Все, что приходит в голову	29	12	2,666	$p \le 0{,}003$
	Воспоминая детства	20	6	2,679	$p \le 0{,}003$
	Все выше перечисленное	0	51	9,865	$p \le 0{,}000^*$
Какая техника больше всего походит на психоанализ?	Беседа	29	84	7,329	$p \le 0{,}000$
	Исповедь	43	7	5,543	$p \le 0{,}000$
	Гипноз	23	3	4,043	$p \le 0{,}000$
Как Вы думаете, психоанализ может влиять на личность?	Да	19	44	3,883	$p \le 0{,}000$
	Нет	34	10	4,251	$p \le 0{,}000$
	Да, в худшую сторону	9	1	2,893	$p \le 0{,}001$
	Иной ответ	0	11	4,192	$p \le 0{,}000^*$
Можно использовать психоанализ в политических целях?	Да	26	66	5,14	$p \le 0{,}000$

Примечание. Звездочкой в таблице обозначены случаи, когда частота встречаемости ответов в одной из выборок равна 0. В этих случаях результат может оказаться неоправданно завышенным [9, с. 160].

Таким образом, в структуре представлений о психоанализе французской публики и наших соотечественников есть общее и различное. В представлениях россиян и французов совпадения большей частью касаются информированности о психоанализе. Максимальная доля несовпадений в ответах французов и россиян обусловлена влиянием российского менталитета, проявившимся, с одной стороны, в подмене задаваемого вопроса другим внутренне более значимым, а с другой, определена повседневной жизнью респондентов. В аттитюде к психоанализу отмечается тенденция в сторону более благоприятного и менее негативного по сравнению с французскими респондентами, но можно предположить наличие подводных течений и сопротивлений в обращении к специалисту, т.к. только одна пятая часть населения указывает внутренние причины обращения к специалисту. В ходе исследования выявлены значимые темы для россиян в области взаимодействия в рамках диады *специалист в области психического здоровья — клиент*: о допустимости / недопустимости постороннего вмешательства во внутреннюю жизнь человека, о человеке как

субъекте психического здоровья, о ценности субъектности как праве человека самому распоряжаться своим психическим здоровьем, о влиянии психоанализа на личность.

Заключение. Репликационный подход к экспериментальной работе позволяет провести сравнительный анализ показателей психических процессов в их генезисе, динамике и выявить наличие или отсутствие каких-либо отличий в развитии сходных качеств, характеристик у представителей разных поколений. В данном исследовании метод репликационных исследований позволяет еще и выявить национальную специфику имплицитных теорий (моделей) психического здоровья, которые направляют (регулируют) усвоение и применение обычным человеком любых концепций психологической помощи и определяют его готовность к взаимодействию со специалистом в области здоровья.

Таблица 2. Распределение ответов французских и российских студентов со значимыми различиями в ответах в соответствии с маркерами аттитюда по С. Московичи

Признаки аттитюда	*Вопрос опросника*	*Наличие маркера аттитюда*	
		Французские студенты	*Российские студенты*
Положительный аттитюд			
Широкое поле применения (положительный аттитюд) [12, p. 23–25]	Может ли психоанализ использоваться в политических целях?	нет	да
Психоанализ улучшает состояние тех, кто к нему обращается (положительный аттитюд) [12, p. 23–25]	Как Вы думаете, психоанализ влияет на личность?	нет	нет
К психоанализу обращаются чаще художники, интеллектуалы (положительный аттитюд) [12, p. 23–25]	Какие слои населения чаще обращаются к психоанализу?	нет	нет
Негативный аттитюд			
Психоанализ применим только в четких случаях (негативный аттитюд) [12, p. 23–25]	Может ли психоанализ использоваться в политических целях?	да	нет
Психоанализ ухудшает состояние тех, кто к нему обращается (негативный аттитюд) [12, p 23–25]	Как Вы думаете, психоанализ влияет на личность?	да	нет
К психоанализу обращаются чаще богатые (негативный аттитюд) 2 [12, p. 23–25]	Какие слои населения чаще обращаются к психоанализу?	да	нет

Список литературы

1. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлениийв условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2006. 400 с.
2. *Жодле Д.* Социальное представление: феномены, концепт и теория // Социальная психология / под ред. С. Московичи. 7-е изд. СПб.: Питер, 2007. С. 372–394.
3. *Корепанова И.А.* И вновь о параллелограмме развития памяти: данные московской выборки // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2010. № 4. С. 43–60. URL: http://www.psyanima.ru (дата обращения: 01.09.2013).
4. *Левченко Е.В.* Психоанализ и психологическое знание: динамика отображений психоанализа в отечественных учебниках психологии // Психология будущего: материалы межвуз. науч.-практ. конф., посв. 150-летию со дня рождения З. Фрейда / под ред. Е.В. Левченко. Пермь, 2008. С. 3–21.
5. *Левченко Е.В.*, Смирнова И.В. О методологических трудностях эмпирического исследования

представлений современных россиян о психоанализ // Сибирский психологический журнал. 2013. № 47. С. 103–110.
6. *Московичи С.*, Хьюстон М. От науки к здравому смыслу // Социальная психология / под ред. С. Московичи. 7-е изд. СПб.: Питер, 2007. С. 564–591.
7. *Оксфордский* толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера, 2002. URL: http://vocabulary.ru/dictionary/ (дата обращения: 01.09.2013).
8. *Рождественский Д.С.* Специфика развития психоанализа в России: дис. … канд. психол. наук. М.: РГБ, 2002. 201 с.
9. *Сидоренко Е.В.* Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2003. 350 с.
10. *Толстых Н.Н.* Тенденции изменения мотивации и временной перспективы российских подростков // Ребенок в современном обществе: сб. науч. ст. / под ред. Л.Ф. Обуховой, Е.Г. Юдиной. М.: МГППУ, 2007. С. 142–150.
11. *Фарр Р.* Социальные представления) // Социальная психология / под ред. С. Московичи. 7-е изд. СПб.: Питер, 2007. С. 395–405.
12. *Moscovici S.* Psychoanalysis: Its image and its public. Cambridge: Polity Press, 2008. 416 p.
13. *Reshetnikov M.* New Approaches to Psychoanalytic Education and Training URL: http://www.ecpp.org/en/mreshetnikov-new-approaches-psychoanalytic-education-and-training (date of access: 27.08.2013).
14. Ruckriem G. Digital technology and mediation – a challenge to activity theory// Культурно-историческая психология. 2010. № 4. С. 30–38.
15. *Van der Veer R.*, van Ijzendoorn M., Valsiner J. (eds.) Reconstructing the mind. Replicability in research on human development / Norwood. N.J.: Ablex, 1994. P. 294. URL: https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/10166 (date of access: 27.08.2013).

REPLICATION OF S. MOSKOVICHI'S RESEARCH: METHODOLOGAL CHALLENGES, RESULTS

Irina V. Smirnova

Perm State National Research University; 15, Bukirev str.,Perm, 614990, Russia

This paper deals with the perception of English language teaching profession both at school and at university The article deals with the method of replicative research when studying representations on psychoanalysis following the example of reconstruction research of Serge Moskovichi. The interview method and the poll method were used in the research. As a result of the replication the general and the private in representations on psychoanalysis of the French and Russian students were chosen. When comparing the results it is revealed that attitude concerning psychoanalysis of modern Russian students is far more favorable.

Key words: social representations, Serge Moskovichi, psychoanalysis, methodological tools, replication, attitude.

УДК 159.923

ДЕПРЕССИЯ ЗРИТЕЛЕЙ ПОСЛЕ ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КИНОФИЛЬМОВ С НАСИЛИЕМ В СВЯЗИ С ЧЕРТАМИ ЛИЧНОСТИ

М.В. Зубакин

Приводятся результаты исследования связи черт личности (по Г. Айзенку) с депрессией после просмотра кинофильмов с разным уровнем насилия. Было обнаружено, что такая связь существует. Нейротизм и психотизм обнаруживают связь с депрессией зрителей после восприятия кинофильмов с насилием, а экстраверсия-интроверсия такой связи не обнаруживает. Однако черты личности и уровень насилия в кинофильме не взаимосвязаны.
Ключевые слова: депрессия; черты личности; художественные кинофильмы со сценами насилия.

Постановка проблемы

Изучение влияния медианасилия на когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферы традиционно сосредоточено вокруг проблемы агрессии [см.: 3, 7, 9, 11, 12, 23, 24]. Имеется ряд исследований, сосредоточенных на изучении изменений непосредственно в эмоциональной сфере зрителей в ответ на восприятие ими насилия в художественных кинофильмах, новостях, спортивных телепередачах, компьютерных играх и сети Интернет [см.: 9, 11, 13]. Например, было выявлено усиление страха, тревоги и эмоциональной подавленности зрителей после просмотра кинофильмов со сценами насилия и фильмов ужасов [14, 15, 31]. Есть исследования, связанные с поиском личностных переменных, влияющих на когнитивные, эмоциональные и поведенческие ответы зрителей после просмотра кинофильмов с насилием [11, 25, 26, 27, 30, 33, 34]. Так были обнаружены связи привлекательности насилия в массмедиа с эмоциональной неуравновешенностью [16], нейротизмом и эмоциональной восприимчивостью [18, 30, 31], психопатией, импульсивностью [11], стремлением к новизне и с поиском острых ощущений [17, 25, 26, 27, 33, 34].

Между тем связь депрессии в ответ на восприятие кинофильмов с насилием и личностных особенностей зрителей еще не изучалась. В настоящей работе предпринята попытка исследовать этот аспект.

Теоретические и эмпирические предпосылки исследования

Теория депрессии А. Бэка. Когнитивная модель депрессии А. Бека содержит три специфичных понятия, объясняющих психологическую структуру депрессии: 1) когнитивная триада, 2) схемы и 3) когнитивные ошибки (неправильная обработка информации) [1].

Когнитивная триада состоит из трех когнитивных паттернов, определяющих негативное отношение к самому себе, собственному будущему и своему текущему опыту. Негативное отношение к собственной персоне выражается в ощущении себя ущербным, физически, психологически или нравственно дефектным, неадекватным, неизлечимо больным или обделенным, никому не нужным существом, постоянно винящим и ругающим себя за это. Склонность к негативной интерпретации своего текущего опыта выражается в представлениях о том, что окружающий мир предъявляет непомерные требования и/или чинит непреодолимые препятствия на пути достижения жизненных целей, при любом опыте взаимодействия со средой видятся только поражения и потери. Негативное отношение к собственному будущему выражается в том, что человек в депрессии видит впереди лишь нескончаемую череду тяжких испытаний и страданий, разочарования и лишения, провалы и неудачи во всех начинаниях и делах. Другие симптомы, входящие в депрессивный синдром, рассматриваются А. Бэком с соавт. как последствия активации этих негативных паттернов. Нарушения мотивации (например, безволие, отсутствие желаний), повышенная зависимость и даже физические симптомы депрессии (апатия, упадок сил) объясняются искажением когнитивных процессов [1].

Понятие *схемы* объясняет склонность человека в депрессии держаться за свои негативные идеи вопреки присутствию позитивных факторов. Ин-

Зубакин Максим Владимирович – ассистент кафедры психологии развития; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; maxzubakinpsy@rambler.ru.

дивид, воспринимая ситуацию, в которой всегда содержится множество разнообразных стимулов, избирательно реагирует на некоторые из них, комбинируя их в паттерн, определенным образом концептуализируя ситуацию. При этом человек обычно последователен в своих реакциях на однотипные события. Сравнительная устойчивость когнитивных паттернов («схем») определяет устойчивость толкования однотипных ситуаций. При восприятии какого-то события или ряда стимулов у человека активируется схема, связанная с этим событием. В соответствии с активированной схемой индивид отсеивает, дифференцирует и кодирует информацию, категоризирует и оценивает происходящее, опираясь на имеющуюся у него матрицу схем. Субъективная структура различных событий и ситуаций и последующая реакция индивида на конкретную ситуацию детерминируется активированной схемой. Дезактивированная схема легко приводится в движение специфичным средовым стимулом (например стрессовой ситуацией). В психопатологических состояниях, подобных депрессии, у человека нарушается восприятие стимулов: он искажает факты или воспринимает только те из них, которые вписываются в доминирующие в его сознании дисфункциональные схемы. По мере того как эти схемы становятся более активными, расширяется диапазон актуализирующих их стимулов: человек утрачивает контроль над своими мыслительными процессами и не в состоянии задействовать более адекватные схемы.

Убежденность пациента в достоверности его негативных идей сохраняется благодаря систематическим *ошибкам мышления* (неправильной обработке информации), таким как произвольные умозаключения, избирательное абстрагирование, генерализация, переоценка и недооценка, персонализация, абсолютизм и дихотомизм мышления. А. Бэк указывает, что в депрессии человек структурирует опыт относительно примитивными способами. Так, его суждения о неприятных событиях носят глобальный характер, а значения и смыслы, представленные в потоке его сознания, окрашены исключительно негативно, категоричны и оценочны по содержанию, что порождает отрицательную эмоциональную реакцию [1]. Примитивное мышление редуцирует сложность, многообразие и изменчивость человеческого опыта, сводя его к нескольким самым общим категориям. Типичные параметры депрессивного мышления аналогичны особенностям детского мышления (Ж. Пиаже, 1932, 2008): одномерность и глобальность, абсолютизм и морализм, инвариантность, необратимость, эгоцентризм [8].

Когнитивные схемы, связанные с депрессивным состоянием, обычно формируются в раннем детстве в ответ на ситуации дистресса, в которых ребенок не в состоянии сформировать когнитивную схему, позволяющую ему адаптироваться к ситуации. Во взрослом состоянии депрессивные когнитивные схемы могут активизироваться стрессовыми ситуациями, похожими на ситуации в детстве, а также специфическими стимулами, связанными с этими ситуациями [1].

Теория личности Г. Айзенка. Согласно данной теории в личности выделяются три измерения, имеющие биологические основы: экстраверсия — интроверсия, эмоциональная стабильность против нестабильности; нейротизм, психотизм против импульсивного контроля [22]. Экстраверсия связана со степенью преобладания в центральной нервной системе процессов возбуждения и торможения, а также их балансом, который может опосредоваться восходящими влияниями ретикулярной формации [21]. В основе нейротизма лежит лабильность автономной нервной системы, а его выраженность связана с порогами активации симпатической нервной системы и лимбической системой головного мозга. Психотизм связан с кортикальным торможением и, соответственно, субкортикальным растормаживанием [20]. На все три измерения личности наследственность влияет в большей степени, чем средовые факторы [19].

Особенности экстраверсии, нейротизма и психотизма в терминах психологических характеристик и поведения описываются следующим образом. *Экстраверсия* характеризуется социабельностью, общительностью, оптимистичностью, отсутствием надежности в долгосрочных отношениях, поиске новых и острых ощущений, действиями под влиянием момента. Напротив, низкий уровень экстраверсии (*интроверсия*) характеризуется интроспективностью, замкнутостью, надежностью, предпочтением упорядоченности жизни, отсутствием доверия импульсивным решениям. *Нейротизм* характеризуется тревожностью, озабоченностью, быстрыми переменами настроения, нестабильностью, зависимостью, навязчивостью, склонностью к ипохондрии и депрессии, ощущению своей неполноценности и чувству вины. Низкий уровень *нейротизма* проявляется в невозмутимости, уравновешенности, беззаботности, эмоциональной стабильности, независимости, удовлетворенности, ощущениях здоровья, адекватности самооценки, отсутствия склонности к чувству вины. *Психотизм* характеризуется агрессивностью и враждебностью, жестокостью, холодностью, эгоцентризмом, импульсивностью, креативностью, отсутствием склонности к эмпатии, нонконформизмом, склонностью к уединению, расчетливостью. Напротив, низкий уровень *психотизма* характеризуется альтруистичностью, социальной

приспособленностью, склонностью к эмпатии, следованием общепринятым нормам, контактностью [20].

Эмпирические предпосылки исследования. В исследованиях зарубежных психологов было обнаружено, что эмоциональное состояние зрителей после восприятия кинофильмов с насилием может как ухудшаться, так и улучшаться. Так, в ряде работ было обнаружено усиление страха, тревоги и депрессии зрителей [14, 15, 31]. В других исследованиях, напротив, было обнаружено снижение тревоги и депрессии зрителей [28, 29, 32]. В наших предыдущих работах было выявлено, что депрессия зрителей после кинофильмов с насилием по сравнению с кинофильмами без насилия снижается по 6 симптомам (вес тела, чувство вины, суицидальные мысли, раздражительность, несостоятельность и самообвинение) и повышается по 2 симптомам (настроение и утрата аппетита) [5, 6]. Исследования Л. Берковиц (2007), Б. Крейхи (2003) и других обнаружили связь таких личностных особенностей, как нейротизм, психотизм, поиск ощущений, агрессивность и враждебность с привлекательностью насилия в массмедиа [3, 7, 18, 25, 26, 27, 30, 31]. Согласно теории Г. Айзенка, экстраверсия связана с поиском ощущений, нейротизм — с эмоциональной неуравновешенностью и депрессией, а психотизм — с агрессивностью и враждебностью личности [20].

В контексте указанных выше теоретических концепций и эмпирических предпосылок были сформулированы следующие *исследовательские гипотезы*:

1. Симптомы депрессии обнаружат положительные связи с нейротизмом и отрицательные — с экстраверсией и психотизмом, причем количество и сила данных связей после восприятия кинофильма с насилием будет выше, чем после кинофильма без насилия.

2. Экстраверсия-интроверсия, нейротизм и психотизм по отдельности обнаружат влияние на шкалу депрессии после восприятия кинофильма с насилием, но не обнаружат таковое после кинофильма без насилия.

3. Экстраверсия-интроверсия, нейротизм и психотизм по отдельности будут взаимодействовать с уровнем наличия/отсутствия насилия в кинофильме по шкале депрессии.

Метод

В исследовании приняли участие 176 студентов физического и исторического факультетов Пермского государственного педагогического университета, в том числе 93 юноши и 83 девушки в возрасте от 18 до 22 лет (M = 19.48, SD = 0.85).

Участники исследования в смешанных по полу группах (численностью от 5 до 15 человек) просматривали в случайном порядке 2 кинофильма, содержащих или не содержащих сцены насилия. В соответствии с принятой в РФ системой оценки содержания кинопродукции, в качестве стимульного материала использовались кинофильмы 2 категорий: не содержащие сцены насилия «16+» и фильмы ужасов «18+». Информация с обозначением «16+» согласно закону может содержать изображение или описание несчастных случаев и катастроф, сцены насилия (за исключением сексуального) без их натуралистической демонстрации, информацию о наркотиках при условии осуждения их употребления, отдельные бранные слова и (или) выражения, не относящиеся к нецензурной брани, неконкретизированные эпизоды, связанные с сексом. Информация с обозначением «18+» ставит под сомнение семейные ценности, потенциально побуждает детей к действиям, угрожающим их жизни и здоровью, употреблению или изготовлению алкоголя и (или) наркотиков, к суицидам, занятиям проституцией, содержит натуралистичное изображение или описание сцен насилия и нецензурную брань, сцены порнографического характера, оправдывает противоправное поведение [10]. Стимульным материалом служили 4 кинофильма: «Трудности перевода» (реж. С. Коппола) и «Пока не сыграл в ящик» (реж. Р. Райнер) как фильмы без насилия (категория «16+»); «Техасская резня бензопилой» (реж. М. Ниспел) и «Техасская резня бензопилой. Начало» (реж. Д. Либесман) − как фильмы с насилием (категория «18+»).

Показатели депрессии определялись вопросником депрессии А.Т. Бека [2]. Вопросник депрессии представляет собой субъективную шкалу, предназначенную для оценки депрессивного синдрома, в том числе его выраженности по 21 симптому (настроение, пессимизм, чувство несостоятельности, неудовлетворенность, чувство вины и т.п.). Вопросник предъявлялся зрителям после восприятия кинофильма, содержащего сцены насилия, и кинофильма, сцены насилия не содержащего.

Экстраверсия-интроверсия, нейротизм, психотизм определялись вопросником личности Г. Айзенка (H. Eysenck & S. Eysenck, 1994; перевод, адаптация Л. Дорфмана, И. Денисовой, 1999, не опубл.). Оригинальная версия вопросника подвергалась проверке на психометрическую надежность на выборке в 356 человек. По причине ненадежности ряд пунктов был опущен. В окончательном русскоязычном варианте вопросник содержит 67 пунктов: 16 пунктов в шкале экстраверсии-интроверсии (Альфа Кронбаха = 0.86), 19 в шкале нейротизма (Альфа Кронбаха = 0.87), 15 пунктов в шкале психотизма (Альфа Кронбаха = 0.67).

Для изучения взаимосвязи черт личности и депрессии зрителей после кинофильмов без насилия и с насилием использовался корреляционный анализ (по Пирсону).

Для изучения эффектов черт личности на переменную депрессии использовался однофакторный дисперсионный анализ (межгрупповой дизайн). Показатели черт личности включались в анализ как независимые (межгрупповые) факторы с тремя градациями значений: высокой, средней и низкой. Зависимыми переменными выступали переменные депрессии (шкала депрессии) также по отдельности после кинофильма с насилием и после кинофильма без насилия.

Для изучения взаимодействия черт личности и фактора наличия/отсутствия сцен насилия в кинофильме использовался двухфакторный дисперсионный анализ (смешанный дизайн). Межгрупповыми факторами (по отдельности) служили «Экстраверсия-интроверсия», «Нейротизм», «Психотизм» с тремя уровнями выраженности: высокой, средней и низкой. Внутригрупповыми факторами выступали переменные депрессии (шкала депрессии) после кинофильма с насилием и кинофильма без насилия.

Результаты

Взаимосвязи черт личности (по Айзенку) и депрессии зрителей после восприятия кинофильмов.

Корреляции черт личности и депрессии зрителей после восприятия кинофильма без насилия и с насилием приведены в табл. 1.

Таблица 1. Корреляции черт личности (по Айзенку) и депрессии зрителей после восприятия кинофильмов

Показатели депрессии	*Черты личности*		
	Экстраверсия-интроверсия	*Нейротизм*	*Психотизм*
После кинофильма без насилия			
Настроение	-0.17*	0.24***	
Пессимизм		0.18*	
Чувство несостоятельности			
Неудовлетворенность	-0.15*	0.24**	
Чувство вины		0.21**	
Ощущение, что буду наказан			
Отвращение к себе	-0.16*		
Самообвинение	-0.32***		
Суицидальные мысли	-0.17*	0.16*	
Слезливость			
Раздражительность			0.16*
Нарушение социальных связей			
Нерешительность			0.21**
Образ тела			
Утрата работоспособности		0.17*	
Нарушения сна		0.16*	
Утомляемость		0.16***	
Утрата аппетита			
Потеря веса			
Охваченность телесными ощущениями			
Утрата либидо			
Депрессия (общая шкала)		0.20**	0.15*

Окончание табл. 1

Показатели депрессии	*Черты личности*		
	Экстраверсия-интроверсия	*Нейротизм*	*Психотизм*
После кинофильма с насилием			
Настроение	- 0.16*	0.33***	
Пессимизм	- 0.27***	0.23**	
Чувство несостоятельности	- 0.26***		
Неудовлетворенность	- 0.17*	0.23**	
Чувство вины	- 0.24***	0.19**	0.16*
Ощущение, что буду наказан	- 0.16*		0.21**
Отвращение к себе	- 0.22**		
Самообвинение	- 0.22**		
Суицидальные мысли	- 0.23**	0.24***	
Слезливость			
Раздражительность			0.17*
Нарушение социальных связей		0.16*	
Нерешительность			
Образ тела			
Утрата работоспособности			
Нарушения сна	- 0.17*	0.32***	
Утомляемость		0.16*	
Утрата аппетита			
Потеря веса			
Охваченность телесными ощущениями	- 0.16*		
Утрата либидо			
Депрессия (общая шкала)	- 0.26***	0.30***	0.18*

*Примечание: * - p < .05, ** - p < .01; *** - p < .001*; незначимые коэффициенты корреляций опущены.

Показатель экстраверсии-интроверсии отрицательно коррелировал с показателями депрессии после восприятия кинофильма без насилия: настроение (r = - .17, p < .05), неудовлетворенность (r = - .15, p < .05), отвращение к себе (r = - .16, p < .05), самообвинение (r = - .32, p < .001), суицидальные мысли (r = - .17, p < .05). Это означает, что чем более выражена экстраверсия у зрителей, тем ниже у них депрессия по указанным симптомам после восприятия кинофильма без насилия. Показатель экстраверсии-интроверсии также отрицательно коррелировал с показателями депрессии после восприятия кинофильма с насилием: настроение (r = - .16, p < .05), пессимизм (r = - .27, p < .001), чувство несостоятельности (r = - .26, p < .001), неудовлетворенность (r = - .17, p < .05), чувство вины (r = - .24, p < .001), ощущение, что буду наказан (r = - .16, p < .05), отвращение к себе (r = - .22, p < .01), самообвинение (r = - .22, p < .01), суицидальные мысли (r = - .23, p < .01), нарушение сна (r = - .17, p < .05), охваченность телесными ощущениями (r = - .16, p < .05), общая шкала депрессии (r = - .26, p < .001). Это означает, что чем более выражена экстраверсия у зрителей, тем ниже у них депрессия в целом и по указанным симптомам после восприятия кинофильма с насилием.

Показатель нейротизма положительно коррелировал с показателями депрессии после воспри-

ятия кинофильма без насилия: настроение (r = .22, p < .01), пессимизм (r = .18, p < .05), неудовлетворенность (r = .24, p < .01), чувство вины (r = .21, p < .01), суицидальные мысли (r = .16, p < .05), утрата работоспособности (r = .17, p < .05), нарушение сна (r = .16, p < .05), утомляемость (r = .16, p < .001), общая шкала депрессии (r = .20, p < .01). Это означает, что чем более выражен нейротизм у зрителей, тем выше у них депрессия в целом и по указанным симптомам после восприятия кинофильма без насилия. Показатель нейротизма также положительно коррелировал с показателями депрессии после восприятия кинофильма с насилием: настроение (r = .33, p < .001), пессимизм (r = .23, p < .01), неудовлетворенность (r = .23, p < .01), чувство вины (r = .19, p < .01), суицидальные мысли (r = .24, p < .001), нарушение социальных связей (r = .16, p < .05), нарушение сна (r = .32, p < .001), утомляемость (r = .16, p < .05), общая шкала депрессии (r = .22, p < .01). Это означает, что чем более выражен нейротизм у зрителей, тем выше у них депрессия в целом и по указанным симптомам после восприятия кинофильма с насилием.

Показатель психотизма положительно коррелировал с показателями депрессии после восприятия кинофильма без насилия: раздражительность (r = .16, p < .05), нерешительность (r = .21, p < .01), общая шкала депрессии (r = .15, p < .05). Это означает, что чем более выражен психотизм у зрителей, тем выше у них депрессия в целом и по указанным симптомам после восприятия кинофильма без насилия. Показатель психотизма также положительно коррелировал с показателями депрессии после восприятия кинофильма с насилием: чувство вины (r = .16, p < .05), ощущение, что буду наказан (r = .21, p < .05), раздражительность (r = .17, p < .05), общая шкала депрессии (r = .18, p < .05). Это означает, что чем более выражен психотизм у зрителей, тем выше у них депрессия в целом и по указанным симптомам после восприятия кинофильма с насилием.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о следующем.

Экстраверсия-интроверсия зрителей оказалась отрицательно связанной с настроением, неудовлетворенностью, отвращением к себе, самообвинением и суицидальными мыслями как после восприятия кинофильмов без насилия, так и после кинофильмов с насилием. При этом экстраверсия-интроверсия зрителей оказалась отрицательно связаннной с пессимизмом, чувством несостоятельности, чувством вины, ожиданием наказания, нарушениями сна, охваченности телесными ощущениями и общей выраженностью депрессии. То есть выраженность экстраверсии связана со сниженной эмоциональной реакцией депрессии после восприятия кинофильма с насилием и, соответственно, может быть фактором, снижающим негативную эмоциональную реакцию зрителей в ответ на насилие в кинофильме.

Нейротизм зрителей оказался положительно связанным с настроением, пессимизмом, неудовлетворенностью, чувством вины, суицидальными мыслями, нарушениями сна, утомляемостью и общей выраженностью депрессии как после восприятия кинофильмов без насилия, так и после кинофильмов с насилием. При этом нейротизм оказался также положительно связанным с утратой работоспособности после восприятия кинофильма без сцен насилия и с нарушением социальных связей после восприятия кинофильма с насилием. То есть выраженность нейротизма связана с депрессий, причем, вероятно, независимо от отсутствия/присутствия насилия в кинофильме. Соответственно, нейротизм может быть фактором, который усиливает депрессию после любого кинофильма.

Психотизм зрителей оказался положительно связанным с раздражительностью и общей выраженностью депрессии как после восприятия кинофильмов без насилия, так и после кинофильмов с насилием. При этом психотизм был также положительно связан с нерешительностью после восприятия кинофильма без сцен насилия и с чувством вины и ожиданием наказания после восприятия кинофильма с насилием. То есть выраженность психотизма мало связана с депрессией после восприятия кинофильма с насилием, но может быть фактором, усиливающим раздражительность, чувство вины и ожидание наказания зрителей в ответ на насилие в кинофильме.

Эффекты черт личности (по Айзенку) на депрессию зрителей после восприятия кинофильмов

В терминах однофакторного дисперсионного анализа ANOVA/MANOVA межгрупповой фактор «Экстраверсии-интроверсии» не производил эффекта на общую шкалу депрессии после кинофильмов — как без насилия, так и с насилием. Межгрупповые факторы «Нейротизм» и «Психотизм» производили эффекты на общую шкалу депрессии после кинофильмов — как без насилия, так и с насилием.

Межгрупповой фактор «Нейротизм» производил главный эффект на общую шкалу депрессии после восприятия кинофильма без насилия, $F(2,173) = 4.75$, $p < .01$. При контрастном анализе (запланированные сравнения) межгрупповой фактор «Нейротизм» также производил эффект на общую шкалу депрессии, $F(1,173) = 8.29$, $p < .01$. Post Hoc сравнения (LSD тест) свидетельствовали о том, что общая шкала депрессии после кинофильма без насилия была менее выражена в подгруппе зрителей с низким уровнем нейротизма, чем в подгруппах зрителей со средним и высоким уровнем нейротизма ($p < .05$ и $p < .01$, соответственно). Межгрупповой фактор «Нейротизм» производил главный эффект на общую шкалу депрессии после восприятия кинофильма с насилием, $F(2,173) = 12.25$, $p < .001$. При контрастном анализе (запланированные сравнения) межгрупповой фактор «Нейротизм» также производил эффект на общую шкалу депрессии, $F(1,173) = 23.44$, $p < .001$. Post Hoc сравнения (LSD тест) свидетельствовали о том, что общая шкала депрессии после кинофильма с насилием была менее выражена в подгруппе зрителей с низким уровнем нейротизма, чем в подгруппах зрителей со средним и высоким уровнем нейротизма ($p < .001$). Значения средних и их стандартных отклонений приведены в табл. 2.

Таблица 2. Эффекты нейротизма зрителей на их депрессию после кинофильмов (средние и стандартные отклонения)

Нейротизм	*Шкала депрессии*	
	Кинофильм без насилия	*Кинофильм с насилием*
Низкий (эмоциональная стабильность)	24.98 ± 4.88	23.77 ± 3.45
Средний	27.72 ± 7.90	27.27 ± 6.76
Высокий (эмоциональная нестабильность)	28.25 ± 5.02	28.84 ± 6.07

Примечание: главный эффект фактора «Нейротизм» на шкалу депрессии после кинофильма без насилия, $F(2,173) = 4.75$, $p < .01$; главный эффект фактора «Нейротизм» на шкалу депрессии после кинофильма с насилием $F(2,173) = 12.25$, $p < .001$.

Полученные результаты иллюстрирует рис. 1.

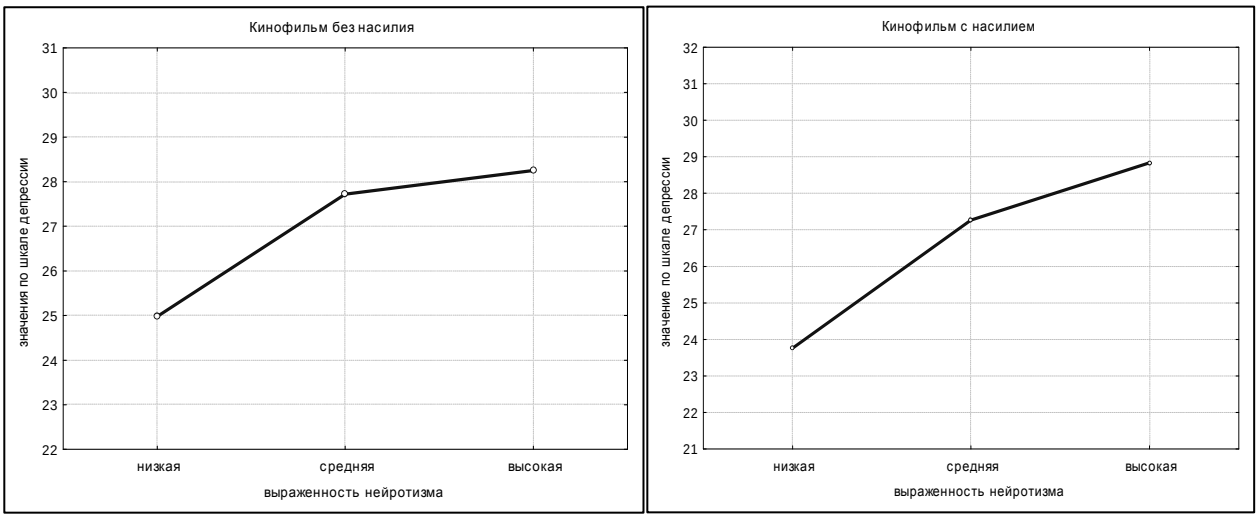


Рис. 1. Значения общей шкалы депрессии после кинофильмов в связи с выраженностью нейротизма зрителей

Межгрупповой фактор «Психотизм» производил главный эффект на общую шкалу депрессии после восприятия кинофильма без насилия, $F(2,173) = 4.92$, $p < .01$. При контрастном анализе (запланированные сравнения) межгрупповой фактор «Психотизм» также производил эффект на общую шкалу депрессии, $F(1,173) = 9.80$, $p < .01$. Post Hoc сравнения (LSD тест) свидетельствовали

о том, что общая шкала депрессии после кинофильма без насилия была менее выражена в подгруппе зрителей с низким уровнем психотизма, чем в подгруппе зрителей с высоким уровнем психотизма ($p < .01$). Межгрупповой фактор «Психотизм» производил главный эффект на общую шкалу депрессии после восприятия кинофильма с насилием, $F(2,173) = 4.45$, $p < .01$. При контрастном анализе (запланированные сравнения) межгрупповой фактор «Психотизм» также производил эффект на общую шкалу депрессии, $F(1,173) = 7.84$, $p < .01$. Post Hoc сравнения (LSD тест) свидетельствовали о том, что общая шкала депрессии после кинофильма с насилием была менее выражена в подгруппах зрителей с низким и средним уровнем психотизма, чем в подгруппе зрителей с высоким уровнем психотизма ($p < .001$). Значения средних и их стандартных отклонений приведены в табл. 3.

Таблица 3. Эффекты психотизма зрителей на их депрессию после кинофильмов (средние и стандартные отклонения)

Психотизм	*Шкала депрессии*	
	Кинофильм без насилия	*Кинофильм с насилием*
Низкий (импульсивный контроль)	25.22 ± 3.72	25.49 ± 4.38
Средний	27.14 ± 6.45	26.01 ± 5.83
Высокий (психотизм)	28.74 ± 7.58	28.52 ± 7.14

Примечание: главный эффект фактора «Психотизм» на шкалу депрессии после кинофильма без насилия, $F(2,173) = 4.92$, $p < .01$; главный эффект фактора «Психотизм» на шкалу депрессии после кинофильма с насилием $F(2,173) = 4.45$, $p < .01$.

Полученные результаты иллюстрирует рис. 2.

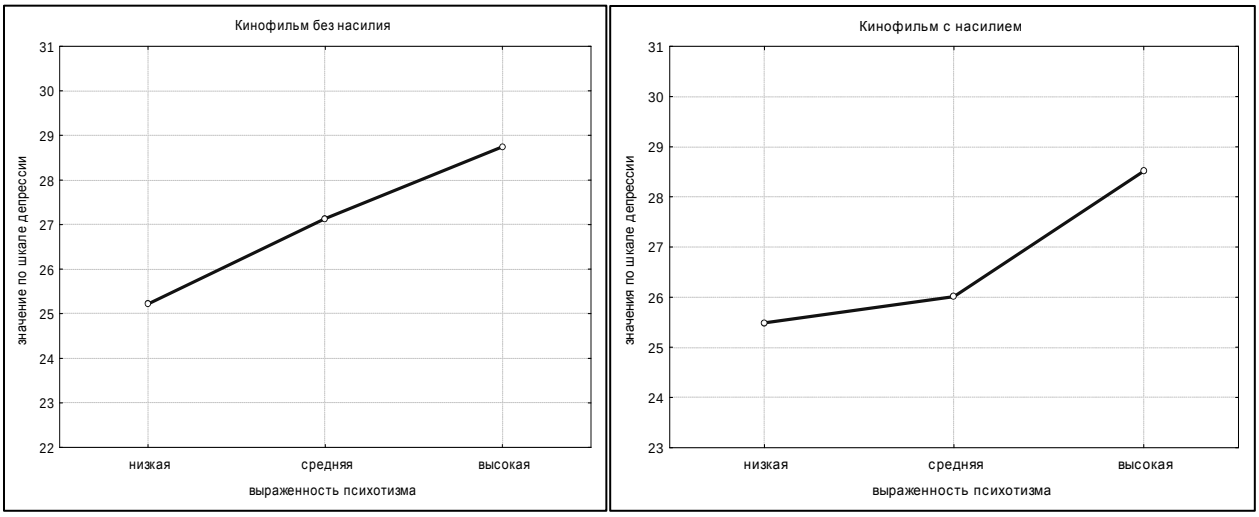


Рис. 2. Значения общей шкалы депрессии после кинофильмов в связи с выраженностью психотизма зрителей

Следовательно, нейротизм и психотизм зрителей производили эффекты на депрессию зрителей после восприятия как кинофильма без насилия, так и кинофильма с насилием. Чем выше уровень нейротизма и психотизма зрителей, тем выше депрессия зрителей после кинофильмов без насилия и с насилием.

Взаимодействия черт личности зрителей и категории кинофильмов по шкале депрессии

Взаимодействия черт личности и категории кинофильмов тестировались в рамках 2-факторного ANOVA/MANOVA (смешанный дизайн): 3 (уровни отдельной черты личности) x 2 (кинофильмы без насилия и с насилием).

Межгрупповые факторы «Экстраверсия-интроверсия», «Нейротизм» и «Психотизм» по

отдельности и категория кинофильмов (без насилия и с насилием) не взаимодействовали. Однако были обнаружены главные эффекты межгрупповых факторов «Нейротизм» и «Психотизм» на шкалу депрессии после кинофильмов без насилия и кинофильмов с насилием.

Межгрупповой фактор «Нейротизм» производил эффект на шкалы депрессии после восприятия кинофильмов без насилия и с насилием $F(2,173) = 9.89$, $p < .001$. Post Hoc сравнения (LSD тест) свидетельствовали о том, что общая шкала депрессии независимо от категории кинофильма была менее выражена в подгруппе зрителей с низким уровнем нейротизма, чем в подгруппах зрителей со средним и высоким уровнем нейротизма ($p < .05$, $p < .01$ и $p < .001$). Межгрупповой фактор «Психотизм» производил эффект на шкалы депрессии после восприятия кинофильмов без насилия и с насилием $F(2,173) = 5.61$, $p < .001$. Post Hoc сравнения (LSD тест) свидетельствовали о том, что общая шкала депрессии независимо от категории кинофильма была менее выражена в подгруппах зрителей с низким и средним уровнем психотизма, чем в подгруппах зрителей с высоким уровнем психотизма ($p < .05$ и $p < .01$).

Полученные результаты иллюстрирует рис. 3.

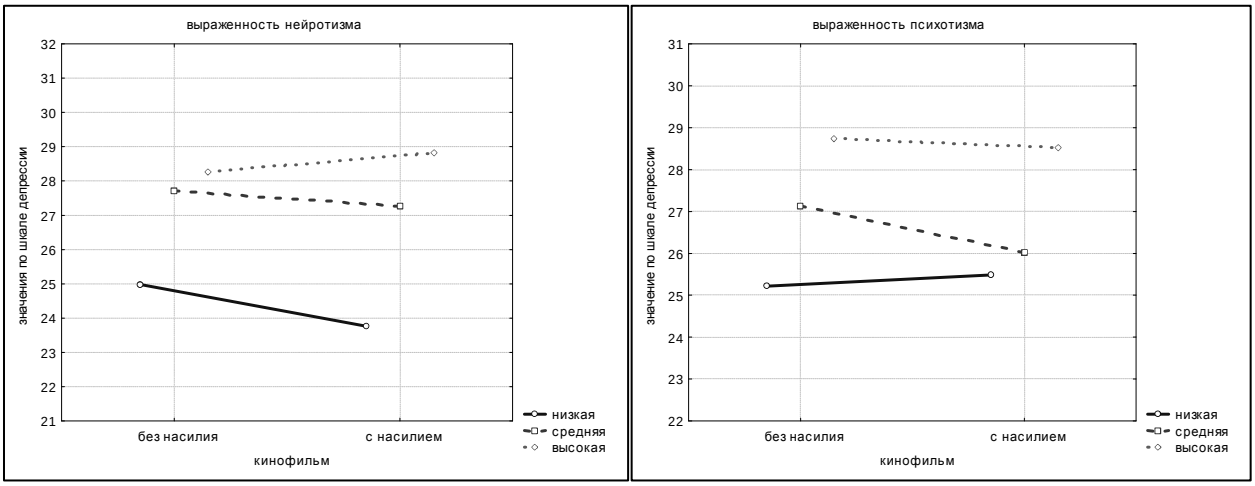


Рис. 3. Взаимодействие нейротизма и психотизма зрителей (по отдельности) с категорией кинофильма

Полученные результаты свидетельствовали о различиях в депрессии после кинофильмов в связи с уровнями выраженности нейротизма и психотизма зрителей, но не по наличию / отсутствию в кинофильмах насилия.

Обсуждение

Соотнесем полученные результаты с гипотезами исследования.

Первая гипотеза о связях симптомов депрессии и черт личности получила частичную эмпирическую поддержку. Она была поддержана в части отрицательных связей экстраверсии с симптомами депрессии, причем количество и сила данных связей после восприятия кинофильма с насилием была выше в сравнении с кинофильмом без насилия. Также гипотеза была поддержана в части положительной связи нейротизма с симптомами депрессии, при этом сила, но не количество данных связей после восприятия кинофильма с насилием была выше в сравнении с кинофильмом без насилия. Первая гипотеза исследования не была поддержана в части отрицательных связей психотизма с симптомами депрессии. Была обнаружена положительная связь психотизма с симптомами депрессии, при этом количество, но не сила данных связей после восприятия кинофильма с насилием была выше в сравнении с кинофильмом без насилия.

Вторая гипотеза о влиянии черт личности на шкалу депрессии только после восприятия кинофильмов с насилием получила частичную эмпирическую поддержку. Определено, что экстраверсия-интроверсия не влияет на шкалу депрессии ни после восприятия зрителями кинофильма без насилия, ни после восприятия кинофильма с насилием. Нейротизм и психотизм, напротив, воздействовали на шкалу депрессии как после восприятия зрителями кинофильма без насилия, так и после восприятия кинофильма с насилием.

Третья гипотеза о взаимодействии черт личности с уровнем наличия/отсутствия насилия в кинофильме по шкале депрессии не получила эмпирической поддержки. Было обнаружено влияние нейротизма и психотизма по отдельности на шкалу депрессии безотносительно к уровню насилия в кинофильмах.

Чем можно объяснить полученные результаты?

В данном исследовании было обнаружено, что выраженность экстраверсии связана со снижением депрессии по ряду симптомов в ответ на восприятие кинофильма с насилием. Согласно теории Г. Айзенка, одним из свойств экстраверсии является поиск новизны и поиск ощущений личности [20]. В этом контексте полученные нами данные соотносятся с результатами исследований других авторов [17, 25, 26, 27, 33, 34]. То есть выраженность экстраверсии у зрителей может выступать фактором, который участвует в том, что депрессия зрителей снижается как в ответ на кинофильмы без насилия, так и в ответ на кинофильмы с насилием. При этом снижение депрессии в ответ на кинофильмы с насилием зрителей-экстравертов выше, по сравнению с кинофильмами без насилия.

Нейротизм, по данным Г. Айзенка, положительно связан со склонностью индивида к депрессии, тревожностью, чувством вины, быстрыми сменами настроения, эмоциональной нестабильностью [20]. Нами были обнаружены указанные связи нейротизма с симптомами депрессии после кинофильмов как с насилием, так и без него. Полученные нами результаты соотносятся с данными других исследователей [16, 18, 30, 31]. Можно предположить, что нейротизм может выступать личностным фактором, который содействует активации депрессивных когнитивных схем и соответствующих им эмоциональных состояний в ответ на восприятие кинофильмов зрителями. Причем, возможно, активация дисфункциональных депрессивных схем может происходить после кинофильма независимо от содержания в нем насилия у зрителей с повышенным уровнем нейротизма. Напротив, у зрителей с низким уровнем нейротизма, вероятно, активации дисфункциональных депрессивных схем после кинофильмов с насилием и без него не происходит.

В отношении психотизма нами были получены неожиданные результаты. Данная черта личности оказалась положительно связанной с депрессией и ее некоторыми симптомами после кинофильмов безотносительно наличия/отсутствия в них насилия. Г. Айзенк связывал эту черту с такими характеристиками, как агрессивность и враждебность, жестокость, холодность, импульсивность и склонность к уединению [20]. Многочисленные исследования влияния медианасилия указывают на положительную связь агрессивности и враждебности с положительной оценкой и позитивной эмоциональной реакцией на медианасилие [3, 7, 9, 11, 12, 23, 24]. Объяснить полученный нами «артефакт» могут некоторые данные из области клинических исследований депрессии. Так, Л. Блешль приводит обзор исследований, в которых указывается связь депрессии с недостаточностью навыков общения, замкнутостью и узостью социальных контактов [4]. Личности с высокой выраженностью психотизма также характеризуются замкнутостью и склонностью к уединению. Возможно, в нашем исследовании и была обнаружена такая связь. Однако эта связь, скорее всего, не прочна и вряд ли устойчива. То есть психотизм может служить фактором, который активирует отдельные эмоциональные переживания депрессивной реакции после восприятия кинофильмов с насилием.

Выводы

Полученные результаты позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Экстраверсия оказалась отрицательно связанной с депрессией зрителей после восприятия кинофильмов с насилием, а нейротизм и психотизм — положительно.

2. Нейротизм и психотизм по отдельности обнаруживали воздействие на шкалу депрессии после восприятия зрителями как кинофильма без насилия, так и кинофильма с насилием. Экстраверсия/интроверсия не обнаруживала влияние на шкалу депрессии после восприятия зрителями кинофильмов.

3. Факторы личности и уровень насилия в кинофильмах не взаимодействовали по показателям депрессии зрителей после восприятия ими кинофильмов. Однако было обнаружено воздействие нейротизма и психотизма по отдельности на шкалу депрессии безотносительно к уровню насилия в кинофильмах.

4. В целом, можно предположить, что в ответ на восприятие кинофильма с насилием у зрителей проявляется особое когнитивно-эмоциональное состояние, которое включает в себя влияние их личностных особенностей, таких как экстраверсия, нейротизм и психотизм.

Список литературы

1. *Бек А.*, Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер, 2003. 304 с.
2. *Бенз И.А.* Опросник депрессии Бека // Шкалы для оценки депрессии. М.: Сервье, 2002. С. 16–19.
3. *Берковиц Л.* Насилие в масс-медиа // Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. С. 238–280.
4. *Блешль Л.* Депрессивные расстройства: этиология и анализ условий возникновения // Перре М., Бауманн У. Клиническая психология. СПб.: Питер, 2012. С. 624–652.
5. *Дорфман Л.Я.,* Зубакин М.В. Психосемантическая оценка сцен насилия в художественных кинофильмах и депрессия зрителей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. Челябинск, 2012. Вып. 17. № 19(278). С. 20–29.
6. *Зубакин М.В.* Сцены насилия в кинофильмах и депрессия зрителей // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. студ., асп. и молодых ученых (29–30 ноября 2012 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2012. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 350–355. URL: http://www.uresearch.psu.ru/main/ (дата обращения: 18.10.2013).
7. *Крейхи Б.* Насилие и агрессия в средствах массовой информации // Социальная психология агрессии. СПб.: Питер, 2003. С. 113–147.
8. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М.: Римис, 2008. 448 с.
9. *Тейлор Ш.*, Пипло Л., Сирс Д. Агрессия // Социальная психология. 10-е изд. М.: Питер, 2004. С. 583–643.
10. *Федеральный* закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 28.07.2012) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148988 (дата обращения: 18.10.2013).
11. *Харрис Р.* Насилие: так ли уж безобидны эти драки на экране // Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. С. 299–331.
12. *Anderson C.A.*, Carnagey N.L., Eubanks J. Exposure to violent media: the effects of songs with violent lyrics on aggressive thoughts and feelings // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. Vol. 84, № 5. P. 960–971.
13. *Bushman B.J.*, Baumeister R.F., Stack A.D. Catharsis, aggression, and persuasive influence self-fulfilling or self-defeating prophecies? // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 76, № 3. P. 367−376.
14. *Cantor J.* Television and children's fear // T.M. Macbeth. Tuning in young viewers: Social science perspectives on television. Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. P. 87–115.
15. *Cantor J.*, Oliver M.B. Developmental differences in responses to horror // J.B. Weaver, R. Tamborini (eds.). Horror films: current research on audience preferences and reactions. Mahwah, N.Y.: Lawrence Eribaum Associates. 1996. P. 63–80.
16. *Comstock G.*, Chaffee S., Katzman N., McCombs M., Roberts D. Television and human behavior. N.Y.: Columbia University Press, 1978.
17. *Conway J.C.*, Rubin A.M. Psychological predictors of television viewing motivation // Communication Research. 1991. Vol. 18. P. 443–463.
18. *Davis M.H.*, Hull J.G., Young R.D., Warren G.G. Emotional reactions to dramatic film stimuli: The influence of cognitive and emotional empathy // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 52. P. 126–133.
19. *Eaves L.*, Eysenck H.J., Martin N.G. Genes, culture and personality: An empirical approach. N.Y.: Academic Press, 1988.
20. *Eysenck H.J.*, Eysenck S.B.G. Manual of the Eysenck Personality Questionnaire (EPQ-R Adult) comprising the EPQ-Revised (EPQ-R) & EPQ-R Short Scale. San Diego, Ca: EdITS. 1994.
21. *Eysenck H.J.* The biological basis of personality. Springfield, MA: C.C. Thomas. 1967.
22. Eysenck H.J. Biological dimensions of personality // L.A. Pervin (ed.), Handbook of personality: Theory and research. N.Y.: Guilford, 1990. P. 244–276.
23. *Ferguson C.J.* Media violence: miscast causality // American Psychologist. 2002. Vol. 57. P. 446–447.
24. Ferguson C.J. Blazing angels or resident evil? Can violent video games be a force for good? // Review of General Psychology. 2010. Vol. 14, № 2. P. 68–81.
25. *Greene K.*, Krcmar M. Predicting exposure to and liking of media violence: A uses and gratification approach // Communication Studies. 2005. Vol. 56. P. 71–93.
26. *Hoffner C.A.*, Levine K.J. Enjoyment of mediated fright and violence: A meta-analysis // Media Psychology. 2005. Vol. 7. P. 207–237.
27. *Krcmar M.*, Greene K. Predicting exposure to and uses of violent television // Journal of Communication. 1999. Vol. 49. P. 25–45.
28. *Linz D.*, Donnerstein E., Penrod S. The effects of multiple exposures to filmed violence against women // Journal of Communication. 1984. Vol. 34, № 3. P. 130–147.
29. *Linz D.*, Donnerstein E., Adams S.M. Physiological

desensitization and judgments about female victims of violence // Human Communication Research. 1989. Vol. 15. P. 509–522.
30. *Tamborini R.* A model of empathy and emotional reactions to horror // J.B. Weaver, R. Tamborini (eds.). Horror films. Mahwah, N.J.: Lawrence Eribaum Associates, 1996. P. 103–123.
31. *Tamborini R.*, Stiff J., Heidel C. Reacting to graphic horror: A model of empathy and emotional behavior // Communication Research. 1990. Vol. 14. P. 415–436.
32. *Zillmann D.*, Weaver J.B., Mundorf N., Aust C.F. Effects of opposite-gender companion's affect to horror on distress, delight, and attraction // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 51. P. 586–594.
33. *Zuckerman M.* Behavioral expressions and psychological bases of sensation seeking. New York: Cambridge University Press, 1994.
34. *Zuckerman M.* Sensation seeking and the taste for vicarious horror // J.B. Weaver, R. Tamborini (eds.). Horror films: Current research on audience preferences and reactions. Mahwah, N.J.: Lawrence Eribaum Associates, 1996. P. 147–160.

DEPRESSION SPECTATORS AFTER THE PERCEPTION OF FEATURE FILMS WITH VIOLENCE IN CONNECTION WITH FEATURES OF A PERSONALITY

Maxim V. Zubakin

Perm State National Research University; 15, Bukirev str.,Perm, 614990, Russia

The results of correlations personality traits with depression of spectators-students after movies with different levels of violence were conducted. It was found that the personality traits and depression after movies with violence correlated. Alone neuroticism, alone psychoticism and depression after movies with violence interacted. Extraversion and depression after movies with violence not interacted. The personality traits and depression after movies not interacted.

Key words: depression; personality traits; films with violence.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.613

ЭССЕНЦИАЛЬНЫЕ И НАРРАТИВНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Ю.В. Ставропольский

В статье рассматриваются эссенциалистские, нарративные или перформативные подходы к конструированию социальной идентичности. Сторонники эссенциализма считают, что инвариантные или эссенциальные идентичности основаны на расе, национальности, гендере, сексуальной ориентации или социальном классе. Нарративные и перформативные подходы к исследованию интеракции и социализации акцентируют хрупкий, незавершённый, фрагментарный и противоречивый характер природы «я» и его социальных, личностных и осознаваемых идентичностей. Баланс между двумя этими точками зрения позволяет находить место для обсуждения социальных и культурных дискурсов.
Ключевые слова: идентичность; социология; конструирование; интернализация; структура.

Любая теория социализации и интеракции должна в конечном счете ответить на вопрос о том, каким образом новорожденный младенец становится сознательным участником процесса интеракции. Возврат интереса к исследованиям социализации отмечается у приверженцев разных концепций, начиная с теории Л.С. Выготского об опосредованном действии [2] и заканчивая теориями, рассматривающими язык в качестве набора нарративных и интерпретирующих приёмов [14]. Язык — это форма ситуативного действия. Язык — это нечто большее, чем упорядоченная схема представления, язык — это акт деятельности.

С позиций культурно-исторической теории Л.С. Выготского, «я» — лингвистический процесс, это всегда деятельность [1]. Люди рассказывают истории о самих себе, и маленькие дети усваивают собственное «я» в процессе рассказывания историй о самих себе. Такой нарративный, деятельностный (функциональный) подход к развитию «я» обладает преимуществом, а именно: процессы социализации локализуются в формах и функциях повседневного дискурса.

С этой точки зрения ребенок выступает активным участником процесса развития «я». «Я» предстает диалогическим процессом, постоянной основой которого оказывается межличностный интерактивный диалог с самим собой и с другими. Этот диалогический процесс является рефлексивным — он совершается в переходах от настоящего (субъективное «я») к прошлому (объективное «я») и к будущему («ты»).

Существует универсальная человеческая природа, укорененная в языке и в структурах первичной социальной группы. «Я» возникает из этой природы и воплощает в себе черты этой природы. Отличительными особенностями человеческой природы являются её символичность и лингвистичность. Данную особенность можно назвать рефлексивным или семиотическим «я». Именно оно имеется в виду, когда речь идёт о «родовой человеческой природе». Все люди являются частью этого семиотического аппарата. Именно в нём локализованы достоинство, самопожертвование, эмоциональная и моральная сила. «Я» — это сокровенная, эмоциональная структура смысла.

Употребление термина «я» вместо термина «эго», «актор» или «субъект» способствует обозначению взрослого человека или ребенка в качестве рефлексивных, обладающих языком существ. «Я» соотносится на одном уровне со всем, что данный человек называет своим в конкретный момент. Термин «идентичность» употребляется для описания различий между людьми и интерпретативных смыслов, вкладываемых в эти различия. Идентичности индивидуализированы и позволяют объединять людей в типы и категории. Идентичности могут быть навязаны извне соци-

Ставропольский Юлий Владимирович — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии; Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83; StJulius@yandex.ru.

альными процессами, например, раса, класс, этничность. Идентичности могут возникать из процесса социальной интеракции, могут соответствовать ситуативным идентификациям. Термин «социальная идентичность» применяется для описания идентификации, основанной на первом внешнем впечатлении, включая манеру одеваться и говорить. Личностная идентичность, напротив, соотносится с конкретными биографическими подробностями конкретного человека [9]. Эго-идентичность («я»-идентичность или осознаваемая идентичность) описывает чувства индивида по отношению к самому себе, то субъективное ощущение смысла, которое человек придаёт своей личной ситуации, те «непрерывность и характер», которые личность приобретает в результате собственных социальных опытов.

Социальные идентичности налагают на «я» такие маркеры, над которыми личность почти не имеет контроля: раса, этничность, возраст и пол. Они — обстоятельственные факты «я» или циркумстанциальные идентичности. С другой стороны, ситуативные факты «я» соответтсвуют тем маркерам идентификации, которыми личность способна манипулировать и которые она может контролировать. Иными словами, социальные идентичности строятся на циркумстанциальных фактах «я», эти факты становятся частью «я»-идентичности.

У маленьких детей развиваются конкретные личностные идентичности и эго-идентичности, а также родовые «я». «Я» ребенка рождается из практик идентификации. Между свойствами и социальными смыслами, атрибутируемыми ребенку и его «я», совершается постоянная борьба. Центром этой борьбы оказываются смыслы, приписываемые расе, этничности и классу, а также полу, и — позднее в процессе развития — сексуальные ориентации.

От рождения у ребенка нет никакого ощущения «я», другого или социальной ситуации. Кардинальной задачей воспитания является трансформация социально нейтрального младенца в символически функционирующего социального человека. Ребенок вступает в мир существующих социальных интеракций, представленных в символических и поведенческих актах тех, кто воспитывают ребенка, особенно тех людей, из которых состоит первичная группа — семья.

Сразу же после своего рождения ребенок обладает всем необходимым для того, чтобы стать социальным и сознательным, он испытывает интеракцию на самом себе, постепенно включая в собственный поведенческий репертуар различные интеракции. Если говорить кратко, то до того, как может возникнуть социализация, ребенок сначала должен испытать интеракцию с другими людьми. Когда интеракция возникает, то каждый последующий успешный обмен между ребенком и матерью может рассматриваться в качестве примера социализации. Если интеракция прекратится или изменится на какое-то время, тогда произойдёт символический регресс ребенка к ранним уровням развития.

Социальный конструкционизм ставит под сомнение идею о том, что «я» или идентичности создаются естественным образом благодаря биологическим, социальным или культурным факторам, таким как раса, этничность или класс. Конструктивисты опровергают такие эссенциалистские понятия, как единственная, интегральная, гармоничная и не создающая проблем идентичность. Аргументация конструктивистов ставит под сомнение коллективные идентичности, основанные на некоей сущности или наборе центральных свойств, разделяемых всеми членами коллектива и никем иным.

Сторонники эссенциализма считают, что инвариантные или эссенциальные идентичности основаны на расе, национальности, гендере, сексуальной ориентации или социальном классе.

Нарративные и перформативные подходы к исследованию интеракции и социализации акцентируют хрупкий, незавершённый, фрагментарный и противоречивый характер природы «я» и его социальных, личностных и осознаваемых идентичностей. Данная позиция направлена против эссенциализма. Однако невозможно адекватным образом создать оппозицию между эссенциализмом и конструктивизмом. Такой образ мышления создаёт ложную дихотомию природы и культуры. Баланс между двумя этими точками зрения позволяет находить место для обсуждения телесности, телесного «я», тех социальных и культурных дискурсов, которые создаются мужчинами и женщинами. Возможно, полезно было бы создать временный квазиэссенциализм, особенно применительно к тем ситуациям, в которых конкретная категория социальной идентичности подавляется или девальвируется доминантными дискурсами.

Практики идентичности группируются вокруг трёх полюсов, связанных с гендером, расой и этничностью, социальным классом и нацией.

Идентичность-как-субъектность описывает то, что названо осознаваемой идентичностью. Радикальные сторонники феминизма и теоретики расы

фокусируют своё внимание на этом параметре идентичности, исследуя то, каким образом «субъекты»–носители гендерных и расовых характеристик конституируются в социальных процессах.

Идентичность-как-тождественность дана в тех идентификациях, которые связаны с коллективными, коммуникативными идентичностями: нации, гендеры, классы, расы и этнические группы. На этом уровне люди могут быть наделены коллективной идентичностью, например, африканской. Однако доводы в пользу тождественности неоднозначны. Всегда существуют различия внутри личностных и осознаваемых идентичностей, а также между ними.

Идентичность-как-солидарность рассматривает эти исторические, экономические, культурные и дискурсивные структуры как одновременно управляющие и выражающие объединение индивидов в упорядоченных социальных процессах. На этом уровне группам людей присущи общие социальные и личностные идентичности — тем самым усиливается ощущение групповой солидарности.

Дискуссии по вопросам «я» и «я»-идентичностей в мультикультурном, политическом и историческом контекстах сводятся к трём названным формам идентичности. Они возвращают нас к циркумстантивным и ситуативным фактам, окружающим «я» и его смыслы. Мультикультурное общество основано на множественных, конфликтных и взаимно пересекающихся социальных, личностных и осознаваемых идентичностях — идентичностях тождественности, в основе которых лежат чувства моральной солидарности [3].

Диалогичный, деятельностный, перформативный взгляд на «я» позволяет нам предположить, что эти множественные смыслы всегда пребывают в движении и лишь иногда бывают сводимы к ситуативным действиям «я» и другого. Так же, как не существует истинной, природной сексуальности, не существует и подлинного, фиксированного «я» или комплекса идентичностей, с которыми можно было бы соотносить личность. Скорее, каждый человек осознает через собственную интерактивную деятельность некую ситуативную версию того, кем он является. Эта версия действует внутри расовой, этнической и гендерной идентичностей и вопреки им. Полностью интегральная, завершенная, стабильная и целостная идентичность есть фантазия.

Понятия «действие» и «локализация» впрямую соотносятся с теориями «я» и процесса социализации. «Действие» относится к субъективно осмысленному поведению, к тем опытам, которые обладают рефлексивным смыслом для личности. «Локализация» описывает локус действия, находящийся внутри личности, внутри языка, либо внутри какой-то иной структуры или процесса.

Теории действия и локализации характерны для многих теоретических ответвлений интерпретативной социологии, включая феноменологию, лингвистическую философию, этнометодологию и символический интеракционизм. Эти теории связаны с лингвистическим поворотом в социальных науках XX в. Они сформировались благодаря переработке А. Шютцем [13] концепции смыслового действия М. Вебера [15], развитию Г. Блумером [5] символического интеракционизма Дж.Г. Мида [11], драматургической социологии И. Гофмана [9], этнометодологическому проекту Г. Гарфинкеля [7], теории структурации Э. Гидденса [8] — различным теориям, которые локализуют действие в бессознательной сфере либо в сфере деятельности.

Э. Гидденс употребляет термин «дуальность структуры», который оказывается центральным в его теории структурации. Согласно теории структурации всё социальное действие состоит из социальных практик, локализованных во времени и в пространстве и организованных посредством имеющихся у людей навыков и знаний. Теория структурации стремится трансцендировать оппозицию между теориями «действия» и «институциальными» теориями. Под дуальностью структуры Э. Гидденс понимает те структурированные свойства социальных систем, которые одновременно являются средством и результатом социального акта. Тем самым каждый индивид оказывается практическим социальным агентом, создающим смысл и структуру через личное действие, а социальная жизнь есть «квалифицированная реализация компетентных социальных акторов». Компетентные агенты — человеческие акторы — ограничены структурными правилами, материальными ресурсами и структурными процессами, связанными с классом, гендером, расой, этничностью, нацией и сообществом. Процессы социализации формируют личность, действующую в качестве практического агента, создающего свои собственные смыслы и ситуативные опыты. Однако дуальность структуры свидетельствует о том, что эти опыты ограничены культурными и ситуативными практиками.

Наблюдение за постепенным развитием самосознания вводило в заблуждение многих исследо-

вателей, заставляя считать развитие самосознания биологическим процессом. Предполагалось даже, что у детей не существует самосознания потому, что они физически неспособны его испытывать, считалось, что физическое созревание формирует способность воспринимать самого себя [4]. Иными словами, самосознание рассматривалось как прежде всего естественное развитие врожденных физических задатков.

Центральным для создания «я» как социального объекта является идентификация того объекта, который будет называться «я». Идентификация предполагает наименование. Когда объект получил имя и стал идентифицирован, можно совершать в отношении него действия. Это верно и для детей, это верно и для любого другого объекта — будь то стул, сигарета или научная теория. Для того чтобы дети обрели ощущение своего «я», они должны получить имя и стать выделенными из других объектов. Они должны стать поименованными в качестве особых объектов. Такая идентификация обеспечивает их дифференциацию от других людей или других «я». Как утверждает Г.Ф. Оллпорт, наиболее важным лингвистическим средством идентификации становится личное имя. Выбор имени обеспечивается разработанными ритуалами: родственными, поколенными и религиозными. Г.Ф. Оллпорт так комментировал возникновение сепарации материально-телесного «я» от социального «я». Неоднократно услышав собственное имя, ребенок постепенно становится особой единицей. Имя приобретает для него значимость на втором году жизни. Вместе с ним приходит осознание независимого статуса в социальной группе.

Однако после того как ребенок научился проводить различие между своим телом и окружающим миром, он ещё не обладает полным самосознанием. На протяжении нескольких лет сохраняется трудность правильной локализации процессов, которые происходят «внутри нашего сознания», и отделения их от внешних процессов. Дети полагают, что все люди подобны им самим, что все животные подобны людям и что неодушевленные объекты — живые. Дети даже могут идентифицировать себя с неживыми предметами [12].

Младшие дети испытывают трудности, связанные с тем, чтобы научиться правильно употреблять личные местоимения. Поначалу они употребляют «я, мне, моё» и «ты» неправильно. Они слышат, как мать называет их словом «ты» и самих себя называют «ты» вместо «я» либо говорят о самих себе в третьем лице вместо первого лица. По словам Г.Ф. Оллпорта, двухлетки часто смешивают первое, второе и третье лицо… Ребенок как бы одновременно и первое, и второе, и третье лицо.

Ч.Х. Кули полагал, что младшие дети неправильно употребляют местоимения потому, что не могут непосредственно им подражать. Дети легко могут подражать употреблению таких простых слов, как «яблоко» или «кукла», но такие слова, как «ты» или «я» ребенок должен переинтерпретировать, а не копировать [6, p. 200]. Однако главные трудности возникают при употреблении терминов родства, таких как «брат», «отец» в сочетании с «я» и «ты», потому что в первые годы жизни для ребенка существует только одна перспектива взгляда на мир — его собственная.

Возрастание степени точности в употреблении местоимения показывает, что у ребенка формируется понятие о собственном существовании и индивидуальности. Это отражается и в усвоении новых местоимений. До пятилетнего возраста местоимения первого лица (мы, нас, наш) в детских вокабулярах встречаются нечасто. Их становится больше по мере того, как ребенок становится старше и полнее сознаёт своё участие в разных группах.

Существует тесная связь между самосознанием и представлением о том, какими нас видят другие люди. Ч.Х. Кули имел в виду именно эту связь, когда придумал термин «зеркальное “я”». Когда мы видим своё лицо, фигуру и одежду в зеркале, мы интересуемся всем этим, поскольку всё это принадлежит нам, и удовлетворены этим или не удовлетворены в зависимости от того, отвечают они или не отвечают тому, какими мы хотели бы быть. В своём воображении мы также предполагаем то, как, по мнению других, выглядят наши внешность, манеры, цели, поступки, характер, друзья и т.д.

«Я»-идея такого рода, как представляется, имеет три принципиальных элемента: наше представление о том, как представляется другим наша внешность, наше представление о том, что думают другие о нашей внешности, и наши определенные чувства по отношению к самим себе, такие как гордость или унижение. Сравнение с зеркалом уверенно предполагает второй элемент — воображаемое суждение, который очень существенен.

Эта эмоционально-аффективная реакция в виде чувства по отношению к самому себе, которая возникает, когда люди представляют самих себя

перед другими людьми, не присутствует на ранних стадиях развития самосознания. Новорожденные не способны визуализировать самих себя глазами других людей. Они обретают такую способность через научение. Для этого существенным оказывается усвоение языка, что позволяет детям принимать роли других людей.

Язык необходим для развития самосознания. Многие авторы признают этот феномен и поразному его трактуют. Одни говорят о важности таких устойчивых лингвистических средств, как обращение, приветствие и охарактеризование. Другие считают важным фактором употребление родителями имени ребенка. Третьи полагают, что употребление местоимений как самим ребенком, так и взрослыми людьми в окружении ребенка помогает фиксировать представление ребенка о самом себе в социальной системе координат. Но ни одна из этих точек зрения не является столь конкретной и убедительной, как точка зрения Дж.Г. Мида [11].

Дж.Г. Мид отмечает, что с точки зрения ребенка среди наиболее важных вокализаций, совершаемых взрослым, находятся те, которые связаны с этим ребенком. Ребенок подхватывает, имитирует и постепенно интернализирует эти вокализации в форме развивающейся системы информационных сигналов, при помощи которых ребенок стимулирует сам себя. Ребенок слышит, как другие неоднократно повторяют его имя, прибавляя к имени жесты или действия, указывающие на то, что они имеют в виду. Реплики, которые дети способны вспомнить и повторить самим себе, постепенно становятся всё более сложными. Поначалу ребенок употребляет лишь простые слова, затем группы слов, а позднее — простые предложения. Наконец, ребенок становится способен репетировать в своём воображении целые диалоги со своим участием. Дети учатся приписывать мотивы своим действиям, их начинает волновать реакция других людей на своё поведение. Дж.Г. Мид описывает этот процесс как обмен между субъективным «я» (лицо) и объективным «я» (рефлексируемое отношение со стороны другого).

Благодаря процессу «я»-стимуляции дети научаются думать о самих себе как о людях с личными точками зрения, чувствами, амбициями и целями. Такое познание с неизбежностью означает, что дети мыслят сами о себе аналогично тем представлениям, которые есть о них у других людей. На этом внутреннем форуме такая личная репетиция и драматизация ролей учит ребенка применять символы к самому себе и к своему собственному поведению. Как отмечал Дж.Г. Мид, младшие дети больше находятся на стороне объективного «я». Они непосредственно реагируют на стимулы, но у них нет адекватных средств для того, чтобы занять позицию другого человека.

В процессе реагирования на самого себя ребенок (а) развивает осознание своих собственных реакций; (б) учится некоторым последствиям собственных реакций; (в) достигает в отношении некоторой объективности. Фундаментальным средством этого процесса является язык. Индивиды сознают объекты, когда становятся способны именовать и классифицировать эти объекты. Аналогичным образом они сознают самих себя, когда становятся способны применять символы к самим себе и к своим поступкам.

В отношении необходимости символизации для осознания собственного «я» следует особо подчеркнуть, что развитие «я»-символизации может сопровождаться бурей переживаний. Это кратко отмечал Дж. Болдуин, указывая на тот факт, что «я»-концепции зависят от воспринимаемых оценок самого себя другими [4]. Поскольку оценки могут быть как верными, так и неверными, формирование «я»-концепции не проходит без бурных переживаний. В работах З. Фрейда и других представителей психодинамического направления [10] этот момент становится центральной темой. Ребёнок тесно идентифицирует себя с одним из родителей, усваивая моральные взгляды этого родителя и применяя их к собственному поведению.

Из очевидно, что «я» — социальный продукт и следствие инкоропорирования личностью социального процесса в возникающее у себя ощущение «я». Социальный процесс включает совершающийся диалог между субъективным «я» и объективным «я». Действительно, «я» есть всего лишь этот процесс интраиндивидуальной коммуникации. «Я» не существует иначе, как только в символическом или социальном окружении, от которого «я» не может быть отделено. Интраиндивидуальная коммуникация — всего лишь часть целостной сети коммуникации, которая распространяется также на отношения между личностями и на отношения между личностями и группами. Представление о «я» как атомистической единице ошибочно. Символическое поведение всегда совместное поведение, поэтому «я» подразумевает «других» и неразделимо с «другими». Смыслы символов, посредством которых «я» ор-

ганизованы, основываются на реакциях «других». Тот факт, что «я» всегда представляется принадлежащим автономному биологическому организму, не должен заставлять нас пренебречь фактом того, что «я» выстраивается на социальном фундаменте и поддерживает собственное существование благодаря своим корням внутри социальных отношений. Как отмечал Дж.Г. Мид, невозможно провести прямую линию между нашими «я» и «я» других людей, поскольку наши собственные «я» существуют лишь постольку, поскольку существуют «я» других людей [11].

Однако Дж.Г. Миду противоречит общепринятое представление об индивидуальности. Принято думать, что, поскольку человек обладает уникальным телом и испытывает в чём-то уникальные переживания, то человек — вполне автономный продукт. Нет никакой нужды отрицать индивидуальность, чтобы согласиться с тем, что «я» обладает в своей основе социальной природой. Как отмечал Ч.Х. Кули, употребление слова «я», выражающего индивидуальность, было бы немыслимо в отсутствие аудитории, к которой можно было бы обратиться и на которую можно было бы воздействовать. Но даже в более тонком смысле социальная природа «я» необходимо подразумевает, а не отрицает индивидуальность. Генерализованное «я», организованная совокупность установок, на которые реагирует личность — объективное «я», — это не просто «импорт» внутрь личности, это ассимиляция, сопровождаемая тревогой, волнением и беспокойством. Ч.Х. Кули отмечал, что решающим для формирования ощущения «я» становится ощущение присвоения. Тем самым Ч.Х. Кули подошёл к более важному моменту — а именно к тому, что люди не полностью автоматы.

Употребление в речи таких выражений, как «Я себя ненавижу», «Я проблема для самого себя» и «Я приду лично» — это указания на «я» в действии. Однако популярное употребление личных местоимений часто непоследовательно и запутано, особенно потому, что «я» иногда ассоциируется с телом, а иногда нет. «Я» обладает и объективной, и субъективной референтностью. Употребление «я» вместо имени существительного подразумевает существование целостности либо объекта. Однако было бы ошибочно представлять себе таким же образом, например, «скорость». Оба термина соотносятся скорее с событиями и с отношениями, а не с целостностями, определенным образом локализованными в пространстве. По этим причинам «я» описывали в качестве «грамматической иллюзии».

Если мыслить «я» как вещь, то «я» мыслится либо как тело, либо как некая целостность внутри этого тела. В поэзии, например, принято соотносить «я» с некоторой частью тела, которой особенно дорожат, потому что в ней живёт «я» (особенно сердце, глаза, дыхание и мозг). Научный пример локализации «я» в одной из частей тела — представление о личности как об организации, интегрирующей все основные процессы в головном мозге.

Для того чтобы иметь «я», необходимо сначала иметь тело. Поэтому в психологии существует представление о физическом «я» в отличие от социального «я». Такое разделение мало полезно, поскольку уже существует термин для обозначения тела — тело. «Я» не находится в теле ни как его физическая часть, ни как спиритическая или мистическая целостность, локализованная где-то или повсюду в организме, однако тело включает в себя понятие «я».

Представления людей о самих себе оказывают намного большее влияние на управление поведением, нежели простые вербальные команды, вызывая и организовывая адекватные реакции. Человек способен мыслить собственное «я» в качестве (а) комплекса более или менее последовательных реакций на уровне понятий, которые (б) оказывают регулирующее влияние на другие реакции на более низких уровнях.

Данное определение «я» не подразумевает того, что «я» есть некая «мотивационная сила». «Я» не является неким ультимативным витальным источником поведения и энергии, так же, как не является некой супраповеденческой инстанцией, к которой апеллируют загадочным образом все формы поведения.

«Я» есть организация или интеграция поведения, создаваемая индивидом самостоятельно, а также благодаря социетальным требованиям и экспектациям. Социальные требования и факторы налагают ограничения на то, какая степень несогласованности терпима в отношении индивидуального поведения, и вынуждают индивида устранить либо примирить подобную рассогласованность.

Организация и интеграция тех направлений деятельности, которые представляются стороннему наблюдателю противоречивыми либо рассогласованными, образуют неотъемлемую часть того, что принято именовать «я». Для самого человека они сливаются вместе в диалоге между субъ-

ективным «я» и объективным «я». Понятно, что у каждого человека есть несколько субъективных «я» и объективных «я».

«Я», как мы его определили, не принимает значимого участия во всём поведении, но дифференцированно вовлекается в различные поведенческие акты (на противоположном полюсе континуума — вовлечённость слабая). Переменная «уровень притязаний» указывает на то, что, когда вовлечённость в задание возрастает (т.е. когда индивид надлежащим уровнем мотивирован), тогда психологическое функционирование улучшается. Во многих недобровольных и автоматизированных видах деятельности участие «я» почти не предполагается, хотя даже и в этих случаях действие само по себе может иметь для индивида такую значимость, которой он не сознаёт. Более того, и автоматическое действие, такое как барабанить пальцами по столу, может приобретать значимость, если другие люди обращают на него своё внимание, так что оно приобретает смысл само по себе.

Список литературы

1. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984.
2. *Выготский Л.С.* Проблема культурного развития ребенка // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1991. № 4. С. 5–18.
3. *Дюркгейм Э.* Социология: ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 349 с.
4. *Baldwin J.M.* Mental Development in the Child and the Race. N.Y.: Macmillan & Co., 1906. 480 p.
5. *Blumer H.* Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969. 208 p.
6. *Cooley C.H.* Human Nature and the Social Order. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1922. 460 p.
7. *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs; N.J.: Prentice-Hall, 1967. 288 p.
8. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. 256 p.
9. *Goffman E.* Strategic Interaction. Oxford: Blackwell, 1970. 145 p.
10. *Marcia J.E.*, Waterman A.S., Matteson D.R. et al. Ego Identity: A Handbook for Psychosocial Research. N.Y.: Springer-Verlag, 1993. 391 p.
11. *Mead G.H.* Mind, Self & Society. Chicago: The University of Chicago Press, 1934. 440 p.
12. *Piaget J.* Judgement and Reasoning in the Child. N.Y.: Hartcourt, Brace and Company, 1928. 260 p.
13. Schütz A. The Phenomenology of the Social World. London: Heinemann Educational, 1972. 255 p.
14. *Shotter J.* Cultural Politics of Everyday Life: Social Constructionism, Rhetoric and Knowing of the Third Kind. Toronto: University of Toronto Press, 1993. 240 p.
15. *Weber M.* The Protestant Ethic and the «Spirit» of Capitalism and Other Writings. N.Y.: Penguin Books, 2002. 392 p.

ESSENTIAL VS. NARRATIVE IDENTITIES IN INTERPRETATIVE SOCIOLOGY

Julius V. Stavropolsky

National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky;
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

This feature discusses essential vs. narrative or performative approaches towards constructing social identity. Supporters of essentialism believe that invariant or essential identities are based upon race, nationality, gender, sexual orientations or social class. Narrative or performative approaches to the research of interaction and socialization emphasize fragile, unaccomplished, fragmentary and contradictory attributes of the nature of «self» and its social, personal, and enjoyed identities. The equilibrium between these two points of view lets find a place to discuss social and cultural discourses.

Key words: identity; sociology; construction; internalization; structure.

УДК 331.101.32

ТРУД И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Ф.Р. Хагур

Рассматриваются социальные аспекты трудовой деятельности в контексте научных исследований, приводится краткий анализ исследований западных и отечественных ученых, посвященных проблеме труда, его стимулировании и мотивации, удовлетворенности трудом. Особое внимание уделяется исследованиям социальных аспектов труда в советский период. Выделяются три этапа в исследовании социальных аспектов труда в советской социологии.

Ключевые слова: стимулирование труда; мотивация труда; удовлетворенность трудом.

На разных исторических этапах развития человечества труд выступает в различных формах, которые являются показателями развития общественных отношений эпохи. Поэтому развитие человека неразрывно связано с возникновением и развитием труда, поскольку труд является одной из основных жизненных функций человека. Традиционно труд рассматривался как добывание средств к существованию ценой «семи потов». И если труд не дает достаточных стимулов для удовлетворенности им, то может возникнуть чувство разочарованности жизнью вообще, которое дорого обходится как отдельному индивиду, так и обществу в целом. Потребность в труде как в способе самореализации и утверждения себя, как во внутренне присущем человеку стимуле, активизирующем действия человекотворческой функции труда, присуща людям во все исторические эпохи. Но не все эпохи создают равные условия для удовлетворения всего многообразия потребностей, связанных с трудом.

Роль труда как источника богатства, как условие существования человеческой жизни была известно задолго до Маркса. Однако домарксовы экономисты не смогли полностью раскрыть его сущность и значение. Даже для А. Смита и Д. Риккардо общественный характер труда оказался далеко не понятным. Р. Оуэн и А. Смит считали деньги единственным мотивирующим фактором. Согласно их трактовке, люди — чисто экономические существа, которые работают только для получения средств, необходимых для приобретения пищи, одежды, жилища и т.д. [10].

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что труд носит общественный характер, что в процессе его люди вступают в определенные производственные отношения. Неслучайно, уточняя положение А. Смита о том, что капитал есть командование над трудом, К. Маркс подчеркивал, что «он по существу своему есть командование над неоплаченным трудом» [3]. К. Маркс открыл двойственную природу труда, которая заключается в том, что конкретная трудовая деятельность есть одновременно и деятельность, в ходе которой люди вступают в определенные связи и отношения друг с другом. Труд приобретает общественную форму, он становится основой формирования многообразных отношений.

О принудительности труда ещё в середине прошлого столетия интересные наблюдения высказал Д. Маркович. Труд, по Марковичу, — это необходимое свойство человека и поэтому он не должен превращаться в тяжесть для него. Д. Маркович отрицает мысль о неприятности труда, имея в виду при этом понимание труда Марксом, согласно которому неприятные чувства у человека вызывает не само действие в процессе труда, а случайные внешние обстоятельства, которые обычно связаны с трудом в современном обществе, и что эти последние могут быть устранены по мере развития и совершенствования общественного строя [7].

Все многообразие исследований западных ученых, по нашему мнению, проходит в своем развитии через три сложнейших этапа:

На первом «тейлоровском» этапе обращалось внимание на то, чтобы дать возможность челове-

Хагур Фатима Рашидовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления; Филиал Майкопского государственного технологического университета в п. Яблоновском; 385140, Республика Адыгея, Тахтамукайский район, п. Яблоновский, ул. Связи, 11; hagur@inbox.ru.

ку заработать, получить большее вознаграждение за возможно большой объем сделанной работы.

На втором этапе переворот в науке вызвали исследования, проведенные в Хотторне в 1930-х гг. и положившие начало изучению человеческих потребностей.

Третий этап характеризуется созданием множества теорий личности, многие из которых оказались весьма ценными и в практическом отношении.

Краткий анализ каждого из перечисленных этапов развития, на наш взгляд, оказывается необходимым для полноценного понимания теоретических основ проблемы удовлетворенности трудом как на Западе, так и у нас в России.

Как отмечалось выше, процесс рациональной организации производства, когда стали учитываться факторы, зависящие от человека, был начат ещё в недрах капиталистического строя. Человеческие возможности использовались капитализмом экстенсивным образом. Но в конце XIX – начале XX в. настал период, когда логика развития производства, с одной стороны, и успехи пролетариата, с другой, привели к необходимости обратиться к глубинным резервам, заложенным в творческой основе самой человеческой природы. Впервые на поиск этих резервов обратил внимание Ф. Тейлор. Он создал систему, в условиях которой на сознание и поведение человека оказывали воздействие меры максимальной заинтересованности в выполнении предельно высоких норм: эта система умело и по-капиталистически хищно эксплуатировала стремление человека к материальному достатку. Ф. Тейлор выдвинул и всесторонне исследовал идею рационализации рабочего места за счет уменьшения свободы действий, что в очень значительной степен увеличивало производительность труда. Мощным рычагом реализации этой идеи стала система материального стимулирования. Соответственно этому этапу формировались такие качества работника производства, которые были связаны с точным и беспрекословным решением поставленных задач. Ф. Тейлор сделал попытку исследовать трудовую деятельность с целью повышения производительности труда [7].

Переворот в науке вызвали исследования, проведенные в Хотторне в 1930-х гг., они же положили начало изучению человеческих потребностей, стимулов, типов личности и концепций достижения [16]. Поскольку практика доказала ограниченность такого подхода к росту производительности труда, Элтон Мэйо на основе проведенных исследований противопоставил этому подходу другой, известный как школа «человеческих отношений». Он акцентирует внимание на том, что человек — социальное животное, ориентированное и включенное в контекст группового поведения; жесткая иерархия подчиненности и бюрократическая организация несовместимы с природой человека и его свободой; руководители должны ориентироваться в большей степени на людей, чем на продукцию, это обеспечивает социальную стабильность и удовлетворенность индивида работой. Модель человеческих взаимоотношений предполагает, что производительность труда зависит от удовлетворенности в работе, что зависит от внутренних факторов, таких как признание, удовлетворенность социальных потребностей [1]. Так появилось новое понимание индустриального человека — «общественный человек», находящий удовлетворение в принадлежности к постоянной трудовой группе и в общественном уважении, которое тем самым приобретается [7, с. 120].

Признание важности такого индикатора степени удовлетворенности потребностей, как субъективная удовлетворенность трудом, содержится в трудах А. Маслоу, К. Алдерфера и других исследователей мотивации [8].

Существенный вклад в понимание проблемы удовлетворенности/неудовлетворенности внес Ф. Херцберг, создатель двухфакторной теории мотивации. Теорию Херцберга называют еще мотивационно-гигиенической теорией. В ее основе лежит оценка удовлетворенности или неудовлетворенности работников своим трудом, что рассматривается как свидетельство или отсутствие мотивации.

Основной смысл двухфакторной теории Ф. Херцберга состоит в том, чтобы отделить разные ценности, разграничить факторы, обеспечивающие высокую мотивацию, от факторов гигиенических, роль которых более примитивна и заключается лишь в том, чтобы предотвратить возникновение чувства неудовлетворенности работой.

Лайман Портер и Эдвард Лоутер разработали комплексную теорию мотивации, включающую элементы теории ожидания и теории справедливости. В их моделях фигурируют пять переменных: затраченные усилия, восприятие, полученные результаты, вознаграждение, степень удовлетворения [8]. В теории Портера и Лоулера устанавливается соотношение между вознаграждением и результатами, т.е. человек удовлетворяет

свои потребности посредством вознаграждений за достигнутые результаты. Один из наиболее важных выводов ученых состоит в том, что результативный труд ведет к удовлетворению. Проанализированная модель внесла основной вклад в понимание мотивации. Эта модель показывает также, насколько важно объединить такие понятия, как усилия, способности, результаты, вознаграждения, удовлетворение и восприятие в рамках единой взаимоувязанной системы.

В 1964 г. психологом В. Врумом была разработана теория ожидания как процесс управления выбором. Она основана на предположении, что само наличие активной потребности толкает человека на достижение определенной цели, а надежда, что избранный тип поведения приведет к удовлетворению потребности, является ключевым фактором в теории ожидания при взаимоотношениях: 1) ожидание (прогноз) соотношения расходов на труд — результата; 2) ожидание соотношения результата — вознаграждения; 3) ценность вознаграждения — предполагаемая степень относительного удовлетворения или неудовлетворения, возникшего вследствие получения определенного вознаграждения [1].

Ровно через год после публикации В. Врума появилась так называемая теория справедливости С. Адамса (1965 г.). Заметим, что еще А. Файоль, обсуждая вопрос о вознаграждении персонала и о формах оплаты труда, неоднократно подчеркивал важность для становления мотивации именно справедливого вознаграждения.

Основной вывод теории справедливости для практики управления состоит в том, что до тех пор, пока люди не начнут считать, что они получают справедливое вознаграждение, они будут стремиться к уменьшению интенсивности труда [8].

Известный ученый в области лидерства Д. Мак-Грегор, выделяя два основных принципа влияния на поведение людей, сформулировал «теорию X» и «теорию Y».

«Теория X» — это авторитарный тип управления, ведущий к прямому регулированию и жесткому контролю. Согласно этой теории, базирующейся на системе «научного управления» Ф. Тейлора, люди изначально не любят работать, поэтому их следует принуждать, контролировать, направлять, угрожать наказыванием, чтобы заставлять трудиться для достижения целей организации. «Теория Y» основана на демократических принципах делегирования полномочий, обогащения содержания работы, улучшения взаимоотношений, признании того, что мотивацию людей определяет сложная совокупность психологических потребностей и ожиданий [8, с. 274].

В 1981 г. Оучи предложил ещё один подход — теорию Z, которая использует особенности японского стиля управления. Развитие систем мотивации и анализ опыта японских предприятий привели к формированию двух основных типов управления: A и Z. Тип A — американская типичная организация, которая является бюрократической по структуре. Такая организация основана на индивидуализме и конкуренции, что часто сопровождается отчуждением и недостаточной производительностью. Организация типа Z является американской разновидностью японской организации. Она более органична, адаптивна, характеризуется более высоким уровнем сотрудничества и производительности.

При рассмотрении проблемы удовлетворенности трудом нельзя обойти вниманием теорию подкрепления Б.Ф. Скиннера, которая базируется на принципе, что можно изменить поведение путем подкрепления желательных проявлений и игнорирования нежелательных. Виды вознаграждения, по мнению ученого, включают три основные группы:

1) экономические;
2) престижные;
3) удовлетворенность работой.

Таким образом, все известные схемы классификации потребностей человека являются в значительной степени общими или даже условными, так как недостаточно учитывают все индивидуальные потребности различных категорий персонала. В принципе, как справедливо заметил М.Х. Мескон, людей можно отнести к той или иной достаточно широкой категории, характеризующейся какой-либо потребностью высшего или низшего уровня, но четкой пятиступенчатой иерархической структуры потребностей людей, по-видимому, просто не существует [1].

Для более полного исследования проблем удовлетворенности трудом мы считаем рассмотрение только базовых теорий личности. Существует ещё множество концепций, исследований, связанных с мотивацией труда, стимулированием труда и удовлетворенностью трудом. Исследования проблем удовлетворенности активно ведут зарубежные социологи.

Наиболее известна концепция немецкого социолога Р. Штольберга, изложенная в его книге «Социология труда». Р. Штольберг рассматривает удовлетворенность трудом не как социально-

психологическую, а как социально-экономическую категорию. Её субъект не индивид, а социальная группа, степень удовлетворенности трудом которой определяется создаваемым обществом содержанием и условиями труда и потребностями работников [17].

Специалисты института Анжона, исследуя проблемы занятости, пришли к выводу, что неудовлетворенность трудом усиливает вероятность сердечных заболеваний (она повышает кровяное давление, увеличивает количество холестерина и сахара в крови) и в конечном счете приводит к более высокой смертности [4].

Таким образом, по мнению западных исследователей, отрицательные последствия неудовлетворенности трудом сказываются, как уже говорилось, на трех уровнях: индивидуальном, организационном (предприятия) и на уровне общества. Рассмотренные базисные теории личности, теории мотивации труда, удовлетворенности трудом свидетельствуют о широте разработанности проблемы удовлетворенности трудом на Западе.

Проблемы труда, его стимулов и мотивации, удовлетворенности трудом широко рассматривались и российскими учеными. Проблемами оплаты труда интенсивно занимались в 1920-е гг. советские ученые А.К. Гастев, П.М. Керженцев, О.А. Ерманский, П.А. Попов и др. Что касается практики, то следует обратить внимание на результаты, связанные со стахановским движением, и на такой малоизвестный факт, что А. Стаханов, перевыполнивший норму по вырубке угля, заработал в эту ночную смену 200 рублей вместо обычных 23–30 рублей. Сколько заработал, столько и получил. Это было конкретной реализацией принципа «каждому — по труду». Кстати, этот принцип высокой материальной заинтересованности был характерен для первых лет стахановского движения, а потом заменен и вытеснен различными формами ложно интерпретируемого морального поощрения [15, с. 101].

Одними из первых отечественных социологов, предложившими свою концепцию, были В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов. В известной книге «Человек и его работа» и ряде статей тех лет они изложили свои взгляды на сущность удовлетворенности трудом, характер её связей с некоторыми другими социологическими категориями, выделили и структурировали факторы, на их взгляд, её определяющие, применили математические методы, позволяющие дать количественную оценку её уровня [11].

Эти исследователи показали, что тот или иной уровень удовлетворенности работой молодых рабочих СССР зависит прежде его от содержательности их труда. Большое значение рабочие СССР, особенно молодые, придают возможности постоянно развивать свои способности в процессе труда. Это качество обычно ставит на первое место большинство молодых людей, выбирающих жизненный путь. Оно занимает одно из первых мест среди наиболее значимых факторов, определяющих удовлетворенность трудом работающих [4].

Ещё в 60-е гг. Н.М. Блинов и Р.И. Косолапов попытались измерить фактическую продолжительность времени «радостного труда» у разных социальных групп. Молодым рабочим трех станкостроительных заводов было предложено ответить на три вопроса: «После которого часа работы, как правило, наступает утомление?», «Сколько часов в течение рабочего дня (в среднем) Вы работаете без напряжения?», «Сколько часов в рабочем дне труд доставляет Вам удовольствие?» Результаты исследований, проведенных Н.М. Блиновым и Р.И. Косолаповым в 1976–1978 гг., бесспорно, интересны прежде всего потому, что они были «ориентированы на специальное изучение проблемы удовлетворения потребностей как содержательной характеристики образа жизни в сфере труда» [2]. Эти исследования охватили большими выборками такие разные социальные группы, как промышленные и сельскохозяйственные рабочие, научные и инженерно-технические работники, служащие, и в этом смысле не имели аналогов в истории социологии. Вызывает возражение и определение «радостный труд», как труд, который «не напряжен» и «не утомляет». Наделение альтернативного ему труда отрицательным смыслом, противопоставление его труду «с радостью» несостоятельны. В народе всегда говорят о радостном физическом труде, как труде напряженном, как труде «до пота». С другой стороны, не всегда труд, который «не напряжен» и «не утомляет», доставляет радость [5].

Трагедией советской экономики стал постоянно повторяющийся факт игнорирования материальной заинтересованности работника, хотя постоянно все думающие и заботящиеся о будущем хозяйственные руководители и ученые неоднократно ставили этот вопрос и даже пытались его решать. Достаточно напомнить щекинский эксперимент, начатый в середине 1960-х гг. в научно-производственном объединении «Азот», который продолжался 17 лет (!). Этот эксперимент, базирующийся на принципе совмещения рабочих мест

и более высокой оплате труда, дал существенные сдвиги в росте производительности труда и эффективности производства, но был бесславно провален в силу косности системы, бюрократизма чиновников и отсутствия нормальной реакции на необходимость нововведений [9].

Такую же участь ждал и эксперимент в конце 1960-х – начале 1970-х гг., где стараниями его организатора И.Н. Худенко был достигнут впечатляющий результат в сельскохозяйственном производстве при высокой материальной заинтересованности работников, что позволило существенно снизить себестоимость зерна. Однако обвиненный в стяжательстве и хищении государственных средств Худенко был снят с работы, осужден и закончил свою жизнь в тюрьме [15, с. 101].

Кризис в исследовании удовлетворенности трудом и отношения к труду свидетельствовал о необходимости поисков связи удовлетворенности с условиями труда и жизни (производственными и внепроизводственными факторами) трудящихся. И.М. Попова, обследуя одесские предприятия, попыталась определить степень и характер связи между удовлетворенностью трудом и фактическим поведением работников в сфере трудовой деятельности и на основе этого выяснить некоторые практические возможности использования информации об удовлетворенности трудом работников в практике управления [12, 13].

В принципе все отечественные социологи, исходя из марксистских позиций, признавали определяющее влияние социально-экономической природы и общественного разделения труда, социальной структуры, а также политической надстройки общества на отношение к труду и удовлетворенность им. Но большинство из них рассматривали эти общие социальные условия сквозь призму индивидуального сознания или, в лучшем случае, как авторы книги «Человек и его работа», через специфические факторы, действующие на предприятии [18], а не формулирующие требования социальных групп.

Социальные различия проявляются лишь при сравнении структуры мотивов. По данным социологического исследования, проведенного А.Г. Харчевым и С.И. Голодом в 70-х гг. XX в. на четырех промышленных предприятиях Ленинграда, 53,5 % работниц, имеющих низкую и среднюю квалификацию, обычно связывают свое стремление работать с необходимостью дополнительного заработка для семьи, 21,5 % — с желанием быть в коллективе, 13,6 % — со стремлением участвовать в общественном труде и 11,4 % — с желанием быть материально независимой от мужа.

Существовавшая в СССР система стимулирования трудовой активности в значительной мере оказалась малоэффективной и стала одной из причин кризиса труда. Несмотря на богатейшие природные ресурсы и огромные капиталовложения в основные фонды, экономика страны оказалась в тяжелом состоянии.

В 70-х – начале 80-х гг. наша экономика столкнулась с таким острым и тревожным противоречием, как растущее отчуждение труда, которое выражается в том, что продукты деятельности человека, возникающие при этом отношения становятся чуждыми ему, независимыми от него и господствующими над ним. В эти годы в развитии страны (наряду с достижениями и бесспорными успехами) появились неблагоприятные тенденции, почти не осваивались интенсивные факторы экономического роста, не было механизма противостояния теневой экономике.

Исследования советских социологов в 80-х гг. выявили, казалось бы, парадоксальный факт: по сравнению с 60–70-ми гг. на многих предприятиях увеличилось количество работников, не удовлетворенных условиями труда. Почему? Ведь был проведен большой объем работы по реконструкции, улучшению общих условий производственной деятельности. Как показывает анализ, противоречие вполне объяснимо: выросли требования людей. Анализ практики позволяет сделать вывод, что осознание человеком производственной жизни, её проблем и противоречий во все большей мере приобретает характер решающей силы в определении направленности поведения. Люди все большее значение придают тому, что происходит в непосредственно окружающей среде. Это предъявляет и соответствующие требования к управлению трудовыми ресурсами. «Мы должны осознать, — говорилось на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, — что время, когда управление сводилось к приказаниям, запрещениям, призывам, ушло в прошлое. Теперь уже всем ясно, что такими методами работать больше нельзя. Они просто неэффективны. Создать мощную систему мотивов и стимулов, побуждающую всех работников полностью раскрывать свои способности, плодотворно трудиться, наиболее эффективно использовать производственные ресурсы, — таково веление времени» [14, с. 17].

Идеология советского общества была трудоцентристской, труд в ней имел своего рода священный, сакральный смысл. В нормативных тек-

стах декларировалась «всеобщность труда» в СССР, т.е. обязательность трудовой деятельности для каждого трудоспособного члена общества, недопустимость неучастия в труде и извлечения «нетрудовых доходов» [6, с. 118].

Если обобщить имевшийся в советский период опыт исследований проблемы удовлетворенности трудом, стимулирования труда и выявление скрытых резервов производительности труда, то он в самом общем виде прошел несколько этапов.

На первом этапе (20-е гг.) обращалось внимание на то, чтобы дать возможность человеку заработать, получить большее вознаграждение за возможно больший объем сделанной работы.

На втором этапе, начиная с 30-х гг. XX в., в основу стимулирования все больше кладутся индивидуальные потребности работника и, соответственно, ориентация на их удовлетворение. Такой подход позволил более гибко учитывать конкретную ситуацию и более наглядно и предметно реагировать на желания и интересы людей.

С 1960-х гг. все более мощно стал заявлять о себе фактор социальных потребностей (третий этап), когда материальное вознаграждение ориентировалось не только на потребности работника, но и его семьи, не только на удовлетворение текущих или ближайших целей, но и на долгосрочную перспективу.

Список литературы

1. *Аксененко Ю.Н.*, Каспарян В.Н., Самыгин С.И., Суханов И.О. Социология и психология управления. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 512 с.
2. *Блинов Н.М.* Трудовая деятельность как основа социалистического образа жизни. М.: Наука, 1979. 442 с.
3. Грачев М.В. Управление трудом: Теория и практика капиталистического хозяйствования. М.: Наука, 1990. 135 с.
4. *Кревневич В.В.* Автоматизация и удовлетворенность трудом. М.: Мысль, 1987. 216 с.
5. *Косолапов Р.И.* Социализм. К вопросам теории.- 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль,1979. 601 с.
6. *Магун В.С.* Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России: социология, этнология 1998. № 4. С. 113–144.
7. *Маркович Д.* Социология труда: пер. с сербскохорв. М.: Прогресс, 1988. 632 с.
8. *Мескон М.Х.* Основы менеджмента: пер с англ. / М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоурн. М.: ДЕЛО, 1997. 704 с.
9. *Моин Э.* Щекинский эксперимент. М.: Наука, 1983. 421 с.
10. *Патрушев В.Д.* Интенсивность труда при социализме. М.: Экономиздат, 1963. 239 с.
11. *Патрушев В.Д., Калмакан Н.А.* Удовлетворенность трудом: социально-экономические аспекты. М.: Наука, 1993. 112 с.
12. *Попова И.М.* Проблемы социального регулирования на промышленных предприятиях. Киев: Наукова думка, 1973. 270 с.
13. *Попова И.М.* Стимулирование трудовой деятельности как способ управления. Киев: Наукова думка, 1976. 207 с.
14. *Тощенко Ж.Т.* Социальные резервы труда: Актуальные вопросы социологии труда. М.: Политиздат, 1989. 287 с.
15. *Тощенко Ж.Т.* Социология: Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрайт-М., 2001. 527 с.
16. *Уайтли Ф.* Мотивация: пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс», 2003. 260 с.
17. *Штольберг Р.* Социология труда: пер. с нем. М.: Прогресс, 1982. 248 с.
18. *Ядов В.А.*, Здравомыслов А.Г., Рожин В.П. Человек и его работа (социологическое исследование) / под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.: Мысль, 1967. 392 с.

LABOR AND ITS SOCIAL ASPECTS IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Fatima R. Hagur

Branch of Maykop State Technological University in the item Yablonovsky;
11, Svyazy str., Yablonovsky, Republic Of Adygeya, 385140, Russia

Social aspects of labor activity in a context of scientific researches are considered, the short analysis of researches of the western and domestic scientists devoted to a problem of work, its stimulation and motivation, satisfaction with work is provided. Author discusses results of sociological researches of social aspects of labor in Soviet period and distinguish three stages of these researches.

Key words: work incentives; motivation of work; satisfaction with work.

УДК 331.104

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ

Т.В. Позднякова

В статье представлены результаты анализа наиболее распространенных подходов к понятию «лояльность персонала организации», приведены ключевые факторы диагностики и оценки лояльности, выражена авторская позиция относительно деструктивных аспектов лояльности персонала. Подтверждена гипотеза о существовании различных видов лояльности и их влиянии на уровень удовлетворенности и приверженности работников организации.

Ключевые слова: лояльность; персонал; анализ научных подходов; деструктивные проявления лояльности.

Вопросы формирования лояльности как ведущего фактора, влияющего на качество труда персонала и его «закрепленность» в организации, являются одними из наиболее актуальных социально-экономических вопросов в условиях реформирования и перехода на инновационный путь развития.

В то же время до сих пор не сформирован единый подход к классификации факторов, служащих индикаторами (признаками) лояльности. Для выявления и оценки основных сущностных подходов к понятию лояльности персонала организаций была использована структурированная процедура анализа базовых методологических подходов [5], важнейшими этапами являются выявление дискуссионных точек зрения на сущностный и содержательный аспекты исследуемого объекта и их сравнительный критический анализ (рис. 1).

В качестве доминирующих сущностных признаков лояльности в профильной литературе используются три основные категории, обосновавшие, соответственно, правомерность выделения трех сущностных подходов, характеристики и ограничения которых представлены далее.

1. Подход «Лояльность как отношение» трактует лояльное поведение сотрудника с помощью таких категорий, как «любовь к организации», «приверженность», «самоотверженность», «уважение», и дает ответ на ключевой вопрос: «Как лояльный сотрудник ОТНОСИТСЯ к организации?».

2. Подход «Лояльность как поведение» акцентирует внимание на проявлении отношения к организации, выраженном в поведенческих категориях: как работник общается с коллегами и руководством, насколько он готов проявлять инициативу, брать на себя ответственность и обязанности, т.е. «Как отношение к организации проявляется в ПОВЕДЕНИИ сотрудника в текущем периоде?».

3. Подход «Лояльность как намерения» дает оценку проявлению отношения к организации в долгосрочной перспективе — насколько работник заинтересован в долгосрочном трудоустройстве, закреплен в данной организации, «держится» за свое рабочее место, т.е. каковы его НАМЕРЕНИЯ относительно данной организации.

Каждый из представленных подходов имеет некоторые ограничения или спорные моменты, не позволяющие принять его в качестве концептуальной основы исследования.

Так, отношение работника (первый из представленных подходов) зависит не только от воздействия организации, коллектива, но и от типа личности. Кроме того, положительное отношение к организации может никак не сказываться на результативности трудовой деятельности, т.е. является, по сути, бесполезным при отсутствии соответствующих поведенческих проявлений.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 11-32-00304а2 «Формирование лояльности сотрудника организации: проблемы и перспективы»).

Позднякова Татьяна Валерьевна — кандидат экономических наук, старший преподаватель; Бийский технологический институт, филиал Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова; 659305, Алтайский край, Бийск, ул. Трофимова, 27; Ptv-bti@mail.ru.

Поведенческие характеристики сотрудника, рассматриваемые в рамках второго подхода, могут зависеть от типа личности работника, его воспитания, а также от принятых в коллективе формальных и неформальных норм поведения. Данные обстоятельства приводят к тому, что поведение работника может не коррелировать с истинным отношением к организации, что существенно затрудняет процесс оценки и формирования лояльности сотрудника.

Что касается намерений сотрудника (третий подход), то следует подчеркнуть, что они характеризуются значительной степенью вариабельности, не связанной с формированием лояльности. То есть работник может прийти к решению покинуть рабочее место по причинам личного, территориального, стратегического характера, по состоянию здоровья или семейным обстоятельствам, что не связано с его отношением к компании.

Рис. 1. Алгоритм анализа базовых методологических подходов

Таким образом, все выявленные подходы можно классифицировать как относящиеся категории «Б» — частичное соответствие авторской позиции, что требует формулирования авторского подхода, обобщающего и дополняющего приведенные точки зрения.

В рамках представленного исследования под лояльностью предлагается понимать совокупность качеств работника, обусловленных его личными особенностями (внутренние факторы) и параметрами организации (внешние факторы), характеризующих отношение работника к организации и индикатируемых через поведенческие признаки как в текущем периоде, так и в долгосрочной перспективе.

При критическом анализе профильной литературы выявлено не менее 10 трактовок ключевых признаков лояльного поведения сотрудников (разъясняющих аспектов), большинство из которых в большей или меньшей степени может быть отнесено к одному из рассматриваемых подходов [6]:

– отсутствие намерения уволиться из организации, стремление сохранить рабочее место [9];

– отсутствие случаев намеренного нанесения ущерба организации [3];

– честное и добросовестное выполнение своих обязанностей [1, с. 96–99];

– предпочтение интересов компании личным, готовность идти на жертвы [8];

– отсутствие разделения обязанностей на «свои» и «чужие», неравнодушие к делам компании [9, 8];

– заинтересованность в выполняемой работе, желание выполнить ее наилучшим образом [7];

– неоспоримость руководства руководителя, готовность выполнить указания [2];

– отсутствие выраженных претензий к организации и руководству [8];

– открытость и готовность к диалогу с руководством [2];

– включенность в организационную культуру, готовность к взаимодействию с коллегами [4].

В целях классификации выявленных признаков был использован критерий объектно-субъектного направления поведения, т.е. анализ базировался на выявлении объектов или субъектов, относительно которых сотрудники проявляют определенный тип поведения. Были предложены 4 основные объектно-субъектные категории:

– поведение относительно непосредственно занимаемого рабочего места и выполнения своих должностных обязанностей;

– поведение относительно компании (организации) в целом;

– поведение относительно руководства (как входящего в зону непосредственного контакта, так и верховного);

– поведение относительно коллектива (подчиненных, коллег).

Каждая субъектно-объектная категория включает в себя три признака лояльного поведения и характеризует сектор ориентации лояльности сотрудника. При этом поведение относительно должностных обязанностей и компании в целом можно классифицировать как совокупность безличностно ориентированных (объектных) факторов, а поведение относительно руководства и коллег, соответственно, как совокупность личностно ориентированных (субъектных) факторов. На рис. 2 представлена модель лояльности персонала, базирующаяся на изложенных концептуальных моментах и обобщившая большинство выявленных нами признаков лояльного поведения персонала.

Рис. 2. Модель лояльности персонала

Несмотря на отсутствие единой трактовки в научных кругах, понятие лояльности сотрудника, его приверженности компании, как правило, имеет положительный смысл, расценивается как привлекательное, «полезное» качество. Прикладные исследования имеют соответствующую направленность: как повысить лояльность сотрудника, как выявить потенциально склонного к лояльно-

сти кандидата, какие действия руководства способны положительно или отрицательно влиять на лояльность сотрудника.

Между тем авторская позиция по вопросу влияния лояльности на эффективность деятельности персонала неоднозначна: во-первых, до сих пор отсутствуют четкие градации недостаточного, необходимого и достаточного уровня лояльности. Во-вторых, отсутствуют понятие и оценка избыточного, излишнего уровня лояльности, при котором положительные моменты (сокращение текучести кадров, высокий уровень исполнения функциональных обязанностей, заинтересованность в выполняемой работе, готовность к диалогу, предпочтение интересов компании личным) способны перерасти в негативные, деструктивные проявления.

Для анализа и типологизации избыточной лояльности предлагается следующая классификация видов лояльности по объекту приверженности:

– результативная, при которой основной ценностью для сотрудника выступает результат деятельности его подразделения или предприятия в целом;

– процессная, для которой характерна высокая значимость эффективного протекания всех (или непосредственно касающихся сотрудника) процессов, связанных с трудовой деятельностью;

– лояльность руководству, в том числе традиционная (основанная только на занятии руководителем более высокой, чем у сотрудника, должности) и харизматическая (базирующаяся на личных качествах руководителя, привлекательных для сотрудника);

– лояльность коллективу в целом, в контексте данного исследования называемая партисипативной.

Матрица лояльности представлена в таблице.

Матрица лояльности персонала организаций

По направлению	*По объекту*	
	Фирменная	*Личностная*
Линейная	Процессная	Партисипативная
Вертикальная	Результативная	Руководству

Предполагается, что при равномерном развитии всех типов лояльности наблюдается положительный эффект, выражаемый в желании сотрудника работать на данном предприятии, способствовать его процветанию и успешной деятельности, позитивно взаимодействовать с коллегами и руководством.

Однако при значительном доминировании отдельных видов лояльности наблюдается смещение, вызывающее дисбаланс и негативно сказывающееся на трудовой деятельности. Так, гипертрофированное развитие вертикальной лояльности (результативной или лояльности руководству) вызывает торможение линейной (процессной или партисипативной), и наоборот — чрезмерная оценка интересов коллектива может стать причиной конфликта с руководством или пойти вразрез с интересами компании. Аналогичный дисбаланс может наблюдаться и при доминировании только личностной или только фирменной лояльности.

Первоначальной гипотезой представляемого исследования являлось наличие обратной связи между уровнями лояльности по объектному признаку (между фирменной и личностной лояльностью) при достижении определенного уровня дисбаланса, однако результаты опроса [2] показали, что несогласованность линейных и вертикальных видов лояльности (процессная — результативная и партисипативная — руководителю соответственно) оказывает гораздо большее деструктивное влияние как на общую удовлетворенность работника, так и на его приверженность фирме (отсутствие намерения покинуть организацию).

Так, на одном из этапов исследования лояльности персонала ООО «Бийскэнергоремонт» сотрудникам предлагалось охарактеризовать различные ситуации как приятные, вызывающие положительные эмоции (P = +1), нейтральные (P = 0) и отталкивающие, вызывающие негативные эмоции (P = -1).

Респонденты, которые давали положительную оценку различным формам конструктивного взаимодействия с руководителями (Ррук = 0,5…0,75), гораздо чаще воспринимали случаи сотрудничества с коллегами как нейтральные или даже отталкивающие (Ркол = -0,2…-0,3). Необходимость спора, конфликта, отстаивания своего мнения перед руководством и перед коллегами также показали отчетливую обратную взаимосвязь.

Аналогичная картина наблюдается у респондентов при оценке ситуаций, имеющих ориентацию «процесс – результат». Предполагаемой нами обратной зависимости между личностными и фирменными факторами практически не наблюдалось.

Следует, однако, подчеркнуть, что почти по 10 % сотрудников показали отчетливую экстравертированную и интровертированную ориентацию, дав одновременно высокую или низкую оценку необходимости взаимодействия и с руководством, и с коллегами. Еще около 7 % респондентов продемонстрировали одновременно высокую значимость процессных и результативных факторов, получив предварительно название «перфекционистской» группы. Обратной ситуации (с одновременно низкой оценкой указанных факторов) на исследуемом предприятии практически не наблюдалось.

По результатам реализованных этапов была определена дальнейшая структура исследования (а именно обоснована необходимость изучения внешних факторов формирования лояльности — типа управления, характеристик корпоративной культуры, организации производственного процесса и т.д.), а также подтверждена исходная гипотеза о существовании различных видов лояльности и их взаимном воздействии на уровень удовлетворенности и приверженности работников организации.

Список литературы

1. *Доминяк В.И.* Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации: дис. … канд. психол. наук:. СПб., 2006. 280 с.
2. *Калабин А.* Наш человек — не наш человек // Отдел кадров. 2004. № 11. С. 64–66.
3. *Ковров А.В.* Лояльность персонала. М.: Бератор, 2004. 168 с.
4. *Коростелева С.* Что посеешь, то и пожнешь // Отдел кадров. 2004. № 11. С. 67–70.
5. *Миляева Л.Г.*, Позднякова Т.В. Концептуальные основы управления конкурентоспособности выпускников вузов на профильном рынке труда // Казанская наука. 2011. № 10. С. 88–91.
6. *Позднякова Т.В.*, Волкова Н.В. Лояльность персонала организаций: анализ негативных аспектов // Актуальные проблемы экономики и менеджмента: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Майкоп: Магарин О.Г., 2012. С. 275–277.
7. *Серединова Е.* Лояльность — это миф? // Лояльность персонала: альманах / под ред. И. Ленского. М.: Имидж-Медиа, 2009. С. 54–59.
8. *Скрипунова Е.* Лояльность персонала — что это такое. Шкала лояльности. Оценка и формирование лояльности персонала // Там же. С. 68–74.
9. *Харский К.В.* Благонадежность и лояльность персонала. СПб.: Питер, 2003. 496 с.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS AN LOYALTY OF THE STAFF OF ORGANIZATIONS ANALYSIS

Tatyana V. Pozdnyakova

Biysk Technological Institute (branch) of Altai State Technical University named after I. Polzunov; 27, Trofimov str., Biysk, Altai Krai, 659305, Russia

The results of the analysis of the most common approaches to the concept of «loyalty to the organization's personnel», are key factors in the diagnosis and assessment of loyalty, presents the author's position on the destructive aspects of staff loyalty. Author suggests that there are different kinds of stuff loyalty in organization. These kind of loyalty influence on the level of satisfaction in organization.

Key words: loyalty; staff; analysis of scientific approaches; destructive manifestations of loyalty.

УДК 316.7

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА: РИСКИ И РЕСУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

А.Г. Филипова

Упорядочение культурно-информационного пространства детства рассматривается как сопутствующий фактор социальной защиты. Анализируются три способа организации детского культурного пространства: выделение участков детства в пространстве для взрослых, созданном государством или частными компаниями, и создание пространства для детей. Исследуются риски и ресурсы культурно-информационного пространства. Риски подразделяются на деятельностные (управленческие, организационные) и содержательные (социально-психологические риски). Ресурсы представлены с позиции возрастной стратификации детства. Выделены два пути защиты детей в медиасреде — изоляция от рисков и медиаобразование.

Ключевые слова: социальная защита детства; риски; ресурсы; культурно-информационное пространство; телевидение; радио; периодические издания; Интернет.

Культурно-информационное пространство детства — это та среда, в которую погружено детство в своей повседневности. Она не имеет непосредственного отношения к социальной защите детей, но оказывает сопутствующее влияние на практики защиты, реализуемые семьей и институциями. Это влияние может быть позитивным, дающим дополнительные ресурсы детству, нейтральным, не оказывающим заметного влияния, а также негативным, производящим дополнительные риски детства.

Анализ организации детского культурного пространства на радио, телевидении, в печатной продукции, Интернете и учреждениях культурно-досугового типа, а также детской промышленности позволяет выделить три способа его организации.

Первый способ связан с выделением участков детства в пространстве для взрослых. Этот способ, как правило, поддерживается государством и выражается в финансировании государственных теле- и радиоканалов, создании государственных предприятий по выпуску товаров для детей. На государственном финансировании находятся учреждения культуры — библиотеки, музеи, театры. В их выделяются зоны детства в виде отделений детских библиотек, театров юных зрителей, кружков художественного творчества и пр. Отечественный исследователь телевидения А.В. Шариков отмечает стабильно малую долю детско-юношеских передач на государственных каналах, «консервацию степени социальной безответственности на уже существующих государственных каналах» [15].

Второй путь аналогичен по своему содержанию первому, но финансируется это уже не за счет государства, а за счет частных компаний. Наблюдается возрастание доли детско-юношеского телевизионного вещания на частных каналах. Однако минусом такого частного производства является выпадение из сферы государственного контроля и влияния, социальная безответственность и коммерческая ориентация владельцев частных предприятий.

Группа детско-юношеских передач, представленных на частных каналах, подвергается общественной критике. Скандально известные передачи «За стеклом» (ТВ-6), «Окна» (ТНТ), мультсериал «Симпсоны» и «Гриффины» (Рен-ТВ) являют собой концентрацию «зол отечественного телевидения», — замечает А.В. Шариков [15]. Они продуцируют дурные образцы поведения, исковерканный русский язык, большое количество

* Выполнено в рамках госзадания Минобрнауки РФ, НИР № 6.8003.2013 (Г – 107/13) «Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения».

Филипова Александра Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы; Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет; 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; Alexgen77@list.ru.

рекламы, эротические сцены, насилие, «иностранщину».

Однако частное производство — это наиболее активный путь продвижения индустрии детских товаров. К примеру, в каталоге российских производителей игрушек за 2010 г. представлены более 50 коммерческих фирм-производителей. Некоторые из них конструируют и продвигают на российский рынок отечественные бренды: ООО «Звезда» — ведущий производитель сборных моделей и настольных игр, ООО «Мир детства», ориентированное на раннее детство, предлагает развивающие пазлы и картинки. Под брендом «Смешарики» выпускается широкий спектр продукции для детей: мультсериалы на DVD, компьютерные игры, аудиодиски, книги и раскраски, настольные игры и пазлы, мягкие игрушки, наборы для творчества и конструкторы и др.

Третий путь — создание отдельного культурного пространства для детей, своего рода «культурного заповедника». Этот путь наиболее затратен, поэтому производители стремятся компенсировать свои расходы за счет потребителей. На телевидении появились специальные платные детские каналы — «Бибигон», «Карусель», «Улыбка ребенка» и пр. В интернет-пространстве формируются детские социальные сети, ориентированные главным образом на детей дошкольного и младшего школьного возраста (ребенок может порисовать, поиграть в разные игры, в т.ч. развивающие, почитать рассказы, стихи, найти разную познавательную информацию о мире природы, искусства, науки и техники). Развивается сеть рекреационно-досуговых частных учреждений — кинотеатров, детских кафе, детских аттракционов, развлекательных центров, клубов и дискотек.

Риски культурного пространства детства мы будем рассматривать в их делении на *деятельностные и содержательные*. Деятельностные риски связаны с организацией, управлением и функционированием культурного поля, определением границ детского культурного поля, эффективностью работы «пограничных» механизмов. Содержательные риски определяются контентом детской культурной среды, его социализирующими возможностями, воздействием на «качество» детства (здоровье, образование, духовно-нравственные регуляторы поведения).

Начнем с внешних (деятельностных), поскольку они задают структуру культурного пространства детства.

Российский информационно-культурный рынок формируется в значительной степени под влиянием зарубежных брендов. В результате создается другая информационно-культурная среда для современного детства, не такая, как у предшествующих поколений. Это вызывает состояние «культурного шока», утрату детством функции транслятора традиционных ценностей. «Эфир все больше заполняется сильно действующими элементами — происходит “агрессивизация”, “эротизация”, “катастрофизация”, что только усиливает напряжение в аудитории. В условиях конкурентной борьбы на информационном рынке эти сильнодействующие приемы вынуждены использовать те каналы, которые не хотят получить низкие рейтинги» [15, с. 15]. Все эти «зрелищные» элементы содержит в большом количестве зарубежная медиапродукция (в особенности американская), под влиянием которой преимущественно происходит формирование нового поколения россиян.

Господство импорта наблюдается и в индустрии товаров для детей. По статистическим данным за 2009 г. в объеме продаж товаров легкой промышленности на долю отечественных производителей приходилось всего лишь 21,4 %, на официальный импорт — 30,7 %, а остальные 47,9 % составляли товары теневого производства или незаконно ввезенные на территорию России, в основном китайского и турецкого производства [11]. В 2010 г. картина импорта детских товаров поменялась несущественно: доля детских товаров из стран Азии составила 2,08 %, из Китая — 52 %, из стран Европы — около 11 %, из Украины — 1,29 %, из США — 0,05 %, из Египта — 0,02 % [10].

К *управленческим* рискам относится организация контроля в сфере материальной и нематериальной детской культуры. А.В. Цицулина обращает внимание на отсутствие межведомственного органа, координирующего индустрию детских товаров: «Дело в том, что производство детских товаров и в том числе игрушек — это многоплановый и многопрофильный процесс. Нельзя четко сформулировать, к какой отрасли промышленности оно относится, поскольку на сегодняшний день производство мягких игрушек — это легкая промышленность, а производство компьютерных игр — это уже совершенно другая отрасль. Должен быть межведомственный орган, который будет отвечать за всю индустрию детских товаров. Если он появится, появится и программа по господдержке, что приведет к получению синергети-

ческого эффекта: от масштабного производства экономически выгодных и безопасных для здоровья детей товаров, импортозамещения, повышения экспортного потенциала страны до обеспечения нового качества жизни детей» [7].

К *организационным рискам* информационно-культурного пространства детства относятся трудности с финансированием учреждений культуры и организацией детского досуга. Проблема финансирования учреждений культуры, СМИ толкает их к поиску дополнительных источников, по существу — средств выживания.

Ярким примером применения стратегии выживания служат российские библиотеки, как школьные, находящиеся в ведении Министерства образования и науки, так и городские, сельские, районные библиотеки, относящиеся по ведомственной принадлежности к Министерству культуры и массовых коммуникаций. И тех, и других финансовые проблемы вынуждают идти на превентивные меры: в первом случае средства экономятся на обновлении книжных фондов, во втором — на укрупнении библиотек, присоединении детских библиотек ко взрослым и т.д.

Российская статистика констатирует значительное сокращение печатной продукции для детей и юношества (книг и брошюр). По данным Российской книжной палаты увеличение количества наименований продукции сопровождается резким сокращением тиражей. Так, если в 1991 г. количество наименований книг и брошюр для детей и юношества составило 1610 при тираже в 365,1 млн. экземпляров, в 1998 г. — 2560 наименований, тираж — 54,3 млн. экз., в 2004 г. наименований — 6002, тираж — 105,7 млн. экз. [14], в 2008 г. наименований — 11296, тираж — 150 млн. экз. [3, с. 68]. Сокращение тиража детской литературы сопровождается ростом цен на продукцию и конкурентным вытеснением с рынка книжной продукции недорогой литературы.

Проблемы недофинансирования государство пытается решить с помощью механизмов государственно-частного партнерства. В частности, ФЦП «Культура России» ориентирует на развитие меценатства и благотворительности в сфере культуры; развитие рынка культурных ценностей, совместное участие государства и бизнеса в развитии этого рынка, а также в экономически эффективных проектах в сфере культуры [13]. Действительно, можно заметить существенное продвижение негосударственного сектора в области производства медиапродукции. Тенденция объединения государственного и частного капиталов, совмещения различных каналов коммуникации приводит к образованию медиахолдингов. Медиамонополисты задают не только общую информационную линию собственных СМИ, но и влияют на информационную политику в целом, а также завоевывают свой сегмент на медиарынке (детство, юношество, люди среднего возраста, пожилые люди).

Содержательные риски пространства материальной и нематериальной культуры детства можно интерпретировать как вторжение в приватное пространство детства, «скрытую колонизацию внутреннего мира детей». Детство в силу психической и социальной незрелости не может еще противостоять подавляющему влиянию СМИ, оно не выработало пока навыки противостояния манипулятивному воздействию рекламы и поэтому оказывается незащищенным поглотителем продукции массмедиа. Многие исследователи массмедиа определяют детей как «всеядных потребителей».

Содержание современных массмедиа задается спонсорами, которые перенасыщают информационное пространство рекламой, задают векторы движения, фокусы освещения событий, «опускают» важные социальные проблемы.

СМИ продвигают ценности общества потребления, стирая при этом государственные и региональные границы. Глобальная индустрия массовой культуры конструирует своего потребителя через единую культурную матрицу, социально-психологические механизмы (заражение, внушение, убеждение, подражание). «Глобальным подростком», «атомизированной особью потенциального гражданина мира» называет В.П. Чудинова Гарри Поттера.

Отечественный психолог В.В. Абраменкова вводит понятие антиигрушки, подразумевая при этом не ее технические характеристики, а ее антиценностную направленность [1, с. 141–153]. К медицинским, экологическим, эстетическим, психоэмоциональным, педагогическим критериям исследователь добавляет критерий духовно-нравственного смысла игрушки для ребенка.

Российской зрелищной индустрии нечего противопоставить зарубежной интервенции. Производство кинофильмов, мультипликационных фильмов находится сегодня на очень низком уровне. Американские мультфильмы забивают наши своим количеством, стоит только взглянуть на сетку телевещания. О.П. Березкина сравнивает

советские мультфильмы и кинофильмы с современной продукцией в основном зарубежного производства. Советские мультфильмы и художественные фильмы для детей и юношества оцениваются исследователем с позиции выполнения социальных функций — «учили любви, дружбе, взаимопониманию, взаимовыручке». В противовес этому американские мультфильмы «перекодируют образы матери, девочки, девушки», «формируют устойчиво брезгливое, агрессивное и презрительное чувство к формированию семьи и продолжению рода» [2, с. 111–113].

Другая зрелищная продукция — продукция детских театров также производит удручающее впечатление. В. Дитриевский говорит об «инфантилизации репертуара» как одной из множества проблем театров для детей. В современном детском театре, по мнению исследователя, преобладают «сказки, наивные приключенческие истории с кукольно-фантастическими персонажами, решаемые непритязательными традиционными водевильно-комедийными и чаще всего заштампованными приемами, почти полное отсутствие современных пьес для детей и подростков, посвященных актуальной проблематике школьной, семейной, общественной, социальной, профессиональной жизни». В репертуаре драматических театров для детей доля постановок для младших школьников и дошкольников в 2000 г. составила 88,2 %, для подростков — 8,3 %, для юношества — 3,3 % [5]. Многие театры дистанцировались от работы с детьми, они предпочитают работать для взрослых, а детство остается лишь вывеской.

Так как основной ресурс культурно-информационного пространства детства — это информация, то все содержательные риски связаны с разными ее характеристиками, а именно *недостоверностью, некачественностью, причиняемым ущербом*. По существу эти риски могут быть сведены к одному — *нарушению информационной безопасности*.

Для анализа содержательных рисков детства был организован контент-анализ взрослых и детских СМИ, задачей которого стало изучение представленности информационной продукции для детей, ее направленности, способов организации, вписанности во взрослое информационное пространство.

Эмпирические данные собирались по разным каналам передачи информации (аудиальному, аудоивизуальному, печатному и электронному) и обрабатывались в течение сентября–октября 2011 г. В фокусе исследовательского внимания программы передач (телевизионных и радиотрансляционных), журналы и газеты для детей и родителей и интернет-ресурсы для детей (детские социальные сети, мобильный детский интернет и пр.).

Телевидение

Телевидение постепенно вытесняется новыми коммуникативными технологиями, в частности Интернетом, однако, несмотря ни на что, оно остается мощным каналом информационного воздействия на детей и молодежь.

Структура телевизионных предпочтений подростков включает юмористические передачи (53 % опрошенных), музыкальные программы (45 %), передачи о спорте, путешествиях, природе, животных, образовательные программы [14, с. 152]. Если первые два элемента структуры телевизионного потребления заданы массовой культурой и интериоризированы современными детьми, то последний элемент определяется их индивидуальными предпочтениями.

В качестве объекта изучения отобраны шесть телевизионных каналов по двум критериям — рейтингу и представленности детских передач. Это ОРТ, РТР, «Культура», СТС, ТНТ и ТВЦ, из них три — государственных, два — частных и один — частный с участием государства. Мы анализировали объем детского времени на этих каналах, время выхода в эфир (утро, день, вечер), а также само содержание для выявления целевой детской аудитории (по возрасту, предпочтениям) и обоснования функций телевидения (познавательная, развлекательная, интегративная и пр.).

Контент-анализ продукции, выпущенной на этих каналах в течение месяца, выявил стабильность телевизионного наполнения, стандартный набор передач для взрослых и детей.

Ведущая функция телевизионных передач и фильмов для детей и юношества — рекреационно-развлекательная. Примерно половину эфирного времени занимают фильмы, сериалы, мыльные оперы. В отечественную практику входят ситкомы (ситуационные комедии). Другая половина охватывает разного типа шоу (молодежное шоу «Золушка. Перезагрузка» о том, как молодые девушки из золушек с помощью стилистов, визажистов, модельеров легко превращаются в принцесс; скандально известное шоу «Дом-2» и др.).

Стиль развлекательных передач можно обозначить как «глобальный перфоманс» (в трактовке И.И. Докучаева), как то, что «позволяет соз-

дать новую реальность, свободную от ограничений подлинного бытия, <…> позволяет участвовать в ней и вместе с тем быть свободной от нее» [6]. К психологическим эффектам глобального перфоманса исследователь относит «эффект любого зрелища какого-либо необычного явления в действительности, от негативных последствий которого зритель полностью защищен», «эффект присутствия», «эффект безответственного соучастия». Соответственно, шоу и сериалы, транслируемые отечественным телевидением, с одной стороны, стирают границы приватного, а с другой, становятся чем-то вроде телевизионного «наркотика», к которому вследствие его многократного повторения привыкает зритель. Также нужно заметить, что перфоманс не предполагает сложных мыслительных действий, в его основе аффективное сиюминутное воздействие, вызывающее эмоциональные реакции (гнев, радость, тоску, страх), иногда эмоциональные взрывы (аффект). Однако особенность таких воздействий заключается в их непродолжительности.

В отечественном телевидении слабо выражена познавательно-образовательная функция, в основном в виде единичных проектов, таких, например, как проект «Academia» канала «Культура» (ученые обращаются к широкой аудитории с целью привлечения внимания к отечественной науке и расширению круга людей, заинтересованных в знаниях; формат передачи — лекция по одной из фундаментальных наук), проект «Энциклопедия» на ТВЦ (научно-популярные короткометражные видеофильмы о знаменитых личностях, всемирно известных произведениях, переломных моментах в истории, великих открытиях, драматических событиях), «Умники и умницы» на ОРТ. Для младших возрастных групп — это «Волшебное Диноутро» на СТС (познавательная детская программа), «Самый умный» на СТС (телевизионная интеллектуальная игра), «АБВГДейка» на ТВЦ.

На отечественном телевидении, не особенно лояльном к детской телеаудитории, внимание в основном адресовано двум целевым группам — дошкольникам и юношеству. Причем для дошкольников, как показал контент-анализ, медиасреда запускает бесконечные мультипликационные сериалы (по аналогии с телевизионными сериалами для взрослой публики) преимущественно импортного производства. А для юношества — ситкомы, шоу, инфотейнменты.

Что касается времени выхода передач для детей, то наиболее удобный вариант представлен на СТС, ТНТ и «Культуре» — это послеобеденное время, когда дети возвращаются из школы и им нужно немного отдохнуть после занятий. В вечернее время передачи для детей не транслирует ни один из рассмотренных телеканалов, вечернее время — это время для взрослых или для семейного просмотра. В выходные дни время для детей в телевизионном пространстве сдвигается на раннее утро и на некоторых каналах продлевается до обеда (СТС, ТНТ). Так, передача «Умники и умницы» на ОРТ выходит по субботам с 9.00 до 9.45, «АБВГДейка» на ТВЦ — по субботам с 7.40 до 8.05. В воскресенье трансляции программ для детей на всех каналах продлевается в среднем на 20–40 минут. Единственный не представленный в воскресное время для детской аудитории канал «Россия» не транслирует даже традиционную передачу «Спокойной ночи, малыши».

Наименее представлена ориентация на телезрителей-детей на двух центральных канала — ОРТ и РТВ. Хотя данные 2003 г. демонстрируют другую картину. При принятии общего объема детско-юношеского вещания за 100 %, наибольшая его доля приходилась на канал ТВЦ (38,3 %), далее шли «Первый канал» (27,9 %), СТС (13,6 %), Россия (9,1 %) и канал «Культура» (6,4 %) [16, с. 70]. Данные за один произвольно выбранный день (см. табл. 1) демонстрируют следующую картину детского эфирного времени: 0,9 % (РТР); 30,4 % (ТНТ); 38,2 % (СТС); 11,8 (Культура), 3,4 % (ТВЦ). Однако наличие детско-юношеских передач еще не означает их доступность для детской аудитории, так как не все каналы транслируются по всей территории России. Лишь два канала охватывают практически всю территорию России — ОРТ и РТВ, причем как в городской среде, так и в сельской местности.

Постепенное вытеснение детства из телевизионного пространства взрослых иллюстрирует тот факт, что передача «Спокойной ночи, малыши» перешла с ОРТ на РТВ и стала на треть короче, а передача «Умники и умницы» вдвое сократилась по сравнению с ее продолжительностью несколько лет назад [14, с. 80]. Итак, детство из взрослых государственных каналов вытесняется во взрослые негосударственные (СТС, ТНТ) и детские частные каналы. По состоянию на декабрь 2010 г. насчитывалось 17 неэфирных детских каналов [9].

Таблица 1. Детский телеэфир за 20 октября 2011 г.

Критерии сравнения	*Телевизионный канал*					
	ОРТ	*РТР*	*ТНТ*	*СТС*	*«Культура»*	*ТВЦ*
Время эфира	ничего нет	20.50–21.00	7.00–8.30; 10.40–14.00	7.00–8.00; 13.00–18.30	15.50–17.05; 21.15–22.00	9.20–9.45; 17.20–17.30
Общая продолжительность	–	10 мин.	5 ч. 10 мин.	6 ч. 30 мин.	2 ч.	35 мин.
Тип	–	передача «Спокойной ночи, малыши»	мультсериалы	мультсериалы, развлекательные передачи, молодежный сериал, инфотейнмент	мультфильмы, художественные фильмы, документальные познавательные фильмы, образовательный проект «Академия»	мультфильм, научно-популярный фильм
Целевая аудитория	–	дошкольники	дошкольники, мл. школьники	все возрасты, семейный просмотр	все возрасты	дошкольники, школьники

Радио

Согласно данным КОМКОН примерно треть дошкольников регулярно слушают радио, к 13–15 годам доля радиослушателей увеличивается до 80 % [8]. Молодежь слушает музыку на каналах «Ультра», «Динамит FM», «Европа плюс», «Русское радио», «Love радио» и др.

Для анализа мы взяли государственный канал «Радио России» и тот же день — 20 октября 2011 г. В табл. 2 представлены полученные данные, категории анализа выделены аналогично телевизионным — время эфира, общая длительность детского радиовещания, тип передач, целевые аудитории.

Таблица 2. Детское радиовещание (канал «Радио России»), 2011 г.

Критерий	*20 октября (четверг)*	*30 октября (воскресенье)*
Время эфира	13.10–14.40, 16.30–17.00, 18.30–19.00, 21.25–21.30	8.30–9.00, 9.10–9.30, 10.30–11.00, 18.10–18.30
Общая продолжительность	2 ч. 35 мин.	1 ч. 40 мин.
Типы передач	радиопостановка, образовательная передача, развлекательная передача	радиоспектакль, литературно-познавательная программа, познавательная программа о животных
Целевая аудитория	все группы детей, но в большей степени школьники	все группы детей, но в большей степени школьники

На «Радио России» существуют постоянные рубрики: «Читальный зал» (рассказ о книгах, писателях и читателях), «Как это по-русски?» (передача о правильной речи), «Звездные сказки» (известные политики, журналисты, чиновники читают сказки детям). Также в 2004 г. на «Радио России» запущен социальный проект «Детский вопрос», который направлен на семейное устройство детей — воспитанников интернатных учреждений.

Передачи на радио выходят в удобное для детей время, носят познавательно-образовательный характер. В создании передач иногда участвуют дети (в качестве соведущих), например в передаче «Малая Садовая» («Радио России», Санкт-

Петербург). Детские передачи не прерываются рекламой.

Периодические издания

Печатная продукция СМИ входит в круг потребления современного ребенка. Причем потребляет он, как выяснили исследователи, журналов намного больше, чем взрослый человек. Однако В.П. Чудинова замечает, что уходит та часть подросткового чтения, которая была «для души». Модель чтения школьника все больше сближается с моделью чтения взрослого человека, в области мотивов потребления печатной продукции на первое место выходят два — развлечение и поиск информации [14, с. 73].

Можно обозначить три группы журналов, находящихся в орбите подростковых интересов: (1) молодежные развлекательные журналы («Cool», «Лиза», «Все звезды», «Yes», «Bravo»); (2) журналы, связанные с телевидением («ТВ-парк», «7 дней», «Metro TV»); (3) компьютерные журналы, в основном интересуют мальчиков («Game.exe», «Игромания», «Хакер»).

Секрет популярности двух первых групп изданий в их доступности, они поступают в свободную продажу через сеть газетно-журнальных киосков.

Основной источник получения периодики — покупка (46 % покупают газеты и 56 % журналы), выписывают газеты и журналы соответственно 14 и 8 %, еще 16 и 19 % берут газеты и журналы у друзей и знакомых. В библиотеках журналы берут лишь 14 %, а газеты — 9 % подростков.

Данные о детских и молодежных журналах и газетах, размещенные на сайте «Почта России» (для оформления подписки), позволяют обозначить характерные черты детско-юношеской периодики. Поиск журналов осуществлялся по предметной рубрике «Детские и молодежные издания», однако в выборку попали также журналы рубрики «Семья, дом, досуг, быт» (24 издания, в т.ч. 2 газеты), «Для женщины» (4 журнала и 2 газеты), «Детские и молодежные издания» (34 журнала, 1 газета), «Мода, стиль, дизайн» (2 журнала), «Просвещение, образование, педагогика» (16 журналов, 1 газета), «Научно-популярные издания» (5 журналов), «Литературно-художественные издания» (7 журналов), «Юмор, сатира» (1 журнал), «Издания универсального содержания» (1 журнал, 1 газета), «Издания на иностранных языках» (1 журнал), «Искусство, культура, эстетика» (3 журнала), «Детектив, фантастика, приключения, мистика» (1 журнал), «Искусство, общество, политика» (1 журнал), «Религия, философия, социология, психология» (1 журнал).

Всего были проанализированы выходные данные и аннотации к 99 журналам и 7 газетам для детей и юношества.

Целевая аудитория детских и молодежных журналов редко представлена одной возрастной группой, чаще журналы адресованы комбинациям групп, например, мамам и детям раннего возраста; родителям и дошкольникам; дошкольникам и младшим школьникам; младшим школьникам и подросткам; подросткам и юношеству; подросткам и родителям, а также специалистам (учителям, врачам). То есть выделяются детско-юношеские возрастные группы, граничащие друг с другом, а также привлекаются специфические группы взрослых, находящихся в состоянии постоянного взаимодействия с детьми, в первую очередь родители и специалисты.

Анализ аннотаций к журналам позволяет выявить закономерности репрезентации разных возрастных групп детей через подбор материалов для них, оформление этих материалов.

Дошкольники — представлены как веселые, увлекающиеся наклейками, раскрасками, мультфильмами, игрушками, сказками. Из аннотаций: «*Веселые рассказы, загадки, игры, поделки, полезные советы*». «*Журнал сказок — уникальное средство для общения детей и родителей*». Названия журналов сообщают, с одной стороны, об уникальных способностях и талантах детей («Умняша», «Умейка», «Чудо-чадо», «ПониМашка»), а с другой, о веселости и беззаботности поры раннего детства — «Веселые картинки», «Веселые уроки». Дошкольный возраст — это также период подготовки к школе, поэтому многие журналы включают упражнения по развитию мелкой моторики, внимания, мышления, речи и воображения.

Младшие школьники представлены как познающий, активный, творческий народ. В названиях журналов для младших школьников доминируют волшебство («Феи», «Принцесса», «W.I.T.C.H. Чародейки», «Гормиты»), учеба и дополнительные занятия — «Школьник», «Юный техник», «Юный художник», «Юный эрудит», «Юный путешественник».

Подростки предстают как нечто яркое, блестящее, раскованное и стремительно взрослеющее. Для них самое важное — музыка, стиль, компьютер, компьютерные игры. Из аннотаций: «*блестящий журнал для стильных девушек*», «*все самое горячее из жизни твоих любимых звезд*», «*ответы на вопросы, которые ты не можешь*

задать друзьям и родителям». Примерами журналов для этой возрастной группы являются «Все звезды», «Прикольный журнал для классных девчонок и парней», «Bravo», «Yes», «Oops», «Elle».

Портрет юношества нарисовать значительно сложнее, поскольку для них не создано каких-то специфических журналов. Они, с одной стороны, тесно связаны с отрочеством, а с другой, уже активно входят во взрослый мир. На страницах журналов, представленных в нашей выборке («Наша молодежь», «Нарконет»), обсуждают вопросы, связанные с самоопределением (кем быть? как зарабатывать?), отношениями с противоположным полом (где познакомиться? а если это любовь?), получением образования, профилактикой зависимостей и др.

Детская печатная продукция развивается по западным образцам (та же ситуация, что и с художественными фильмами, мультфильмами, сценариями передач). Делаются слабые попытки продвигать свои бренды, некоторые из них остались с советских времен — «Ровесник», «Пионер», «Пионерская правда».

При группировании журналов по возрастным категориям детей и юношества выявлено преобладание журналов, ориентированных на детей дошкольного и младшего школьного возраста над подростковыми журналами. Также обращает на себя внимание их разная направленность. Для дошкольников — это развитие, подготовка к школе, веселое времяпрепровождение, для младших школьников — учеба, развитие творческих, технических и других способностей, для подростков — компьютерные увлечения (игры) и новости шоу-бизнеса, описание жизни звезд.

Детские сайты

Создание детских сайтов, детских социальных сетей отчасти решает проблему безопасного контента. Анализ мер поддержания безопасности разных детских социальных сетей («Твиди», «Мир Бибигона», «Смешарики» и др.) показал, что модераторы детских сайтов устанавливают особую процедуру регистрации, строже и ответственнее контролируют контент, размещаемый в детских сетях, вводят запрет на размещение личных данных, на некоторых сайтах установлен контроль сообщений, направляемых ребенку. Контроль содержания информации может осуществлять не только модератор, но и сам родитель посредством родительского аккаунта (через отслеживание посещаемых ребенком сайтов, контроль времени нахождения ребенка в Сети, ограничение доступа или запрет доступа к отдельным сайтам и пр.).

Изучение материалов, размещаемых в детских социальных сетях, позволило выявить примерно одинаковый набор предлагаемых ребенку занятий — общение, развлечения, образование и получение информации. «Фишками» социальных сетей становятся заполнение школьных альбомов (коллекции фотографий), ведение электронных дневников (обратная связь учитель – родитель), создание собственных сайтов (с помощью предлагаемых инструментов), сетевые игры и пр.

Комплект «Мобильный детский интернет», о котором уже шла речь ранее, включает вкладки «Образование» (114 ссылок), «Социальные детские сети» (11 ссылок), «Культура» (139 ссылок), «Новости» (8), «Развлечения» (149), «Спорт» (55), т.е. по существу воспроизводит структуру детских социальных сетей — общение, развлечения, образование [4].

Среди ссылок мобильного детского Интернета содержатся ссылки на сайты организаций, защищающих права детей, — городской центр профилактики безнадзорности, общероссийский союз «Гражданское общество — детям России», уполномоченного по делам ребенка, фонд поддержки детей, ЮНИСЕФ и др.

Однако эти детские сети востребованы среди младших школьников и дошкольников, у подростков популярностью пользуются взрослые социальные сети — Вконтакте, Facebook и др.

Таким образом, мы можем констатировать возрастание количества информационно-коммуникационных каналов в культурном пространстве детства, однако это не влечет за собой вариативность содержания. Погоня за рейтингами задает массмедиа, форматы презентации информации и развлечений — ток-шоу, реалити-шоу, сериалы и мыльные оперы, ситкомы, инфотейнменты и пр. Для подростков и молодежи главным каналом получения информации становится Интернет, а главным развлечением из сферы массмедиа — компьютерные игры.

Общие тенденции, характерные для всех трех групп информационных сегментов детства (государственного взрослого, негосударственного взрослого и частного детского), — смещение функций СМИ с информирования на рекреацию и развлечение, увеличение объема рекламы, доминирование продукции зарубежного производителя. Последняя тенденция создает риски в отношении физического (китайская детская продукция) и психического (американские низкопробные мультфильмы и сериалы) здоровья детей.

Главными критериями оценки культурно-информационного пространства детства выступают *доступность, качество и профилактический характер*.

Доступность связана с распространением медиасреды, которая пока сосредоточена в западной части России. Это вызвано как технологическим отставанием регионов, так и монопольным положением региональных провайдеров. Сложная ситуация в регионах складывается с положением учреждений культуры — происходит массовое закрытие детско-юношеских библиотек, сокращается количество культурно-досуговых зон для детей или ухудшается их состояние. В особенно тяжелом состоянии оказались учреждения культуры в сельской местности. Ухудшение финансового положения учреждений культурно-досугового типа сказывается на качестве услуг — замедляются процессы обновления фондов, не остается средств на внедрение инноваций и пр. Выпуск отечественной продукции для детей находится на очень низком уровне и не выдерживает конкуренции с зарубежными производителями.

Другой важный критерий — *качество*. Массовые обсуждения на интернет-форумах, на страницах газет и журналов качества продукции для детей, выпускаемой как средствами массовой информации, так и детской промышленностью, сводятся к проведению ее экспертизы и, соответственно, разработке критериев и механизмов проведения проверки качества. С сентября 2012 г. вступил в действие закон «О защите детей от информационной продукции, причиняющей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию».

Еще один критерий оценки состояния культурного пространства детства — *превенция социальных девиаций* может интерпретироваться двояко: как организация свободного времени ребенка, так и выработка социальных норм поведения. С этим критерием в отечественной детской индустрии не все гладко. Его пытаются выдерживать государственные информационные каналы, государственные учреждения, но он практически полностью вымыт из сферы бизнеса, более того, часто подменяется противоположными нормами и моделями поведения.

Проблема информационной безопасности пространства детства заключается в отсутствии реально действующих механизмов социального контроля. Его нет как со стороны органов государственной власти, так и со стороны общественности. Но в первом случае это связано с недостаточным правовым регулированием, а во втором — с отсутствием обратной связи с потребителем. Хотя вроде бы есть правовые нормы, регламентирующие содержание массмедиа.

Государственное регулирование в информационном пространстве детства базируется на двух принципах: (1) информация должна соответствовать возрасту ребенка; (2) должен производиться отбор информации (в соответствии с целями патриотического, духовно-нравственного воспитания детей, воспитания привычки к здоровому образу жизни и пр.).

Ресурсы культурно-информационного пространства, как показал контент-анализ, преимущественно ориентированы на детей дошкольного и младшего школьного возраста. Преобладающей функцией СМИ является рекреационно-развлекательная. В современном обществе можно констатировать включение культурного пространства детства во взрослое пространство, гибкость, почти невидимость границ между ними. Эта ситуация актуализирует проблему защиты ребенка от негативного контента.

Как показывает наше исследование, родители чаще всего идут путем изоляции ребенка, ограничения его доступа к вредной информации. Это может быть установка детского интерфейса на компьютер, выбор детского тарифа для мобильного телефона, использование специального детского поисковика, фильтрующего негативный контент. Однако формы родительского контроля чаще всего носят поверхностный, ситуативный характер и перестают действовать, когда родителей нет дома. Сложно контролируемым оказывается интернет-пространство, в котором виртуальные опасности распространяются с виртуальной скоростью.

В связи с этим предпочтителен другой путь защиты ребенка от вредной и опасной информации — информационное просвещение детей, выработка навыков противостояния информационному манипулированию, развитие критичности мышления. О необходимости медиаобразования российских школьников говорят отечественные исследователи Т.Е. Савицкая, А.В. Федоров, В.С. Собкин, М.В. Хлебникова, А.М. Грачева и др. [12].

Информационное просвещение (медиаобразование) может осуществляться в разных форматах — подготовка детей к восприятию различной информации, обучение ее пониманию и отбору, осознание последствий воздействия на психику, распознавание манипулятивных механизмов. В медиапросвещении нуждаются не только дети, но и их родители, а также учителя.

Список литературы

1. *Абраменкова В.В.* Социальная психология детства: учеб. пособие. М.: ПЕР СЭ, 2008. 432 с.
2. *Березкина О.П.* Социально-психологическое воздействие СМИ: учеб. пособие. М.: Академия, 2009. 240 с.
3. *Дети* в России. 2009: стат.сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. 121 с.
4. *Детский* интернет. URL: http://skylink.ru/pages/article.aspx?id=48710&r=77 (дата обращения: 20.10.2011).
5. *Дмитриевский В.* Детский театр — время испытаний // Дети и культура / отв. ред. Б.Ю. Сорочкин. М.: КомКнига, 2007. С. 98–113.
6. *Докучаев И.И.* Глобальный перформанс: Контуры культуры XXI века // Вопросы культурологии. 2011. № 12. С. 4–10.
7. *Зайцев С.* У российских игрушек появился собственный «знак качества». URL: http://www.aif.ru/money/article/41912 (дата обращения: 10.10.2011).
8. *Залесский П.* Телевизор — лучший друг // Известия. 2003. 2 июня. С. 14. URL: www/izvestia.ru/media/article34471 (дата обращения: 10.10.2011).
9. *Отраслевой* доклад «Телевидение в России. Состояние, тенденции и перспективы развития». М., 2011. URL: http://www.fapmc.ru/magnoliaPublic/dms-static/86ddd2b5-fc49-4db5-ba59-93c13f05e218.pdf (дата обращения: 20.10.2011).
10. *Проблемы* детпрома. В Госдуме обсудили ситуацию в отечественной «игрушечной» промышленности. URL: http://www.upakovano.ru/articles/3597 (дата обращения: 20.10.2011).
11. *Рекомендации* «круглого стола» на тему «Совершенствование законодательства по поддержке отечественных производителей детской игровой продукции и иных товаров для детей» (утверждены решением Комитета по вопросам семьи, женщин и детей ГД РФ от 30.06.2009. № 3.6–12/55). URL: www.familycommittee.ru/recomendacii_005.html (дата обращения: 15.01.2012).
12. *Собкин В.С.*, Хлебникова М.В., Грачева А.М. Насилие и эротика на российском экране: опыт контент-анализа телевизионных трансляций // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. Т. V, вып. VII. / под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2000. 462 с.
13. *Федеральная* целевая программа «Культура России». URL: http://fcpkultura.ru (дата обращения: 10.11.2011).
14. *Чудинова В.П.* Детское чтение. Негативные последствия развития медиасреды // Дети и культура / отв. ред. Б.Ю. Сорочкин. М.: КомКнига, 2007. С. 131–164.
15. *Шариков А.В.* Российское телевидение и проблема социальной ответственности СМИ. URL: http://edu.of.ru/attach/17/22433.pdf (дата обращения: 15.01.2012).
16. *Шариков А.В.*, Чудинова В.П. Детское телевидение. Взгляд социолога // Дети и культура / отв. ред. Б.Ю. Сорочкин. М.: КомКнига, 2007. С. 58–85.

CULTURAL-INFORMATIV SPACE OF CHILDHOOD: RISKS AND RESOURSES OF SOCIAL PRONEKTION

Alexandra G. Filipova

Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenin av., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia

Organization of cultural-informative space of childhood is examined as a co-factor of social protection. Three methods of child's cultural space organization are analyzed: a selection of areas of childhood in the space for adults is created by the state or private companies and a creation of space for children. Risks and resources of cultural-informative space are probed. Risks are subdivided into connected with the activity (administrative, organizational) and connected with the content (social-psychological risks). Resources are presented from position of age-dependent stratification of childhood. Two ways of children protection in media space are selected — risk's isolation and media education.

Key words: social protection of the childhood, risks, resources, cultural information space, television, radio, periodicals, Internet.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия «Вестника Пермского университета» (Серия «Философия. Психология. Социология») принимает к публикации научные статьи, содержащие оригинальные авторские идеи и результаты исследований.

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже).

Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Объем статьи до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами). Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Допускаются выделения **полужирным** шрифтом либо *курсивом*, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «…», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «…“…”…».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Не допускается создание рисунка с помощью функции «Рисование». Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81] или [1, с. 81–82]. Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Обязательно указывается: для ***книг*** — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; ***для журнальных статей***, ***сборников трудов*** — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для ***материалов конференций*** — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна иметь название, сопровождаться индексом УДК, а также краткой аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках. К статье прилагается информация об авторе (все позиции на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес (с индексом), телефон, адрес электронной почты. К статье прилагается рецензия научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями.

Материалы необходимо отправлять по адресу fsf-vestnik@yandex.ru

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

INSTRUCTIONS FOR ENGLISH SPEAKING AUTHORS

The Editing Committee of *Perm University Bulletin* (Part *Philosophy. Psychology. Sociology*) is admitting scientific articles for publication containing the author's original ideas and research results.

Microsoft Word (Version 2003 and below) is used for the preparation of articles. Family of author (or first of coauthors) is name of this file.

Article is submitted electronically (RTF format). The volume of article is up to 40000 signs with gaps). Page format — A4, margins — 2cm on each side.

The main body of the text is done by "Normal" style: Font — Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1cm. **Boldface** or *Italics* are allowed. Special symbols can be used in the text (Symbol font). There must be a clear distinction between the letter O and zero 0; 1 (one), I (Roman), l (Latin); hyphen (-) and dash ( ). Centuries are written with Roman figures (XIX century). Recommended quotation marks «…», inside the quotations use «…"…"…».

Headings of the main sections of article are done in one style.

Do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables are accompanied by title like «Table № 1. Name of Table». Words in tables should be written in full. Full stop should not be used at the end of headings and units of table.

Drawings should be placed in the text in the form of inculcated objects. Captions are placed under the drawings as «Fig.1. Name of Figure».

Full stop is not used at the end of headings and captions to drawings.

Formulas are done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and below.

Bibliography references are done in one format with the indication of the pages from the cited source. Numbers of source and pages are given in [1, p. 23]. Page references are not advisable.

Reference sources are placed in the alphabetical order. Please indicate: for ***books —*** surname and initials of author, title, city, publishing house, year of publication, volume, number of pages; for ***journal articles***, ***collections of works*** — surname and initials of author, title of article, full name of journal, part, year, volume, number, issue, pages; for ***conference materials*** — surname and initials of author, title of article, name of issue, date and venue of conference, city, publishing house, year, pages.

At the end of article you can mention the name of the program you were involved in for the implementation of this work, or the name of support foundation.

Your article should be supplemented by a brief annotation (no more than 10 lines) and key words (no more than 10 words) in English and in Russian (if it will be possible).

Your article should have information about author: surname, first name, patronymic name, place of work and position, scientific degree, scientific title, mail address (with postal code), telephone, e-mail address. Postgraduate students should have scientific mentor's reference.

The Editing Board has the right to edit text of article with no change of content, without author's consent. Opinion of the Editing Committee members may discord with opinion of authors of papers.

The author of the manuscript takes personal responsibility for originality of the research and relevance of the presented information. The author takes personal responsibility for intellectual property's objects of copyright, used in the manuscript according to current legislation. The author confirms that the paper has not been published before and will not be published in future. Sending manuscript, the author confirms that he or she has been acquainted with these requirements and agrees with them.

Materials should be sent to: fsf-vestnik@yandex.ru

There is no fee for the publication of manuscript

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2013
Выпуск 4 (16)

Редакторы *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 20.12.2013. Формат 60Х84/8. Усл. печ. л. 23,25.
Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15